

Научно-исследовательская лаборатория
«АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

В. И. Карасик

ЯЗЫКОВЫЕ КЛЮЧИ

Москва
2009

ББК 81.0+81.432.1
К21

Карасик В.И.

К21 Языковые ключи. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.

ISBN 978-5-94244-030-5

В монографии обсуждаются актуальные проблемы лингвокультурологии и теории дискурса. Рассматриваются перспективы развития теории лингвокультурных концептов (этноспецифические, институциональные, архетипические и др. концепты), обосновывается теория лингвокультурных типажей, предлагаются новые направления изучения дискурса — моделирование дискурсивной перформативности, тональности и страгемности.

Адресуется филологам и широкому кругу исследователей, разрабатывающих основы интегральной науки о человеке.

ББК 81.0 + 81.432.1

ISBN 978-5-94244-030-5

© В.И. Карасик, 2009

© ИТДГК «Гнозис», оформление, 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
-----------------------	---

Глава 1 ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ

1.1. Биосоциальная сущность языкового сознания	9
1.2. Определение лингвокультурных концептов	22
1.3. Разновидности лингвокультурных концептов	32
1.3.1. Этноспецифические концепты «вызов» и «здоровый смысл»	32
1.3.2. Институциональные концепты «власть» и «лояльность»	58
1.3.3. Регулятивные концепты «абсурд» и «лень»	64
1.3.4. Контрастивные концепты «подлинность» и «простота»	95
1.3.5. Архетипические концепты «сделка с дьяволом» и «вражеский заговор»	130
1.4. Эволюция и инволюция концептов	142
1.5. Концептуарий культуры как новый тип словаря	150
ВЫВОДЫ	173

Глава 2 ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ТИПАЖИ

2.1. Лингвокультурный типаж как предмет изучения	176
2.2. Лингвокультурный типаж «русский интеллигент»	191
2.3. Лингвокультурный типаж «русский купец»	218
2.4. Лингвокультурный типаж «русский чиновник»	235
2.5. Лингвокультурный типаж «американский супермен»	245
2.6. Лингвокультурный типаж «английский чужак»	251
ВЫВОДЫ	260

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 3 КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

3.1. Постулаты коммуникативной лингвистики	262
3.2. Определение дискурса	269
3.3. Лингвокультурные характеристики дискурса	280
3.4. Перформативные характеристики дискурса	295
3.5. Тональные характеристики дискурса	303
3.6. Разновидности дискурса	325
3.6.1. Поэтический дискурс	325
3.6.2. Пародийный дискурс	332
3.6.3. Стратегический дискурс	341
3.7. Культурогенные тексты	348
ВЫВОДЫ	358
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	361
Л и т е р а т у р а	364

ВВЕДЕНИЕ

Язык приобретает все большую значимость в качестве руководящего начала в научном изучении культуры. В некотором смысле система культурных стереотипов всякой цивилизации упорядочивается с помощью языка, выражающего данную цивилизацию.

Эдвард Сепир

Язык — это один из ключей к культуре общества и внутреннему миру человека. Проблемы изучения языкового сознания и коммуникативного поведения привлекают к себе внимание многих современных лингвистов. Это объясняется потребностями общества оптимизировать общение в меняющемся мире в условиях информационного взрыва, вторжения виртуальной реальности в нашу жизнь, умножения межкультурных контактов, изменения стереотипов восприятия действительности. Это продиктовано тенденциями развития гуманитарных наук, границы между которыми становятся все более размытыми, лингвисты успешно осваивают достижения культурологов, социологов, психологов, а представители смежных с языкознанием областей гуманитарного знания исследуют проблемы, которые ранее относились к ведению науки о языке. Это обусловлено внутренней логикой развития лингвистики, предмет изучения которой — язык — осмысливается в наши дни как обусловленное культурой и переживаемое в индивидуальном сознании знание о мире, проявляющееся в коммуникативной деятельности.

При таком определении нейтрализуется различие между языком и речью в понимании Ф. де Соссюра. Основоположник структурного языкознания противопоставлял систему единиц языка и правил их употребления, с одной стороны, и коммуникативную практику, с другой стороны, справедливо полагая, что вна-

чале нужно охарактеризовать обозримую структуру языка. Соответственно, эволюция науки о языке состоит в движении от имманентной лингвистики к функциональному языкознанию, далее — к прагмалингвистике и затем — когнитивной лингвистике и лингвокультурологии. Это движение не является одномерным, возникли смежные области знания, такие, как социолингвистика, психолингвистика, этнолингвистика и др. Построение семиотических моделей применительно к развивающимся направлениям языкознания предполагает возвращение к принципам структурного анализа языка.

Данная работа является развитием того подхода к языку, который был представлен в моих книгах «Язык социального статуса» [1992; 2002] и «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» [2002; 2004]. Основные положения этого подхода сводятся к следующим тезисам:

1. Человеческое поведение обусловлено ценностями культуры, ситуативными обстоятельствами и личным опытом индивидуума, поэтому коммуникативные поступки и переживаемое знание о мире можно объяснить с учетом этой триады — культура, ситуация, индивидуальное сознание.

2. Характеристики человека, осмысливаемой и переживаемой им действительности и коммуникативных ситуаций бесконечны, но можно выделить типичные обстоятельства и соответствующие им типы концептов — переживаемых фрагментов опыта — и скриптов — фиксируемых единиц коммуникативного поведения, которые можно объективно установить и описать с помощью приемов анализа, разработанных в гуманитарных науках.

3. В рамках той или иной модели описания языкового сознания и коммуникативного поведения можно выделить единицы, специализированно обозначающие и выражающие определенный признак, единицы, в содержании которых этот признак представлен в связанном виде с другими признаками, и единицы, окказионально приобретающие этот признак в особых обстоятельствах.

4. Этнокультурная и социокультурная специфика языкового сознания и коммуникативного поведения предполагают признание универсальных характеристик человека, культуры и общения. Различие между людьми, группами людей и этносами состоит не столько в наличии и отсутствии тех или иных культурно значимых признаков, сколько в их сравнительной яркости и специфической комбинаторике с другими признаками.

5. Различные характеристики языковой личности, лингвокультурных концептов и дискурса (текста, погруженного в ситуацию) взаимодополнительны: изучая языковую личность, мы выявляем систему свойственных этой личности концептов и типичных для нее разновидностей дискурса, рассматривая лингвокультурные концепты, мы приходим к характеристикам человека в языке и дис-

курсивным моделям реализации соответствующих концептов, анализируя дискурс, мы определяем концепты и типы личностей, проявляющиеся в этом дискурсе.

Книга состоит из трех глав, посвященных соответственно языковому сознанию, лингвокультурным типажам и коммуникативному поведению. В первой главе обсуждаются проблемы и перспективы моделирования лингвокультурных концептов. Вторая глава посвящена обоснованию концепции лингвокультурных типажей — типизируемых представителей этнокультурного и социокультурного сообщества, выступающих в качестве ключей к пониманию той или иной лингвокультуры. В третьей главе рассматриваются вопросы моделирования дискурса, обосновывается новое, более широкое понимание перформативности, предлагается концепция коммуникативной тональности и обсуждаются характеристики культурогенных текстов. Некоторые фрагменты данной работы были опубликованы в монографиях и сборниках научных статей.

Многие вопросы, о которых идет речь в этой книге, неоднократно обсуждались с моими коллегами — С. Г. Воркачевым, В. М. Савицким, И. А. Стерниним, М. Л. Макаровым, В. В. Красных, В. Б. Кашкиным, В. В. Дементьевым, Г. Г. Слышкиным, Н. А. Красавским, В. П. Москвиным, А. В. Оляничем, Е. И. Шейгал. Выражаю им искреннюю признательность за плодотворные дискуссии и высказанные ими советы по уточнению предложенной в работе концепции. Я очень благодарен моим ученикам, беседы с которыми привели меня к написанию этой книги.

Всем известен библейский стих о том, что *«во многой мудрости много печали; и кто умножает познания умножает скорбь»* (Еккл., 1: 18). Но это — лишь часть правды. Приведу одну сентенцию:

Есть четыре типа людей, избегающих учения:

Глупцы, которые не могут учиться из-за недоразвитости, — их не следует замечать;

Расточители, которые не хотят учиться из-за порочной тяги к легкой жизни, — их нужно наказывать;

Обыватели, которые не хотят учиться из-за привязанности к быту, — их будут использовать;

Путаники, которые не могут учиться из-за недисциплинированного ума, — их следует поправлять.

Есть четыре типа людей, избравших учение:

Исполнители, которые учатся потому, что так положено, — их можно пожелать;

Честолюбцы, которые учатся для того, чтобы добиться почета, — их нужно контролировать;

Ценители, которые учатся для своего удовольствия, — они заслуживают поощрения;

Избранники, которые учатся потому, что в этом смысл их жизни, — им принадлежит мир.

Познание — это один из путей обретения смысла в жизни.

Изучение языка как ключа к культуре и внутреннему миру человека — что может быть интереснее?

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ

1.1. Биосоциальная сущность языкового сознания

Одной из самых главных загадок мироздания является вопрос о том, как хранится и перерабатывается информация в человеческом сознании. Стремясь объяснить эти сложнейшие процессы, мы их неизбежно упрощаем и схематизируем. Множество таких объяснений может быть сведено к четырем подходам, суть которых состоит в следующем: а) вывести абстрактную формулу активного отражения мира; б) соотнести неизвестные нам процессы с наблюдаемыми фактами языка как опредмеченного сознания; в) сопоставить с мышлением биологические процессы более низкого уровня; г) установить корреляции между сегодняшними техническими устройствами для переработки информации и человеческим мозгом.

Абстрактная формула представляет собой установление аксиоматики человеческого сознания и сводится к констатации следующих положений: 1) человек взаимодействует с миром на основе генетически и культурно усвоенного опыта; 2) этот опыт представляет собой гибкую систему взаимосвязанных смыслов — лично-значимых и ситуативно обусловленных идеальных сущностей; 3) осмысление действительности есть диалектически взаимосвязанное творческое двунаправленное движение — вовнутрь и вовне (интериоризация и экстерииоризация); 4) человеческое сознание — это часть более общей сложной организованной системы (например, ноосферы); 5) существуя в мире реальности, человек по своей природе активен и проективен и поэтому рассматривает и переживает как реальные, так и возможные ситуации; 6) человеческое сознание многомерно, и многомерны составляющие его ментальные образования, поскольку мир многопричинен и многовариантен; 7) человеческая отдельность объясняет наше челночное движение от системы наших субъективных представлений и знаний о мире к внешнему миру и обратно и, соответственно, объясняет неизбежность постоянных изменений тех единиц опыта, которые хранятся в индивидуальной и коллективной памяти людей; 8) в своей основе челове-

ческое сознание едино, и различия между людьми вторичны. Разумеется, список этих тезисов может быть продолжен. Важно подчеркнуть то, что если раньше аксиоматикой сознания занимались философы, логики и психологи, то теперь эти вопросы затрагиваются представителями гуманитарного знания во всей совокупности составляющих его областей.

Соположение языка и мышления, языка и сознания освящено давней традицией. Иллюстрируя формально-логические категории (понятия и умозаключения), многие логики и грамматисты молчаливо исходят из того, что язык, по крайней мере в своей ядерной части, сводится к правильно построенным предложениям и классическим дефинициям родо-видового типа. Вместе с тем сегодня признано, что наряду с языковым существует неязыковое мышление, с одной стороны, и что языковое существование связано не только с мышлением, но и с чувственно-волевой сферой и подсознанием, с другой стороны. В этом плане классическая для лингвистики проблема соотношения значения и смысла приобретает новое измерение, если эта диада осложняется третьим компонентом — концептом. Итак, и значение, и смысл — это содержательные характеристики языковой единицы. Значение — это содержательный стабильный минимум, в котором отражены наиболее важные для языкового коллектива признаки предмета или явления, а смысл — это содержательный вариативный максимум, в котором отражены важные для индивидуума признаки. Соотношение значения и смысла может быть схематически показано в виде квадрата, разбитого на четыре четверти: 1) смысл слова совпадает с его значением (общеупотребительные слова основного словарного фонда); 2) смысл слова значительно меньше, чем его значение, зафиксированное в толковых словарях (малоизвестные термины науки и техники); 3) смысл слова значительно больше, чем его зафиксированное значение (индивидуальное расширение смысла у поэтов, ученых и у всех тех, кто вкладывает дополнительные эмоции в какой-либо фрагмент своего жизненного опыта); 4) смысл слова не имеет ничего общего с его значением (произвольное осмысление неизвестной словесной оболочки, обычно вследствие недостаточной эрудиции или с игровой целью).

В соотношении «значение — концепт» подчеркивается отражательная сторона значений языковых единиц и единиц опыта, которые хранятся в индивидуальной и коллективной памяти. Мы объясняем концепты через значения слов. Например, легко можно представить себе чувство отвращения, возникающее при мысли, что столовые приборы плохо вымыты или предложенное в гостинице белье не выглядит свежим. В русском языке для обозначения такого чувства есть специальный глагол «брезгать/брезговать» — *испытывать отвращение ко всякой замеченной или мнимой физической или моральной нечистоплот-*

ности [БТС]. Показательна иллюстрация: *брезгать вытираться чужим полотенцем*. Значение стремится к обобщениям, поэтому в данном случае чувство сильного отвращения переносится на сопоставимые с приведенной ситуацией обстоятельства (быть рядом с неприятным человеком, прикасаться к грязной поверхности, выполнять задания, которые ведут к потере лица и т. д.). Вместе с тем чувство брезгливости как физического отвращения, граничащего с тошнотой, связано не с размокшей почвой и слякотью, а с грязью, вызванной продуктами жизнедеятельности кого-либо.

Важно отметить, что концепт, обозначаемый именем «брезгливость», имеет амбивалентную оценку: внутренняя оценка — отрицательное отношение к чему-либо, вызванное ощущением нечистоты, и внешняя оценка — отрицательное отношение к тому, кто проявляет такую реакцию к кому-либо или чему-либо. Примеры приводятся обычно во втором и третьем лице глагола: *Ты что, брезгуешь?* Моральная нечистота резко осуждается в русской лингвокультуре, поэтому для обозначения поведения человека, для которого нет внутреннего запрета прикасаться к грязи, обычно говорят: «ничем не брезгует / не гнушается». Интересно, что в английском языке подобного концепта нет. Ближайшим соответствием глагола «брезгать» являются выражения (to be) *fastidious* — 1) *very careful in matters of choice or taste; fussy*, 2) *easily disgusted; squeamish* [COD]; *squeamish* — 1) *easily nauseated or disgusted*, 2) *fastidious or overscrupulous in questions of propriety, honesty, etc.* [COD]. Для англичан важно выделить и отрицательно охарактеризовать поведение человека, который уделяет слишком много внимания мелочам, суетится, капризен, не может проконтролировать выражение своего отвращения. Обратим внимание на значимое различие в акцентировке ситуации: испытывать отвращение и контролировать выражение своего чувства. В первом случае внутреннее чувство и его внешнее проявление неразрывно связаны, люди считают, что естественное чувство не подлежит контролю, и пытаются его контролировать бессмысленно. Хороший человек — тот, кто добр и чист по природе своей. Во втором случае четко разделяется чувство и поведение, чувства признаются личным и суверенным достоянием человека, а поведение следует контролировать, соответственно, разрыв между чувством и его внешним проявлением признается нормальным положением дел. Хороший человек — тот, кто ведет себя правильно и достойно по нормам поведения в обществе. Концепты, таким образом, через систему значений в языке определяют мироощущение человека внутри того языкового круга, по В. Гумбольдту, к которому этот человек принадлежит.

В соотношении «смысл — концепт» акцентируется богатство личностно значимых ассоциаций, связанных с языковыми значениями и единицами опыта

в индивидуальном сознании. Может возникнуть вопрос: разве исключена ситуация, когда правомерно говорить о коллективном смысле, о единой ассоциативной сетке для многих людей? Ведь на этом построена игра слов, моделируемый смысл лежит в основе метафорики, намеков, речевых манипуляций. Думается, что здесь мы сталкиваемся с разными позициями в отношении взаимосвязи значения и смысла. С позиций значения слова следует признать, что содержание языковой единицы имеет полевую структуру — стабильное ядро и слои ассоциативных признаков разной степени типичности вокруг него. Этот подход детально обоснован в семантической концепции М. В. Никитина [1988], выделяющего интенционал и импликационал значения. Интенционалы значений объединяют всех носителей лингвокультуры, а импликационалы вероятностны, они различаются по распространенности и доступности. Простейшие ассоциативные связи в семантике примыкают к содержательному ядру в качестве коннотаций лексического значения (кровь — жизнь, кровь — преступление, кровь — родство) и в качестве жестких импликаций словосочетаний и предложений (знакомый кровавый почерк — узнаваемость преступника). Более сложные ассоциативные связи должны быть наведены контекстом или ситуацией. Например: *Счастье — это когда тебя понимают, несчастье — когда поняли до конца* (Г. Малкин). Первая часть этого афоризма — фраза из известного фильма «Доживем до понедельника» — допускает однозначное прочтение: нам хочется, чтобы другие нас понимали. Вторая часть высказывания не столь однозначна: мы сами до конца себя не понимаем, наши глубинные мотивы поведения не всегда благородны, если нас поняли до конца, то, возможно, всем от этого будет плохо, и т. д. Итоговый смысл — сомнение в том, что взаимопонимание существует, и что оно — благо. Сравним: *Сказать, чтобы поняли, — наградить. Сказать, чтобы не поняли, — спасти* (Д. Квиллар). Вы не согласны с таким прочтением, уважаемый читатель? Здесь-то и начинается зона индивидуальных смыслов. Одна и та же фраза в разных обстоятельствах для разных людей может иметь единое значение, но разные смыслы. В направлении от концепта к значению происходит опредмечивание опыта, его нивелировка, закрепление в отражаемом фрагменте реальности коллективно значимых признаков. В направлении от концепта к смыслу происходит распредмечивание знака, фиксирующего опыт, осуществляется самоидентификация человека как мыслящего существа. Движение от концепта к смыслу не всегда сопровождается вербальными знаками. Например, когда я слышу фа-минорную хоральную прелюдию Баха, мне вспоминаются финальные кадры из фильма А. Тарковского «Солярис»: изображенная мыслящим океаном встреча героя с отцом, самый дорогой подарок, который можно получить, навсегда попрощав-

шись с родным человеком. Такая встреча — это концепт, у которого нет одно-словного вербального обозначения.

Приведенные аргументы направлены на раскрытие сложных взаимоотношений между сознанием и языком. С позиций имманентной лингвистики язык и сознание, язык и общение следует рассматривать как однопорядковые сущности. С позиций лингвокультурологии, когнитивной науки, теории коммуникации и общего гуманитарного знания язык представляет собой один из возможных способов фиксации и передачи человеческого опыта и должен рассматриваться в рамках соотношения «часть — целое».

Тезис о том, что язык есть знание особого рода, блестяще сформулирован классиком отечественной лингвистики: «В языке, или речи человеческой, отражаются различные мировоззрения и настроения как отдельных индивидов, так и целых групп человеческих. Поэтому мы вправе считать язык особым знанием, т. е. мы вправе принять третье знание, знание языковое, рядом с двумя другими — со знанием интуитивным, созерцательным, непосредственным, и знанием научным, теоретическим» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 79].

В этой связи заслуживает внимания биологическая теория сознания. Чилийские нейробиологи У. Матурана и Ф. Варела ставят под сомнение наиболее распространенную современную точку зрения на «нервную систему как на инструмент, посредством которого организм получает информацию из окружающей среды, использует ее для построения образа (репрезентации) мира и на основании этого образа формирует адекватное поведение, позволяющее ему выжить» [Матурана, Варела 2001: 116]. Эта модель подвергается критике, поскольку живой организм представляет собой замкнутую саморазвивающуюся систему, а не механизм. Авторы замечают, что они при этом не стоят на позициях философского солипсизма, суть которого состоит в признании только внутренней жизни как реальности. Предлагается более широкий подход, совмещающий несовместимые точки зрения — взгляд извне и взгляд изнутри. Основной тезис цитируемых авторов состоит в признании принципиального единства различных форм познания, от низших до высших. Каждое живое существо характеризуется автономностью и, следовательно, операциональной замкнутостью. Организм устанавливает корреляции между средой и своим существованием, но реагирует не на прямые сигналы от окружающей среды, а на моделируемый, созданный внутри себя образ мира. И хотя механизмы, участвующие в многообразных реакциях и трансформациях организма, на сегодняшний день не известны, можно утверждать, что структурные изменения, вызываемые в нервной системе, всегда рассредоточены по нейронной сети, не существует «энграмм» (образов предметов окружающего мира), нервная система непрерывно транс-

формируется [Матурана, Варела 2001: 150]. Если живые существа образуют сообщество, то между ними возникает взаимное структурное сопряжение, которое может быть описано как взаимная координация между компонентами. У. Матурана и Ф. Варела пишут, что «уникальность человека заключается исключительно в социальной структурной сопряженности, которая осуществляется через оязычивание» [там же: 217].

Для понимания научной новизны этой теории нужно вспомнить, что во многих учебниках до сих пор излагается суть коммуникации как передача информации от говорящего к слушающему. Такая точка зрения верна только в том случае, если участниками коммуникации являются неодушевленные механизмы. Диалог предполагает принципиальное коммуникативное равенство участников общения и не сводится только к передаче информации. Это не столько обмен смыслами, сколько установление общего смыслового поля, важнейшими компонентами которого являются относительно устойчивые ментальные образования, полученные в результате индивидуального взаимодействия человека с окружающей средой. Чилийские биологи акцентируют идею творческой активности участников общения (способность помнить прошлое и моделировать будущее) и идею постоянной трансформации этих ментальных образований.

С иных позиций к близким выводам приходит М. Л. Макаров [2003: 33–40], обсуждая три модели коммуникации — информационно-кодovou, инференционную и интеракционную. Первая — кибернетическая — модель схематически закрепляет позиции отправителя и получателя информации, базируется на идентичных языковых знаниях (релевантен только семантический компонент сообщения) и принимает во внимание только ту информацию, которая излагается намеренно. Адресат при этом играет пассивную роль. Эта модель сосредоточена на технических характеристиках коммуникации — кодирующем и декодирующем устройствах и канале связи. Вторая модель сориентирована на интенциях коммуникантов, на передаче смысла, а не значения и включает прагматический компонент сообщения. Сильная сторона этой теории — в противопоставлении значения и смысла сообщения, в моделировании принципов общения, но уязвимым местом инференционной модели является ее логико-дедуктивная направленность, т.е. приписывание живому диалогическому общению схем, типичных только для правильно построенного научного дискурса. Живое общение рационально, но его рациональность включает и хаотические нестыковки между фразами, и непонятные на первый взгляд обрывы в высказываниях, и заполнители пауз, и подобные компоненты, которые служат более важной цели — обеспечить не только информационный, но и эмоциональный контакт между участниками общения. Третья модель коммуникации ставит именно коммуника-

цию в центр своего анализа. В основе этой модели лежит допущение о том, что наряду с преднамеренно сообщаемой информацией в коммуникативном процессе имеет место и непреднамеренное содержание. Таким образом, в этой модели центральной фигурой оказывается адресат, и смыслы трансформируются по ходу диалога.

Строго говоря, биологическая теория сознания представляет собой развернутое доказательство системной сущности сознания, его встроенности в систему более высокого уровня — в жизнь. С позиций этой теории и сознание, и язык как вторая сигнальная система выполняют функцию адаптации организма к окружающей среде. Эта мысль четко сформулирована в книге А. В. Кравченко [2001: 192]: «Определение языка как адаптивной деятельности, направленной на повышение эффективности взаимодействия организма со средой, имеет важные преимущества перед всеми другими определениями, поскольку схватывает функциональную суть языка как естественного (биологического) явления». Другие определения языка, например, как средства общения, представляются сторонникам биологической теории сознания малосодержательными, поскольку любая деятельность живых организмов есть встраивание (in-formation) организма в среду. Для нейробиологов важнейшим является тезис об энергетической природе информации. Этот тезис согласуется с аксиомами физики о существовании материи в виде вещества и энергии. Биологическая (экологическая, материально-энергетическая) концепция сознания противостоит сугубо идеалистическим концепциям, например, теории ноосферы, сверхразума, божественной сущности вселенной, с одной стороны, и редукционистскому материализму, в частности, представлению о том, что единица человеческой памяти, энграмма или мема, имеет вещественную физическую природу, с другой стороны. Итак, биологическая теория языка, бесспорно, принадлежит к числу весьма обоснованных научных теорий. Есть, однако, три момента, которые вызывают у меня возражения при размышлении о биологической сущности языка.

Во-первых, я не согласен с одномерной моделью как языка, так и сознания. Общенаучный принцип дополнительности Н. Бора требует от исследователя увеличивать аспекты рассмотрения научного объекта. Сущность человека метафункциональна. Сводить бытие к адаптации со средой — значит видеть в человеке только высокоорганизованный организм. Если мы признаем тезис о многопричинности бытия, то следует признать и тезис о множественности измерений мира, при этом разные измерения не должны встраиваться друг в друга. Например, понимание языка как явления культуры переводит вопрос о сущности языка, сознания, общения из плана причинно-следственных отношений в план целевых отношений. Почему нельзя согласиться с тем, что все гуманитар-

ное знание существует для того, чтобы развивалась и совершенствовалась идея человечности? По мнению ряда фантастов, наш биологический субстрат — это лишь один из возможных вариантов развития разумных существ.

Во-вторых, если мы согласимся с функционально-биологической моделью языка, то возникает вопрос о том, в какую систему более высокого порядка вписывается жизнь, земное существование? Если продолжить метафору У. Матураны и Ф. Варелы, то каковы следующие уровни древа познания? Сторонники биологического материализма парадоксальным образом смыкаются с теми, кто считает человека венцом творения, поскольку принципиально не обсуждают вопросы метачеловеческого познания.

В-третьих, сводить систему только к ее материальному субстрату значит резко упрощать суть дела. Тезис о том, что идеальное есть материальное, механизмы которого еще не познаны, возвращает человека в блаженное состояние первозданной эдемской глины, сумевшей приспособиться к окружающей среде. Впрочем, следует отметить, что такой тезис нигде в работах сторонников биологической теории сознания не сформулирован. Но остается вопрос: существует ли уровень идеальных феноменов — феноменов сознания? На мой взгляд, отрицательный ответ на этот вопрос лишает гуманитарную науку права на существование.

Приведенные мною аргументы не означают, что я являюсь принципиальным противником биологической теории языка. Моя полемика сводится к тому, что эта теория не должна быть единственной.

Рассуждая о биологической теории сознания, нельзя оставить в стороне книгу американского психолога и лингвиста Стивена Пинкера «The Language Instinct» (1994), которая вышла в переводе на русский язык под точным названием «Язык как инстинкт». Эта книга стала мировым бестселлером, и следует признать, что перед нами действительно одна из самых увлекательных, талантливо написанных книг о языке. Автор доказывает, что «язык — это сложный, специализированный навык, который самопроизвольно развивается в ребенке и не требует осознанных усилий или систематических наставлений» [Пинкер 2004: 11]. С. Пинкер приводит убедительные примеры, свидетельствующие о наличии Универсальной Грамматики, о сходстве грамматических структур в разных креольских языках, в языке детей, растущих в разных лингвокультурах. Отметим, что в англоязычной традиции грамматика — это языковая структура в целом. Читателя не может оставить равнодушным положение о том, что «если язык — это инстинкт, у него должна быть определенная область в мозгу и, может быть, даже специальный набор генов, которые помогают запустить этот инстинкт» [там же: 36]. Утверждая, что существует грамматический (языко-

вой) ген, автор вначале констатирует, что если определенным генам или нейронам нанести поражение, то страдает речь. В книге ведется последовательная полемика с тезисом о том, что язык есть продукт культуры, что языку можно научить. При этом ученый утверждает, что языковой инстинкт — это «не проявление общей способности к знаковому обозначению: трехлетний ребенок — гений в грамматике, но не разбирается в изобразительном искусстве, религиозной иконографии, знаках дорожного движения» [там же: 11].

Идея о том, что язык есть вид инстинкта, впервые была высказана Чарльзом Дарвином. В основе этой идеи лежит утверждение о том, что нет принципиальной разницы между развитием физического строения организма и развитием личности, т. е. тезис об адаптации организма к окружающей среде. Языку можно научить в той же мере, что и прямохождению. Следовательно, коль скоро существует единый род человеческий, то и должен существовать единый универсальный язык, который лежит в основе любого конкретного языка, своеобразный ментальный код, или мыслекод. Эту идею развивает в своих трудах Ноам Хомский. Интересен довод о том, что универсальность языка, отражающая универсальность человеческого опыта и ограниченность обработки человеком информации, не обязательно приводит к тезису о врожденности инстинкта языка. Этот инстинкт приводит в действие «дискретную комбинаторную систему», дающую возможность бесконечно комбинировать единицы и отвлеченную от конкретных значений слов. Итак, отметим, грамматический ген — это врожденная предрасположенность человека порождать синтаксические структуры, трансформировать информацию, т. е. оперировать абстрактными сущностями. Этот тезис радикально противоречит известной аксиоме: «В разуме содержится только то, что постигается через ощущения». С. Пинкер пишет, что грамматика представляет собой «протокол передачи данных, который должен соединять слух, речевой аппарат и разум, три совершенно разных вида механизмов. Он не может быть приспособлен ни к одному из них, но должен иметь свою собственную абстрактную логику» [там же: 113]. Природу этого грамматического гена автор определяет кибернетически, по его функциям, честно констатируя, что «местоположение этого предполагаемого гена в хромосоме совершенно не ясно, как не ясно и его воздействие на структуру мозга» [там же: 309]. В книге подчеркивается сложность языкового инстинкта, его многомерность и гибкость, обусловленные единством наследственности и изменчивости.

Тезис о том, что язык есть продукт эволюции человека, возражений не вызывает. Можно спорить о том, что и в какой мере наследуется в языковой способности, но то, что сознание ребенка не является *tabula rasa*, чистой доской,

неотформатированной дискетой, представляется весьма правдоподобным. У сторонников понимания языка как продукта культуры есть, следует заметить, сильный этический аргумент: улучшая условия жизни, можно дать всем детям независимо от их социального происхождения возможность овладеть не только сокращенным, но и расширенным кодом общения, по Б. Бернстайну (сокращенный код — *restricted code* — используется в быту, расширенный код — *elaborated code* — употребляется при разговоре на абстрактные темы и усваивается только при обучении в школе). С. Пинкер полагает, что каждый код оптимально соответствует ситуациям общения, иначе бы он не возник. Более того, приведенные в книге результаты специального количественного анализа правильно построенных предложений, используемых в рабочей среде и на научных конференциях, показали, что рабочие говорят правильнее ученых (я понимаю благородные намерения социолингвистов, но сомневаюсь в теоретических основах их исследования). В определенной мере сторонники биологического подхода к языку повторяют линию защиты, традиционно используемую в имманентной лингвистике, т. е. отбрасывают то, что не вписывается в их теорию как экстралингвистический остаток. На мой взгляд, продуктивным является поиск того, что в языке есть продукт биологической наследственности и что обусловлено культурой.

Для лингвокультурологического исследования книга С. Пинкера интересна также тем, что в ней резко отрицательно оценивается гипотеза языковой относительности Э. Сепира и Б. Уорфа. Каковы аргументы автора? 1. В основе этой гипотезы лежит отождествление мышления и языка. 2. Б. Уорф не изучал народность апачей, и его сведения об их психологии базируются только на грамматике языка этих индейцев; реальная речь этих людей не анализировалась. 3. Б. Уорф приводит предложения на языке апачей в неуклюжем дословном переводе. 4. Известное общее место о сотнях слов для обозначения снега в эскимосском языке является антропологической мистификацией. 5. Даже если бы в определенной культуре и было больше корней для обозначения некоторых предметов, это не дает оснований для выводов о психологии народа. Конезаводчики имеют множество терминов для названия пород лошадей, дизайнеры интерьеров различают множество оттенков лилового цвета, полиграфисты пользуются названиями десятков шрифтов [Пинкер 2004: 47–56].

Язык, действительно, не тождествен мышлению. Но есть поведенческие паттерны, закрепленные в культуре и весьма важные для понимания других людей в межкультурном общении. Отмечу, что эти паттерны маркированы не только этнически, но и социально. Если мы признаем, что существуют культурные различия и они фиксируются в языке, то получается, что язык определен-

ным образом влияет на поведение людей. Итак, нужно установить принципиальное различие между лингвистическими компонентами мышления и поведения. Я согласен с тем, что многие универсальные характеристики человеческого поведения наследуются генетически, но не принимаю нивелировки культурных различий.

Одна грамматика без привлечения других данных языкового существования — здесь тоже можно согласиться с С. Пинкером — недостаточна для обобщений о характере народа, пользующегося соответствующим языком. Более того, грамматические явления неоднородны. Делать выводы о типах культур, представители которых говорят на языках агглютинативного либо флективного строя, весьма сложно. Но если в одной лингвокультуре распространены безличные имперсональные предложения, а в другой регулярно подчеркиваются характеристики агенса, то этот факт заслуживает внимания культурного антрополога. Кроме того, подобные различия, лежащие в основе понятийных категорий, выражаются как грамматически, так и лексически. Таким образом, специфика грамматических категорий может послужить отправным моментом для выявления некоторых поведенческих стереотипов, которые должны быть зафиксированы и в лексических значениях, и во фразеологии, и в прецедентных текстах культуры, и в речеповеденческих рефлексках.

Перевод специфических иноязычных выражений должен быть адекватным. Исследователь вправе дать буквальный перевод там, где это возможно и уместно. Например, раскрытие внутренней формы иноязычного слова может быть убедительным приемом для доказательства того или иного тезиса. Что же касается научных мистификаций, то нужно признать, что они ставят исследователей в неудобное положение. Вместе с тем подчеркну, что можно придумать правдоподобный факт, но теория не строится на одном факте. Сам по себе тезис о детальной и вариативной номинации явлений, актуальных для той или иной лингвокультуры, может служить одним из возможных подходов к изучению национально-культурной специфики языкового сознания и коммуникативного поведения. Например, С. Пинкер замечает, что в языке идиш существует бросающееся в глаза множество наименований для простака. О чем же это свидетельствует?

Попытки уйти от выяснения культурной (культурно-исторической) специфики языка обедняют лингвистику. Убедительные аргументы в пользу гипотезы лингвистической относительности приводятся А. Вежбицкой [1999: 270–274]. Наиболее сильный довод, на мой взгляд, это тезис о том, что культурная специфика предполагает наличие культурных универсалий. Любое сравнение предполагает выделение общих и особенных признаков. Каждый исследова-

тель имеет право на определение своих приоритетов, но мне представляется недостаточно обоснованным тезис на предпоследней странице книги С. Пинкера: «Для ученого, интересующегося работой сложных биологических систем, различия между отдельными личностями так скучны!» Справедливости ради отмечу, что лингвокультурологию, как и другие гуманитарные науки, подстерегают две опасности: с одной стороны, можно впасть в тенденциозные и надуманные обобщения, которые не основаны на фактах, с другой стороны, можно заниматься детальным описанием бесконечного множества частных и в итоге констатировать, что имеет место разнообразие признаков. Выход из этого затруднительного положения заключается в формулировке гипотезы и ее методичной многоаспектной проверке. Приведенные концепции, разработанные в рамках биологической теории сознания и языка, должны быть приняты во внимание лингвистами, но при обязательном учете достижений социальной теории сознания и языка.

Одним из способов моделирования сознания является попытка установить корреляции между человеческим и искусственным интеллектом. Разработка искусственного интеллекта — устройства, способного обучаться, формулировать и решать задачи, — ведется в нескольких направлениях. Машина должна научиться ставить начальную, промежуточную и финальную цели в решении задачи. В теории игр компьютер должен на статистической основе сделать выбор между двумя вероятностями в пользу максимально возможного успеха. В распознавании образов основная задача состоит в идентификации объекта и его выделении из более крупной группы. Компьютерное моделирование естественного языка строится на разработке баз данных и системы формальных правил языка. Считается, что искусственный интеллект должен имитировать решение человеком сложных задач. Д. А. Поспелов отмечает, что «система называется интеллектуальной, если в ней реализованы следующие три основные функции: 1) представления и обработки знаний (способность накапливать знания об окружающем мире, классифицировать и оценивать их с точки зрения прагматической полезности и непротиворечивости, инициировать процессы получения новых знаний, осуществлять соотнесение новых знаний с ранее хранившимися); 2) рассуждения (пополнение поступивших знаний с помощью логического вывода, отражающего закономерности в окружающем систему мире или в накопленных ею ранее знаниях, получение обобщенных знаний на основе более частных знаний, логическое планирование своей деятельности); 3) общения (способность общаться с человеком на языке, максимально приближенном к естественному человеческому языку, получение информации от каналов, аналогичных тем, которые использует человек при восприятии окружающего

его мира (прежде всего зрительный и акустический каналы), умение формировать для себя или по просьбе человека объяснение собственной деятельности (т. е. отвечать на вопросы типа: “Как я это сделал?”), оказание человеку помощи за счет тех знаний, которые хранятся в памяти, и тех логических средств рассуждений, которые присущи системе» [Поспелов 1987: 230–231]. Говоря о базах знаний, автор противопоставляет базу фактов (единичные конкретные положения дел), базу правил (имплицативные элементарные выражения, построенные по принципу «если А, то Б»), базу процедур (прикладные программы вычислений и преобразований), базу закономерностей (сведения об особенностях среды, в которой действует система), базу знаний о себе (описание самой системы и способов ее функционирования), базу целей (структуры, позволяющие организовать процессы от исходных фактов, правил и процедур к достижению цели, которая поступила в систему от пользователя или сформирована в самой системе в процессе ее деятельности в среде [там же: 232–234].

Мы видим, что в модели искусственного сознания акцентируется процедурная сторона хранения и переработки знаний. Моделированию искусственного интеллекта (в том числе и с позиций лингвистики) посвящено множество работ, анализ которых должен быть предметом специального исследования. В данной книге мне бы хотелось подчеркнуть важнейшие отличия человека от машины, которые заключаются в следующем: 1) человек интенционален, он руководствуется в своей жизнедеятельности мотивами и желаниями, а не внешними заданиями; 2) человек принимает решения не на основе логических процедур индуктивно-дедуктивного типа, а в результате трансдукции, переноса по аналогии, в этом плане противоречивость знаний не влияет на принятие решений; 3) в основе человеческого поведения лежат эмоции; 4) человеческие знания носят контекстный характер, люди сориентированы на смыслы и лишь затем на значения, машина же имеет дело со значениями и их ближайшими контекстуальными типичными приращениями. В приведенной выше системе баз знаний особый интерес представляет база закономерностей. В человеческой культуре многие стереотипы и правила поведения считаются естественными, аксиоматическими. Иерархия вероятностей заставляет нас улыбнуться, увидев сочетание несочетающихся признаков. Именно контекстный характер эмоционального осмысления действительности отличает человека разумного от программируемого предмета либо от человека с психической патологией. В этом смысле можно понять глубинный страх, лежащий в основе многих фантастических сюжетов в американских фильмах: робот, который захватывает власть над человеком, — это мифологема безумия, уничтожающего разум.

Итак, знания в нашей памяти представляют собой подвижные смысловые образования разного типа. Наиболее важные для языкового коллектива фрагменты опыта получают языковое обозначение, которое может быть однословным и неоднословным.

1.2. Определение лингвокультурных концептов

Самыми распространенными терминами для названия ментальных образований являются понятия и концепты. С позиций обыденного и формально-логического употребления различия между концептом и понятием нейтрализуются, мы используем либо русское слово «понятие», либо латинское «концепт» для обозначения этих идеальных сущностей. Вместе с тем выделены и содержательные различия между понятием и концептом.

1. Понятие — это мысль о предметах и явлениях, отражающая их общие и существенные признаки, а концепт — это идея, включающая не только абстрактные, но и конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки. «Концепты не только мыслятся, они переживаются» [Степанов 1997: 41].

2. Концепт — это точка пересечения между миром культуры и миром индивидуальных смыслов, это «сгусток культуры в сознании человека и то, посредством чего человек сам входит в культуру», с иных позиций концепт — это содержание понятия и спрессованная история понятия [там же: 40, 42].

3. Концепт — это замещение значения слова в индивидуальном сознании и в определенном контексте [Лихачев 1997: 281], это личностное осмысление, интерпретация объективного значения и понятия как содержательного минимума значения.

4. Концепт — это объективно существующее в сознании человека перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера в отличие от понятий и значений как продуктов научного описания (конструктов) [Залевская 2001: 39].

5. Концепт — это абстрактное научное понятие, выработанное на базе конкретного житейского понятия [Соломоник 1995: 246].

6. Понятия — то, о чем люди договариваются, их люди конструируют для того, чтобы «иметь общий язык» при обсуждении проблем; концепты же существуют сами по себе, их люди реконструируют с той или иной степенью (не)уверенности [Демьянков 2001: 45].

7. Концепт — не понятие, а сущность понятия... это сущность, явленная в своих содержательных формах — в образе, в понятии и в символе. ...Понятие

есть приближение к концепту, это явление концепта в виде одной из его содержательных форм. Концепт — и ментальный генотип, атом генной памяти ... и архетип, и первообраз, и многое еще [Колесов 2004: 19–20].

8. Понятие (*intellectus*) рассудочно и связано с рациональным знанием (пониманием), концепт (*conceptus*) — производное возвышенного духа, разума, способного творчески воспроизводить смыслы (Абеляр, цит. по: [Воркачев 2004: 16]).

9. Концепты — это смысловые кванты человеческого бытия-в-мире, в зависимости от конкретных условий превращающиеся в различные специализированные формообразования, «гештальты» бытия... Концепты суть своеобразные культурные гены, входящие в генотип культуры и вероятно определяющие феноменологическую поверхность культуры, ее фенотип... Это самоорганизующиеся интегративные функционально-системные многомерные (как минимум, трехмерные) идеализированные формообразования, опирающиеся на понятийный (или псевдо-, или пред-понятийный) базис, закрепленные в значении какого-либо знака: научного термина, или слова (словосочетания) обыденного языка, или более сложной лексико-грамматико-семантической структуры, или невербального предметного (квазипредметного) образа, или предметного (квазипредметного) действия и т. д. [Ляпин 1997: 16–18].

Приведенные различия показывают многомерность сознания, в котором важными соотношениями являются диады «культурно-обусловленное, культурогенное — культурно-нейтральное», «сориентированное на смысл — сориентированное на значение», «эмоциональное — рациональное», «личностное, индивидуальное — коллективное», «объективное, онтологическое — гносеологическое, моделируемое», «житейское, обиходное — научное», «реконструируемое — конструируемое», «сущность — явление», «разумное — рассудочное», «интегративное — дифференциальное», «постоянно меняющееся, текучее — относительно стабильное». Если посмотреть на список первых членов приведенных диад (этот список не претендует на полноту), т. е. характеристик концептов, то становится ясно, что концепты не только по-разному понимаются, но и представляют собой сущности с противоположными и несовместимыми признаками. Они с трудом вписываются в формально-логические схемы, в частности, в диады.

Мы видим, что по своей сути концепты характеризуют бытие во всей его полноте, от обиходного состояния до выхода на смысложизненные ориентиры поведения. Понятие же — это один из модусов концепта (сторона, ипостась, аспект изучения). К концепту можно подняться дискурсивно (через рассуждение, понятие) и недискурсивно (через образ, символ, участие в осмысленной деятельности, переживание эмоционального состояния). Понятие открыто для определения, концепт же определяется с трудом. Именно поэтому нужно сразу

же оговорить условия определения концепта в данной работе: концепт в рамках лингвокультурологии. При всей широте лингвокультурного описания концепта за рамками такого описания остаются сугубо психологические и общепсихологические характеристики исследуемых ментальных образований.

Итак, концепты — это ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта. Типизируемость этих единиц закрепляет представления в виде различных стереотипов, их осознаваемость дает возможность передать информацию о них другим людям, их значимость закрепляет в индивидуальном и коллективном опыте важные (и поэтому эмоционально переживаемые) характеристики действительности. Эти характеристики концептов представляют собой их образно-перцептивную, понятийную и ценностную стороны.

В лингвоконцептологии предложены разные классификации концептов. Следует сразу же заметить, что построение исчерпывающей и непротиворечивой классификации концептов — переживаемых фрагментов опыта — является, по-видимому, невыполнимой задачей. Это объясняется детальной разработанностью в языке актуальных для человека областей бытия, размытостью смыслов и нелогичностью, противоречивостью обиходного практического сознания. Кроме того, концепты представляют собой динамические образования, гораздо более подвижные, чем значения слов, зафиксированные в словарях. Признавая сложность построения типологии концептов, охарактеризуем некоторые подходы к такой типологии.

Первый подход базируется на тезисе о явной или неявной ориентации концептов на язык, в котором они репрезентируются. В этом случае выделяются предметные, признаковые, событийные концепты. Понятно, что эта типология построена на основе важнейших знаменательных частей речи в известных нам языках.

Второй подход сориентирован на когнитивную психологию. Осмысленные фрагменты опыта соотносятся с картинками, картами, сценариями, фреймами, гештальтами. В этом случае так или иначе структурируются представления, закрепленные за фрагментируемой действительностью.

Третий подход ассоциируется с этическими и эстетическими категориями, поскольку оценочная составляющая концепта обусловлена определенными ценностями культуры, имеющими директивный характер. При таком подходе выделяются телеономные концепты [Воркачев 2003], отправляющие к высшим ценностям (*любовь, красота, справедливость, счастье* и др.) и нетелеономные концепты, среди которых можно установить классы регулятивных и нерегулятивных ментальных образований [Карасик 2005]. К первым относятся, напри-

мер, *пунктуальность, щедрость, пошлость, здравый смысл*, ко вторым — *путешествие, оскорбление, война, совет*. Строго говоря, этот подход в основу классификации ставит ценностную составляющую концепта, а поскольку такая является неперменным атрибутом концепта, то речь идет о степени яркости этой составляющей. В телеономных концептах она доминирует, в регулятивных представлена весьма значимо, в нерегулятивных осложнена дополнительными признаками и является фоновой.

Четвертый подход произведен от дискурса, в котором реализуются эти концепты. Соответственно, выделяются а) повседневные и художественные концепты, определяющие личностно-ориентированный дискурс, и б) различные институциональные концепты — политические, научные, деловые, дипломатические, спортивные и др., определяющие институциональный дискурс в той или иной его разновидности.

Пятый подход обусловлен динамикой концепта. В этом плане можно разграничить относительно стабильные и меняющиеся концепты и в рамках последних — уходящие и возникающие концепты (ср. *кротость* и *экологическая безопасность*). Показателем динамики концепта служит, в частности, способность концепта к метафорическому переосмыслению — соотношение экстразоны и интразоны концепта [Слышкин 2004]. Кроме того, динамичность концепта может рассматриваться и как степень его внедрения в иную сферу общения (транслируемость концепта). Например, обиходные концепты становятся профессиональными, и наоборот. При этом, разумеется, меняется их содержание. Сюда же можно отнести исконные и импортируемые концепты (*совесть* и *диффамация*).

Шестой подход основан на круге лиц, разделяющих тот или иной опыт с его оценочной квалификацией. Выделяются общечеловеческие, цивилизационные, этнокультурные, макрогрупповые, микрогрупповые и индивидуальные концепты. Эта классификация базируется на предположении о том, что осмысленный опыт можно свести к некоторым инвариантным смыслам общечеловеческого характера с последующей смысловой конкретизацией сверху вниз. С позиций лингвокультурологии в рамках данной типологии можно противопоставить национально-специфические и национально-нейтральные, социально-специфические и социально-нейтральные концепты.

Седьмой подход соотносит концепты с их тематикой. Например, выделяют эмоциональные, коммуникативные, гастрономические и другие концепты. Этот подход не претендует на построение типологии, поскольку список таких тем принципиально открыт. Классифицируются концепты в рамках той или иной темы по разным признакам.

Названные подходы являются взаимодополняющими. Они отражают существенные признаки концептов — их понятийную, образную и ценностную составляющие, дискурсивную обусловленность, динамичность, вариативность и тематическую закреплённость.

Наиболее частый вопрос, который можно услышать при обсуждении концептологического исследования, посвященного определенной теме: «А концепт ли это?» В подтексте такого вопроса содержится утверждение о том, что далеко не все идеи, выражающие сущность явлений, качеств, предметов, можно считать концептами. Все согласны с тем, что «справедливость», «истина», «красота» — это концепты, некоторые признают концептами «подарок», «инструмент», «предательство», практически никто не считает концептами «гипотенузу», «перстень», «насморк». У каждого исследователя концептов есть «концепт концепта», и в зависимости от цели исследования определяются границы данного научного понятия. Предельно широким является понимание концепта по С. А. Аскольдову и Д. С. Лихачеву: это замещение в индивидуальном сознании любого значения; предельно узким — понимание концепта по Абельяру, развиваемое в трудах С. Г. Воркачева, Т. В. Евсюковой, В. В. Колесова, М. В. Пименовой, Т. Н. Снитко: это важнейшие культурно-значимые категории внутреннего мира человека. Примерно одинаково трактуется концепт в работах Ю. С. Степанова, И. А. Стернина, Н. А. Красавского, Г. Г. Слышкина, Е. В. Бабаевой, В. И. Карасика. Разумеется, подходы к концепту отличаются не только пониманием объема данного научного понятия. Например, С. Г. Воркачев не считает ценностное измерение концепта релевантным для собственно лингвистического исследования, трактует образную составляющую концепта как фиксацию когнитивных метафор и считает конститутивным признаком концепта его значимостную составляющую, «определяемую местом, которое занимает имя концепта в лексико-грамматической системе конкретного языка, куда войдут также этимологические и ассоциативные характеристики этого имени» [Воркачев 2004: 7]. В отличие от моего уважаемого коллеги я подчеркиваю принципиальную значимость ценностного компонента в структуре концепта, именно этот компонент является культурно-значимым, образную составляющую я понимаю как след чувственного представления в памяти в единстве с метафорическими переносами (в этом плане термин «перцептивно-образный компонент» является более точным), а способы языкового закрепления концепта рассматриваю в качестве его знаковой формы. Можно было бы придумать другой термин для обозначения той сущности, которую я понимаю под концептом, но с учетом подробного толкования этой сущности считаю, что читателям будет ясно, о чем идет речь в этой книге.

Если вопрос о границах концепта основан на молчаливом признании того, что концептологические исследования имеют право на существование, то вопрос о необходимости таких исследований (формулируемый редко, но резко) требует обоснования актуальности того научного направления, которое привлекает к себе сегодня внимание многих исследователей. Действительно, концептам посвящены многие диссертационные работы, почти в любом сборнике научных работ и в материалах любой лингвистической конференции мы сталкиваемся с исследованиями концептов. Тридцать лет тому назад, вероятно, самым распространенным в нашей стране было изучение тематических и лексико-семантических групп слов. В чем состояла цель таких исследований? Доказать системный характер лексической системы, выявить общие и особенные признаки у единиц в составе исследуемых групп, установить и описать специфическую организацию взаимосвязей в конкретных лексико-семантических группах, определить контекстуальное влияние на семантику рассматриваемых слов (точнее — их лексико-семантических вариантов). Эти задачи были выполнены самым тщательным образом. Что происходит, если сегодня повторяются с использованием новой терминологии прежние семантические исследования, в которых используется термин «концепт» для обозначения названия той или иной семантической группы, например, концепт «движение», «мыслительная деятельность» или «пространственная ориентация»?

Во-первых, если работа выполнена качественно, то лингвистика пополняется новым проанализированным фактическим материалом, который можно будет использовать в лингвокогнитивных и лингвокультурных исследованиях. Во-вторых, концептологический подход заставляет исследователей рассматривать свой материал с учетом достижений фреймового моделирования значений, когнитивных конструкторов, и тем самым повышается объяснительная мощь выполненных работ. В-третьих, концептологические исследования по своей сути направлены на расширение общегуманитарного знания, и поэтому выводы в таких работах касаются универсальных и этноспецифических характеристик языкового сознания и коммуникативного поведения. Соответственно меняются и задачи таких исследований. Например, в одной из работ, посвященных концептам, даны следующие формулировки: «цель исследования — сопоставительный анализ концепта «пространственная ориентация» в английской и русской лингвокультурах. Для достижения поставленной цели формулируются следующие задачи: 1) установить релевантные признаки пространственной ориентации в обыденном и научном сознании; 2) выявить языковые способы обозначения и выражения пространственной ориентации; 3) определить универсальные и специфические способы обозначения и выражения пространственной ориен-

тации в английской и русской лингвокультурах» [Евтушенко 2004]. Таким образом, изучение концептов — это не смена вывески в традиционных работах по лингвистической семантике, а исследования, направленные на разработку «междисциплинарного интегративного подхода к пониманию и моделированию сознания, познания, общения, деятельности» [Ляпин 1997: 34].

Определив концепт как многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны, переходим к типологии концептов.

Существует определенное различие в понимании концепта в когнитивной и лингвокультурной лингвистике. С позиций когнитивной науки концепт — это «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике [Кубрякова 1996: 90]. В этом определении подчеркивается сохранение и структурирование в индивидуальном сознании информации о мире и самом себе в виде определенных структур представления знаний и оценок. Акцентируется переработка информации от сенсорных сигналов на входе до ментальных репрезентаций разного типа (образов, пропозиций, фреймов, скриптов, сценариев и т. п.) в сознании человека. Концепты, идеи независимы от языка, не случайно только часть их находит языковую объективацию, однако самые важные концепты кодируются именно в языке [там же: 92].

С позиций лингвокультурологии нас интересуют только те концепты, которые характеризуют специфику культуры как совокупности человеческих достижений во всех сферах жизни, противопоставляемых природе. Строго говоря, человек принадлежит и природе, и культуре. Если вычесть природную составляющую, останется бестелесная абстракция, если вычесть культурную составляющую, останется организм. В этом смысле все концепты, которыми оперирует человек, — это культурные концепты. Но есть и более узкое понимание этих сущностей. Когда речь идет об этнических и социальных разновидностях культуры, то единицами системы специфических форм поведения и деятельности, ценностно насыщенных паттернов мировосприятия, выступают культурные концепты. Итак, когнитивные концепты — это индивидуальные содержательные ментальные образования, структурирующие и реструктурирующие окружающую действительность, а культурные концепты — это коллективные содержательные ментальные образования, фиксирующие своеобразие соответствующей культуры. Очень важно то, что культура фиксируется в разных формах, среди которых для лингвистики релевантны языковое сознание и коммуникативное поведение, или язык и дискурс [Красных 2002: 12]. В этом плане самой значимой внутренней оппозицией концептов является их противопо-

ставление как когнитивных и культурных единиц, а если быть более точным — лингвокогнитивных и лингвокультурных концептов [Воркачев 2002]. С позиций когнитивной лингвистики мы движемся от человека к культуре, с позиций лингвокультурологии — от культуры к человеку.

Содержательно все концепты можно противопоставить как **параметрические** и **непараметрические** ментальные образования. К первым относятся те концепты, которые выступают в качестве классифицирующих категорий для сопоставления реальных характеристик объектов: пространство, время, количество, качество и др. Ко вторым относятся концепты, имеющие предметное содержание. Параметрические концепты весьма своеобразны, их ценностный компонент выводится дедуктивно при их конкретизации в дискурсе (*Время проходит? Время стоит. Проходите вы*. В этой грустной сентенции концепт «время» приобретает смысл «напоминание о краткости человеческой жизни»). В этой связи возникает вопрос: в какой мере параметрические концепты можно считать концептами? Эти ментальные образования имеют принципиально универсальную, общечеловеческую природу, их ценностный компонент является не внутренне присущим им (ингерентным), а наведенным (адгерентным), их перцептивно-образный компонент осознается как прототипическое уточнение (по Э. Рош), а в ряде случаев является вырожденным (как можно представить себе «сущность», «форму», «бытие»?), но их понятийный компонент представляет собой разветвленное сложное знание о ненаблюдаемых вещах. Самый простой ответ на этот вопрос — считать, что параметрические концепты являются понятиями. Такое решение, при всей его простоте, приводит к тому, что идея концепта как многомерного образования сводится на нет: выделяются ментальные единицы трех типов — понятия, образы и ценности. Второе решение — формально-логическое: принять во внимание возможность нулевого признака (любого из трех компонентов) или, в более гибком выражении, допустить наличие шкалы проявления признака (сильное, слабое и нулевое проявление). Третье решение — акцентировать идею транслируемости (превращаемости) концепта (по С. Х. Ляпину). Понимание концепта как узловой точки, соединяющей не только личностные смыслы и культуру общества, но и разные смысловые области опыта, разные знания и переживания дает возможность соотнести в единой системе параметрические и непараметрические концепты. При этом мы помним, что параметрические концепты неоднородны, в их составе выделяются категории (общефилософские и научные) и обиходные универсальные ментальные образования. О лингвокультурной специфике этих концептов можно говорить лишь применительно к их конкретизации в определенной культуре. Например, такова лингвокультурная специфика концепта «фактуальность» в англ-

лийском и русском языковом сознании [Карасик 2002]. Одним из важнейших признаков категориального статуса концептов является их антиномический характер, наличие **бинарной оппозиции** как конститутивного признака концепта. Эта бинарность может иметь разные направления, уточняющие концепт диалектически или логически, например: сущность – явление, жизнь – смерть, свобода – необходимость.

Непараметрические концепты можно разбить на **регулятивные** и **нерегулятивные**. К первым относятся те ментальные образования, в содержании которых главное место занимает ценностный компонент («счастье», «долг», «щедрость» и др.), ко вторым — синкретичные ментальные образования разного характера («путешествие», «подарок», «здоровье» и др.). В строгом смысле слова следует говорить не о ценностном, а об аксиологическом компоненте, включающем ценности (высшие ориентиры) и нормы поведения [Бабаева 2004]. Концепты-регулятивы в концентрированном виде содержат оценочный кодекс той или иной лингвокультуры. Они в своем системном выражении объясняют культурные доминанты поведения, например созерцательность и приоритет морали в русской культуре либо агентивность и приоритет права в англоязычном мире. Концепты-регулятивы неоднородны, среди них выделяются телеономные концепты — «вербализованные смыслы, отправляющие к универсалиям духовной культуры и создающие для человека смысл жизни» [Воркачев 2003: 4], такие как «счастье» и «любовь», и более частные регулятивные концепты — «гордость», «милосердие», «пунктуальность», «пошлость» и др. Регулятивные концепты и представляют наибольший интерес для выявления особенностей ментальности определенного народа или той или иной группы в его составе. Об этих концептах и идет речь в данной книге. Но следует сказать, что лингвокультурная специфика прослеживается и в нерегулятивных концептах, она выражена в них иначе, в связанном виде. Отметим, что концепты-регулятивы могут выражать как позитивные, так и негативные ценности (например, «надежда» и «зависть»).

Не только регулятивные концепты (но регулятивные в первую очередь) распадаются на типы в зависимости от того, насколько широк круг языковых личностей, для которых эти концепты являются приоритетными ориентирами поведения. В этом смысле противопоставляются **универсальные** (общечеловеческие), **этноспецифические**, **социоспецифические** и **индивидуальные** ценности и соответственно — концепты-регулятивы. Четкой границы между этими типами нет. С иных позиций допустимо выделение и других типов концептов, например, профессиональных. Примером универсальных концептов-регулятивов является триада «истина», «добро», «красота», к этноспецифическим концептам относятся «душа», «судьба», «тоска» [Вежбицкая 1996], к социоспеци-

фическим — «интеллигентность», «dignity» (аристократическое чувство собственного достоинства у людей, осознающих свой высокий социальный статус), с индивидуальными концептами (выражающими, прежде всего, авторские модификации общепринятых ценностей, вплоть до их переворачивания) мы сталкиваемся, главным образом, в художественных и философских текстах (*Наглость — обширная надежда*. Дж. Кардано).

Существующие типологии концептов в значительной мере сориентированы на языковые способы их репрезентации. Например, выделяются предметные, сценарные и качественные концепты (аналогия с семантикой прототипных существительных, глаголов и прилагательных очевидна). Иной подход к типологии концептов основан на степени абстракции образного компонента этого мыслительного образования — от конкретной картинки до обобщенного мыслимого заместителя множества более частных образов.

Вместе с тем можно предложить типологию концептов, построенную на основе признака транслируемости, перехода концепта в процессе общения от одного индивидуума к другому и от одной культуры — к другой. Транслируемость является важнейшей дискурсивной характеристикой концептов [Ляпин 1997]. Концепт как ментально-культурная единица требует выражения. По признаку транслируемости можно противопоставить концепты активно и пассивно транслируемые, содержательно модифицируемые и немодифицируемые, переводимые и неперевоаемые в иные формы. К числу активно транслируемых относятся **архетипические** концепты, основанные на системе установок и поведенческих реакций, которые незаметно определяют нашу жизнь. В основе таких концептов лежат архетипические образы (по К. Юнгу), укорененные в коллективном бессознательном, в априорных формах поведения, соединенные с представлениями опыта и наделенные большой психической энергией [Руткевич 1997: 52].

Класс нерегулятивных концептов весьма разнообразен. Предложенные в лингвистической литературе классификации ментальных единиц, относящихся к этому типу (остаточному в нашей схеме), построены на основе лингвистического (частеречного в своей основе) и когнитивно-психологического критериев [Алефиренко 2003; Бабушкин 1996; Болдырев 2001; Маслова 2004; Токарев 2003]. Наряду с картинками, схемами, сценариями, гиперонимами и другими разновидностями концептов можно выделить **лингвокультурный типаж** как обобщенный образ представителя определенной социальной группы в рамках конкретной культуры, узнаваемый по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации.

Проиллюстрируем сказанное различными типами концептов.

1.3. Разновидности лингвокультурных концептов

Какие исследовательские процедуры используются при анализе лингвокультурных концептов? Это следующие приемы: 1) семантический анализ слов, называющих имена концептов; 2) этимологический анализ этих имен; 3) семантический анализ переносных, ассоциативных значений слов, воплощающих концепты; 4) интерпретативный семантический анализ контекстов, в которых употребляются слова и словосочетания, обозначающие и выражающие концепты; 5) интерпретативный культурологический анализ ассоциаций, связанных с определенным концептом; 6) интерпретативный анализ ценностно-маркированных высказываний (поговорок, афоризмов, цитат), выражающих определенные концепты; 7) анализ коротких сочинений, написанных информантами на тему, соответствующему содержанию исследуемого концепта; 8) анализ ассоциативных реакций информантов на вербальные обозначения концепта.

1.3.1. Этноспецифические концепты «вызов» и «здравый смысл»

ВЫЗОВ Опыт каждого человека уникален. В этом смысле расхожее мнение о том, что можно чему-то научиться на чужих ошибках, является спорным. Вместе с тем существуют типичные ситуации и типичные способы поведения в этих ситуациях. Эти способы могут быть в разной степени успешными. В индивидуальной и коллективной памяти фиксируются победы и поражения, причем отрицательный опыт, как известно, осмысливается более детально, поскольку предполагается, что для выживания следует запомнить, в какие обстоятельства попадать нежелательно. Классифицировать человеческий опыт, переживаемое знание о мире и о себе, весьма сложно. Вместе с тем именно эту задачу решают представители различных областей гуманитарной науки. С позиций лингвокультурологии выделяются национально маркированные (этноспецифичные) и национально немаркированные фрагменты переживаемого опыта, кванты переживаемого знания — лингвокультурные концепты. П. Н. Донец [2001] говорит в этой связи о культурно-специфических смыслах, выделяя лакуны, лингво-специфические и дискурсивно-специфические смыслы. Степень такой специфичности различна.

Существуют уникальные концепты, например в японской лингвокультуре это «синьджу» (shinju) — самоубийство от любви, совершаемое попарно (например, если родители юноши или девушки категорически запрещают молодым людям вступить в брак). Этот сюжет в известной мере свойствен разным

культурам, Ромео и Джульетта совершают такое самоубийство, но в Японии молодые люди расстаются с жизнью вместе и подобный поступок выделен как типичное трагическое событие. Наличие такого концепта свидетельствует о большой зависимости молодых людей от своих родителей в стране восходящего солнца.

Другим примером уникального концепта может быть «талгак» — осмысленное в киргизской и казахской культурах желание беременной женщины съесть нечто особенное. Там принято считать, что если у женщины возникает такое желание, нужно сделать все возможное, чтобы она получила то, чего ей хочется, каким бы трудным для выполнения или странным не казался «талгак», поскольку от этого зависит здоровье и даже судьба будущего ребенка. Известный писатель Чингиз Айтматов в своей книге «И дольше века длится день...» показывает значимость этого концепта для людей. Т. Ю. Тамерьян [2004] анализирует наиболее важные концепты, определяющие специфику мировоззрения осетин: «фарн» — «благополучие, преуспевание, мир, тишина, небесная благодать», «куывд» — «семейное или общественное торжество, сопровождаемое закланием жертвенного животного, ритуальной молитвой», «æгъдау» — «кодекс поведения, обычай, нравственность, приличие, порядок, дисциплина». Приведенные концепты являются уникальными для определенных культур и лакунарными для тех культур, в которых их нет (позиция значимого нуля).

Наряду с уникальными лингвокультурными концептами можно выделить этноспецифические концепты. Их суть состоит в том, что содержательно эти ментальные образования наличествуют в разных культурах, но их роль в соответствующих культурах различна: для определенных культур они являются яркими аттракторами смыслов, выразителями важнейших ценностей, в других же культурах эти концепты являются фоновыми. А. Вежицкая говорит в этом смысле о ключевых концептах культуры, приводя в качестве примера для русской культуры концепты «душа», «судьба» и «тоска», выражающих такие признаки русского характера, как эмоциональность, иррациональность, неагентивность, любовь к морали [Вежицкая 1996: 33–34]. Более полную картину подобных ключевых концептов в русской картине мира предлагает А. Д. Шмелев, характеризуя душу и тело, время и пространство, общие жизненные установки (*смирение, гордость, попрек, стыд, авось* и др.), бытовые представления (*заодно, вдруг, задушевность, дружба*) и философию жизни (*правда, справедливость, долг, обязанность, судьба*) [Шмелев 2002]. Ключевые идеи русской лингвокультуры рассматриваются в работах Н. В. Уфимцевой [1998], К. Касьяновой [2003], А. В. Сергеевой [2006], В. Ждановой [2006]. Обзор этноспецифических концептов России, Англии, Австрии, Германии, Италии и Франции при-

водится в учебном пособии нижегородских филологов «Межкультурная коммуникация» (Н. В. Макшанцева — «Русское», «Соборность», «Воля», «Удаль», «Беспредельность», «Тоска», «Вера»; М. В. Цветкова — «Английское», «Дом», «Свобода», «Приватность», «Честная игра», «Сдержанность», «Джентльменство», «Юмор», «Здравый смысл»; З. И. Кирнозе — «Французское», «Дух критицизма», «Свободолюбие», «Чувство собственного достоинства» и др.). Развернутый анализ этноспецифических концептов приводится в книге «Иная ментальность» (О. Г. Прохвачева рассматривает концепт «приватность», аккумулирующий в себе ценности англоязычного мира; Я. В. Зубкова освещает характеристики важного для немецкой лингвокультуры концепта «Пунктуальность»; Э. В. Грабарова исследует концепт «*Savoir vivre*» — «Умение жить с удовольствием», определяющий своеобразие французского отношения к жизни).

Одним из этноспецифичных концептов, актуальных для англоязычного мира, является концепт «challenge» — «вызов».

В современном русском языке мы сталкиваемся с разными значениями слова «вызов»: 1) (отглагольное существительное, называющее действие, выражаемое глаголом «вызвать») (офиц.) Попросить, пригласить, потребовать показаться, явиться куда-л., откуда-л. *Вызвать врача. Вызвать родителей телеграммой; призвать, побудить к каким-л. действиям. Вызвать на бой, на поединок, на соревнование.* 2) (офиц.) Документ, содержащий требование, предложение, просьбу прибыть куда-л. *Прислать вызов на конференцию.* 3) Стремление, готовность вступить в спор, борьбу и т. п. (выраженное во взгляде, голосе, действиях и т. п.). *Вызов коллективу, общественному мнению. Откровенный, прямой, дерзкий вызов. Бросить вызов кому-л. (о поступке, идущем вразрез с общепринятыми нормами)* [БТС].

В толковых словарях английского языка слово «challenge» определяется следующим образом: 1) *A demanding or stimulating situation*, 2) *A call to engage in a contest or fight*, 3) *Questioning a statement and demanding an explanation*, 4) *A formal objection to the selection of a particular person as a juror*, 5) *A demand by a sentry for a password or identification* [WordWeb].

A challenge is 1) something new and exciting or difficult which you have the opportunity of doing and which requires great effort and determination if you are going to succeed. eg She was willing to accept the challenge of the unknown... 2) an invitation or suggestion from someone that you should compete with them in some way. eg They soon recognized the nature of the Conservative challenge... 3) a questioning of the truth, necessity, or usefulness of something or of a person's right to do or have something. eg The challenge to authority is accompanied by a much more serious consideration... [COBUILD].

Исторически значение этого слова в английском языке развивалось в следующем направлении: † 1. *An accusation, a reproach, an objection.* † 2. *A (false) claim; the act of demanding as a right.* 3. *An invitation or summons to take part in a trial or contest, spec. (a) to a duel, (b) to a sporting contest, esp. one issued to the reigning champion; a test of one's abilities, a demanding or difficult task.* 4. *A call to respond; esp. a sentry's demand for a password etc.* 5. *Law. An exception taken, to a person or thing; spec. an objection made to a juror.* 6. *A calling in question; the state of being called in question.* 7. *Immunology. A dose of antigen given to a previously exposed person or animal in order to detect immunity or hypersensitivity* [SOED].

Мы видим, что это слово означает ситуацию, требующую ответного действия либо в конкретном смысле (оклик часового, возражение в адрес судебного заседателя, вызов на поединок или на соревнование, проверка иммунной системы), либо в более общем смысле (поведение в неблагоприятных обстоятельствах, требующих смелости). Внутренняя логика развития значения этого слова может быть выражена в следующих оценках ситуации: враждебная – опасная – трудная – стимулирующая. Соответственно меняется и поведение основных участников этой ситуации — того, кто бросает вызов, и того, кто принимает вызов. Вначале было важно подчеркнуть то, что у бросившего вызов не было права требовать чего-либо от вышестоящего. Такое поведение осуждается. Далее возникает идея вооруженного или невооруженного состязания, и положение дел радикально меняется. В условиях состязания нужно вести себя в соответствии с правилами, а они требуют честной борьбы, хороших манер и великодушия к побежденному. Получая вызов, нельзя было показывать страх или замешательство, это вело к потере репутации. Далее состязание становится спортивным, оно доставляет удовольствие, как участникам, так и публике. Бросить вызов в этих обстоятельствах значит проверить себя, испытать приключения, ощутить полноту жизни.

В условиях поединка часто случается так, что соперники не равны по силам. Симпатии наблюдателей обычно — на стороне слабого. Люди понимают, что у слабого участника поединка должны быть серьезные основания для того, чтобы вступить в бой с более сильным противником. Это может быть ощущение своей правоты, как у библейского Давида в поединке с Голиафом, либо дерзкое бесстрашие у тех, кто привык постоянно рисковать. Англичане, нация мореходов, хорошо знают, что для плавания по морям нужно быть готовым к любому шторму.

Такое отношение к жизни выражено в слове *defiance* — 1) *open disobedience; bold resistance.* 2) *a challenge to fight or maintain a cause, assertion, etc. In defiance of — disregarding; in conflict with* [COD].

Для выяснения типичных образов и ситуаций, связанных с исследуемым концептом, я попросил носителей английского языка написать короткое сочинение на тему «challenge». Приведу типичные тексты.

When I think about challenge I see in my mind brave explorers who step upon new lands. They go in the jungle among huge snakes and unknown brightly colored birds or they move to the North pole against winter storm, and their faces are resolute and they know it is their duty to fulfil their plans. May be it is because I remember Professor Challenger from «The Lost World» by Arthur Conan-Doyle. Or I can imagine the crew of a space ship flying to a remote end of the Universe. They know that perhaps they will not come back. But it was their free choice. I think they are happy in the sense that their life is full of intense feeling, they are romantic and they know they do not live in vain. And I hear them say: «Then it's a challenge!» I can hear the intonation of this phrase. They mean they will not quit.

Когда я думаю о вызове, я представляю себе смелых путешественников, ступающих на неизведанные земли. Они идут по джунглям среди огромных змей и неизвестных ярких птиц или двигаются к северному полюсу сквозь бураны, их лица непреклонны, и они знают, что должны выполнить свои планы. Возможно, это связано с тем, что я хорошо помню профессора Челленджера из «Затерянного мира» А.Конан-Дойля. Еще я представляю себе команду космического корабля, улетающего в далекие края вселенной. Члены экипажа знают, что, возможно, назад они не вернуться. Но это — их свободный выбор. Я думаю, они счастливы в том смысле, что их жизнь наполнена настоящими чувствами, они — романтики, они знают, что живут не зря. Я могу себе представить, как они говорят: «Что ж, это — вызов!» Я слышу ту интонацию, с которой они произносят эти слова, они не свернут с пути.

Следующий текст написан пенсионером, работавшим раньше инженером в крупной фирме.

When I think about a challenge I recollect a couple of situations when my boss asked me to do some job which he thought would be too difficult for me. He is that teasing sort of guy. I remember he always enjoyed seeing me somewhat embarrassed. I can't say I was happy having to work extra hours. The tricky thing was that I could easily say that it was not actually my job, but I understood that he was waiting for such a reaction. I just could not give him such a pleasure. So it was a challenge, and I had to do my best to prove what I am. Later on I learned that it was a common trick recommended to managers by psychologists in order to make people work harder.

Когда я думаю о вызове, я вспоминаю пару ситуаций, когда мой шеф поручал мне работу, которая, как он думал, будет мне не по силам. Он любил так поддевать людей. Ему нравилось видеть, что мне становилось не по себе. Честно говоря, мне совсем не хотелось просиживать на работе лишние часы. Вся зацепка была в том, что я вполне мог отказаться, сказать, что это — не моя работа, но я видел, что он этого как раз и ждет. Мне не хотелось, чтобы он услышал мой отказ и обрадовался. Поэтому для меня это был вызов, и мне приходилось стараться изо всех сил, чтобы доказать, чего

я стою. Потом я узнал, что это был обычный трюк, который психологи рекомендуют менеджерам использовать, чтобы заставить людей работать более напряженно.

Типичные ассоциации с данным концептом выражены в следующем тексте.

When I was a little kid there was a guy in my school who used to tease me and pinch me and show that he was very strong. He was two years older than me. I was not sort of a born fighter, so at first I tried to find a peaceful way to settle the things. But it did not help. The boys around started to call me sissy. So one day when that guy came up to me again I gave him a couple of good blows on the nose. He was bleeding, and after that he never came up to me.

Когда я был еще маленьким и ходил в школу, у нас там был один парень, который часто меня дразнил, щипал и показывал, что он очень сильный. Он был на два года старше меня. Я не очень-то люблю драться, поэтому сначала я старался все уладить мирно, но это не помогло. Пацаны стали говорить, что я — маменькин сынок. И вот, однажды, когда этот парень опять стал ко мне приставать, я пару раз врезал ему по носу как следует. У него потекла кровь, и с тех пор он ко мне не приставал.

Можно увидеть, что ситуация вызова включает следующие компоненты:

- 1) человек, вынужденный реагировать
 - 2) на неприятные, трудные или опасные обстоятельства,
 - 3) наличие физической возможности уйти от такой реакции,
 - 4) моральная необходимость противостоять этим обстоятельствам,
 - 5) чувство удовлетворения после принятия решения противостоять им,
 - 6) общественное одобрение такого решения.
- Таким образом, с концептом «challenge — вызов» сопряжены концепты «смелость», «усилие», «испытание», «успех».

В Британском компьютерном национальном корпусе базы данных (The British National Corpus Data Base) приводятся следующие примеры, иллюстрирующие структуру рассматриваемого концепта.

Ассоциативная линия «вызов — опасность — смелость»: *While only offering about 20ft of new climbing, it solves the main challenge of the capping roof: a formidable test piece with potentially fatal consequences in the event of a fall (Отличаясь всего лишь почти на 20 футов в высоту, новое восхождение решает основную проблему, связанную с вызовом, который ставит перед альпинистами покрывающий свод: чрезвычайно трудное испытание с фатальным исходом в случае падения).*

Ассоциативная линия «вызов — трудность — усилие»: *For too long, over-indulgent teachers have churned out children for whom reading is a challenge and writing a mystery (Слишком долго сверхснисходительные учителя плодили школьников, для которых чтение — это вызов, а письмо — тайна).*

Ассоциативная линия «вызов — интерес — приключение, испытание»: *There is, she says, little intellectual challenge, hardly any praise, not even much blame*

(Она говорит, что здесь слишком маленький интеллектуальный вызов, вряд ли это заслуживает похвалы, да и винить за это никто не будет).

Ассоциативная линия «вызов – цель – успех»: *We are now clearly in a mature market and the challenge is to both optimize recovery from existing fields and maximize the development of new marginal fields* (Мы сейчас действуем в условиях развитого рынка, и вызов состоит в том, чтобы получать оптимальную отдачу от существующих проектов и максимально расширять поиск новых областей капиталовложений).

Необходимо отметить, что концепт «вызов» характеризует не обычные, рутинные, а особые моменты в жизни, где нужно остановиться, чтобы сделать выбор. В этом есть элемент торжественности, и поэтому данный концепт часто используется в политической риторике.

Система ценностей, закодированных в языке, в явном виде выражается в высказываниях, которые содержат нормы поведения. Эти высказывания распадаются на два класса: прямые императивы («Слушайся старших!») и обобщенные констатации, в которых содержатся рекомендации поведения («Лучше умереть стоя, чем жить на коленях»). Эти констатации могут быть выражены в форме логического определения («Честность — лучшая политика») и в форме иносказания («Если ты курица, то почему несешь гусиные яйца?»). Как прямые императивы, так и обобщенные констатации в их разновидностях сводятся к ценностным протокольным предложениям, построенным по формуле «Следует вести себя так-то». Ценностно маркированные высказывания представлены в виде корпуса прецедентных текстов, прежде всего — пословиц и афоризмов. Пословицы, как правило, выражают общепринятые нормы поведения как концентрированный коллективный опыт в виде иносказания, афоризмы раскрывают основания этих норм и часто формулируются как личностная оценка этого опыта в виде абстрактного рассуждения.

В корпусе английских и русских пословиц мне не встретились в прямом выражении речения, в которых были бы заданы нормы поведения в ситуации вызова, хотя смежные концепты, такие как «смелость», «испытание», «успех», достаточно представлены в паремиологическом фонде. Вероятно, ситуация вызова отражается в коллективном сознании как сложное образование, сводимое к более простым составляющим, в отношении которых выработаны нормы поведения.

В этом смысле афоризм представляет собой развитие идеи, которая на более простом уровне выражена в пословице. Показателен следующий пример: *«The ultimate measure of a man is not where he stands in moments of comfort and convenience, but when he stands at times of challenge and controversy»* (Martin

Luther King). — *Человеческая суть раскрывается не в моменты комфорта и удобства, а в час ответа на вызов и трудных споров.*

В данном контексте концепт «вызов» используется как иллюстративный компонент в контрасте «хорошие времена – плохие времена». Эта идея сформулирована в пословице «*Adversity is the touchstone of virtue*» — «Бедствие — пробный камень добродетели», выражающей одну из важнейших норм поведения: «Нельзя сдаваться, сталкиваясь с трудностями». Эта универсальная норма поведения является ключевой для понимания специфики отношения к судьбе в англоязычной культуре. Именно в этом понимании, на мой взгляд, и раскрывается сущность концепта «challenge».

Можно выделить две базовые позиции в этой связи. Приняв первую позицию, нужно трезво оценить ситуацию, постараться избежать риска и найти успешное решение проблемы. Положительной стороной такого отношения к ситуации является достижение безопасности, отрицательной — душевная вялость и потеря интереса к жизни. Идея вызова в таком случае не актуализируется. Приняв вторую позицию, следует идти на риск. Плюсом такого выбора является концентрация энергии, чувство полноты жизни, минусом — высокая степень неудачи, жажда острых ощущений и возможная агрессивность. В этом случае идея вызова становится доминирующей. Сравнивая эти позиции, мы неизбежно приходим к пониманию того, что они в значительной мере обусловлены возрастом человека: вызов — это выбор тех, кто молод, уход от вызова — выбор умудренных опытом людей.

Связь концепта «вызов» с ключевыми ценностями американской культуры несомненна: Америка — это страна, где престижно быть молодым и стыдно быть старым. Быть молодым душой и телом значит быть энергичным, мобильным, привлекательным, общительным, здоровым и открытым для ответа на вызовы. Американская культура телесна в том смысле, что она сориентирована на земные проблемы, на практические дела, на материальный мир. Люди обычно лишь с годами приходят к пониманию духовных приоритетов в жизни. Для зрелых людей и цивилизаций с многовековой историей духовные приоритеты являются высшими ценностями. Молодежь улыбается, слушая эти доводы, поскольку считает, что ориентация на духовное связана с потерей возможности получать телесные удовольствия от жизни. Эта ассоциативная линия выражается в концептах «вызов» — «молодость» — «удовольствие».

Кстати, английское слово *fun* выражает специфический концепт получения удовольствия — удовольствие в действии и от действия: *Fun is something such as an activity or situation that is pleasant and enjoyable and that causes you to feel happy. She got a lot of fun out of hiking* [COBUILD]; *Fun — playful and often*

energetic activity. *The children are always full of fun* [CIDE]; amusement, esp. lively or playful [COD].

Сравним: удовольствие — 1) чувство радости, довольства от приятных ощущений, переживаний; 2) то, что вызывает, создает такое чувство; приятное развлечение, забава. *Наслаждаться удовольствиями городской жизни* [БТС]. А. Б. Пеньковский [2004: 64], сравнивая концепты «радость» и «удовольствие» в представлении русского языка, отмечает, что стимулом удовольствия является действие или активное недействие (сладкое ничегонеделание — *dolce far niente*). Разница в английском и русском представлении удовольствия заключается как в степени активности, так и в характеристике возраста субъекта. В концепте «удовольствие» нет акцента на игре, а «fun» подчеркивает именно игру как источник удовольствия. Разумеется, эта разница весьма подвижна и относительна, но даже по сопоставительной употребительности слов «удовольствие» и «fun» (второе значительно чаще встречается в речи и стилистически нейтралью, в то время как первое в большей мере соответствует английскому *pleasure* — *a feeling of satisfaction or joy* [COD] — чувство удовлетворения или радости).

Концепт «challenge» связан не только с акцентируемой молодостью субъекта, но и с принятыми способами решения конфликтной ситуации: понимая несправедливость своего положения, человек может смириться с этим либо не смириться с таким положением дел. Если человек не смиряется, то он может искать компромисс, маскировать свои действия и идти на открытое столкновение. Компромисс как способ решения конфликта приветствуется в англоязычной культуре в сфере бизнеса и политики, но в обиходном общении считается благородным поступком бросить вызов. В этом смысле следует отметить тесную связь ситуации вызова с борьбой за свободу.

Трудно перевести адекватно слово «challenge» на русский язык. В русском языковом сознании открытое неповиновение и действие, противоречащее принятым нормам поведения, вызывают отрицательную оценку. В определенной мере этот смысл соответствует древнейшей стадии развития рассматриваемого концепта в английской лингвокультуре. Разумеется, в современных текстах массовой информации и политическом дискурсе со времен перестройки в нашем обиходе появились новые, заимствованные концепты, свойственные англоязычному миру. Но такие слова, транслитерированные либо переведенные на русский язык (например, «tolerance» — «толерантность», «diversity» — «многообразие»), осознаются на концептуальном уровне как чужие. «Вызов» в этой связи есть свободный выбор индивидуума. К индивидуализму в России всегда было отрицательное отношение. Интересно, что идея противопоставления индиви-

дуального и общественного заложена даже в русских глаголах мышления: «думать» акцентирует коллективную, диалогическую мыслительную деятельность (отсюда и «Государственная дума»), а «мыслить» — индивидуальную, монологическую [Колесов 2004: 29]. Выделение собственной точки зрения в русском коммуникативном поведении вызывает критическую оценку: «Я — последняя буква в алфавите».

Идея индивидуальной ответственности тесно связана с идеей необходимости действия. Разумеется, всем понятно, что невозможно достичь чего-либо без приложения усилий. Но действие как таковое может получить разную оценку: с одной стороны, его можно оценивать с позиций его эффективности, т. е. подчеркивать средства достижения цели, с другой же стороны, его можно оценивать с позиций мотивации, т. е. сначала ответить на вопрос, нужно ли предпринимать то или иное действие. Западный подход к оценке действия сфокусирован на том, как оптимально выполнить работу, поскольку люди работают на себя. В России очень важна мотивация труда: люди хотят видеть смысл в своей деятельности, поскольку на протяжении многих веков подавляющее большинство населения нашей страны было вынуждено работать не на себя, а на барина.

Историческая обусловленность такого отношения к действию в англоязычной и русской культурах вполне понятна. Но помимо исторической обусловленности здесь имеет место и психологическая обусловленность отношения к жизни: позиция Деятеля либо Созерцателя. Деятель выделяет себя из жизненного потока, пытается направлять развитие событий, развивает планы и обдумывает способы их воплощения в действительность и получает удовлетворение от активного участия в жизни. Созерцатель живет в другом измерении, он ищет гармонии между своей душой и окружающим миром, он принципиально находится внутри жизненного потока и пытается избежать турбулентных действий, которые могут нарушить эту гармонию. В ситуации неблагоприятного развития событий Созерцатель хочет увидеть причины такого положения дел и объяснить их самому себе. Очень часто в результате этого Созерцатель эмоционально реагирует на обстоятельства, это приносит ему успокоение и не требует ничего менять в окружающем мире. Ключевым концептом для Созерцателя является концепт «судьба» Именно поэтому англоязычный концепт «challenge» часто воспринимается в России как идея тщетного и самонадеянного поведения. Из этого не следует, что все американцы — это энергичные сторонники деятельного подхода к жизни, а русские — неисправимые созерцатели. Различие состоит в том, что существуют культурные доминанты поведения, заданные в сложившихся стереотипных установках и реакциях. В определенных, стремительно расширяющихся сферах жизни (наука, индустрия, спорт, война)

различия между отношением к вызову в английской и русской лингвокультурах нивелируется. Более того, необходимость охраны окружающей среды на западе осознается более остро, чем в России, а эта идея существенным образом ограничивает экспансию деятеля.

Различие в соотношении стереотипов поведения Деятеля и Созерцателя в наибольшей мере просматривается в двух сферах — обиходное и политическое общение и затрагивает ключевой концепт политического дискурса — «власть». В России власть традиционно ассоциируется с угнетением и несправедливостью (прецедентный текст из популярной песни: *«Дай Бог не вляпаться во власть»*). С позиций Созерцателя, власть не может быть справедливой, она лишь не должна превращаться в цинично и жестоко несправедливую. Поэтому общественное мнение редко бывает на стороне человека, который бросает вызов власти, стремясь взять ее в свои руки. Американцы же не ассоциируют власть с несправедливостью. Для них власть — это механизм эффективной организации общества, и в случае неадекватного функционирования такого механизма срабатывает механизм легитимной замены власти. В этом смысле политический вызов признается нормальным положением дел. Современный политический дискурс в России развивается в этом же направлении. Отношение населения к борьбе политиков за власть в некоторой степени различно в США и России: американцы с симпатией относятся к тому, кто бросает вызов власти и принимают во внимание личные качества этого человека, граждане России смотрят на такого человека с подозрением и редко воспринимают политическую риторику всерьез. Положение меняется, если власть в России стремится наказать того, кто бросает ей вызов: несправедливо пострадавших в нашей стране всегда считают борцами за правое дело.

Резюмирую. Концепт **«challenge»** относится к числу этноспецифичных концептов-регулятивов в лингвокультуре США, он неразрывно связан с ключевыми ценностями американской культуры — концептами «свобода», «равенство», «энергичность». Этот концепт дает моральную ориентацию поведения в ситуации враждебного или игрового противостояния, содержит импликации испытаний и успеха, подчеркивает необходимость индивидуальных усилий и определяет позицию Деятеля, направляющего свою судьбу. В ходе своего развития данный концепт превратился в символ испытания характера человека. В русском языковом сознании и коммуникативном поведении концепт «вызов» имеет отрицательные и положительные характеристики, при этом наблюдается тенденция постепенного расширения положительной оценки поведения, воплощающего этот концепт.

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ Здравый смысл часто считают одной из основных характеристик Западной ментальности в противоположность непрактичному и фантастическому мироощущению, свойственному людям, живущим на Востоке. В этой связи представляет интерес сравнительный анализ отношения к здравому смыслу в русской и американской лингвокультурах. В данной работе здравый смысл рассматривается как лингвокультурный концепт, т. е. как сложное ментальное образование, в составе которого можно установить образный, понятийный и ценностный компоненты [Карасик 2002].

Список концептов, которые стали предметом специального лингвокультурологического анализа, весьма внушителен. Наиболее часто рассматриваются такие концепты, как «судьба», «душа», «труд», «любовь», «свобода». Концепт «здравый смысл», по нашим данным, еще не был предметом специального изучения в лингвистической литературе.

Обратимся к понятийной стороне анализируемого концепта.

Этимологически английское словосочетание «common sense» (букв. «общее чувство») восходит к античной идее объединения всех сенсорных модальностей в едином специфическом чувстве (*a supposed internal sense held to be common to all the senses, or one that acted as a link between them*). Это словосочетание является калькой с латинского, который, в свою очередь, воспользовался греческим источником: trans. of *L sensus communis*, itself trans. of *Gk koine aisthesis*. «Согласно античным представлениям считалось, что душа человека, его внутреннее святое тело, состоит из семи качеств, находящихся под влиянием семи планет. Огонь оживляет, земля дает ощущения, вода — речь, воздух — вкус, туман — зрение, цветы — слух, теплый ветер — обоняние. Соответственно, различались наделение жизнью, ощущение, речь, вкус, зрение, слух и обоняние» ([The Wordsworth Dictionary of Phrase and Fable]; перевод мой. — В.К.). Эти астрологические корреляции сегодня могут вызвать у многих современников улыбку, но идея о том, что все сенсорные модальности должны иметь некую общую основу, не противоречит данным биологии. Эта идея является стержневой, в частности, у известных современных нейробиологов У. Матураны и Ф. Варелы [2001].

По-русски название концепта «здравый смысл» является мотивированным и не требует специального этимологического анализа. Это словосочетание соотносится со словами «здравомыслие» и «благоразумие». Оба слова в настоящее время являются устаревшими (этот факт, кстати, заслуживает внимания). В словаре В. И. Даля приводится следующее разъяснение: здоровое суждение — прямое, правильное, основательное, со смыслом. Здравый смысл — рассудок, рассудительность, прямой толк. Благоразумие — рассудительность в словах и поступ-

ках; житейская мудрость; полезная осторожность и расчетливость [Даль 1994]. Итак, в русском языке здравый смысл соотносится с нормальным поведением и противопоставляется нездоровому, т. е. больному рассуждению и поведению.

Обратимся к толкованиям современных словарей. Английские словари определяют рассматриваемый концепт следующим образом:

– (noun) Sound practical judgment. (adjective) Exhibiting native good judgment. Synonyms: commonsensible, commonsensical, good sense, gumption, horse sense, mother wit, sense. Type of: discernment, judgement, sagaciousness, sagacity. Type: logic, nous, road sense. Similar: reasonable, sensible (World Web Dictionary).

– sound practical judgment that is independent of specialized knowledge, training, or the like; normal native intelligence (Random House Dictionary of the English Language).

– sound practical sense, esp. in everyday matters (often hyphenated when attrib.: *a common-sense approach*) (Concise Oxford Dictionary).

– 1) the unreflective opinions of ordinary people; 2) sound and prudent but often unsophisticated judgment (Merriam-Webster's Online Dictionary).

– a person's natural ability to make good judgements and to behave in a practical and sensible way (Collins COBUILD English Language Dictionary).

– Common sense is the basic level of practical knowledge and wisdom that we all need to help us live in a reasonable and safe way: *Don't touch that light switch with wet hands! Use your common sense* (Cambridge International Dictionary of English).

В тезаурусе П. Роже идея «здравый смысл» является разновидностью смысловой сферы «мыслительная активность» и соотносится с полем «мудрость»:

#498. Intelligence. Wisdom. — N. intelligence, capacity, comprehension, understanding; cuteness, sabe * [U.S.], savvy * [U.S.]; <...> wisdom, sapience, sense; good sense, common sense, horse sense [U.S.], plain sense; rationality, reason; reasonableness &c. adj; judgment; solidity, depth, profundity, caliber; enlarged views; reach of thought, compass of thought; enlargement of mind [Roget Thesaurus].

Мудрость определяется как способность применять знания, или опыт, или понимание, или здравый смысл, или интуицию (Ability to apply knowledge or experience or understanding or common sense and insight — WWD). Дефиниция приводит нас к порочному кругу в определении (мудрость есть здравый смысл, а здравый смысл — мудрость). Вместе с тем ясно, что мудрость включает здравый смысл, но не сводится к нему.

Приведенные выше дефиниции показывают, что лексикографы объясняют концепт «common sense» как комбинацию следующих признаков: 1) способность формировать суждения и принимать решения, 2) здравая (верная, обоснован-

ная), 3) практичная (реалистичная, действительно возможная), 4) природная, присущая от рождения. Следует обратить внимание на то, что эта способность относится не только к сфере наблюдения и рассуждения, но и к сфере практических действий, поступков (именно поэтому она имеет этическое измерение). В английских словарях подчеркивается, что здравый смысл есть положительное качество людей и нормальное качество, т. е. мы начинаем осознавать не столько наличие здравого смысла, сколько его отсутствие, так как в обычной ситуации он является естественным, как, например, дыхание. Иными словами, здравый смысл принадлежит к аксиоматическим характеристикам человеческого поведения. Доказывать аксиомы очень трудно, это всегда требует построения некоторой метатеории, и обычно прибегают в таких случаях к доказательству от противного, в частности, используется прием сведения к абсурду. Противоположными характеристиками здравого смысла могли бы быть следующие признаки: 1) неверный, ошибочный, противоречащий опыту, 2) нереалистичный, невозможный, 3) не природный, не врожденный, а усвоенный в результате специального обучения. Если первые две характеристики оцениваются безусловно отрицательно, то последняя допускает и амбивалентную оценку: с одной стороны, могут быть оторванные от жизни надуманные знания, противоречащие здравому смыслу и заслуживающие осуждения, но, с другой стороны, в определенных областях познания здравый смысл может быть недостаточным, и требуется выход на иной, более высокий уровень понимания вещей. Уточним здесь же тезис о природности здравого смысла: имеется в виду не врожденность этого качества, а то, что наличие опыта неизбежно приводит к формированию здравого смысла. Человек, имеющий опыт совершения ошибок и не делающий выводов, в любой культуре квалифицируется как умственно несостоятельный. В русском языке это качество иллюстрируется известной поговоркой «наступать на грабли».

В толковых словарях русского языка интересующий нас концепт объясняется так:

Здравый — рассудительный, толковый, правильный, основанный на рациональном отношении к кому-чему-н. (книжн.): *Здравый ум. Здравая критика. Здравый смысл (рассудок). Здравое рассуждать*; здравомыслящий — со здравым смыслом, правильно, толково рассуждающий; благоразумный — осторожный, рассудительный, житейски мудрый (Ушаков).

Здравый — разумный, правильный: *В его словах есть здравый смысл*. Здравомыслие — способность правильно, разумно мыслить, рассуждать; благоразумие — обдуманность в действиях и поступках; рассудительность, осмотрительность [БТС].

Здравый смысл — это логика человека, способность рассуждать разумно, спокойно, последовательно. *Здравый смысл подсказывает: чем больше сотрудничества и чем меньше конфронтации, тем лучше для обеих держав.* Если в словах, поступках человека есть здравый смысл, значит, в его словах, поступках есть определенная логика, есть нечто разумное, правильное. *Мне кажется, в твоём предложении есть здравый смысл, мы попробуем сделать все именно так [ТСРЯ].*

Мы видим, что английские и русские дефиниции содержат общие и отличительные признаки. Бросается в глаза то обстоятельство, что в английских словарях рассматриваемый концепт объясняется более детально, чем в русских (строго говоря, только в одном русском словаре толкуется словосочетание «здравый смысл»). Меньшая детализация русского толкования может объясняться, во-первых, более богатой лексикографической традицией в английской культуре, чем в русской, и, во-вторых, большей значимостью этого концепта для англоязычного сообщества. Второй тезис не является бесспорным. Возможно, что дела обстоят наоборот: если концепт вообще не называется, то он аксиоматичен и его упоминание избыточно. Сравним: «Он красив, умен и благороден» и «Он зряч, вменяем и цел». Первое высказывание выделяет человека из ряда людей по признакам, присущим далеко не всем, упоминание этих признаков является позитивной идентификацией человека. Второе высказывание подразумевает некую ситуацию, в которой человек может потерять естественно присущие практически всем здоровым людям качества, упоминание этих качеств является его негативной идентификацией. Возможно, что в русской лингвокультуре тот концепт, который называется «здравый смысл», в известной мере соотносим с вменяемостью. Итак, на уровне понятийного анализа мы можем сделать предположение, что рассматриваемый концепт имеет несколько разное содержание в английской и русской лингвокультурах: для англоязычного сообщества важно противопоставлять поведение разумное и неразумное, практичное и непрактичное, основанное на базовых знаниях о жизни и на специальных знаниях, а в русском языковом сознании реализуется только первое противопоставление. Нельзя не заметить и важного стилистического различия в толковании данного концепта: в английском языке он является общеупотребительным, в русском же — в определенной степени ограничен книжной или официальной речью. Для проверки и уточнения этого предположения обратимся к результатам анализа образной (точнее, образно-перцептивной) стороны рассматриваемого концепта.

Если исследование понятийной стороны концепта представляет собой его выделение, обозначение, структурирование, дефинирование и определение его места в системе концептов, то обращение к образной его стороне предполагает

описание опыта, связанного с этим концептом, характеристику его ассоциативных признаков. Можно выделить, по меньшей мере, три процедуры такого описания: 1) написание короткого эссе на тему соответствующего концепта (в практике обучения иностранным языкам это называется составлением топики), в процессе такого написания информант неизбежно активизирует признаки характеризуемого концепта, в большей или меньшей степени актуальные для данного концепта. Совокупность таких признаков представляет собой когнитивный тип (по А. Г. Баранову); 2) интерпретативный анализ контекста, в котором употребляются наименования концепта; 3) экспериментальная верификация модели концепта путем анализа непосредственных ассоциативных реакций информантов на имена этого концепта.

Приведем несколько коротких эссе, написанных на тему концепта «common sense» — «здравый смысл» носителями современной американской и русской лингвокультуры.

Commonsense is a quality of people that enables them to make reasonable, sane and usually right decisions and choices. They see things as they are, they are shrewd and prudent in some way. Person possessing Common sense is sound, always prudent, his opinion is not influenced by any others. He feels at ease in any situation or at least tries to be. You asked in what way it is associated with prudence. To me, these two meanings are close, to be prudent is to be casual, reasonable, sane, to have common sense.

I don't think that I connect Common Sense with Prudence. I think more of common sense as «the little voice» inside of you telling you what is right and what is wrong. I think that some people are blessed with a lot of it and some not so much. My one cousin for example, not so much. He is extremely intelligent (book smart) but wow when it comes to common sense it's just not there. I also think that common sense comes from «living life.» Experiencing different things and activities. Life learning experience. The more that you do the more that you know what limits in life you have.

When I think about common sense I imagine the life of simple people living far away in a little village, working hard in the field and enjoying good healthy food, fresh air, true love and friendship. Common sense is their inner order of life, they do not discuss what is good or bad, they do not think of it, they live in accordance with nature and their souls. We start to think about common sense when we come across someone's absurd or erratic behavior. For instance there are different food cranks now who make their diet the center of the Universe. They can do whatever they like but their tastes seem funny to many people. Very often people have to take a commonsense approach to political matters. Why should we wage a war against the people who prefer to live as they choose to live? The common sense solution would be to find a reasonable compromise and to gain what is really possible.

Когда я думаю о здравом смысле, я представляю себе человека, который без рассуждений принимает трезвое решение в обычной ситуации, например, избегает лиш-

них усилий (умный в гору не пойдет, умный гору обойдет). У этого человека есть какая-то внутренняя логика в поступках, он не ведет себя глупо. Когда он говорит, в его рассуждениях есть зерно, его доводы самоочевидны. В отличие от здравого смысла мудрость для меня связана с выбором, который требует особого проникновения в суть вещей, мало кто ведет себя мудро, но почти все поступают в соответствии со здравым смыслом. Мудрец обладает особым статусом, это не только очень умный человек, но и носитель некоторого высшего знания, он не может причинять зло. Здравый смысл иногда подсказывает не самое безупречное решение с позиций этики, эгоисты сплошь и рядом руководствуются здравым смыслом. Благоразумие — это умение и привычка избегать опасных и неудобных ситуаций: благоразумный человек промолчит тогда, когда высказываться опасно, не станет предлагать свою помощь, если ничего не получит в ответ.

Когда я думаю о здравом смысле, я представляю себе процветающих, самодовольных и часто циничных людей, у которых нет высоких идеалов в жизни, которые не понимают, что такое любовь, самопожертвование, красота. Им недоступна поэзия, но они хорошо знают что почем. Такие люди не могут понять, зачем нужно открывать новые страны, искать неведомые миры. Это очень скучные люди, и они часто любят поучать всех, как надо себя вести. Они боятся любых неожиданных поворотов в жизни, им чужда романтика. Психологически здравый смысл — это оправдание трусости.

Когда я думаю о здравом смысле, я пытаюсь представить себе, как бы я себя повел в ситуации, когда нужно участвовать в каком-нибудь абсурдном ритуальном действии. Если бы я оказался на месте Евгения Онегина, я бы ни за что не стал стреляться с моим другом, даже если он и наговорил мне всяких гадостей. Почему нельзя было подняться над условностями и сказать: слушай, я тоже был не прав, зачем мы будем устраивать этот спектакль на потеху всяким мерзавцам? Я понимаю, что в таком случае великий и очень правдивый роман А. С. Пушкина потерял бы свой трагический заряд. Я знаю, что человеческое поведение очень редко согласуется с логикой здравого смысла. Если жить по законам здравого смысла, то, возможно, всем нам станет скучновато. Но, возможно, цена за отрыв от здравого смысла чересчур высока?

Эти и подобные им тексты показывают, что ситуации, в которых люди демонстрируют наличие или отсутствие здравого смысла, рассматриваются с различных точек зрения. Главными отличительными признаками являются противопоставление 1) обиходного и книжного знания в англоязычном мироощущении и 2) романтического и прозаического отношения к жизни в русской лингвокультуре. Книжное знание оценивается иронически. Здравый смысл для американцев — это надежный ориентир успешного выполнения планов, он не ставится под сомнение. Основное отличие в отношении к здравому смыслу — это выбор позиции Реалиста или Романтика. Для Реалиста здравый смысл противопоставлен абсурду, бессмысленности, ненормальности и поражению в жизни. Для Романтика здравый смысл — это постоянная привязка к земле, к

трезвому учету обстоятельств, это отказ от приключений, в результате чего жизнь теряет всякий вкус и становится невыносимой. В ответах русских информантов мы видим точку зрения как Реалиста, так и Романтика, у американцев, судя по полученным ответам, позиция Романтика не получает значительного отклика. Стремление избежать трудностей и опасностей связано с идеей риска, вернее, с мерой разумного риска. Понятно, что такая мера для разных людей будет разной. В англоязычном мире идея разумного риска сопряжена с идеей безопасности, защищенности (safety). Люди думают о безопасности тогда, когда она не гарантируется. Вероятно, исторически англичане как нация мореходов научились ценить безопасность и помнить о здравом смысле, отправляясь в странствия. Разумеется, без романтической устремленности в далекие края никаких дальних плаваний бы не было, но этот романтизм всегда уравнивался требованием трезво оценивать ситуацию и вести себя в соответствии с нормами здравого смысла и благоразумия.

Еще один отличительный признак в понимании рассматриваемого концепта состоит в выборе между позицией между позициями конформиста и неконформиста в жизни. Вспомним сказку Андерсена о голом короле. Ребенок с его наивным здравым смыслом сказал всем, что король-то голый. Конформист ведет себя вопреки здравому смыслу, подчиняясь традициям и условностям. Неконформист находит в себе силы взглянуть на ситуацию глазами нормального человека и отказаться принимать участие в абсурде. Здесь мы сталкиваемся с очень важной дистинкцией в поведении англичан и американцев. Для англичан здравый смысл — это баланс между традицией и реальностью, для американцев — это прямое и ясное обозначение реальности. Соответственно, отношение к абсурду у англичан и американцев является различным: англичане допускают определенную степень абсурдности в понимании мира, шутят по этому поводу, американцы же не находят место абсурду в жизни, квалифицируют его как патологию. В России абсурд есть постоянный значительный компонент бытия, люди свыклись с абсурдом и четко противопоставляют здешнюю земную жизнь как несправедливое и нелепое существование жизни вечной, нездешней и справедливой. Поэтому русский юмор не просто строится на обыгрывании абсурда, но и намеренно преувеличивает абсурдность бытия.

Обратимся к типичным контекстам, в которых интерпретируется рассматриваемый концепт. В качестве источника англоязычного материала использовался канал открытого доступа к компьютерной базе данных Британского национального корпуса (<http://info.ox.ac.uk/bnc>), русские примеры были взяты из корпуса текстов художественной и публицистической литературы, размещенной в электронных библиотеках на компакт-дисках.

Можно выделить следующие направления, в которых уточняется концепт «здравый смысл»: 1) связанные с именем данного концепта имена других концептов, 2) его атрибуты, 3) люди, которые упоминают о нем, 4) ситуации, в которых этот концепт упоминается.

В корпусе примеров на английском языке здравый смысл ассоциируется со следующими концептами.

Высоко развитый интеллект: *I don't have that much brains, but I'd say I had good common sense.*

Целесообразность: *On the street, expediency and common sense taught a different style.*

Восприимчивость, чуткость: *I think common sense and sensibility will eventually shine through.*

Философское восприятие жизни: *In assuming that it may be rational to be a sceptic about value alone, we had stopped at an uncomfortable halfway house between philosophy and common sense, between the pure thinker who doubts everything and the plain man who questions neither what he sees nor what he likes or dislikes.*

Предрассудок, предубеждение: *The prejudices of common sense must be acknowledged, and this includes the notion of «prejudice» itself.*

Эмоциональность: *She had allowed her emotions to run wild over common sense and, now that she was well and truly embroiled in an impossible situation, found that her every reaction was triggered by her heart rather than her head.*

Безопасность, защищенность: *We promote safety, but coupled with this is common sense.*

Специальные знания: *Sociology, however, insists on a willingness to reject what is «obvious», «common sense», «natural»; and to go beneath the surface of such understanding of the world.*

Предвидение: *During the past two days we have heard a vast number of contributions and I pay tribute to the common sense and foresight of Labour Members who have not only pointed out the inequalities of the system that is still in being but the pitfalls that we see ahead of us.*

Приведем примеры на русском языке.

Сила, мощь: *Бывают ситуации, когда здравый смысл сильнее всех ученых построений (А. Бушков).*

Эмоциональность: *У нее мощный аналитический ум, она серьезная, вдумчивая и рассудительная девочка с сильно развитым чувством ответственности за свои поступки, а здравый смысл в ней преобладает над эмоциями и сиюминутными порывами (О. Авраменко).*

Риск: *Ни одному здравомыслящему человеку в голову не придет так рисковать!* (В. Доценко).

Внутренняя логика: *Мое чудесное спасение противоречило здравому смыслу и логике вещей, и я поверил в него только потому, что был поставлен перед фактом — я мыслю, следовательно, существую* (О. Авраменко).

Возраст: *Очевидно, под старость Мстислав окончательно лишился здравого смысла* (А. Бушков).

Хорошие манеры: *По всем правилам приличия и здравого смысла она должна была уйти, но не сделала этого* (О. Авраменко).

Опыт: *Эта загадка до сих пор мучает и меня, — признался протектор. — Невероятно нелогичный поступок, полностью противоречащий здравому смыслу и опыту телохранителей, гвардейцев. По-моему, существует одно-единственное объяснение: обстоятельства нападения были таковы, что пришлось действовать вопреки здравому смыслу* (А. Бушков).

Хитрость: *Он не так умен, чтобы играть серьезно. Хотя отменно хитер. Я не очень понимаю такую наивную хитрость, но именно такая наивная хитрость может переиграть и логику, и здравый смысл* (Ю. Семенов).

Надежда: *Вопреки всем доводам здравого смысла я продолжал надеяться, что компьютер подскажет мне, где искать Диану...* (О. Авраменко).

Закон: *Он и сам, размышляя о Мушмакаеве и о том, что происходило и происходит в Чечне, все чаще приходил к выводу, что многое не только ему не понятно, но и противоречит всякому здравому смыслу и происходит вопреки любым законам, как государственным и военным, так и общечеловеческим* (В. Доценко).

Справедливость: *Поняв, наконец, что с казнокрадством и взяточничеством (вызванными к жизни его же реформами) обычными средствами не справиться, Петр создал особые комиссии по расследованию. Каждая состояла из гвардейских офицеров — майора, капитана и поручика, которым было приказано рассматривать дела и вершить суд не по закону, а «согласно здравому смыслу и справедливости»* (А. Бушков).

Интересно отметить, что в русских примерах мы часто сталкиваемся с обозначениями «вопреки здравому смыслу» и «здравый смысл и логика вещей», в то время как в английском материале частотны другие комбинации концептов: «здравый смысл и специальные знания (либо философия)» и «здравый смысл и высокий интеллект».

Типичными атрибутами здравого смысла в английских примерах являются следующие слова.

Хороший: *This is an approach to gardening which looks good because it is good, common sense.*

Простой: *They are certainly simple and that is one of the chief advantages of cash accounting: it takes little more than common sense to understand and interpret.*

Надежный, проверенный: *Much of Thatcherism is common sense and it should not go out of fashion.*

Наивный: *Hence, social psychologists attempt to transcend the naivety of common sense, to clear up its confusions and «unfounded speculation», and to transform lay into scientific theories.*

Практичный: *But in practice here again common sense prevails.*

Очевидный: *It is so obvious that it sounds like «common sense».*

Императивный: *Despite the nagging of common sense, Mungo knew he would never be satisfied until he found some answers.*

Базовый: *The unwritten rules, in such instances, are the purest common sense.*

Нормальный: *The Theosophical teachings were all new to me but seemed to be most natural and consistent with normal common sense and logic.*

Допускающий отклонения: *In doing so he diverges from common sense.*

Охраняющий: *Common sense returned quite suddenly, hitting her like some tangible thing, and she jumped, an involuntary reaction as if she'd been bitten.*

Помогающий: *A bit of common sense will usually give you some answers.*

Сравним полученные данные с русскими примерами:

Простой: *Здесь задача наблюдения упростилась до простейшей схемы линейного сопровождения: с позиций здравого смысла, деваться «объекту» было попросту некуда. Но сам он не руководствовался тем, что казалось сопровождающим «здравым смыслом» (Д. Корецкий).*

Элементарный: *И капиталистический лагерь тогда был еще очень силен, собственнические, расовые, религиозные и тому подобные интересы в нем ставились выше элементарных требований здравого смысла, выше интересов человечества (Е. Войсунский, И. Лукодянов).*

Нормальный: *Шаваш не видел причины отличать Ира от любого другого идола или природного явления, — так подсказывал ему обыкновенный здравый смысл (Ю. Латынина).*

Хороший: *Нас трогает стремление к чистоте, к справедливости и к общему благу. Нас приятно удивляет, что люди, которые все равно умрут, стремятся к этому. И нас радует здравый смысл, к чему рано или поздно приходят люди, отсеяв весь сор и шелуху (М. Зощенко).*

Обывательский: *Увы, история полезна только тому, кто ее выучил. В обратном случае обывательский «здоровый смысл» провозглашает губительную концепцию покорения живой природы* (Л. Гумилев).

Циничный: *Мой ум трезво взвешивал все обстоятельства и делал соответствующие выводы, но сердце мое отвергало цинизм здравого смысла* (О. Авраменко).

Императивный: *Здравый смысл вынудил нас объединиться в защите справедливости* (Ю. Латынина).

Охраняющий: *Любой землянин носит с собой целый зверинец бактерий и целый зверинец идей. Большинство из них безобидно, с другими незаметно справляются иммунная система и здравый смысл* (Ю. Латынина).

Намеренно извращаемый: *Вопреки логике и здравому смыслу двуногих зверей перестали расстреливать: косящие глазами государственные мужи лукаво высказывают уверенность, что они переведутся сами собой* (Д. Корецкий).

Легко отвергаемый: *Налицо была добрая воля обеих сторон, желание предотвратить губительную войну, но все доводы здравого смысла оказались бессильными перед эмоциями* (О. Авраменко).

Напрасный: *Они тщетно пытались оправдать свои действия здравым смыслом* (Ю. Латынина).

Здравый смысл в английских контекстах часто актуализируется в связи с определенными типами людей.

О нем упоминается, если речь идет о женщинах: *Her common sense told her that this was no ruffian.*

Здравый смысл — это довод решительных людей, которым нужен простой ответ на поставленный вопрос: *Her sturdy common sense, the downright attitude to life which never ceased to surprise him, the constant loving references to a papa and a mama who sounded remarkably practical themselves, even if they had spoiled their beautiful daughter, informed him that she came from a background very unlike any that Dr Neil had ever encountered.*

Иностранцам не хватает здравого смысла: *The conversation drifted to whaling, where the Norwegian record also seemed lacking in compassion and common sense.*

К нему прибегают необразованные (и поэтому примитивные) люди: *Those groups with other forms of consciousness anchor their thoughts and perceptions into «common sense», «mythology», etc., but not in social representations.*

В русских примерах акцентируются следующие типы людей, имеющих отношение к здравому смыслу.

Те, кто обязан иметь здравый смысл, — обычно представители власти: *- Подданным остается лишь уповать, что восседающий на троне монарх наделен достаточным умом и здравомыслием, дабы не ущемлять народ свой без меры* (А. Бушков).

Люди, у которых нет здравого смысла (обычно представители власти): *Если бы у правительства была хоть капля здравого смысла, — они бы выиграли бой, обещав нам помилование и раздав зерно...* (Ю. Латынина).

Люди, имеющие специфический здравый смысл (обычно женщины с позиций мужчин): *Нет, подумал я, умом женщин никогда не понять, и судить их по мужским меркам так же нелепо, как измерять длину в килограммах. При всем своем рационализме, здравомыслии и практичности, они начисто отвергают обычную логику, противопоставляя ей нечто совершенно несуразное и непостижимое мужскому уму — так называемую логику женскую* (О. Авраменко).

Люди, у которых неожиданно проявляется здравый смысл: *Мы мирно сидимся кружком и обсуждаем подробности. Удивительно, но носороги выказывают определённый здравый смысл* (С. Герасимов).

Здравый смысл в примерах на английском языке связан с ситуацией выбора.

Это выбор между своими чувствами и чьим-либо советом: *To the very last he consulted his own common sense rather than the orders of his doctors whom he detested because they advised him to give up the roast meats that he loved.*

Выбор между простым и усложненным выражением мысли: *Plain English makes common sense!*

Выбор между хорошим и плохим поведением: *It nearly always came over in a bad light, as a bunch of cocooned scientists trying to hoodwink the common sense of ordinary folk.*

Выбор между честной и нечестной политикой: *Election 92: High on technical tricks, low on common sense.*

В русских примерах, характеризующих ситуации, связанные с актуализацией здравого смысла, речь идет о причинах поведения в соответствии или вопреки здравому смыслу.

Очевидная причина: — *Уж если разговор у нас пошел циничный и бесцеремонный — что мне мешает прикончить вас здесь же?* — Здравый смысл. Вы не станете навлекать лишние хлопоты на хозяйку этого уютного заведения (А. Бушков).

Скрытая причина: *По какой-то причине, несомненно, противоречащей здравому смыслу, ни один из чиновников не попытался спасти свою жизнь криком о том, что государь жив, и что его еще нетрудно догнать* (Ю. Латынина).

Странная логика: *Крестьянин имеет столько земли, сколько ему нужно для прокорма себя и семьи. Ремесленник «обладает здравым смыслом, чтобы не работать больше того, сколько необходимо для зарабатывания на веселое житье». Такие люди, если бы они увидели Рокфеллера, сочли бы его безумцем* (Л. Гумилев).

Сравнительный анализ проанализированного материала показывает, что между русскими и американцами нет существенных различий в понимании здравого смысла и в отношении к нему. И те, и другие считают, что здравый смысл есть естественная рациональная реакция человека на обыденное развитие событий. Они положительно оценивают такую реакцию, но отмечают границы приемлемых для нее ситуаций. Отмечается, что в жизни люди часто жертвуют здравым смыслом, подчиняясь эмоциям, что здравый смысл необходим и желателен, т. е. не наличествует. В русских примерах подчеркивается идея намеренного или ненамеренного отсутствия здравого смысла в действиях властей. Основные различия в отношении к здравому смыслу состоят в том, что в английском языке подчеркивается его базовый, исходный характер, и соответственно акцентируется либо его основательная надежность, либо недостаточность для определенных ситуаций, а в русском языке здравый смысл достаточно часто оценивается с позиций романтиков как обывательское, приземленное отношение к жизни. Налицо важнейшее отличие в доминантах поведения: для рационального деятеля нужно учесть возможные условия риска, для мечтательного созерцателя важнее оценить всю ситуацию с позиций эстетики, а не утилитарной практики.

В непосредственных ассоциативных реакциях наиболее частыми ответами русских информантов были слова, связанные с идеей рациональности или нерациональности, и это соответствует внутренней форме обозначения рассматриваемого концепта. Обратим внимание на то, что вопреки словарным дефинициям большинство русских информантов отметило важность действий, а не рассуждений в соответствии со здравым смыслом. В качестве примеров часто использовались отклонения от здравого смысла. Русские информанты разграничивают здравый смысл и логику вещей, т. е. полагают, что существует естественный порядок в мире, и здравый смысл — это не более, чем соблюдение такого порядка. Подчеркивать здравый смысл — это все равно что подчеркивать вменяемость. Русские не восхищаются здравым смыслом, в то время как американцы и англичане эмфатически оценивают это качество, поскольку для

них здравый смысл сопряжен с активной ролью субъекта в жизни и положительным отношением к преобразуемой действительности.

Для анализа ценностной стороны концепта необходимо рассмотреть те высказывания, в которых дается выраженная оценка поведению человека в терминах деонтической модальности: как следует или не следует поступать. Такие высказывания весьма многочисленны, их особый статус в общении привел к выделению специальных жанров для выражения поучений и реакций на поучения. Поучения выражаются прежде всего в пословицах.

Можно выделить следующие типы ценностных суждений.

Здравый смысл гораздо важнее, чем книжная мудрость: *Ounce of discretion is worth a pound of learning [wit for learning]. Ounce of mother-wit is worth a pound of clergy [learning]. Ounce of prudence is worth a pound of gold* (English proverbs).

Следует быть благоразумным и осмотрительным: *One can't be too careful* (English); *Цыплят по осени считают. Хвали день вечером. Не зная броду, не суйся в воду* (Русские).

Следует выбирать меньшее из двух зол: *Лучше хлеб и вода, чем пирог и беда* (Русская).

Список таких пословиц, выражающих нормы житейской мудрости, является очень большим. По сути дела, здравый смысл и есть выражение норм житейской мудрости. Такие речения создаются и в наши дни: *Сколько одуванчик не поливай, а огурец из него не вырастет*.

Афоризмы в этом плане отличаются от пословиц. В старых афоризмах, впрочем, мы находим безусловное одобрение здравого смысла: *Experience joined with common sense, to mortals is a providence* (M. Green).

Известное противопоставление высокоразвитого интеллекта и здравого смысла получает новое освещение, когда к этой оппозиции присоединяется третий компонент: *No brilliance is needed in the law. Nothing but common sense, and relatively clean finger nails* (J. Mortimer).

Сравним этот афоризм с известной формулой Ф. Дзержинского: «У чекистов должны быть холодная голова, горячее сердце и чистые руки».

В афоризмах отмечается, что здравый смысл — явление редкое: *Nothing astonishes men so much as common-sense and plain dealing* (R. W. Emerson).

В современных афоризмах мы часто сталкиваемся с высмеиванием здравого смысла, поскольку он либо противоречит этическим нормам, либо тривиален: *It is by the goodness of God that in our country we have those three unspeakably precious things: freedom of speech, freedom of conscience, and the prudence never to practice either of them* (M. Twain); *A man of great common sense and good taste — meaning thereby a man without originality or moral courage* (G. B. Shaw).

В английской поэзии нонсенс часто оперирует концептом «здравый смысл»: *Mothers of large families, who claim to common sense, will find a Tiger well repay the trouble and expense* (H. Belloc).

Резко отрицательное отношение к здравому смыслу прослеживается у английских романтиков: *Prudence is a rich, ugly, old maid courted by Incapacity* (W. Blake).

Такое отношение к рассматриваемому концепту очень характерно для русской культуры: *Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман* (А. С. Пушкин).

В этой блестящей сентенции четко прослеживается существенное для русской культуры противопоставление двух миров — здешнего, низкого, земного и нездешнего, высокого, подлинного.

Вместе с тем трезвое отношение к действительности акцентируется и в русской культуре. Вспомним эпизод подготовки к дуэли главного героя в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Важно отметить, впрочем, что к доводам здравого смысла прибегает персонаж, рассуждающий с позиций простого народа. Герой попросил старого офицера выступить секундантом и услышал следующий ответ:

— Помилуйте, Петр Андреич! Что это вы затеяли! Вы с Алексеем Иванычем поборились? Велика беда! Брань на вороту не виснет. Он вас побранил, а вы его выругайте; он вас в рыло, а вы его в ухо, в другое, в третье — и разойдитесь; а мы вас уж помирим. А то: доброе ли дело заколоть своего ближнего, смею спросить? И добро б уж закололи вы его: бог с ним, с Алексеем Иванычем; я и сам до него не охотник. Ну, а если он вас просверлит? На что это будет похоже? Кто будет в дураках, смею спросить?

В приведенном ответе выделяются следующие аргументы: 1) причина для дуэли смехотворна; 2) убивать людей грешно; 3) драться на дуэли опасно, можно погибнуть; 4) в целом дуэль есть глупость. Вся эта аргументация старого поручика была напрасной, но она имела целью изменить систему ценностей в душе молодого офицера, который руководствовался только эмоциями.

Таким образом, мы видим, что базовые ценности, лежащие в основе концепта «здравый смысл», затрагивают как утилитарные, так и моральные нормы поведения. В современном общении подобные нормы часто выражаются косвенно и в шутиливой форме.

Итак, в качестве основного итога можно констатировать, что сложившиеся стереотипы отношения к здравому смыслу в американской и русской культурах основаны на глубинном выборе позиции субъекта — Деятель либо Созерцатель. Для Деятеля этот концепт гораздо важнее, чем для Созерцателя. Деятель

критически оценивает недостаточное проявление здравого смысла, Созерцатель же, признавая необходимость поведения в соответствии со здравым смыслом, критически оценивает чрезмерное проявление этого качества. Принципиально важным является разграничение обыденных и деловых ситуаций, связанных со здравым смыслом. В обыденной жизни здравый смысл наличествует как естественная составляющая поведения, а в деловых ситуациях часто наблюдается отсутствие здравого смысла. Вероятно, в деловых ситуациях принятие решений требует не только здравого смысла, но и мудрости. Мудрым созерцателем быть, конечно же, легче, чем мудрым деятелем.

1.3.2. Институциональные концепты «власть» и «лояльность»

ВЛАСТЬ Некоторые концепты ограничены той ситуацией общения, в которой они проявляются. В данной работе рассматриваются институциональные концепты, понимаемые как ментальные образования, которые выделяются в том или ином институциональном дискурсе. Такой подход к выделению и описанию концептов является социолингвистическим по своей сути. Социальный институт мы понимаем как сложившуюся динамическую систему социальных норм, отношений, ролей, выработанных с целью выполнения важнейших функций общества, таких, как установление истины, борьба за власть, передача опыта следующему поколению, обеспечение безопасности государства, распространение информации, соблюдение закона и т. д. Социальный институт представляет собой явление историческое, для одного периода общества характерны одни институты, для другого — другие. Соответственно, число типов институционального дискурса является исторически обусловленным. В настоящее время можно выделить политический, массово-информационный, научный, педагогический, военный, юридический, медицинский, дипломатический, рекламный, спортивный и некоторые другие типы институционального дискурса.

В каждом типе институционального дискурса можно выделить три разновидности концептов: 1) генеративные (центральные для данного дискурса, лежащие в основе развертывания его смыслов и норм); 2) деривативные (производные) и 3) нейтральные. Эта классификация базируется на известной модели В. М. Солнцева [1971: 47–48], выделившего в любой системе системообразующие, системоприобретенные и системно-нейтральные свойства.

Проиллюстрируем сказанное на материале политического дискурса.

Центральным концептом политического дискурса является «власть». Этот концепт рассматривался в работах Е. И. Шейгал [2000], И. А. Бубновой [2005], И. С. Черватюк [2006]. В «Кратологическом словаре» В. Ф. Халипов определяет этот концепт следующим образом: «1) способность, право и возможность распоряжаться кем-либо, чем-либо, оказывать решающее воздействие на судьбы, поведение и деятельность, нравы и традиции людей с помощью различного рода средств — закона, права, авторитета, воли, суда, принуждения; 2) политическое господство над людьми, их общностями, организациями, над странами и их группировками; 3) система государственных органов; 4) лица, органы, облеченные соответствующими государственными, административными полномочиями, или обладающие разного рода влиянием, полномочиями по обычаю, или присвоившие их себе» [Халипов 1997: 70–71]. В этой расширенной дефиниции уточняется признаковый состав рассматриваемого концепта — возможность по своей воле определять поведение кого-либо. Определение поведения трактуется как обладание правом и возможностью подчинять себе других людей. Такой порядок вещей обусловлен нормами коллективного образа жизни людей, когда общество принимает к исполнению волеизъявление своих руководителей. Таким образом, феномен власти обусловлен потребностями рода, требует силы для борьбы за власть и ее удержание, вырабатывает сложную структуру норм и общественных отношений и детально и вариативно представлен в коммуникативном поведении. Для политического дискурса этот концепт является генеративным, смыслообразующим (в цитируемом словаре В. Ф. Халипова содержится 3000 статей, прямо или опосредованно связанных с властью как политической категорией, и этот список не является исчерпывающим).

Этимологически концепт «власть» восходит в разных языках к идеям силы, мощи, подчинения. Основными компонентами фрейма «власть», т. е. понятийного каркаса соответствующего концепта, являются одушевленные субъект и объект подчинения, далее уточняются причины, цели и способы подчинения, способы борьбы за власть, формы неподчинения, способы передачи власти.

Образные характеристики данного концепта устанавливаются путем анализа сочетаемости его номинантов и однословных и развернутых реакций информантов на эти номинанты.

Приведем некоторые примеры из Британского национального корпуса (<http://info.ox.ac.uk/bnc>).

Типичной сочетаемостью номинанта «power» — «власть» является его употребление в словосочетании «борьба за власть»: *It starts as a struggle for power, and a challenge to Moses' authority.* — Это начинается как борьба за власть и вызов господству Моисея.

Обратим внимание на синонимическое уточнение концепта «власть» концептом «господство».

Существенной является атрибутивная конкретизация власти: *Private economic power differs in this respect from the public power of the state. — В этом отношении частная экономическая власть отличается от публичной власти государства.*

Частная власть противопоставляется публичной, экономическая — государственной.

Власть конкретизируется как проявление контроля одного человека над поведением другого: *Here we see that in traditional society, power operates according to the principles of a sort of action theory, in which one social actor exercises power over another. — Здесь мы видим, что в традиционном обществе власть функционирует в соответствии с принципом теории действия, в которой одно лицо пользуется властью над другим.*

По мнению публициста, такая конкретизация типична только для традиционного общества, и из этого высказывания вытекает тезис о более сложной и менее унижительной модели власти в современном обществе.

Метафорически власть изображается как далеко проникающие щупальца большого и сильного организма: *Nor can Edward be blamed for not foreseeing the ends to which Gloucester might put his power. — Нельзя также обвинять Эдварда за то, что он не сумел предвидеть, до каких пределов могла дойти власть Глостера.*

Пространственная метафора прослеживается и в следующем примере: *...in their worship of human talent they forget that there's a point where human power ends and the power of God begins. — ...в своем поклонении человеческому таланту они забывают, что есть предел, где человеческая власть заканчивается и начинается власть Бога.*

Власть имеет определенные ограничения, выход за которые невозможен.

Заслуживает внимания нестандартное сравнение власти с определенным снадобьем: *Henry Kissinger, practical as ever, called power «the ultimate aphrodisiac» — Генри Киссинджер, как всегда практичный, называл власть «самым сильным афродизиаком» (средством, повышающим половое влечение).*

Сравнение власти и сексуального чувства основано на ощущении силы.

В коротких сочинениях на тему «Когда я думаю о власти, я представляю себе следующую ситуацию» информанты приводят образы царя на троне, начальника, который отчитывает подчиненного, победителя и стоящих перед ним на коленях пленников, группу мафиози, договаривающихся о распределении подконтрольных им районов города. Можно увидеть, что эти образы сводятся к

традиционным представлениям, типичным формам проявления власти и новым реалиям нашей жизни.

Ценностные характеристики концепта «власть» выражаются в высказываниях, содержащих в явном виде нормы поведения, связанные с осуществлением власти, борьбой за нее и отношением к ней со стороны. В данной работе мы не стремимся установить этнокультурную специфику понимания власти, поэтому приведем сентенции представителей различных лингвокультур.

Назначение власти — ответственность за тех, кто находится под властью: *Власть должна принадлежать лучшим, избранным личностям, на которые возлагается великая ответственность и которые возлагают на себя великие обязанности* (Н. Бердяев).

В этом афоризме сформулированы требования к тем, кто стремится к власти. Модальность долженствования свидетельствует о том, что в реальности эти требования часто не соблюдаются.

Для того чтобы осуществлять контроль над другими, нужно уметь подчинять себе свои желания: *Тому, кто будет властвовать над другими, надлежит сначала властвовать над собой* (Демокрит).

В ряде случаев ради обеспечения интересов страны или сообщества приходится идти на жесткие меры по отношению к отдельным людям: *Если хочешь властвовать над людьми, забудь о том, что ты человек* (Аноним).

Это означает, что обладающий властью должен часто подавлять в себе естественные чувства и желания.

Известна сентенция о негативных последствиях власти: *Власть портит людей, а абсолютная власть портит абсолютно* (Актон).

Смысл данной сентенции состоит в призыве ограничивать власть людей и следить за сменяемостью тех, кто находится у власти. В том оценочном суждении в концентрированной форме выражены установки демократического устройства общества.

Власть притягательна: *Те, кто хоть раз был опьянен властью и ощутил ее возможности, пусть даже на один год, никогда не смогут добровольно от нее отказаться* (Э. Бёрк).

В этой сентенции содержится призыв выработать механизмы смены власти.

Значимым признаком эффективности власти является демонстрация ее механизмов: *Там, где великие мудрецы имеют власть, подданные не замечают их существования. Там, где властвуют невеликие мудрецы, народ бывает привязан к ним и хвалит их. Там, где властвуют еще меньшие мудрецы, народ боится их, а там, где еще меньшие, народ их презирает* (Лао Цзы).

В этой сентенции подчеркивается обратно пропорциональная связь демонстрации власти и ее реальности.

Стремление к власти может разрушить личность: *Из всех страстей человеческих, после самолюбия, самая сильная, самая свирепая — властолюбие* (В. Белинский).

Стремление к власти может подавить все человеческие чувства и желания.

Таким образом, идея подчинения, генеративный смысл, заключенный в концепте «власть», разворачивается как уточнение понятийных признаков, организуемых политический дискурс (борьба за власть и удержание власти), его образных признаков (проявление силы одного человека по отношению к другому либо некоего могучего существа по отношению к людям), его ценностных признаков (обоснование необходимости власти, способности подчиняться как условия осуществления эффективной власти, притягательности власти и ее разрушительных последствий для личности).

ЛОЯЛЬНОСТЬ Одним из производных институциональных концептов политического дискурса является «лояльность». Его понятийные признаки уточняются следующим образом: «Лояльный — хранящий верность существующей государственной власти, существующему порядку. *Лояльные власти генералы*» [БТС].

Признаковый состав данного концепта сводится к следующим элементам: 1) характеристика поведения субъекта, 2) который занимает высокое положение во властных структурах, 3) не предаст, 4) не подведет своего господина. Иначе говоря, эти характеристики поведения сводятся к обозначению статуса и двум параметрам поведения — верность и надежность, соотносящимся между собой как установка на поддержку руководства и способность эту поддержку оказывать.

Приведем образные (в данном случае — ситуативно-образные) характеристики рассматриваемого концепта.

They were loyal servants of the old king — Они были лояльными слугами старого короля.

Акцентирование лояльности предполагает, что другие слуги оказались неверными по отношению к королю.

During the Indian Mutiny of 1857 they remained steadfastly loyal to the Crown, and for this were accorded a permanent 15-gun salute by the Viceroy. — Во время индийского мятежа 1857 года они оставались безупречно верными по отношению к британской короне и за это заслужили пятнадцатикратный ружейный салют от Вице-короля.

Верность во время мятежа — проверка преданности войск.

As an ex employee, he's loyal to the company, even though it made him redundant after 34 years. — Как бывший служащий он остался лоялен своей компании, хотя и был отправлен в отставку после 34 лет службы.

Лояльность предполагает выбор поведения и в приведенном примере подразумевает, что человек остается верным своим руководителям, несмотря на их негативные действия по отношению к нему.

As for the government and the civil service, virtually all of it is loyal to the president. — Что касается правительства и гражданских чиновников, практически все они лояльны президенту.

Подчеркивание лояльности правительства и чиновников свидетельствует о том, что гипотетически возможно и другое отношение к президенту.

Приведенные примеры акцентируют идею проверки лояльности, отрицательных обстоятельств, ставящих верность кого-либо своему руководителю под вопрос, сознательный выбор тех, кто проявляет лояльность.

Оценочные характеристики концепта «лояльность» таковы.

Преданность слуги своему господину зависит от той выгоды, которую получает слуга, и от того страха, который он испытывает: *Верность собаки прямо пропорциональна качеству корма и длине поводка* (Я. Слоевский).

Следует контролировать слуг, поощряя их за верность.

Руководители часто забывают о том, что их когда-то поддерживали: *Хотя за непослушание всегда наказывают, за верность награждают не всегда* (Аноним).

Следует награждать за преданность.

Нельзя никогда быть уверенным в преданности подчиненных: *Капитан знает все, но крысы знают больше* (А. Фюрстенберг).

Следует помнить, что в критической ситуации можно доверять не всем.

Верность власти предполагает отказ от критики ошибок власти: *Лояльность — это свобода от необходимости думать* (Дж. Б. Шоу).

Подчиненным следует знать, что служба власти несовместима со свободой мнения.

Обеспечение лояльности требует усилий со стороны власти: *Все мы склонны сторониться тех, кто на нас опирается* (Лорд Галифакс).

Следует контролировать своих слуг.

Лояльность правительству требует закрывать глаза на несправедливость властей: *Правительство, которое грабит Петра, чтобы заплатить Павлу, в поддержке Павла может не сомневаться* (Дж. Б. Шоу).

Следует знать, что поддержка одних всегда осуществляется в ущерб другим (перефразированное английское выражение *to rob Peter to pay Paul*).

Афористика критически оценивает власть и все ее проявления, соответственно, лояльность, рыцарская верность своему сюзерену, оценивается в наше время скептически: акцентируется идея взаимного недоверия власти к слугам и слуг к власти.

Список институционально нейтральных концептов достаточно велик, сюда относятся параметрические концепты, многие концепты-регулятивы, в частности, «красота», «любовь», «свобода» и др.

Аналогичным образом можно охарактеризовать генеративные и деривативные институциональные концепты применительно к научному дискурсу («истина» и «доказательство»), педагогическому дискурсу («обучение» и «объяснение»), религиозному дискурсу («вера» и «смирение») и другим типам институционального общения.

Резюмируем. Институциональные концепты представляют собой класс ментальных образований, выделяемых на основании их принадлежности институциональному дискурсу. Этот критерий дает возможность выделить институционально маркированные и институционально нейтральные концепты. Между концептами первого типа можно установить основное различие по признаку их значимости для того или иного типа институционального дискурса (генеративные и деривативные институциональные концепты).

1.3.3. Регулятивные концепты «абсурд» и «лень»

АБСУРД Абсурд — это нечто противоречащее здравому смыслу, логике, не соответствующее нашим знаниям о мире и поэтому не поддающееся пониманию и объяснению. Суть этого оценочного термина — в противопоставлении положения дел в мире нормальном и мире перевернутом. Отсюда вытекает принципиальное признание того, что существует перевернутый мир, законы которого для нас непостижимы и существование в котором лишено цели. Абсурд в его крайней степени ассоциируется с безумием. Типичной реакцией человека на абсурд, с которым можно справиться, на парадоксальное несоответствие между тем, что известно и стало своим, и тем, что непосредственно наблюдается, является смех, дающий выход человеческим эмоциям в условиях интеллектуального шока [Новикова 2001; Вайс 2004].

По-русски этот концепт обозначается как нелепость. Этимологически это понятие фиксирует отрицание красоты: нелепый — некрасивый, неизящный. Далее развивается общеоценочное отрицательное значение бессмысленного несоответствия: нелепо выглядеть — нелепо вести себя — нелепо складывать-

ся (о ситуации). В латыни *absurdus* развивается в таком же направлении: идущий от глухоты (*surdus* — глухой) — неблагозвучный — неприятный — несообразный, неуместный, нескладный, глупый, бездарный, неспособный.

Абсурд соотносим с непониманием, но это особое непонимание, это осознание отсутствия смысла там, где смысл должен быть. Когда я пытаюсь прочитать текст, относящийся к неизвестной для меня области знания, я не понимаю этот текст, но не нахожу его абсурдным. Когда же я читаю текст, в котором понятны значения, но невозможно установить их взаимосвязь и поэтому рациональная интерпретация такого текста для меня закрыта, т. е. я не могу вывести смысл сообщаемого, я испытываю сильный интеллектуальный дискомфорт и считаю текст (или — шире — ситуацию общения) абсурдной. В культурологии говорят о противопоставлении абсурда и нонсенса: если абсурд — это «граница формализованного мышления» (Г. Померанц), а мышление может быть и часто бывает не только формализованным, то нонсенс — это «активная невозможность существования смысла» [Трифонов 1997: 10]. Бессмыслица, отсутствие смысла представляет собой экзистенциальную катастрофу, поскольку стремление к смыслу — это базовое стремление человека [Франкл 2000: 245]. В данной работе соотношение абсурда и нонсенса рассматривается в ином аспекте, а именно — как отношение к интеллектуальному препятствию, вызывающему когнитивный дискомфорт.

Абсурд представляет собой осознание интеллектуального препятствия, которое либо преодолевается, либо не преодолевается. В первом случае происходит выход за рамки привычных представлений (абсурдные идеи в науке часто служат ключами к решению новых проблем). В бытовом общении абсурд преодолевается как переворачивание привычных ориентиров обыденного бытия, как игра, юмор. Во втором случае абсурд переживается как онтологическая смысложизненная катастрофа, как потеря смысла, либо происходит отказ от рационального осмысления происходящего, от установления объективных причинно-следственных связей. Рациональное осмысление действительности заменяется принятием происходящего на веру.

Соответственно можно выделить четыре базовых типа абсурда: 1) **онтологический** (мировоззренческий) абсурд как эмоциональный протест против отчуждения от мира; этот базовый тип абсурда связан с переживанием потери смысла жизни и детально рассматривается в философии экзистенциализма и художественной литературе; 2) **фидеистический** абсурд как принятие иррациональности бытия, его принципиальной непостижимости для человека, отсюда вытекает требование веровать, не рассуждая; 3) **проблемный** абсурд как невозможность решения вопроса в рамках существующей формальной теории,

как осознание неустранимого противоречия, разновидность этого типа абсурда используется в доказательствах от противного; 4) **игровой абсурд** как упражнение в интеллектуальной гибкости, как мягкая насмешка над привычным и скучным положением дел, над здравым смыслом. В последнем случае более уместным представляется понятие «нонсенс» (сравним поэзию нонсенса и поэзию абсурда, нонсенс осознается как невозможное в позитивном, веселом ключе, абсурд — как невозможное в негативной, минорной тональности).

Приведем пример абсурдной ситуации, изображенной в рассказе одного из родоначальников драмы абсурда Эжена Ионеско «Гнев».

Рассказ написан в форме киносценария. Вначале показана идиллическая жизнь маленького провинциального городка. Окончилась церковная служба, на площадь из церкви выходят умиротворенные улыбающиеся люди. В кафе за столиками отдыхают добрые люди. Они говорят друг другу приятные слова. Молодой муж в кондитерской покупает жене пирожные, приходит домой, дарит ей пирожные и цветы. В этом же доме пожилой господин приходит к жене с цветами в руках. Бородатый священнослужитель целует свою супругу. Женщина-диктор в телевизоре зачитывает информацию о банкете, который состоялся после совещания глав правительств всех стран в честь всеобщего примирения. Молодая жена приглашает мужа обедать, они целуются, она вспоминает, что приготовила ему подарок — галстук, который он тут же примеряет перед зеркалом. В других квартирах происходит то же самое.

Супруги садятся за стол, жена ставит на стол тарелку с супом. Муж замечает в своей тарелке огромную муху. Его передергивает. «Что случилось?» — спрашивает жена. «Ничего из ряда вон выходящего: как и в каждое воскресенье в супе муха», — отвечает он. Супруги начинают ссориться. Мухи обнаруживаются в тарелках каждого из других мужей в этом доме. Во всех квартирах начинается скандал. Молодой муж опрокидывает тарелку жене на голову. То же происходит в других квартирах. По ступенькам лестниц, выплескиваясь за пороги квартир, льется суповой поток. Скандалы переходят в яростное побоище, жильцы выбегают на лестничную клетку, колотят друг друга. В доме вспыхивает пожар. В драку вовлекается весь квартал. Пожарные пытаются обуздать огромное пламя. Возникают кадры войны. Взывают к толпе Гитлер и Муссолини. Падают бомбы. Происходит атомный взрыв.

На протяжении этого фильма в самые ответственные моменты на экране возникают Одинокий господин, сидящий за столиком кафе, и Дикторша телевидения. Сначала господин спокоен и добродушен, затем на его лице возникает раздражение, гнев, ярость, наконец, его напряженное багровое лицо лопается, раскалываясь на кусочки. Женщина-диктор с улыбкой говорит о весне, ручейках, цветущих лугах, это звучит резким диссонансом происходящему на киноэкране. В последний момент она улыбается самой чарующей улыбкой и сообщает о том, что через несколько минут — конец света. Планета взрывается.

Этот рассказ-притча является протестом против абсолютной фатальности бытия, уничтожающей поиски смысла в жизни. Нелепая случайность — муха в

супе как метафора недоразумения — приводит к неконтролируемой вспышке безумного гнева и уничтожению человечества. Абсурд в этом рассказе многомерен: это и эпидемия гнева, и буквально разрывающееся от ярости лицо человека, и бесстрастный комментарий происходящего. Мы понимаем, что это невозможно и поэтому квалифицируем происходящее как абсурд.

Концептуализация абсурда происходит в следующих направлениях:

- осознание противоречия между тем, в чем невозможно сомневаться, и тем, что дано в непосредственном опыте;
- попытка преодолеть это несоответствие путем карнавального переворачивания привычных координат бытия;
- попытка преодолеть это несоответствие путем отключения рационального структурирования мира;
- критическое переосмысление того, в чем раньше было невозможно сомневаться.

Осознание противоречия между двумя когнитивно значимыми ситуациями лингвистически маркируется следующими способами:

1. Остенсивный (указательный) абсурд: *«Посмотрите на этот треугольник. Вот его четыре угла»*. Этот вид осмысления абсурда базируется на столкновении наблюдаемого, обладающего неоспоримой достоверностью, и известного, которое было наблюдаемым либо усвоено как неоспоримый факт.

2. Логический абсурд: *«Я богат, потому что у меня много денег»*. К этому виду рационального несоответствия относится множество известных логических ошибок: определение по кругу, отсутствие связки и т. д. Логика рассматривает абсурд как противоречие, которое имеет определенный смысл, в отличие от семантически сумбурного высказывания [Кондаков 1976: 15].

3. Семантический абсурд: *«Глаз, засоренный горизонтом, плачет, и водяное мясо застит слух»* (И. Бродский). В данном случае слова употребляются почти в произвольных значениях, происходит расшатывание привычной семантической сетки, в результате чего резко возрастает ассоциативное приращение смысла, построенное на фонетических признаках и на осознании всего ситуативного потенциала высказывания. Этот прием — катахреза — сознательно используется в художественной литературе. В приведенном примере поэт дважды прибегает к катахрезе: «глаз, засоренный горизонтом» — засорить глаз можно пылью или песком, возникает ассоциация между безбрежной пустыней и морем, слово «горизонт» приобретает окказиональный смысл «безбрежность»; «водяное мясо» — мясо как плотная субстанция, фонетически поддерживается корреляция «мясо — масса». Помимо сознательно используемой катахрезы произвольное осмысление некоторых слов случается в речи недостаточно об-

разованных людей, как правило, ориентирующихся на услышанное слово, но не запомнивших его: *«Я в этом вопросе не копенгаген»*. Часто такое неправильное переосмысление юмористически обыгрывается, в таком случае имеет место намеренное сведение смысла к семантическому абсурду.

4. Прагматический абсурд: к этому типу относится множество нелепых коммуникативных ходов, лишенных согласования. Например, диалог: *«Извините, как пройти к вокзалу?» — «Собака лает, ветер носит»*.

Прагматический абсурд включает все разновидности абсурда, но в узком смысле связан с невозможностью рациональной интерпретации коммуникативного поступка в целом, а не того или иного компонента этого поступка. Именно в этом смысле говорят о поэзии абсурда или абсурдном высказывании. Мы считаем абсурдным то, что мы не можем понять, поскольку оно противоречит нашему опыту. Но не все непонятное является абсурдным: нелепостью считается то, что мы квалифицируем в терминах несоответствия, основываясь на признании эталона нашей оценки нормой, а сравниваемого с эталоном явления — ущербным в том или ином отношении. Тем самым вопрос о сущности абсурда можно переформулировать в терминах понимания следующим образом: вместо вопроса *«Является ли данное высказывание абсурдным?»* ставится вопрос *«Почему это высказывание является абсурдным для меня?»* В этом смысле представляется весьма обоснованной позиция С. Аттардо [2003], доказывающего, что при анализе юмора необходимо прежде всего принимать во внимание фактор адресата, а не интенцию отправителя речи.

Каковы функции абсурда в общении? Можно выделить, по меньшей мере, три такие функции: деструктивную, игровую и парольную.

Деструктивная функция абсурда в общении выражает намерение говорящего сломать привычные схемы и стереотипы коммуникации, не демонстрируя при этом самовыражения и позитивного отношения к адресату (т. е. исключая игровое начало) и не переводя общение в метасемиотический план (т. е. не делая его парольным). Любое абсурдное высказывание при первом и поверхностном прочтении является деструктивным для нормального общения. Адресат стремится эту деструктивность каким-либо образом объяснить и по возможности устранить. Первая естественная стратегия интерпретации деструктивного абсурда — это проверка рациональности общения, т. е. ответ на вопрос, является ли отправитель сообщения психически нормальным. Такой ответ мы можем получить, только выйдя за рамки конкретного высказывания, подвергая повторному осмыслению поведение партнера по общению или воспринимаемый текст. Не вторгаясь в область психопатологии, отметим, что для дальнейшего общения с человеком, адекватность поведения которого поставлена под сомнение,

для нас принципиально важно решить, контролирует ли партнер по общению свое поведение. Обычно в случае явного нарушения такого самоконтроля адресат стремится перевести коммуникацию в позитивную фатику, соглашаясь во всем с говорящим. Вспомним поведение Полония в его диалоге с Гамлетом:

Polonius. My lord, the queen would speak with you, and presently.

Hamlet. Do you see yonder cloud that's almost in shape of a camel?

Polonius. By the mass, and 'tis like a camel, indeed.

Hamlet. Methinks it is like a weasel.

Polonius. It is backed like a weasel.

Hamlet. Or like a whale?

Polonius. Very like a whale.

Hamlet. Then I will come to my mother by and by.

Гамлет сравнивает облако с верблюдом, лаской (в русских переводах обычно — хорек), китом, и Полоний послушно с ним соглашается.

Если же мы видим, что говорящий вполне отдает себе отчет в том, что его высказывания нарушают привычную картину мира, то мы понимаем, что от нас требуются интеллектуальные усилия для осмысления нелепых, на первый взгляд, высказываний.

Новые вероучения прокладывают себе путь через абсурдное поведение главных героев и их последователей. Абсурд вероучения противоречит не только здравому смыслу, но базовым ценностям мировосприятия и поведения. Например, это требование принести в жертву самого любимого человека или призыв возлюбить врагов своих.

Интересно соотнести деструктивную функцию абсурда с биологическим феноменом, трудно поддающимся объяснению: у целого ряда живых существ имеет место антимимикрия, резко повышающая вероятность стать добычей хищника. Великолепный хвост самцов павлина вряд ли способствует тому, что эта птица сумеет скрыться в случае опасности. Обсуждая эту проблему в связи с теорией эволюции, зоолог Р. Докинс [Dawkins 1991] приводит оригинальную концепцию, согласно которой выбор абсурдной линии саморепрезентации свидетельствует о рекламируемой силе субъекта (павлин-самец как бы говорит самкам: «Вот какой я сильный и бесстрашный!»). Уменьшая вероятность выживания отдельной особи, подобные абсурдные знаки способствуют выживанию популяции в целом. Такая линия поведения весьма свойственна и людям, нам нравятся красивые и бессмысленные поступки. Легко узнаваема характерная модель поведения: *«И тогда я сказал своему шефу в лицо при всех все, что я о нем думаю, хлопнул дверью и ушел!»*. Такая линия поведения противоречит здравому смыслу, но люди с удовольствием вспоминают именно о таких по-

ступках в своей жизни. Отметим, что этические моменты (если они и есть) могут здесь остаться за кадром: важен сам факт связи между сильной положительной эмоцией и абсолютно иррациональным поведением. Абсурд в этом смысле есть отрыв от привычного нормального поведения, подчиняющегося здравому смыслу.

Деструктивная функция абсурда в известной мере объясняет феномен веры. Тертуллиан сформулировал этот тезис предельно ясно: «*Credo quia absurdum est*» — «Верую, ибо это абсурдно, т. е. непостижимо обычной логикой, не вписывается в нормальное положение дел». Абсурд представляет собой осознание конфликта между тем, что наблюдаемо или привычно, и тем, что должно или может быть.

С позиций здравого смысла мы должны очень быстро свернуть все виды деятельности, которые не можем объяснить в конкретных условиях. Но свернув и упразднив их, мы можем утратить ощущение собственной идентичности. Например, ритуалы по своей сути построены на абсурде.

Абсурд в ритуале (разновидность фидеистического абсурда) выполняет парольную функцию, заставляя участников ритуала осознать свою вневременную сущность и способствует тем самым переживанию групповой идентичности (аналогична по своей сути парольная функция прецедентных текстов — [Слышкин 2000]). Таковы, например, строгие религиозные предписания, связанные с регламентацией поведения, в частности, пищевые ограничения. Абсурдным является и строевой шаг в современной армии: в условиях военных действий вряд ли понадобится передвигаться таким образом. Рационально объяснить строевую подготовку вряд ли можно, если принимать во внимание только нормы здравого смысла. Но существует система норм, выходящая за рамки обычной целесообразности, например, требование безоговорочно выполнить приказ командира, даже если он кажется странным. В таком случае мы сталкиваемся с феноменом сознательного внедрения в практику поведения людей норм иррациональности. Абсурд как упражнение в иррациональном поведении оказывается социально необходимым.

Участники ритуального абсурда по-разному оценивают происходящее. Для организаторов ритуала на первый план выступает его консолидирующая значимость, они не только принимают абсурдные установления, но максимально поддерживают их, находят им рациональное объяснение, подчеркивают их эстетическую сторону и сакральный смысл. Исполнители (агенты) ритуала выполняют предписанные требования автоматически, не задумываясь. Абсурдность ритуала осознается только посторонними наблюдателями либо новичками, которые еще не приняли правил игры. Если для постороннего наблюдателя аб-

сурдное поведение кого-либо может выглядеть смешным, то для человека, участвующего в абсурдном действии и не принимающего ценностей этого действия, находиться в таком двойственном состоянии психологически очень трудно. Следует либо принять правила ритуала и стать его полноправным агентом, либо противостоять абсурду. Можно выделить несколько стратегий деритуализации: открытый протест, формализация ритуала и его карнавализация, в последнем случае участник ритуального действия выполняет предписания ритуала, карикатурно искажая их [Карасик 2002: 406].

Игровая функция абсурда состоит в том, что он заставляет людей критически пересмотреть сложившиеся нормы рационального положения дел, проверить границу рационально организованной действительности. Игровой абсурд — это борьба с возможным эмоциональным и рациональным ороговением, по А. Бергсону. Он реализуется в особом юморе — юморе абсурда, или, точнее, в юморе нонсе́са.

Юмор нонсенса отличается от ситуативного юмора тем, что в первом случае мы заранее знаем — так быть не может, а во втором случае допускаем реальность того, о чем идет речь. Юмор нонсенса имеет фольклорную основу (так, в поговорках о невозможном говорят «когда рак на горе свистнет», «when pigs fly»), которая развивается в анекдоте как современном городском фольклоре и в литературных формах нонсенса (таковы лимерики Эдварда Лира и многочисленные разновидности шуточных произведений такого типа). Н. М. Демурова [1974: 12] отмечает, что «нонсенсы» Лира — это атака на назидательную, постную, пуританскую литературу начала XIX века. Нонсенс как таковой — это веселый и детский по своей сути протест против скучной действительности. Например:

There was a Young Lady whose chin
 Resembled the point of a pin;
 So she had it made sharp, and purchased a harp.
 And played several tunes with her chin (E. Lear).

Образ леди, играющей на арфе острым, как игла, заточенным подбородком, заставляет читателя или слушателя улыбнуться. Обратим внимание на то, что нонсенс несовместим с морализаторством, пусть и облаченным в остроумную форму:

Турист разворошил осиное гнездо.
 Все видели его живым-здоровым до...
 Потом его с трудом узнали по трусам.
 Не разрушай того, что ты не строил сам! (С. Михалков).

Нонсенс есть реакция на назидательность, своего рода высунутый язык в ответ на нравоучение.

Самой простой формой юмористического нонсенса является гиперболизация. Приведем пример постепенной гиперболизации:

Weather

50 degrees — New Yorkers turn on the heat. People in Scotland plant gardens.

40 degrees — Californians shiver uncontrollably. People in Scotland sunbathe.

35 degrees — Italian cars won't start. People in Scotland drive with the windows down.

20 degrees — Floridians wear coats, gloves, and wool hats. People in Scotland throw on a T-shirt.

15 degrees — Californians begin to evacuate the state. People in Scotland go swimming.

Zero degrees — New York landlords finally turn up the heat. People in Scotland have the last bbq before it gets cold.

10 degrees below zero — People in Miami cease to exist. People in Scotland lick flagpoles.

20 degrees below zero — Californians fly away to Mexico. People in Scotland throw on a light jacket.

80 degrees below zero — Polar bears begin to evacuate the Arctic. Scottish Boy Scouts postpone «Winter Survival» classes until it gets cold enough.

100 degrees below zero — Santa Claus abandons the North Pole. People in Scotland pull down their ear flaps.

173 degrees below zero — Ethyl alcohol freezes. People in Scotland get frustrated when they can't thaw their kegs.

297 degrees below zero — Microbial life start to disappear. Scottish sheep complain of farmers with cold hands.

460 degrees below zero — ALL atomic motion stops. People in Scotland start saying «chilly, you cald an aw?»

500 degrees below zero — Hell freezes over. England win world cup!

(www.jokes.co.uk).

В этом тексте в юмористической форме подчеркивается невероятная способность шотландцев хорошо переносить холод. Их поведение сначала сравнивается с поведением жителей США, параллели вполне вписываются в обыденные нормы поведения (50° по Фаренгейту — это 10° по Цельсию, в Нью-Йорке включают отопительные приборы, в Шотландии ведут посадку деревьев; еще холоднее — жители Калифорнии дрожат, а шотландцы загорают на солнышке; еще холоднее — автомобили в Италии не заводятся, а шотландцы ездят с открытыми окнами; 15° по Фаренгейту — это около минус 10° по Цельсию, из Калифорнии начинается эвакуация жителей, а шотландцы идут поплавать и т. д.), а затем переводится в плоскость нонсенса (белые медведи эвакуируются из Арктики, Санта Клаус — с Северного полюса, замерзает этиловый спирт, исче-

зают все формы жизни, прекращается движение атомов, наконец, вымерзает ад, а жители Шотландии чувствуют себя вполне комфортно).

Выделяются шутки, в которых речь идет о действиях, не поддающихся рациональному осмыслению. Есть целая серия анекдотов о сумасшедших. Такие анекдоты показывают абсолютную непредсказуемость поведения душевнобольных, причем, интересны примеры вытеснения страха перед такими людьми. Характерен детский анекдот:

Идет человек мимо психушки, вдруг из-за угла выбегает здоровенный псих и начинает гнаться за этим человеком. Догоняет его, хлопает по спине и говорит: «А теперь ты меня догоняй!»

Очень часто тема абсурда связана в анекдотах с осмыслением судьбы:

Падает мужик с небоскреба. На пятидесятом этаже из окна высовывается сильная рука, ловит его. «Который час?» — «Без пяти девять!» — «Жаль!» (рассказчик показывает, как разжимается рука, которая держала человека).

Этот анекдот представлен многими вариантами вопроса и ответа, но итоговая реплика неизменна. Мы видим, что попытка рационально вести себя в ситуации, выходящей за рамки здравого смысла, обречена на провал. В данном случае перед нами юмористический абсурд, но не нонсенс.

Попытка примириться с абсурдностью бытия также является предметом юмористической критики:

Старый еврей-извозчик экзаменует своего ученика: «Что будешь делать, если в дороге у повозки сломается колесо?» — «Попробую починить». «А если негде взять палки?» — «Поспрашиваю в деревне, найду где-нибудь». — «А если это будет в степи?» — «Подожду, кто-нибудь будет ехать, поможет». — «А если это будет зимой, в метель?» — «А Вы что бы сделали?» — «Таки плохо».

Финальная реплика переворачивает не только процедуру всей проверки, но и показывает, что нужно быть готовым к абсолютно безнадежной ситуации, и такая готовность как примирение с абсурдом помогает выжить за рамками возможного существования.

Игровой абсурд представлен в шутовском стихотворении Б. Заходера «Рыбская песня (и перевод с рыбского)»:

- — / — - / -, Чтобы не было беды,
 - — / — - / -, Чтобы не было беды,
 - — / — - / —, Чтобы не было беды,
 - — / -, Наберите,
 - — / -, Наберите,
 - — / — - / -! Наберите в рот воды!

Песня, в которой вместо звуков проставлены одни знаки препинания, — абсурдна. Сатирическую значимость этому абсурду (стихотворение датируется 1957 г.) придает название, в котором обыгрываются паронимы (*рыбий* и *рабский*), и перевод, высмеивающий трусость.

Классификация анекдотов-нонсенсов может быть построена на разных основаниях. Например, можно противопоставить семантическую и прагматическую разновидности невозможного.

Иван-царевич спрашивает лягушку: «Лягушка, что ты такая скользкая и зеленая?» — «Это я болею,» — отвечает лягушка. «А вообще я белая и пушистая».

В этой шутке переворачиваются наши знания о предметном мире. Прагматический нонсенс связан с нарушением причинно-следственных отношений:

В доме живут мама, папа, сын, дочь, бабушка и дедушка. Мама — медсестра, папа — слесарь, сын — двоечник, дочь — ябеда, бабушка и дедушка — пенсионеры. Спрашивается: как зовут бабушку?

Этот шутка пародирует текст школьной задачи, в отличие от таких задач условия не дают возможности логически прийти к ответу. Высмеивается сам жанр задачи с его логической формализованностью, которая надоедает школьникам.

Нонсенс занимает особое место в ряду видов юмористического дискурса, если мы примем во внимание типичную языковую личность, предпочитающую тот или иной вид юмора. Известно, что есть шутки, являющиеся скрытой или сублимированной агрессией (политические, этнические, сексуальные и др.). Естественно предположить, что повышенная степень агрессивности может выражаться в соответствующих формах игрового поведения. Это шутки, граничащие с насмешкой. Есть шутки, являющиеся защитой от агрессии, в частности, шутки абсурда и черного юмора (ср.: [Белянин, Бутенко 1996; Лебедева 1999; Флеонова 2003]). В отличие от нападающих и защищающихся, любители нонсенса — это наблюдатели, созерцатели. Разумеется, диапазон юмористического нонсенса очень широк — от улыбки философа, переворачивающего нормы здравого смысла, до игры ребенка, с удовольствием строящего бессмыслицы. В этом смысле противопоставление деятеля и созерцателя, весьма важное для понимания культурных доминант поведения (ср., например, основные типы понимания счастья: [Воркачев 2002]), приобретает новое прочтение в юморе нонсенса.

Таким образом, рассмотрение концепта «**абсурд**» как интеллектуального затруднения, которое снимается в четырех направлениях — трагическом, фидеистическом, проблемном и игровом, — дает возможность установить определенные типы абсурда, выявить коррелирующие с ними типы дискурса (философ-

ский и художественный — для трагического, религиозный — для фидеистического, научный — для проблемного, бытовой — для игрового), определить основные функции абсурда в общении — деструктивную, ритуальную, игровую, внести некоторые уточнения в понимание юмористического абсурда и нонсенса.

ЛЕНЬ В ряду человеческих пороков лень занимает достойное место, являясь одним из семи смертных грехов (гордыня, зависть, гнев, леность, сребролюбие, чревоугодие, сладострастие). В религиозном толковании лень (или леность) есть «медлительность (в совершении добрых дел)» [Силецкий 1991: 130]. В обиходном же понимании лень — это нежелание работать. Поскольку для поддержания своей жизни человек должен трудиться, нежелание работать выливается в попытку жить за чужой счет, и это вызывает осуждение людей.

Лингвокультурное моделирование лени представляет интерес, поскольку дает возможность охарактеризовать один из этических концептов, определяющих нормы поведения людей вообще, с одной стороны, и выявить этнокультурную специфику такого поведения, с другой стороны [Левонтина 1999]. Не секрет, что лень часто приписывается русским, всем известна сентенция А. С. Пушкина «Мы ленивы и нелюбопытны», особенно нетерпимо относятся к лени в тех сообществах, где трудолюбие признается главным достоинством человека (речь идет о принципах протестантской этики). В лингвокультурологических исследованиях, посвященных концепту «труд» [Токарев 2003; Гоннова 2003; Чернова 2004], лень рассматривается в качестве одного из оппозитивных признаков данного концепта. На мой взгляд, концепт «лень» по своему содержанию шире, чем его понятийная основа («нежелание работать»), и целостное раскрытие этого концепта неизбежно затрагивает важнейшие ориентиры поведения носителей определенной лингвокультуры.

В основу данной работы положена следующая гипотеза: отношение к лени является одним из признаков, с помощью которых можно построить систему культурных доминант того или иного этноса; этот концепт представляет собой неоднородное образование; лень осмысливается и переживается по-новому сегодня, и новые моменты в таком осмыслении характеризуют систему ценностей сегодняшнего дня. Концепт «лень» рассматривается с позиций лингвокультурологии, т. е. трактуется как ментальное образование, имеющее языковые способы обозначения и выражения. Содержание данного концепта анализируется в трех измерениях — понятийном, образном и ценностном [Карасик 2002].

Понятийный анализ концепта предполагает выявление его конститутивных признаков, отраженных в словарных дефинициях, и определение его системных оппозитивных связей с другими концептами.

В толковых словарях русского языка рассматриваемый концепт определяется следующим образом:

Лень — 1. Отсутствие желания работать, делать что-л. *Лень одолела. Лень-ма-тушка (ирон.). Лень в жизни не помощник.* || Состояние вялости, сонливости; апатия. *Поддаться лени.* 2. Кому, с инф. в функц. сказ. Разг. Не хочется, нет охоты. *Лень выйти на улицу* [БТС]; неохота работать, отвращение от труда, от дела, занятий; наклонность к праздности, к тунеядству. || Свойство или качество это в действии. *Лень, лежа на печи, замерзла. Коли б не лень, все б мы в бархате ходили! Лень прежде нас родилась* [Даль].

Ленивый — 1. Склонный к лени, к праздности; избегающий труда, не желающий работать. *Ленивый сотрудник.* || только кратк. к чему, на что и с инф. Не желающий делать что-л., уклоняющийся от исполнения чего-л. *Ленив писать. Ленив к работе.* || Выражающий лень. *Ленивая поза. Ленивый взгляд.* || Полный бездействия, праздности, располагающий к лени. *Ленивая жизнь.* 2. Медлительный, неторопливый, вялый (о движениях, походке и т.п.). *Ленивый бег. Ленивое движение руки.* || Медленно движущийся, тихо перемещающийся. *Ленивая волна.* 3. Приготовленный более быстрым способом, чем полагается (о кушаньях). *Ленивые голубцы* [БТС]; предавшийся лени, кому лень работать; неприлежный, праздный; нерадивый; вялый, мешкотный, непроторный. *Ленивому всегда праздник. Кто ленив, тот и сонлив. Ленивому не болит в хребте* [Даль].

Ленца — Разг. Некоторая склонность к лени, к лености. *Человек с ленцой* [БТС].

Леность — склонность к лени, лень. *Из-за лености остался без урожая* [БТС].

Лентяй — Ленивый человек. *Лентяи были всегда* [БТС]; ленивый человек, праздный тунеяд, бегающий от дел и труда; вялый, плохой работник. *Лентяй да шалопай два родных брата* [Даль].

Лодырь — Разг. Бездельник, лентяй. *Известный лодырь* [БТС]; (лодарь) — повеса, бездельник, шатун и плут, гуляка, оборванец [Даль].

Бездельник — Разг. Тот, кто бездельничает; лентяй [БТС]; праздный шатун; || промышляющий плутовством, мошенничеством; бессовестный плут. *Без денег — бездельник* [Даль].

Сибарит — склонный к праздности, избалованный комфортом и роскошью человек [БТС].

Балбес — Разг.-сниж. О бестолковом человеке, бездельнике [БТС].

Оболтус — Разг.-сниж. Глупый, неотесанный человек; бездельник. *Длинноволосый оболтус брнчал на гитаре* [БТС].

Шалопай — Разг. Бездельник, повеса. *Недоучившиеся шалопайи. Тридцатилетний шалопай* [БТС]; разг.-сниж. Бездельник, повеса, легкомысленный гуляка, живущий сегодняшним днем [БСРРР].

Шалопут — член религиозной секты, разновидности хлыстовства. Нар.-разг. = шалопай. *Старший сын — совершенный шалопут* [БТС].

Сачок — Разг.-сниж. Неодобр. О человеке, уклоняющемся от работы; лентяй; бездельник [БТС].

Халявщик — *Презр. Жарг.* Тот, кто пользуется какими-л. благами за чужой счет, не прилагая к этому никаких усилий, не работая [БСРРР].

Халтурщик — Тот, кто халтурит — **халтурить** *Разг.-сниж.* Плохо, недобросовестно, некачественно работать (часто лишь изображая, имитируя деятельность) [БСРРР].

Белоручка — *Неодобр.* Тот (та), кто избегает физического труда, трудной или грязной работы [БТС].

Лентяйничать — *Разг.* Пребывать в праздности, бездельничать; лениться. *Устал лентяйничать (ирон.)* [БТС].

Бездельничать — *Предаваться* безделью, ничего не делать. *По воскресеньям всегда бездельничал* [БТС].

Безделье — Отсутствие дела, занятия; праздность. *Вынужденное безделье. Томиться от безделья* [БТС]; досуг, досужное время, свободное от дел, от работы, от занятий, должности; время отдыха, роздыха, покоя, когда нечего делать || *лень, скука* и *праздность* || *забава, неважное, ничтожное занятие, ради скуки, от нечего делать. От безделья и пес на ветер влзаивает. На безделье дурь в голову лезет* [Даль].

Праздный — 1. Ничем не занимающийся, живущий без работы, без дела. *Никто не видел его праздным.* 2. Не заполненный, не занятый делом, работой. *Праздная жизнь.* 3. Порожденный бездельем, бесцельный, бесполезный, пустой. *Праздная забава.* 4. Устар. Никем или ничем не заполненный; пустой, порожний. *Праздное место* [БТС]; незанятый, порожний, свободный, пустой, опростанный, пустопорожний. || *о чел.* Гуляющий, шатущий, без дела, ничем не занятый или ничем не занимающийся, шатун, баклушник, лентяй. *Праздный на грех натолкнется. Праздная молодость — беспутная старость* [Даль].

Праздность — 1. К Праздный (2–4 зн.). 2. Незанятость трудом, делом, праздная жизнь; безделье. *Жить в праздности* [БТС].

В синонимических словарях русского языка концепт «лень» уточняется следующим образом:

Лень, леность, ленца. Лень — нежелание работать, делать что-л.; леность — склонность к лени, праздности; ленца — небольшая, незначительная лень [ССРЯ]; безделье, праздность; бездельничанье, ничегонеделание, праздношатание (*разг.*) [Александрова].

Лентяй, ленивец, лодырь (*разг.*), бездельник (*разг.*), лоботряс (*прост.*), лежебок (*разг.*) и лежебока (*разг.*), байбак (*разг.*). Человек ленивый, не желающий трудиться, склонный к праздности. Слово *ленивец* содержит оттенок снисходительности; слова *лодырь, бездельник* и особенно *лоботряс* имеют усилительный характер, обозначая в высшей степени ленивого человека, не желающего ничего делать, проводящего время в праздности; *лежебок, лежебока, байбак* — ленивый человек, любящий полежать, поспать. Слово *байбак* употр. реже [ССРЯ]; *бездельник, праздношатающийся, лодырь (разг.); лоботряс, шалопай, оболтус, балбес, шалопут (прост.); фланер (уст. разг.); шалбер (уст. прост.)* [Александрова].

Лениться, лентяйничать, отлынивать от работы (разг.); лишнего шагу не делать [Александрова].

Бездельничать; лодырничать, баклушничать, болтаться (без дела), шалопайничать (разг.); лоботрясничать, балбесничать (прост.); шалберничать (уст. прост.); бить баклуши, гонять лодыря (или собак); плевать в потолок, лежать на боку (или на печи), сидеть как именинник, праздновать лентяя (прост.); барствовать, сибаритствовать, сибаритничать (книжн.) [Александрова].

Приведенные слова и их определения показывают, что рассматриваемый концепт включает следующие признаки: 1) нежелание работать, 2) вялость, медлительность, сонливость, 3) в сильной степени, 4) в слабой степени, 5) уклонение от работы, 6) жизнь за счет чужого труда, 7) отсутствие дела, 8) имитация деятельности, 9) бесцельное хождение, 10) избегание физического труда или грязной работы, 11) склонность к плутовству и мошенничеству, 12) сопряженность с глупостью, 13) сопряженность со скукой, 14) сопряженность с поиском развлечений, 15) сопряженность с любовью к комфорту.

Первые два признака являются конститутивными для понятийной основы концепта «лень», причем внешнее проявление лени (вялость и медлительность) этимологически является исходным для основного имени концепта — «лень». Актуальным для понимания сущности лени является сочетание двух признаков: предметного (труд) и модально-отрицательного (волеизъявление). Остальные признаки логически и ассоциативно уточняют содержательную основу концепта. Этот концепт осмыслен в коллективном сознании как градуальная характеристика человеческого поведения, при этом интенсификации признака выводит нас на неформальную дистанцию общения. Внешнее проявление такого поведения является двояким: вялая неподвижность (не связанная с болезнью, а вызванная порочным стремлением избегать любых усилий) и активное хождение (бессмысленное, с точки зрения того, кто работает и осуждает праздного шатуна). Нежелание работать часто проявляется в виде уклонения от работы и имитации деятельности (заметим, что такая имитация иногда требует большой активности). В ассоциативных признаках четко выражена отрицательная оценка лени: мотивирующим основанием для такой оценки является осуждение паразитического существования (кто не работает, тот да не ест). Лень как качество личности соотносится с бездельем как объективными обстоятельствами ситуации. Показательны словарные иллюстрации: безделье трактуется как вынужденное состояние человека, вызывающее скуку и толкающее к совершению дурных поступков (грехов).

Поскольку лень представляет собой характеристику человека, в русском языке зафиксировано множественное и вариативное обозначение лентяев. Боль-

шей частью такие слова относятся к разговорному сниженному регистру речи и обозначают сочетание качеств (лень и глупость, лень и плутовство, лень и повесничанье). Приведенные в словарных статьях иллюстративные примеры свидетельствуют о том, что такая комбинация негативных качеств свойственна прежде всего молодым людям. Мы видим, что право упрекать кого-либо в лени принадлежит тем, кто имеет солидный жизненный опыт. Принято считать, что каждому возрасту свойствен основной порок: молодости — вожделение (сладострастие), зрелости — ссоры (гнев), старости — скупость (сребролюбие). Обобщенный критик человеческих пороков, по данным толковых и синонимических словарей русского языка, требует от молодых людей заниматься делом, присваивая себе право считать их занятия безделицей.

Обратимся к данным толковых словарей английского языка.

lazy — 1 disinclined to work, doing little work. 2 of or inducing idleness. 3 (of a river etc.) slow-moving [COD]; not willing to work; avoiding activity. *(disapproving) The managers complained that the workers were lazy and unreliable. (disapproving) Get out of bed you lazy thing — you can't lie there all day! (approving) We spent a lazy day on the beach sunbathing. (approving) Prague is a place for lazy (= slow and pleasant) strolling, with its street life and culture and cafes [CIDE]; 1 not liking work and physical activity, or not making any effort to do anything synonym idle the laziest boy in the class. He felt too lazy to get out of bed. 2 a lazy period of time is spent doing nothing except relaxing We spent lazy days relaxing on the beach [LDCE]; 1. Moving slowly and gently «up a lazy river»; «lazy white clouds»; «at a lazy pace» 2. Disinclined to work or exertion. «too lazy to wash the dishes» [WWD].*

Idle — 1 lazy, indolent. 2 not in use; not working; unemployed. 3 (of time etc.) unoccupied. 4 having no special basis or purpose (idle rumour; idle curiosity). 5 useless. 6 (of an action, thought, or word) ineffective, worthless, vain [COD]; (of people) unwilling to work or be involved in any activity, or (esp. of machines or people) doing nothing, not working or operating. *Half these factories are lying/standing idle. Thousands of workers in the town are idle (= have no job) now that the car factories have closed. He's a stupid, idle, good-for-nothing boy! Idle can also mean without any particular purpose. an idle glance. a question asked out of idle curiosity. Idle also means not useful or not based on fact. The government has denounced the rumours as «idle and pointless speculation». It is idle to expect a fair trial in this country (= You should not expect one because it would be very unlikely) [CIDE]; 1. not working or producing anything. opposite busy. I cannot afford to leave the land lying idle. The whole team stood idle, waiting for the mechanic. The workers have been idle for the last six months. 2. not serious, or not done with any definite intention. She was not a woman to make idle threats. idle chatter/talk/gossip etc It was only from idle curiosity that she went into the barn. 3. Lazy. Go and wake up that idle brother of yours. 4. it is idle to do something. it is not worth doing something, because nothing will be achieved. It would be idle to deny that great progress was made. 5. the idle rich. rich people who do not have to work [LDCE].*

Lazybones — *colloq* a lazy person [COD]; *informal disapproving* someone who is lazy *Hey lazybones, get up from the sofa and help me with the dishes!* [as form of address] [CIDE]; *informal* a lazy person — often used in a friendly way to someone you like. *Come on, lazybones! Get out of bed* [LDCE].

sloth — laziness or indolence; reluctance to make an effort [COD]; *literary* unwillingness to work or make any effort; laziness. *The report criticizes the government's sloth in tackling environmental problems. By mid-afternoon Sunday I'm usually overcome by sloth and spend the rest of the day in bed. Sloth is one of the seven deadly sins* [CIDE]; *formal* laziness [LDCE].

slothful *literary* *The woman in the tent next to us seemed to spend half the day shouting at her two slothful adolescent sons* [CIDE]; *formal* lazy or not active [LDCE].

Indolent — lazy; wishing to avoid activity or exertion [COD]; disinclined to work or exertion [WWD].

Otiose — 1. serving no practical purpose; not required; functionless. 2. *archaic* indolent; futile [COD].

Work-shy — Disinclined to work or exertion. «*the unemployed are not necessarily work-shy*» [WWD].

Loafer — an idle person [COD]; person who does no work [WWD].

to loaf — 1 intr. (often foll. by about, around) spend time idly; hang about. 2 tr. (foll. by away) waste (time) idly (*loafed away the morning*). 3 intr. saunter [COD].

dawdle — 1 intr. to walk slowly and idly. b delay; waste time. 2 tr. (foll. by away) waste (time) [COD]; 1. Take one's time; proceed slowly. 2. Waste time. 3. Hang (back) or fall (behind) in movement, progress, development, etc. [WWD].

dawdler — Someone who takes more time than necessary; someone who lags behind [WWD].

fainéant — n. an idle or ineffective person. adj. idle, inactive. [French, from fait 'does' + néant 'nothing'] [COD].

sponger — a person who contrives to live at another's expense [COD].

shirker — A person who shirks their work or duty (especially one who tries to evade military service in wartime) [WWD]; **To shirk** — shrink from; avoid; get out of (duty, work, responsibility, fighting, etc.) [COD].

cadger — Someone who mooches or cadges (tries to get something free) [WWD].

moocher — Someone who mooches or cadges (tries to get something free) [WWD].

To mooch — *colloq. Brit.* loiter or saunter desultorily [COD].

scrounger — Someone who mooches or cadges (tries to get something free) [WWD].

To scrounge — 1. obtain (things) illicitly or by cadging. 2. search about to find something at no cost [COD].

loiter — 1. hang about; linger idly. 2. travel indolently and with long pauses [COD].

В синонимическом словаре приводятся слова *lazy, indolent, slothful, fainéant*, которые толкуются следующим образом: All mean not easily aroused to action or activity. **Lazy** especially when applied to persons suggests a disinclination or aversion to effort or work and usually connotes idleness or dawdling, even when one is supposed

at work; the term is commonly derogatory. **Indolent** implies an habitual love of ease and a settled dislike of movement or activity. **Slothful** suggests the temper or indolence of one who is inactive when he knows he should be active or who moves or acts with excessive slowness when speed is essential. **Fainéant** implies both a slothful temper and a disposition to remain idly indifferent in spite of pressure [WDS].

Приведенные обозначения обсуждаемого концепта в английском языке сводятся, как можно видеть из словарных толкований, к следующим признакам: 1) нежелание работать, 2) медлительность, 3) стремление отдыхать, 4) отсутствие дела, 5) бесцельное времяпрепровождение, 6) привычка к легкой жизни, 7) чрезмерная медлительность, 8) намеренное замедление активности, 9) уклонение от обязанностей, 10) жизнь за чужой счет, 11) праздное шатание, 12) сопряженность с попрошайничаньем, 13) сопряженность с нарушением закона.

Этимологически лень и медлительность совпадают в английском языке (*slow* и *sloth* восходят к единому индоевропейскому корню **sla* со значением «слабый», «медленный», «вялый»), к германскому корню со значением «слабый» восходит и слово *lazy*.

Смыслообразующие признаки рассматриваемого концепта — «нежелание работать» — совпадают в русском и английском языках. Совпадают также и признаки, которые М. В. Никитин называет «жесткий импликационал» [Никитин 1988: 61], т. е. признаки, непосредственно связанные с ядерным содержанием концепта (отсутствие дела, т. е. праздность, уклонение от обязанностей, бесцельное времяпрепровождение, праздное шатание и жизнь за чужой счет).

Лень и праздность взаимосвязаны, но не взаимообусловлены: ленивый человек имеет обязанности, которые он не выполняет, у праздного человека обязанностей нет, не случайно говорят о ленивом работнике, но праздном барине, т. е. эти понятия включают статусные импликации. Когда человека обвиняют в праздности, то подразумевается, что либо он не работает, присваивая себе статус того, кто имеет (или якобы имеет) право не трудиться, либо его занятия не воспринимаются как труд (вспомним, например, что для дворян сочинительство было формой досуга, к этому занятию относились с некоторым презрением, считая, что долг дворянина — служить царю и отечеству). Людей творческих профессий часто упрекают в праздности: с одной стороны, этот вид деятельности обычно не приносит заработка, т. е. считается формой досуга, с другой стороны, такая работа внешне выглядит как свободная игра, приносящая удовольствие, а труд обычно связан с внешним или внутренним принуждением прилагать усилия для достижения определенного результата. Лень и праздность ассоциируются в силу того, что лень внешне выглядит как праздность. Синонимами «праздности» выступают «безделье» и «ничегонеделанье». Угнетенные

ставят угнетателям в вину праздность, с которой связаны комфорт, изобилие и стремление чем-то заполнить досуг. Праздность ассоциируется с несправедливым распределением благ: в этом плане лень есть порок индивидуума, а праздность — порок общественного устройства. Отметим, что праздность сопряжена со скукой, человек праздный томится от безделья, человек ленивый не испытывает дискомфорта по этому поводу.

Уклонение от обязанностей является естественным следствием нежелания работать. Подразумевается, что нормальный человек выполняет определенную работу, поскольку понимает, что должен ее выполнить. Вполне допустимое исходное нежелание работать преодолевается силой воли. Лентяй же не совершает такого нормального волевого акта, при этом он часто ищет способ избежать работы, найти повод или объяснение для того, чтобы не делать то, что ему было нужно сделать, т. е. становится уклонистом. Обратим внимание на статусный вектор в данном случае: если лентяя осуждают вышестоящие, те, кто загружает его работой, то уклониста критикуют равные ему по статусу люди, заметившие его недобросовестность.

Бесцельное времяпрепровождение нейтрализует различие между ленью и праздностью. Ленивый человек мог чего-то достичь, мог заработать себе на жизнь, но не сделал этого, потратил время зря. Праздный человек мог получить удовольствие от какого-либо занятия, мог проявить себя в каком-либо деле, но не захотел или не сумел правильно распорядиться своим временем. Лентяя, праздного бездельника и уклониста осуждают, человек же, зря потративший свое время, достоин сожаления.

В поисках развлечений праздный человек ходит без цели, слоняется, мешая другим работать. Бесцельное хождение туда-сюда является внешним воплощением безделья.

Признак тунеядства, паразитического существования логически вытекает из нежелания работать. И в русском, и в английском лингвокультурном сообществе осуждается несправедливое распределение благ. В паразитическом существовании обвиняют только равного, того, кто должен работать, как и все, но сознательно не делает этого. В русском языке прямо зафиксирована сущностная характеристика такого человека — нахлебник, тунеядец, дармоед, т. е. тот, кто ест, заработанное другими; в английском языке эта идея выражена с помощью образа губки, впитывающей влагу (sponger — от sponge «губка»). В английском языке существует несколько слов, обозначающих человека, стремящегося получить что-либо даром (т. е. не работая или бесплатно). В русском языке эта идея выражена в сниженно-разговорном слове «халявщик». Халявщик отличается от нахлебника (дармоеда) тем, что паразитирует, образно говоря, не

на своей территории и в этом смысле не столь строго осуждается, так как пользуется отсутствием порядка, контроля, рационального расходования благ. Люди, честно выполняющие свой труд, нетерпимо относятся к дармоедам и с насмешливым презрением — к халявщикам.

Основные различия в осмыслении лени применительно к русскому и английскому языковому сознанию на понятийном уровне состоят в следующем. В русской лингвокультуре нежелание работать обусловлено апатией и проявляется как имитация деятельности, оно конкретизируется применительно к тяжелому физическому труду или грязной работе, допускает градуальное измерение от большой лени до некоторой ленцы (впрочем, в последнем случае речь идет не только о лени: кто-то может *полениваться, побаиваться, погуливать, поворовывать* и т. д.), сопряжено с глупостью (это — глубокое наблюдение народа, зафиксированное в лексической семантике), связано с плутовством и свойственно в большей мере молодым людям, чем зрелым и старым. В английской лингвокультуре акцентируется не столько вялость и апатия, классические обломовские качества характера, сколько медлительность, запаздывание, нежелание ускорить свою работу. Это можно объяснить тем, что для англоязычной ментальности исключительно важна идея эффективного труда, вероятно, в качестве прототипного вида работы англичане рассматривали такой труд, который должен был быть выполнен за определенное время. Для русских этот аспект работы был, по-видимому, не столь значим, гораздо важнее внутренняя готовность честно работать, а не имитировать деятельность. В этой же связи отметим, что идея положительной оценки высокой скорости (*«Не тормози!»*) оказалась созвучной как современной организации жизни, так и доминантам англоязычной культуры. В значениях слов, называющих тех, кто избегает труда, четко прослеживается идея связи безделья и противозаконного поведения. Кстати, в словаре В. И. Даля в качестве иллюстрации к глаголу «бездельничать» приводится интересное предложение: *«Фабричные тут шалят, бездельничают по дороге, срезывают чемоданы»*. В современном русском языке связь между словами «бездельник» и «преступник» не акцентируется. В англоязычной культуре такая связь, судя по словарным дефинициям современных разговорных обозначений бездельников, актуальна. В английском языке актуальна так же и ассоциация «бездельничать — попрошайничать». Следует отметить, что в этом плане нормы протестантской этики диктуют людям резко отрицательное отношение к нищим, которые просят на пропитание. Нельзя просто стоять с протянутой рукой, нужно что-то делать, например, играть на музыкальном инструменте, и тогда милостыня превращается в заработок.

Важнейшее отличие русского языкового сознания от английского в осмыслении концепта «лень» состоит в том, что в русской лингвокультуре приоритетной является мотивация субъекта, его настроение, его искреннее отношение к чему-либо (ср. «главное — собраться», [Шмелев 2002: 407]), а в английской лингвокультуре на первый план выступает оценка субъекта со стороны, взгляд на него с позиций правильного, рационального, целесообразного поведения. Очень интересные наблюдения относительно русских слов «лень» и «неохота» приводятся в статье И. Б. Левонтиной [1999: 166–169]. Автор противопоставляет три типа состояний человека — состояния тела, души и ума, характеризующие физическую расслабленность и медлительность в первом случае, паралич воли — во втором и рациональную установку человека не совершать бессмысленные действия — в третьем. Лень по-английски не выходит за рамки физической расслабленности и медлительности, поскольку в англоязычной культуре нет системного противопоставления внешнего и внутреннего мира человека. Показательно русское выражение «И не лень тебе (что-то делать)», говорящий выражает в этом случае мягкую критику излишней активности адресата.

Обратимся к образному компоненту рассматриваемого концепта. Этот компонент неоднороден: на входе он включает те признаки, которые формируют образ (образно-перцептивные), а на выходе — те признаки, с помощью которых можно формировать метафорически новые образы (образно-метафорические) (в более широком смысле разграничиваются интразона и экстразона концепта, см.: [Слышкин 2004: 60]). Образно-перцептивные признаки концепта выявляются путем анализа дискурсивной реализации этого концепта. Одним из путей такой реализации является написание коротких сочинений (топиков) на тему «Когда я думаю о том-то, я представляю себе...» Приведем некоторые из подобных сочинений на русском и английском языках (всего было опрошено по 50 информантов).

Я не люблю лентяев. Это безвольные, слабые и изнеженные люди. В дикой природе лентяев нет, если какое-либо животное лежит и не ищет пищу, оно болеет и становится добычей хищников. Лентяи знают, что им не дадут умереть, их накормят, их будут уговаривать чем-то заняться. Лентяи ищут любые причины для того, чтобы не работать. Лень — это следствие неправильного воспитания, потакания дурным наклонностям детей. Ленивые люди обычно неопрятны и неряшливы. Я представляю себе полного мужчину с осолопевшим взглядом, на него садятся мухи, и ему лень их прогнать.

Утром всем хочется спать. Нормальный человек морщится, но встает, умывается и идет на работу. Лентяй поворачивается к стенке и продолжает храпеть. Но человек, как известно, не может быть лицемером в своих удовольствиях. Уроки делать лень, а

пойти погулять — уговаривать не надо. У лентяя всегда проблемы с чувством долга: он ничего никому не должен, у него нет обязанностей. При этом лентяи часто добрые люди, они могут посочувствовать, они не завистливы, они просто ни во что не вникают. Они считают, что лучше сидеть, чем стоять, и лучше лежать, чем сидеть. Лень чем-то похожа на опьянение, человек улыбается и никуда не спешит.

Честно говоря, я сам — лентяй. Часто мне не хочется ничего делать. Приятно посидеть с друзьями, попить пиво, поговорить. Мне не нравятся озабоченные энергичные люди, они бегают, суетятся, делают карьеру, всем завидуют, всех в чем-то подозревают. Все относительно, но мне кажется, что все нормальные люди — немножко лентяи. Разве умный студент будет каждый день выполнять все задания преподавателей? Лень связана со здравым смыслом, это — нежелание зря расходовать силы. Конечно, это — недостаток, но из всех недостатков — самый простительный.

I don't think people are lazy by nature. Look at little children who are happy to run and jump and hide and seek. Those mature old gentlemen who enjoy their newspaper in a cozy chair are not lazy, they have worked hard in their life and earned their blissful hours of doing nothing special. When at school children have to do things they would not like to do, but life is not a bed of roses, and one has to be strong enough to hold on. Mothers should be patient enough and encourage their children who try to do things themselves. Children who are praised will never be lazy.

Thinking about laziness I can't but mention slaves and slave owners. Slaves are lazy by definition because they have no reason to do their best for their masters. Working people have high moral standards, and those who have nothing to do are tempted to do wrong. I thing being idle is very dangerous. Northern nations are more industrious because their climate makes them work much harder than those who can enjoy never ending sunny days.

Русские респонденты дают амбивалентную оценку лентяю, характеризуя его как безвольное, безответственное и неопрятное существо, с одной стороны, и как своеобразного философа, понимающего суетность обыденной жизни и не желающего зря расходовать силы. Обращает на себя внимание гендерный аспект лени: женщины более резко осуждают лентяев, чем мужчины, типичным лентяем является мужчина (точнее — муж, лежащий на диване, когда жена целый день занята домашними делами). В ответах англоязычных респондентов лень рассматривается часто с позиций более общих социальных отношений как результат отсутствия мотивации работать. Вместе с тем англоязычные информанты подчеркивают удовольствие от приятного ничегонеделания во время отпуска или выходного дня.

Для выявления ассоциативных признаков концепта «лень» целесообразно рассмотреть сочетаемость характеристики слов, обозначающих данный концепт. Примеры сочетаемости слов, обозначающих концепт «лень» в русском языке, взяты из произведений художественной литературы.

Внешние характеристики лени связаны с отсутствием движений, расслабленностью, медлительностью: *Ленивая тварь попалась, расслабленная: нет, чтоб мчаться вихрем, как Бенедикт любил, — нет, плетется нога за ногу...* (Т. Толстая).

В таком контексте актуализируется нежелание ускорить движение.

У него баксы есть? — лениво спросил развалившийся на кровати Сергей (Д. Корецкий).

Прототипное представление о лени — расслабленно лежащий человек.

...Тебе даже лень плечами пожать, в казенный кабинет зайти, дурацкие вопросы выслушать (Н. Леонов).

В данном примере подчеркивается преувеличенная лень — нежелание просто пошевелить плечами.

Белая собака лениво побрехала на них из будки в углу, забралась в свое хлипкое жилище и задремала (А. Бушков).

Лень связана с сонливым состоянием.

Весьма часто подчеркивается ленивая манера речи:

Не шевелясь и не меняя позы, Черский лениво протянул:

— *Дражайший мой Павел Иванович, вы помните старый анекдот на тему о том, что есть демократия?* (А. Бушков).

Ленивое произношение характеризуется растяжкой гласных.

— *Твоя Нонка дрянь,* — лениво промямлил Миша (В. Аксенов).

Лень ассоциируется с медленным, невнятным и вялым произношением.

Лень как качество характера конкретизируется в сопоставлениях контрастного типа.

...В жизни каждого человека бывают такие минуты, когда происходит некий внутренний взрыв; поскольку самое понятие взрыва есть следствие соединения двух веществ, таящих в себе несовместимость, нарушение баланса, то и поступок, определяющий новое качество личности, протекает из мгновенного столкновения веры и подозрительности, добра и вражды, озарения и лени, любви и страха (Ю. Семенов).

Лень противопоставляется озарению, высокой концентрации энергии.

Он наглядился на лунов всех разновидностей. Были талантливые и бездарные, вдохновенные и ленивые (П. Дашкова).

Антиподом лени может быть вдохновение.

Лень обычно комбинируется с другими отрицательно оцениваемыми качествами личности:

Ты репортер... Великолепный репортер, и ты служишь минуте, тогда как талант принадлежит веку, если только талант не ленив, не капризен, если он

не избалован, а подобен каменицу, который каждое утро начинает класть стену дома... (Ю. Семенов).

Лень может сочетаться с капризностью, это свойственно избалованным людям.

Учился он плохо, однако лень и шалости Калашникова-младшего прощались и забывались сами собой, стоило Константину Ивановичу появиться в школе (П. Дашкова).

У детей лень часто сочетается с шалостью, это объясняется неумением и нежеланием сосредоточиться на выполнении скучных заданий.

Майор Межуев прижимал к уху обтянутый черным поролоном изящный наушник фирмы «Филипс» и тоже злился — на ленивого милицейского болвана, в силу врожденной лености и тупости отпихивающегося от факта, в который ему надлежало вцепиться мертвой хваткой (Д. Корецкий).

Лень тесно связана с интеллектуальной несостоятельностью.

Управленческая элита Орды, оторванная от нашего влияния, утонула в России, растворилась в ней, заразившись ленью, деспотизмом и жаждой личной наживы (Ю. Семенов).

С точки зрения простых людей, те, кто облечен властью, ленивы, жестоки и корыстолюбивы. Такое положение дел свойственно деспотическим режимам и объясняется отсутствием контроля со стороны народа за действиями властей.

Черяга с Извольским напоролась на то, что было хуже взяточничества, коррупции, всеобщей лености МВД, и даже ТОО «Сатурн» — на круговую поруку силовиков (Ю. Латынина).

В ряду пороков власти фигурируют коррупция, леность и круговая порука.

Лень как качество характера акцентируется в поведении тех людей, которым следует быть собранными и энергичными:

Из открытых окон второго этажа медленно выходил дым. Внезапно в окне появился пожарный и лениво прокричал вниз:

— Ваня! Дай-ка французскую лестницу.

Снег продолжал летать. Внизу никто не отзывался. Пожарный в раздумье постоял у окна, зевнул и равнодушно скрылся в дыму (И. Ильф, Е. Петров).

Безразличие к своему делу является источником лени у пожарных.

Ленивые сыщики, еще на своей ментовской службе привыкшие работать от забора и до обеда, за девицей не проследили, и куда она делась — было неизвестно (Ю. Латынина).

Отрицательно характеризуется лень сотрудников охраны порядка (в этом примере фигурирует фрагмент из армейского анекдота о совмещении времени

и пространства — «копать канаву от забора до обеда», пример абсурда как нормы жизни в армии).

При описании лени подчеркивается идея нечестного поведения: — *Видите ли, мексиканские виши очень ленивые, и им, конечно, легче прогрызть тонкое комариное брюшко, чем добывать пищу честным трудом* (В. Пелевин).

Лень может быть следствием усталости: *Она очень устала, ей было лень загонять машину в крытый гараж* (П. Дашкова).

Лентяев осуждают за их паразитические устремления: *Ты отличный сыщик, но в последнее время обленился. Ты хорошо соображаешь, когда рядом нет меня. А находясь со мной, думать ленишься, мол, чего напрягаться, Лева доработает* (Н. Леонов).

Лень осуждается в обществе, и за ее проявления наказывают: *Ирония судьбы состояла в том, что за леность в поисках потерявшейся гаечки по имени Заславский-Черяга получил бы не меньший втык, чем за проваленную разборку* (Ю. Латынина).

Начальник может объявить выговор нерадивому подчиненному, родители должны строго относиться к детям, которые ленятся учиться: — *Сын у вас очень ленивый мальчик. Он ворон в окне считает, когда я уроки рассказываю. Вам бы не потакать ему, а требовать побольше* (Ю. Семенов).

Лень ассоциируется с вязкой массой, затягивающим болотом: *И мигом отпала, отвалилась, покинула, на лежанке осталась вся тяжесть, вялая смута, густое, телесное, мясное колыхание с боку на бок; ни мути, ни лени, ни болота душевного, вязкого, хлюпкого; встаешь весь сразу, единым порывом, как натянувшаяся нить, легкий и звонкий; цель в голове: знаешь, что делать, собран и весел!* (Т. Толстая).

Антиподом лени выступает собранность, при этом субъективно такая собранность оценивается положительно. Вместе с тем весьма часто мы сталкиваемся с проявлением приятной расслабленности: *Петр, откинувшись в кресле, расслабил галстук и с благостной ленцой смотрел, как Жанна шустро убирает на поднос остатки сдобренного коньяком кофепития* (А. Бушков).

Лень сопряжена с праздностью, и может восприниматься как состояние необычного комфорта: *От праздности настроение у Василия Александровича было непривычно-рассеянное, так что, поглядывая на узкие венские окна, он даже позволял себе немножко помечтать о том, чего никогда и ни за что произойти не могло* (Б. Акунин).

Ленивые, медлительные движения ассоциируются с божественной беспечностью: *Красивые, ладные фигуры, ленивая походка — типичные эмпирейцы, беспечные, как птицы* (В. Аксенов).

В приведенном примере дана положительная эстетическая оценка ленивой походке сильных людей.

Ленивое, медлительное произношение связано с осознанием собственной силы: *Навстречу нам лениво шел, закинув голову, кто-то высокий.*

— *Можно с вами погулять?* — спросил он медлительно не вызывающим возражений тоном (В. Аксенов).

Ленивая манера речи свойственна представителям уголовного мира в общении с теми, кого они презирают, — хранителями закона и людьми, соблюдающими закон: — *Нету документов, брат, — спокойно, с презрительной ленцой ответил тот. В такой манере разговаривают блатные* (Д. Корецкий).

Ленивое поведение ассоциируется с претензией на избранность, аристократизм: — *Мы ребята простые, не ленивые, вернемся, положим, где нашли, соберем табор свидетелей, оформим, как прикажете, — сказал Крячко* (Н. Леонов).

В приведенном примере контрастируют слова «простые» и «ленивые».

Лентяям свойственно добродушное отношение к окружающим: *Галдят дети, потягиваются на асфальте кошки, лениво зевают добродушные собаки* (Д. Корецкий).

Признавая лень своим национальным пороком, русские эмигранты стараются доказать, что благодаря лени Россия избежала многих бед, через которые прошли другие государства: *Действительно, испанцы на нас похожи, только они еще более дурные, чем мы. Они азартны, безудержны, они анархисты все. Нас хоть лень спасала, а они что? Уж они-то крови не жалели* (Ю. Семенов).

В этом небесспорном высказывании содержится утверждение о том, что лень бывает спасительной.

Обвинения в лени часто высказываются открыто: *Грубая речь его была почти непонятна нашим морякам. Уловить можно было лишь отдельные бранные слова: трусы, предатели, лентяи, провокаторы, идиоты, коварные происки и тому подобное* (В. Аксенов).

Этот пример интересен тем, что в одном ряду фигурируют разнородные инвективы.

Лень как свойственное многим нежелание думать эксплуатируется тотальными режимами: *Доктрина национал-социализма рассчитана на лентяев, на тех, кто больше всего любит спортивные игры, развлекательные программы по радио и кружку пива вечером, после того как отсидел работу...* (Ю. Семенов).

Заслуживает внимания описание интересного типа лентяев — кипучих лентяев:

Виктор Михайлович Полесов был не только гениальным слесарем, но и гениальным лентяем. Среди кустарей с мотором, которыми изобилует Старгород, он был самым неспорным и наиболее часто попадавшим впросак. Причиной к этому служила его чрезмерно кипучая натура. Это был кипучий лентяй. Он постоянно пенился. <...> Заказчики не находили Виктора Михайловича. Виктор Михайлович уже где-то распоряжался. Ему было не до работы. Он не мог видеть спокойно въезжающего в свой или чужой двор ломовика с кладью. Полесов сейчас же выходил во двор и, сложив руки на спине, презрительно наблюдал за действиями возчика. Наконец сердце его не выдерживало.

— Кто же так заезжает? — кричал он, ужасаясь. — Заворачивай!

Испуганный возчик заворачивал.

— Куда ж ты заворачиваешь, морда?! — страдал Виктор Михайлович, налетая на лошадь. — Надавали бы тебе в старое время пощечин, тогда бы заворачивал!

Покомандовавши так с полчаса, Полесов собирался было уже возвратиться в мастерскую, где ждал его непочиненный велосипедный насос, но тут спокойная жизнь города обычно, вновь нарушалась каким-нибудь недоразумением. То на улице сцеплялись осями телеги, и Виктор Михайлович указывал, как лучше всего и быстрее их расцепить; то меняли телеграфный столб, и Полесов проверял его перпендикулярность к земле собственным, специально вынесенным из мастерской отвесом; то, наконец, устраивалось общее собрание жильцов. Тогда Виктор Михайлович стоял посреди двора и созывал жильцов ударами в железную доску; но на самом собрании ему не удавалось побывать. Проезжал пожарный обоз, и Полесов, взволнованный звуками трубы и испепеляемый огнем беспокойства, бежал за колесницами (И. Ильф, Е. Петров).

В этом описании мы видим тип человека, не желающего и не способного заставить себя выполнять какую-либо работу, но имитирующего бурную деятельность.

Английские примеры взяты из компьютерной базы данных «Британский национальный корпус» (<http://info.ox.ac.uk/bnc>).

Лень конкретизируется в следующих аспектах.

And we're too lazy to do any gardening. — И мы слишком ленивы для работы в саду.

Нежелание заниматься физическим трудом является признаком лени.

I'm terribly lazy and always put it off until the last minute. — Я ужасно ленив и всегда все откладываю на потом до последней минуты.

Лень сочетается с нежеланием делать что-либо сейчас, это качество (procrastination) многие англичане считают у себя самым типичным пороком.

Russian men are very lazy; they sit back and wait. — Русские мужчины очень ленивы, они сидят и ждут.

В этой фразе выражен традиционный на Западе стереотип о поведении русских — ничего не делать и ждать, пока спасение придет само по себе.

The use of the word «lazy» here does not imply that those animals are indolent or inefficient but rather that their specialisation is so finely tuned and successful that they are able to spend a great deal of their daily lives sitting, gazing and sleeping. — Слово «ленивые» здесь не подразумевает, что этим животным не хочется двигаться, или что они неспособны вести активный образ жизни, речь идет о том, что они так удивительно созданы — они способны проводить большую часть дня, неподвижно сидя на месте, глядя вокруг или погружаясь в сон.

Ленивое существование — это отсутствие движения и сон.

They were indolent and addicted to a life of pleasure: «They get up at any hour they choose, and go out and amuse themselves». — Они были ленивы и привыкли к сладкой жизни: «Они встают, когда хотят, а затем идут гулять и развлекаться».

Лень уточняется как привычка долго спать и сочетается с праздным образом жизни и поиском удовольствий. Такую характеристику лентяям дают труженники.

Внешним выражением лени во многих примерах является избыточный вес: *It can be the birth of a baby, a hysterectomy, or a lazy, sedentary lifestyle with an unhealthy indulgence in all the wrong type of foods that cause the spare tire and those extra pounds of wobbling fat. — Причиной этого могут быть роды, кесарево сечение или ленивый сидячий образ жизни с нездоровым пристрастием к такой еде, которая вызывает лишний вес и жир вокруг пояса.*

Лень приводит к ожирению, но людям свойственно менять местами причину и следствие, и поэтому толстяков часто считают лентяями: *On to these pictures we attach behavioural predictions — attractive people are more able, but attractive women are perceived (by men) to be less intelligent; fat people are lazy or jolly; people whose eyes are close together are dishonest; and so on. — С этими образами связаны наши привычные предрассудки: привлекательные люди более способны, хотя привлекательные женщины, с точки зрения мужчин, проигрывают в интеллекте, толстые люди — лентяи или весельчаки, а люди с узко посаженными глазами — обманщики и т.д.*

Отметим, впрочем, что ленивые и веселые толстяки встречаются нередко, они соответствуют определенным психосоматическим типам, и поэтому доля истины в таких обобщениях есть.

Концепт «лень» уточняется в контрастных сопоставлениях: *Some of us are lazy; some, including many of our Asian immigrants, are industrious. — Некоторые из нас ленивы, другие, включая многих наших азиатских иммигрантов, трудолюбивы.*

Антиподом лени выступает трудолюбие.

Have you ever noticed how God has a tendency to match up the strong, overbearing with the meek and shy, the perfectionist with the reckless, the lazy with the energetic, the silly with the sober? — Заметили ли Вы, что Бог сочетает сильных и властных с кроткими и робкими, взыскательных — с безрассудными, ленивых — с энергичными, глупых — с трезвыми?

Лень противопоставлена энергичности.

He was as ruddy as she was pale, his manner as indolent as hers was severe and to-the-point. — Он был румяным, она — бледной, он — лениво-расслабленным, она — жесткой и деловой.

Лень контрастирует с твердостью характера.

I know she seems indolent on the surface, but underneath she has all this energy, like a coiled spring. — Я знаю, что снаружи она может показаться ленивой, но внутри она полна энергии, как закрученная пружина.

В этом примере противопоставляются внешнее ленивое поведение и внутренняя готовность к действию. Обратим внимание на то, что англичанам не свойственно проявлять повышенную внешнюю активность, это не сочетается с требованием эмоционального самоконтроля.

Интересны примеры, в которых лень сочетается с однопорядковыми понятиями.

Perhaps she'll be good for us, stir us out of our lazy and apathetic ways. — Возможно, она-то и принесет нам пользу, встряхнет нас и избавит нас от лени и апатии.

В этом примере сопоставляются нежелание и неспособность вести активный образ жизни.

Oh, how can a child of mine be so lazy and disobedient... so ungrateful? — О, как может мое дитя быть таким ленивым, непослушным и неблагодарным?

Лень, непослушание и неблагодарность — типичные пороки младших, подчиненных, тех, о ком заботятся старшие.

Logic suggests that blame for such a situation must usually be equally divided, and that there are just as many bad, uncaring or downright lazy mothers as there bad, selfish and irresponsible fathers. — Логика требует признать, что ответственность за такую ситуацию должна быть разделена в равной мере, и что существуют плохие, бессердечные или абсолютно ленивые матери, так же как и плохие, эгоистичные и безответственные отцы.

По отношению к детям лень и бессердечность становятся контекстуально связанными понятиями.

You need to encourage the patient with gentleness, but you will probably have to be firm if he wants to stop a task simply because he feels bored and lazy. — Нужно

мягко воодушевлять пациента, но иногда надо проявить и твердость, если он хочет прекратить выполнение задания просто потому, что ему это наскучило или ему лень.

Причиной нежелания делать неинтересную работу может быть утомление от скуки или лень.

In our concern to manage the lives of others and our intention to do this in the best interests of all, we can too often simply define those who cry out in despair as moaners, as «deviants», «defectives», or as the lazy ones who haven't played the game in the way they should. — Стремясь управлять жизнью других людей и исходя из желания делать это ради высших интересов всех, мы слишком часто упрощаем ситуацию и считаем тех, кто от отчаяния плачет, нытиками, ненормальными, дефективными, а тех, кто не играет по правилам, — лентяями.

В этой сентенции лень объясняется как нежелание играть по правилам — эти правила установлены для всех, но некоторым людям они не подходят.

But how many know «the reason why» Bishop Jonathon Trelawney became a folk hero, although looked upon by many clerics as a worldly, indolent and drunken spendthrift? — Но многие ли знают причину, по которой епископ Джонатон Трелони стал народным героем, хотя многие священнослужители считали его человеком земным, ленивым, склонным к пьянству и расточительству?

Лень сочетается с типичными пороками распушенных людей — пьянством и расточительством.

It took a long time to break away from the idea that children were at best potentially evil and indolent, that they were little pitchers that had to be filled with information and moral guidance before they filled themselves with wickedness, idleness, and nonsense. — Потребовалось немало времени, чтобы избавиться о мысли о том, что дети в лучшем случае бывают потенциально порочными и ленивыми, что они — это маленькие сосуды, которые нужно наполнить информацией и моральными принципами прежде, чем они сами наполнят себя злом, праздностью и всякой ерундой.

В этом примере сочетаются понятия «лень», «праздность» и «зло».

She had forced him to live against the grain of his own nature which was weak and pleasure-loving and stubborn with it, so that when she beat him for laziness or lying, he became more determinedly idle and sullen. — Она пыталась заставить его, слабого, любящего удовольствия и упрямого, жить вопреки его природе, и оттого, что она била его за лень и вранье, он стал ленивым и озлобленным.

Лень сочетается с нечестностью, а праздность — с озлобленностью.

Indolent and privileged, daughter of the Establishment, she leaned on the sill, watching the goings-on in the street, and listened to the sounds of paper sliding on

paper. — Ленивая и привилегированная дочь истэблишмента, она наклонилась над подоконником, наблюдая за тем, что происходит на улице и слушая шелест листов бумаги.

В этом примере комбинируются понятия «лень» и «привилегированность». Часто лень ассоциируется с богатством: *Rich people are lazy. — Богатые люди ленивы.*

Это наблюдение касается, в первую очередь, тех богатых людей, кто унаследовал свое состояние от родителей и может позволить себе беззаботную праздную жизнь. Со стороны богатых людей обвинения в лени также весьма частотны: *...the indolent paupers who sponged off the Poor Rate and exploited pay take-up... — ...ленивые нищие, которые сильно понижают уровень бедности и портят всю картину...*

В народных речениях лень и праздность безоговорочно осуждаются: *The Devil will find work for idle hands to do. — Дьявол всегда найдет занятие для праздных рук.*

Безделье приводит к пороку.

Прямые обвинения в лени часто сочетаются с инвективами:

...and he said my mother is a lazy cow!

Get up, you lazy dog!

Come on, Jack, you lazy rogue.

Некоторые из этих обращений (ленивый пес, ленивый плут) могут быть шутливыми, некоторые — грубыми (ленивая корова).

I tell you you're a lazy, idle scrounger, sir!

Скажу Вам: Вы, сэр, — ленивый, праздный попрошайка!

Этот пример интересен тем, что обвинение сочетается с вежливым обращением.

Если лень как нежелание предпринимать усилия обычно осуждается, то лень как состояние приятной расслабленности получает положительную оценку: *He felt completely lazy and relaxed. — Он почувствовал себя абсолютно расслабленным и ненапряженным.*

Такое состояние многие англичане ассоциируют с южным климатом: *Italy had made her lazy, and it was this indolence in herself, in her mind as well as her body, which astonished her. — Италия сделала ее расслабленно-ленивой, и это ощущение расслабленности в душе и в теле удивляло ее.*

Состояние подобной приятной расслабленности удивляет людей, привыкших жить напряженно.

They had been down here in Devon for almost two weeks, and already she had fallen under the lazy, carefree spell of the tranquil countryside. — Они были здесь в

Девоне почти две недели, и она уже была зачарована этой расслабленной, беспечной, спокойной жизнью в деревне.

Для горожан, привыкших к напряженному ритму жизни, отдых в деревне выглядит как беспечное полудремотное блаженное состояние.

Сочетаемость слов, обозначающих концепт «лень» в русском и английском языках, в целом подтверждает и уточняет данные словарных определений. Лень признается осуждаемым качеством, выражается как нежелание двигаться, расслабленность и вялость. Осуждаются ленивые лежебоки, избалованные ленивые дети. Вместе с тем состояние расслабленного покоя может оцениваться как приятное.

Лингвокультурная специфика обозначения лени в русском и английском языках затрагивает некоторые нюансы поведения. В примерах на английском языке часто прослеживается сочетание лени и лишнего веса, для русских сопряженность этих признаков не очевидна (лишний вес не является распространенным предметом забот и низким статусным знаком). Важным признаком лени в английском языковом сознании является откладывание дел на потом. В примерах на русском языке акцентируется лень как показатель безразличия тех, кто должен проявлять рвение по долгу службы (как правило, представители власти, чиновники, милиция). Для русских актуальным является сочетание лени и благодушия, для англичан — лени и умиротворенности (особенно на лоне природы в Англии и в странах с теплым климатом). В примерах на русском языке выделяются высказывания, в которых акцентируется медлительно-ленивое поведение как статусный знак людей, желающих продемонстрировать свою силу и презрение по отношению к нижестоящим. Для англичан актуальным является сопряжение лени и нищенского существования.

1.3.4. Контрастивные концепты «подлинность» и «простота»

ПОДЛИННОСТЬ В ряду ментальных образований, посредством которых мы храним в памяти наш опыт, выделяются особые концепты категориального характера. Эти концепты весьма разнообразны, среди них есть параметрические (пространство, время, определенность, движение и др.), экзистенциальные, или телеономные, по С. Г. Воркачеву [2003], (свобода, счастье, любовь, справедливость, судьба и др.), модально-оценочные (вероятность, утвердительность и отрицательность, причина и цель и др.). Категориальные концепты специфичны в силу своей высокой абстрактности, их образно-перцептивный компонент весьма размыт и менее значим, чем понятийный. К числу

модально-оценочных категориальных концептов относится и обобщенное представление о подлинности чего-либо.

Будучи квалификацией действительности, подлинность не является онтологической характеристикой предметов и явлений, а представляет собой результат соотнесения двух представлений — некоторого должного и данного положения вещей.

Изучение когнитивного и лингвокультурного содержания концепта «подлинность» представляется интересным потому, что этот концепт должен фиксировать динамику современного отношения к действительности. Дело в том, что с развитием электронных средств массовой информации наше восприятие действительности усложнилось. В этой связи происходят определенные модификации в осознании того, что есть реальное, действительное, подлинное, настоящее в противоположность виртуальному, потенциальному, фальшивому, кажущемуся.

Понимая концепт как многомерное ментальное образование (см. [Карасик 2002]), рассмотрим понятийные, образно-перцептивные и ценностные характеристики подлинности.

Анализ понятийных характеристик анализируемого концепта направлен на выявление его существенных признаков, закрепленных в толкованиях словарей, установление его системных связей с близкими и контрастными ментальными образованиями и определение разновидностей этого концепта. Поскольку по своей сути рассматриваемый концепт является атрибутом, квалификационным определением действительности, его имя раскрывается через прилагательное «подлинный»

В толковом словаре «подлинный» определяется следующим образом: 1. Являющийся оригиналом, не скопированный. *Подлинные берестяные грамоты*. 2. Настоящий, неподдельный. *Подлинное имя сочинителя*. || Точный, без всяких изменений, искажений. *Подлинный язык героев*. || Представляющий собой лучший образец, идеал кого-, чего-л. *Подлинный артист*. 3. Истинный, не показной. *Подлинный героизм* [БТС].

Мы видим, что в дефиниции выделены следующие признаки интересующего нас концепта: 1) оригинальный (лат. — первоначальный), 2) настоящий, 3) точно соответствующий, 4) образцовый, 5) истинный. Этим признакам противопоставлены их антонимичные корреляты: 1) скопированный, 2) поддельный (фальшивый), 3) искаженный, 4) низкокачественный, 5) показной (ложный). В этимологическом словаре читаем: «обычно связано с *подлинник* «длинный шест» на том якобы основании, что при судебной расправе били «подлинниками» — длинными палками, чтобы выпытать правду» [Фасмер]. По другой этимоло-

логии это слово связывают со словом «линь» — канат, а также тонкая веревка для телесных наказаний. Итак, этимологически подлинность в русском языке ассоциируется с установлением правды, истинного, первоначального положения дел путем применения пытки.

Синонимы слова «подлинный» толкуются так:

Настоящий — 1. Такой, который имеет место, протекает сейчас, в данное время. 2. Книжн. Этот, данный. 3. Подлинный, истинный; натуральный. *Настоящий кофе*. || Соответствующий определенным требованиям, представляющий собой лучший образец, идеал кого-, чего-л. *Настоящий солдат, художник, поэт*. || Искренний, непритворный. *Настоящее сострадание*. 4. Представляющий собой полное подобие кого-, чего-л. *Настоящая русалка (о девушке с длинными волосами)*. 5. Разг. Полностью соответствующий качеству чего-л. (о цене, стоимости). *Предложить настоящую цену* [БТС].

Истинный — 1. Соответствующий истине (истина — 1. То, что соответствует действительности; правда. || Нравственный идеал. 2. Филос. Верное отражение объективной действительности в сознании человека). 2. Подлинный, настоящий. *Истинный друг* [БТС].

Действительный — 1. Существующий или существовавший на самом деле; реальный, подлинный, настоящий. Действительный факт. 2. Обычно кратк. Имеющий силу, сохраняющий силу, действующий. *Пропуск действителен в течение суток* [БТС].

Реальный — 1. Существующий на самом деле, действительный, не воображаемый. *Реальный мир*. 2. Возможный для выполнения, осуществимый. *Реальная задача*. 3. Основанный на понимании и учете подлинных условий действительности; трезво-практический. *Реальный взгляд на жизнь* [БТС].

В философской литературе действительность трактуется как объективная реальность, актуально наличное бытие, подлинное бытие в отличие от видимости. Противопоставляются чувственный мир и мир идеальных сущностей. Действительность осознается как актуализация потенций, как чувственная данность в пространстве и времени. Реальность (лат. — вещественный) понимается как существующее в действительности, при этом различаются объективная и субъективная реальность (мир и его отражение в сознании) [Философский энциклопедический словарь 1983]. В философской терминологии действительное противопоставляется как чисто кажущемуся, мнимому, так и просто возможному. Если акцентируется противопоставление действительности и кажимости, используется слово «реальность», противопоставляя действительность и возможность, говорят о наличном бытии и существовании. Различаются следующие типы действительности: 1) макрокосмическая (физическая реальность), 2) микрокосмическая (окружающий нас, непосредственно созерцаемый мир) и 3) припоминаемая, переживаемая. Реальность — это онтологическое бытие-в-себе, абстраги-

рованное от его рефлексированности. Реальное противопоставляется идеальному, фантастическому, воображаемому, ирреальному [Философский энциклопедический словарь 1998].

Проблемам философского осмысления действительности, реальности и истины посвящено множество научных трудов, от античности до наших дней. Основные идеи, имеющие отношение к концепту, можно конспективно свести к следующему: 1) в процессе познания мира на основе опыта и логических рассуждений устанавливается соответствие действительному положению вещей; 2) существуют как открытые, так и неоткрытые истины, каждая единичная истина может претендовать лишь на относительную ценность, она имеет значение только в данный момент и не является всей истиной; 3) реальность открывается нам с различных сторон, при этом наряду с рациональными познавательными актами существуют и эмоциональные, среди которых особенно значимы эмоционально-рецептивные — опыт, переживание, страдание, терпение.

Признаковый состав концепта «подлинность» в его системных связях можно представить, обобщив приведенные определения и толкования близких по смыслу слов в русском языке, в следующем виде: 1) оригинальный, первичный, не скопированный, 2) существующий на самом деле, не воображаемый, 3) соответствующий образцу и идеалу, не искаженный, 4) натуральный, не фальшивый, 5) искренний, не лицемерный. Эти признаки соотносятся с предметами, идеями и человеческими чувствами. Предметная действительность может быть первичной или скопированной, при этом копия квалифицируется как легальная либо нелегальная продукция (подделка). Философы развивают и обогащают противопоставление мира действительного и воображаемого, при этом дифференцируются разные модусы мира недействительного — ирреальная (фантастическая), потенциальная, необходимая, кажущаяся, виртуальная действительность. Важной является идея истины как нравственного идеала (святая истина). Подлинность чувства квалифицируется как искренность, противопоставляемая притворству, лицемерию. Интересно отметить, что сфера лицемерия и искренности распространяется только на позитивно оцениваемую зону чувств и отношений, можно говорить о подлинном и лицемерном сострадании, но вряд ли существуют лицемерные зависть, злорадование или самолюбование.

В английских толковых словарях рассматриваемый концепт объясняется следующим образом:

Genuine — 1. a genuine feeling, desire etc is one that you really feel, not one you pretend to feel. *synonym* sincere. *genuine interest / concern / desire etc.* 2. something genuine really is what it seems to be. *synonym* real. *We need laws that will protect genuine refugees.* 3. someone who is genuine is honest and friendly and you feel you can trust them. *opposite*

false. *She is the most genuine person I've ever met* [LDCE]. Genuine [Latin *genuinus*, perh. from *genu* knee, with ref. to the Roman custom of a father acknowledging paternity of a newly born child by placing him or her on his knee.] † 1. Natural or proper to a person or thing. 2. a. Having the character claimed for it; real, true, not counterfeit. *She didn't know if the delay was genuine, for sometimes her employer deliberately kept his clients waiting.* b. Esp. of a literary or artistic work: really originating from its reputed author; authentic. c. Properly so called. 3. Belonging to the original stock; pure-bred. *The founder of a great name, whose genuine bearers soon passed away.* 4. Of a person: free from affectation or hypocrisy. *She used to... tell her how grateful she was. Not smarmy, like; genuine.* 5. Of a horse or greyhound: that does its honest best in races etc. [SOED].

В приведенных словарных дефинициях выделяются следующие признаки: 1) искренний, 2) реальный, 3) заслуживающий доверия, 4) аутентичный, 5) чистокровный. Антонимичные корреляты этих признаков таковы: 1) лицемерный, 2) кажущийся, 3) фальшивый, 4) искаженный, 5) нечистокровный. Этимологически слово *genuine* восходит к латинскому *genu* — «колено», связь идей подлинности и колена объясняется в словаре римской традицией признавать свое отцовство, посадив ребенка на колено (на мой взгляд, более правы те этимологи, которые сближают идеи колена и родства, ср. рус. «поколение»).

Ближайшие синонимы слова *genuine* определяются следующим образом:

Sincere — 1. a feeling, belief, or statement that is sincere is honest and true, and based on what you really feel and believe. *synonym genuine. Please accept my sincere apologies.* 2. someone who is sincere is honest and says what they really feel or believe. *opposite insincere. a warm-hearted, sincere man* [LDCE]. Sincere [Latin *sincerus* clean, pure, sound.] 1. Not falsified; true; correct. Now rare. 2. a. Pure, free from any foreign element or ingredient; *spec. unadulterated.* Now rare. b. Devoid of something. *rare.* 3. Of a quality or feeling: not feigned or pretended; real; genuine. *A sincere anxiety for the prosperity... of his excellent friend.* 4. Of a person, action, etc.: characterized by the absence of pretence or hypocrisy; honest, straightforward. *I want to offer my sincere condolences* [SOED].

Real — 1. IMPORTANT. something that is real exists and is important. *There is a real danger that the disease might spread.* 2. NOT ARTIFICIAL. something that is real is actually what it seems to be and not false or artificial. *opposite fake. a coat made of real fur.* 3. NOT IMAGINARY. something that is real actually exists and is not just imagined. *The children know that Santa Claus isn't a real person.* 4. the real world. used to talk about the difficult experience of living and working with other people, rather than being protected at home, at school, or at college. *the shock of leaving university and going out into the real world.* 5. TRUE. [only before noun] actual and true, not invented. *That's not her real name.* 6. FEELINGS. a real feeling or emotion is one that you actually experience and is strong. *synonym genuine. There was a look of real hatred in her eyes.* 7. RIGHT QUALITIES. [only before noun] a real thing has all the qualities you expect something of that type to have. *I remember my first real job.* 8. spoken FOR EMPHASIS [only before noun] used to emphasize how stupid, beautiful, terrible etc someone or something is. *The house was a*

real mess [LDCE]. Real [Orig. from Anglo-Norman (= Old French *réel*); later from its source, late Latin *realis*, from Latin *res* thing.] I. 1. Law. a. Of an action: for the recovery of a specific thing. b. Consisting of or pertaining to immovable property such as lands and buildings. † 2. Attached or pertaining to scholastic realism. 3. Relating to or concerned with things. † b. Of a written character: representing things instead of sounds; ideographic. II. 4. a. That is actually and truly such; that is properly so called; genuine; natural, not artificial or depicted; actually present, not merely apparent. *I had no real knowledge*. b. Reckoned by purchasing power rather than monetary or nominal value. c. Music. Of a sequence or a fugal answer: transposed so as to preserve the intervals of the original melody or subject. 5. a. Actually existing as a state or an object; having a foundation in fact; actually occurring or happening. *It was not until 1889 that Ibsen gained any real fame*. b. Philosophy. Having an existence in fact and not merely in appearance, thought, or language; having an absolute and necessary, not merely a contingent, existence. 6. † a. Sincere, straightforward, honest; loyal, true. b. Free from nonsense, affectation, or pretence; aware of or in touch with real life. 7. Corresponding to actuality; correct, true. *Ideas of substance are real, when they agree with the existence of things*. 8. Math. Of a quantity: having no imaginary part. 9. Physics. Of an image: such that the light forming it actually reaches it; not virtual [SOED].

True — 1. NOT FALSE. based on facts and not imagined or invented. *opposite* false. *It's not true that I'm going to marry him*. 2. REAL. [only before noun] the true nature of something is its real nature, which may be hidden or not known. *synonym* real. *After a couple of days she showed her true self (= real character)*. 3. ADMITTING SOMETHING. especially spoken used when you are admitting that something is correct, but saying that something else, often opposite, is also correct. «*He's very hard-working.*» «*True, but I still don't think he's the right man for the job.*» 4. PROPER. [only before noun] having all the qualities which a type of thing or person should have. *She's been a true friend to me*. 5. come true. if wishes, dreams etc come true, they happen in the way that someone has said or hoped that they would. 6. LOYAL. faithful and loyal to someone, whatever happens. *Throughout the whole ordeal, she remained true to her husband*. 7. true to form / type. used to say that someone is behaving in the bad way that you expect them to. *True to form, Henry turned up late*. 8. true to your word / principles etc. behaving in the way you said you would or according to principles which you believe in. He was true to his word and said nothing about it to Lisa. 9. true to life also true-to-life. a book, play, description etc that is true to life seems very real and natural. *synonym* realistic. *The film is frighteningly true-to-life and very funny*. 10. (all/only) too true. used to say that you know something is true, when you do not like it. *It is only too true that people are judged by their accents*. 11. STRAIGHT/LEVEL. [not before noun] technical fitted, placed, or formed in a way that is perfectly flat, straight, correct etc. *If the door's not true, it won't close properly*. 12. somebody's aim is true. if your aim is true, you hit the thing that you were throwing or shooting at. 13. your true colours. if you show your true colours, you do something which shows what your real attitudes and qualities are, especially when they are bad. *He was forced to reveal his true colours when asked how he would vote*. 14. (there's) many a true word spoken in jest. *old-fashioned* used to say that when people are joking they sometimes

say things that are true and important [LDCE]. True — 1. **a.** Steadfast in allegiance, loyal; faithful, constant. Now *arch.* exc. with *to*. *While most of the hard left writers... have softened... Bond remains resolutely true to the cause.* **b.** Reliable; trusty. Formerly also, sure, secure. *arch. To the rock the root adheres, in every fibre true.* 2. Honest, honourable, upright, virtuous; straightforward; sincere. 3. **a.** Of a statement, report, etc.: consistent with fact; conforming with reality. *The fact was too true, and the charge too well-grounded, to be denied.* **b.** Of a person: speaking truly, telling the truth; truthful; trustworthy in statement. 4. **a.** Of the right kind, fitting, proper. Also, rightful, lawful, legitimate. Now *rare.* **b.** Accurately or exactly positioned, fitted, or formed; correctly balanced or aligned. *The thin thread of light... climbed upward... straight and true as a laser beam.* **c.** Conforming to a standard, pattern, or rule; exact, precise; correct. Also, (of a note) exactly in tune. *Clocks and watches... so regulated as to measure true equal time.* **d.** Remaining constant to type; not subject to variation. *rare.* **e.** Of a compass bearing: measured relative to true north. **f.** Of the ground or other surface, esp. as prepared for cricket, bowls, etc.: level and smooth. **g.** Of the wind: steady, uniform in direction and force. 5. **a.** Genuine; rightly answering to the description; authentic; not counterfeit, synthetic, spurious, or imaginary. *This is deep true love and not a fantasy.* **b.** *techn.* Conforming to the accepted or typical character of the class or kind whose name it bears; properly or strictly so called [SOED].

В приведенных определениях выделяются признаки искренности (честности, правдивости, прямоты), реальности (естественности, насущности, фактичности), истинности (верности, лояльности, достоверности, правильности). Для англоязычного мира реальность представляет собой важное, эмфатически подчеркиваемое качество воспринимаемой действительности. При этом выделяется смысловой оттенок неизбежных трудностей при столкновении с реальной жизнью (характерен спектр отрицательных коннотаций, сопряженных с признанием истинности того или иного положения дел). Признаковый состав концепта «genuineness» (подлинность) в его репрезентации лексическими средствами в английском языке включает следующие характеристики: 1) соответствующий действительности, не вымышленный, не потенциальный, не кажущийся, не приукрашенный, 2) естественный, не искусственный, не фальшивый, 3) точно соответствующий источнику или образцу, аутентичный, не искаженный, 4) чистокровный, 5) искренний, не лицемерный.

Сравнив признаки рассматриваемого концепта в их словарном выражении в русском и английском языках, мы видим, что в понятийном плане эти признаки обнаруживают значительное сходство. Различие состоит не столько в самих признаках, сколько в специализированных сферах их актуализации: в английском языке более детально разработана юридическая сфера, отсюда и важность признака аутентичности, а в прошлом — и признака чистокровности, законнорожденности. Аутентичность транслируется в повседневное общение как фак-

тичность. С некоторыми оговорками можно сказать, что для русского языкового сознания важен момент установления подлинности, раскрытие истины (это раскрытие носит порой болезненный характер: этимологический анализ свидетельствует о сравнении постижения истины с пыткой — узнать всю подноготную, выявить подлинность чего-либо). В английском языке акцентируется нелепость истины в определенных ситуациях.

Для выявления образно-перцептивных характеристик рассматриваемого концепта обратимся к анализу коротких сочинений, составленных информантами на тему «Когда я думаю о подлинности, я представляю себе...», и установим сочетаемость имен данного концепта в текстах обиходного общения, художественной и массово-информационной литературы.

Приведем несколько коротких сочинений на русском и английском языках.

Когда я думаю о подлинности, я представляю себе ученого, который долго и скрупулезно исследовал документы и установил факты, которые опровергают устоявшиеся мнения, например, касающиеся исторических личностей. Например, неправильный перевод фразы может менять все ее прочтение. Вспомним фразу Маркса: «Религия есть опиум народа», которую перевели как «Религия есть опиум для народа». Этот предлог «для» меняет смысл высказывания, переносит ответственность с народа на священнослужителей, которые якобы намеренно отравляют сознание народа. Мы говорим о подлинности как об открытии исходного значения.

Когда я думаю о подлинности, я представляю себе ситуацию неискреннего общения. Кто-то пытается манипулировать мною или кем-то еще, уговаривает меня что-то сделать, во что-то поверить, но я чувствую, что подлинные интересы этого человека не соответствуют тому, что он говорит. Эти интересы носят корыстный характер или вызваны завистью, желанием унизить кого-нибудь, испортить чьи-либо отношения.

Когда я думаю о подлинности, я представляю себе экспертизу искусствоведов, которые установили, что картина известного художника является подделкой. Сейчас с помощью современной техники можно сделать копии произведений искусства, которые почти невозможно отличить от оригинала. Иногда такие отличия являются просто условностью. Например, филателисты знают, что знаменитая марка «Черный пенни» существует в единственном числе и хранится в определенном месте. Все другие марки «Черный пенни», даже если их невозможно отличить от оригинала с помощью специальной аппаратуры, являются копиями и стоят очень мало.

When I think of something genuine I look at my leather wallet, it is made of genuine leather and it is very smooth, and it smells real leather, and I like it very much. The genuine thing usually costs much, but it is worth buying because there is something you like about it. It is difficult to explain, one must feel it or taste it. That is why people spend so much money to buy real brand things. There are very many fake things today. The same is about human relations. One feels it at once if one falls in love. It is something very special. If something is genuine one does not have to explain it.

When I think of genuine fellows I can see in my mind a company of good friends who will never let down each other. They are simple boys, they enjoy their time together and do not pretend to look something else. They tell you what they feel and you are absolutely safe with them. It is difficult to be open and genuine when one is a politician or a public person, we always feel they only pretend to be friendly. Very often it is a question of class. Working people are more genuine in what they do or say than those who belong to middle class. One has to choose between being natural or fashionable. Children are genuine, they are natural. When you grow up you have to look around all the time, and you lose the sense of being genuine.

When I think of something genuine I remember my travelling experiences. I am very fond of travelling abroad. It is a chance to see, hear, touch and taste something new. When I was in Russia I was often invited to the families, I made friends with many people there. It feels so cute to walk the streets of new cities, look at local people, take part in the parties and sing together. It is impossible to imitate. Naturally I read a lot about the places I was going to see but the reality was always much more interesting and often different from the information as given in the travel guides.

В приведенных коротких сочинениях описаны ситуации, связанные с актуализацией концепта «подлинность». Это поиск фактов, выявление подлинности документов или произведений искусства, осознание подлинности чувств или понимание притворства, признание того факта, что подлинные вещи гораздо дороже, чем их копии или подделки, эмоциональное переживание подлинности естественных привычных предметов, к которым привязывается человек, понимание теплоты человеческих отношений, которые не отягощены социальными условностями, столь значимыми для представителей среднего класса, воспоминания о путешествиях, о знакомстве с новыми людьми, новыми местами и новыми ощущениями. Эти описания переживания подлинности уточняют понятийную модель анализируемого концепта. Уточнение развивается в нескольких направлениях: 1) важность сенсорного восприятия мира (подлинно то, что воспринимается чувствами, а не рассудком); 2) понимание необходимости специальных знаний и усилий для восстановления исходной, подлинной информации; 3) признание того факта, что подлинные вещи имеют большую ценность и поэтому имитируются, а в процессе имитации часто искажаются; 4) констатацию того, что социальные условности исключают естественное отношение к миру и подлинные человеческие чувства; 5) осознание того, что подлинные межличностные отношения могут имитироваться, обычно с неблагоприятными целями.

Контекстуальные характеристики имени концепта «подлинность» были установлены на основе сплошной выборки из художественных и научно-популярных текстов на русском языке (компьютерная база данных).

В исходном смысле подлинность определяется по происхождению: *Подлинны хазары жили за пределами Тьмутараканского княжества — в низовьях Волги, Терека и Дона* (Л. Гумилев).

Подлинны хазары противопоставляются тем, кто носил это имя, но к данному этносу не относился.

Уточняется подлинность события в его конкретной пространственно-временной привязке: *Угол падения тени, приметный бархан или такыр, промелькнувшая кобра могли выдать подлинное время и место действия* (Д. Корецкий).

Весьма частотной является характеристика документов с точки зрения их подлинности: *Вот эталонные образцы, подлинность которых гарантирована государством и руководством всех нотариальных контор города, а вот твой образец* (А. Маринина).

В приведенном примере уточняются гаранты подлинности документа — государство и нотариусы.

Определение подлинности требует привлечения специалистов, если речь идет об установлении авторства: — *Все может быть, — вздохнул Гордеев. — Именно поэтому будет производиться экспертиза с привлечением специалистов-филологов для установления подлинного авторства* (А. Маринина).

Существуют специальные процедуры установления подлинности текстов, аудио- и видеозаписей: *К нам на экспертизу пришла видеопленка. Определение подлинности, отсутствие монтажа и все такое. ...Запись подлинная, очень четкая и звук хороший — каждое слово слышно. Признаков монтажа нет...* (Д. Корецкий).

Для историков, юристов и дипломатов подлинность документов терминологически обозначается как аутентичность: *Критика источников при таком подходе сводится к установлению их аутентичности, а противоречия нескольких, несомненно подлинных, источников составляют барьер, не всегда преодолимый* (Л. Гумилев).

Подлинность осознается обычно на фоне сопоставления с подделкой: *Немецкие химики изучали процессы старения бумаги и красок в подлинных английских банкнотах и научились искусственно воспроизводить эти процессы в фальшивых деньгах* (Ю. Дроздов).

Подлинный старинный предмет может быть сопоставлен с натуральным современным, и в таком случае подлинность понимается как знак принадлежности к определенной эпохе: *Все подлинное, даже люстра, — похвасталась Катя. — Только медвежья шкура современная...* (А. Бушков).

Подлинность противопоставляется вымыслу: *В этом состоял парадокс: подлинны документы оформлены на вымышленную фамилию* (Д. Корецкий).

Подлинность является атрибутом произведений искусства: *Сохранились только печи, крытые изразцами, или дворцовые мраморные каминь, подлиннь произведения искусства* (М. Баконина).

Существует множество синонимов для обозначения подделок. Как правило, эти слова принадлежат сниженной речи: *Существовала только одна подлинная доверенность — на имя Сурикова. А доверенность на имя Гольдич — подделка, липа, как и паспорт неуловимой дамочки* (А. Маринина).

Некоторым людям необходимо в определенных ситуациях скрывать свое настоящее имя: *Стало ясно главное: Жорж жив и на допросе не назвал своего подлинного имени* (Д. Медведев).

Если речь идет о подлинном лице кого-либо, значит, этот человек скрывает свои истинные намерения: *Взгляд у него мгновенно стал колючим, цепким, деловым, резко контрастировавшим с туповато-сытенькой физиономией. На миг из-под маски проглянуло подлинное лицо* (А. Бушков).

Весьма часто противопоставляются показные и подлинные цели: *Чтобы не вводить его в подробности о подлинных целях, доложили о необходимости перепрофилирования объекта для нужд обороны страны* (В. Доценко).

Аналогичным образом характеризуются причины: *В 1538 г. Елена Глинская внезапно умерла. Подлинная причина ее смерти неизвестна, но среди современников находились люди, утверждавшие, будто великую княгиню отравили* (Л. Гумилев).

Подлинный смысл слова понимается не сразу: *Вот когда я, наконец, понял подлинный смысл слова «Аристократ»* (В. Кунин).

Для установления подлинного содержания нужно уметь видеть подтекст: *Сомневаюсь, что вам хоть раз удалось расшифровать их, вскрыть подлинное содержание* (Ф. Дик).

В некоторых случаях нейтрализуется различие между подлинным и мнимым поступком: *Избыток свободного времени и недостаток свободы делают людей чрезвычайно изобретательными, поэтому зеки придумали тысячи всевозможных ухищрений, направленных на то, чтобы увильнуть от работы, уйти в побег, провести время и развлечься, наказать сотоварища за какой-то подлинный или мнимый проступок, поглумиться над администрацией...* (Д. Корецкий).

В сочетании с именами абстрактными подлинность выступает в качестве идеального положения дел в противовес данному. Например, подлинная демократия: *По терминологии правящего режима — «сепаратисты». На деле — борцы за подлинную демократию, за свержение полностью себя скомпрометировавшего империалистического режима* (А. Бушков).

Люди всегда обращают внимание на подлинность чувства. Например: — *Вы уверены, что он пойдет на это? — теперь уже озабоченность звучала в голосе Картера, но на этот раз она была подлинной* (Д. Чекалов).

Иногда бывает трудно определить, является ли чувство подлинным либо имитируемым: *Мария разыгрывала ярость, а скорее всего ярость была подлинной, потому что вина, свежо ощущаемая во время напугавшего ее внезапного визита Элефантова месяц назад, успела бесследно выветриться* (Д. Корецкий).

В определенных контекстах слово «подлинный» является усилителем: *Воины обеих сторон проявили подлинный героизм, превзойдя мужеством литовских, польских и немецких рыцарей* (Л. Гумилев).

Вряд ли героизм может быть показным.

Контекстуально значение слова «подлинный» может размываться, переходя в указательный определитель: *Вот они где, подлинные латиноамериканские страсти...* (А. Бушков).

В этом контексте словосочетание «подлинные латиноамериканские страсти» показывает ироническое отношение говорящего к аффективному, чрезмерному проявлению эмоций, свойственному персонажам мыльных опер, сделанных в латиноамериканских студиях.

Интересны примеры, в которых обыгрывается контраст между подлинной и виртуальной реальностью: *Все-таки одно дело «удар», который ты почувствовал при помощи виртуального костюма, и подлинная арматура, которой тебя огреют на улице* (С. Лукьяненко).

Под виртуальной реальностью понимается в приведенном примере ощущение, создаваемое с помощью компьютера в сознании человека.

Жизнь в условиях виртуальной реальности ведет к притуплению чувств: *Для меня сейчас нет страха. Но зато нет и подлинного восторга* (С. Лукьяненко).

Сочетание «подлинная реальность» имплицитно идею о том, что распространенное мнение о некотором положении дел является ошибочным: *В 1885 г. французский писатель-фантаст Жюль Верн, заинтересованный в выяснении фактов и подлинной реальности, попытался собрать воедино все сведения, существовавшие на европейских и в том числе и русском языках, о путешествиях XI–XIII вв.* (Л. Гумилев).

Если прилагательное «подлинный» сочетается с существительным, в значении которого есть признак «верный, соответствующий действительности», то возникает текстовая импликация о наличии обмана: *Вы сейчас сядете и кратенько напишете правду. Подлинную правду* (А. Бушков).

В ряде случаев словосочетание с прилагательным «подлинный» имплицитно необычный контраст: *Матерными ругательствами все овладели в совершенстве, а вот подлинное просторечие — не дается!* (В. Кунин).

Для многих людей сниженная речь, просторечие ассоциируется с использованием вульгаризмов, персонаж в приведенном примере дифференцирует мнимое и подлинное просторечие, утверждая, что настоящее просторечие не связано с ругательствами.

Интересны примеры, в которых можно установить сложные ассоциативные отношения между различными модусами реальности: *Я перестал верить в нереальность «глубины». Я готов считать ее подлинной жизнью. Она заменила мне все, или почти все* (С. Лукьяненко).

В этом тексте речь идет о виртуальной реальности, об особой компьютерной программе, которая дает возможность человеку испытать почти полностью реальные ощущения иного бытия. Вместе с тем персонаж пока что видит границу между подлинной и имитируемой реальностью, хотя эта граница стремительно стирается.

Обратимся к примерам на английском языке, взятым из компьютерной базы данных «Британский национальный корпус» (<http://info.ox.ac.uk/bnc>).

Подлинность определяется как естественное природное происхождение продуктов: *The growing demand for genuine, organically-produced vegetables and fruit offers a profit to the skilled gardener who is near enough to his market.*

Аналогичным образом характеризуются подлинники, законные наследники: *To a certain extent the East Romans, as they were still called, were genuine heirs to the original Roman Empire.*

Исторические документы (например, письма известных людей) рассматриваются с позиций определения их подлинности: *Those great figures of the Enlightenment, William Robertson and David Hume, both argued for Mary's guilt of adultery (with Bothwell) and murder (of Darnley), on the grounds that the Casket Letters were genuine, in their histories of Scotland and England respectively.*

В терминах подлинности характеризуются произведения искусства, антикварные вещи: *Lady Grubb knew a great deal about antiques and owned some beautiful pieces, but she topped up the genuine furnishings with reproduction Jacobean coffee tables and plastic cruets.*

Подлинные предметы искусства представляют значимость для коллекционеров и имеют высокую стоимость: *Each genuine «Sun» record is worth about three hundred pounds to a collector aiming to acquire all of Elvis's records.*

В приведенном примере говорится о граммофонной пластинке фирмы «Сан», на которой записаны песни Элвиса Пресли.

О подлинности существования определенной фирмы свидетельствует ее официальное название и местоположение: *He wished to make it clear for the purposes of this case that there had been a genuine company in Bombay called Rasiklal & Sons, Dutta told Snaresbrook Crown Court.*

При характеристике человека слово *genuine* — «естественный, открытый» — часто сочетается с прилагательными положительной оценки: *Marie had been pleased when Madge had said this: it backed up her own opinion of Simon, that he was a genuine person and kind.*

Типичным является противопоставление подлинных и фальшивых предметов: *Men like Pugin, Ruskin and William Morris turned a distasteful and then a blind eye to the fast growing urban sprawl and preferred to live in genuine or fake medieval houses by rivers or lakes.*

Противопоставляются подлинные и фиктивные избиратели: *The elections... were characterised by various grave deficiencies: some electors were not notified of the election, votes were cast by others in the names of genuine electors.*

Осознание подлинности чего-либо подразумевает умение людей различать подлинные и скрытые мотивы поведения: *They may also have naively failed to distinguish between genuine British opposition to American demands and a tactical stance designed to wring aid from Washington.*

В приведенном примере иронически сопоставляется подлинное, естественно присущее британцам неприятие американских требований и стремление выжать из Вашингтона финансовую помощь.

Подлинность поведения квалифицируется как естественность и уместность: *Of course, some people will refuse to co-operate at all, but once an interview is under way most people will be prepared to answer questions so long as they seem genuine and relevant.*

Подлинность может быть синонимом объективности: *It's never easy to tell, when something seems to be happening more and more, whether there is a genuine trend or merely an excessive zeal of reporting.*

В рекламном тексте «подлинный» значит «фирменный», противопоставляемый продуктам других производителей: *To make sure your Toyota continues to give reliable, economical and safe service, fit only genuine Toyota parts — you'll find it less expensive in the long run.*

Идея подлинности контекстуально уточняется требованием видеть мир как он есть, незашоренным, чтобы вести успешную коммуникацию: *In an address on «The Cultural Environment and Media Education» Professor George Gerbner of the Annenberg School of Communication in Philadelphia also stressed the need to gain a genuine, unblinkered understanding of the world before any attempt is made*

to engage in or to teach communication. В приведенном примере усилен признак реалистического восприятия действительности.

Интересны примеры, в которых слово «подлинный» сопоставляется с близкими по смыслу словами: *The question cannot be realistically discussed, however, unless there is some measure of the genuine independence of the union.*

Чтобы обсуждать проблему реалистически, профсоюз должен быть в определенной степени подлинно независимым от работодателя. Подразумевается, что такое положение дел является идеальным, но на практике дела обстоят иначе.

Противопоставляются подлинные прогнозы, основанные на анализе ситуации, и безосновательные предположения: *You can also record the letters they suggest, and talk about them afterwards, how likely they were, whether they were pure guesswork or genuine predictions, which words they may have had in mind, etc.*

В текстах политической тематики прилагательное «подлинный» часто сочетается с существительными, обозначающими требуемые формы общественного устройства, контрастируя тем самым с имеющимися реальными формами:

High on their list are the need for a genuine and popular democracy; the removal of the US bases; an easing of the foreign debt burden; genuine land reform; environmental protection and industrialization that benefits Filipinos rather than foreign corporations.

Политики часто маневрируют, делая вид, что идут на переговоры: *It requires goodwill on all parts and a genuine attempt by the Government to renegotiate.*

Публицист в приведенном примере призывает правительство сделать настоящий шаг к восстановлению переговорного процесса.

Актуализация признака подлинности имеет место при характеристике эмоций: *A shadow of a smile creased her mouth; but it was circumstantial, not genuine.*

Полуулыбка на лице женщины является данью социальным приличиям.

Подлинное уважение противопоставляется подразумеваемому формальному знаку уважения: *I have a genuine respect for people who live their lives in that way.*

Применительно к эмоциям подлинность иногда характеризует необычную их разновидность: *Apart from himself, the only people he really cares about are his listeners; the radio relationship is the only sort of genuine love-affair he's ever known.*

В приведенном примере радиокomentатору ставится в упрек самовлюбленность и необычная привязанность к своим неизвестным слушателям.

Атрибут «подлинный» в ряде случаев противопоставлен окказиональному смысловому образованию: *In these parts of the world, the genuine passenger still picks his way through the station encampment, with a sense almost of intruding upon the privacy of a village community.*

Обычный пассажир (а не фактически живущие на станции люди, возможно, беженцы) характеризуется с помощью слова «подлинный».

Интересен пример, в котором «подлинный» значит «органически присущий, системный» (речь идет о языке): *You need to be sure that the structure you plan to practice is a genuine structure in the language.*

Признак «подлинность» актуализируется на фоне недостоверной информации: *Often enchanting, occasionally frustrating, this account (supposedly written by young chemist Jim Elgar) must inevitably leave many readers wondering which twists in the plot are genuine, which characters are real, which pieces of dialogue are plausible. The use of authentic details — such as the likely origin of the Penicillium on Alexander Fleming's famous plate, from C. J. La Touche's Laboratory — makes for even greater difficulty in assessing happenings that have not been documented elsewhere.*

В приведенном примере из литературной рецензии наблюдается семантическая сеть взаимосвязанных знаков недостоверности: устанавливается предположительное авторство текста, ставится под вопрос подлинность повествования, реальность персонажей и правдоподобность диалогов, выражается сомнение в правомерности сочетания аутентичных деталей и недокументированных событий.

В обиходном общении, говоря о подлинной причине, люди имеют в виду противопоставление настоящих и внешних, показных аргументов. *But all in all, I can see no genuine reason why I should not undertake this trip.*

Вместе с тем подлинная причина часто коррелирует с необходимостью вспомнить известные истины: *And let's not shrink from the truth about Big Birthday blues: we have genuine cause to feel depressed because the calendar chronicles what, most of the time, we prefer to forget — that life is finite.*

Подлинную проблему людям приходится признавать, надуманную можно игнорировать: *Until a few years ago, the existence of sexual harassment as a genuine problem in many businesses was scarcely acknowledged.*

Интересны примеры, в которых градуируется степень подлинности: *The series moves from sentence/paragraph level in the first book, through whole text level in the second; the third book presents real (but slightly modified) academic texts; and finally, in the fourth book, genuine unsimplified texts are used.*

В приведенном примере речь идет об аутентичности иностранного текста, эта аутентичность является частичной в адаптированных и полной в неадаптированных текстах.

Контекстуальные характеристики концепта «подлинность» свидетельствуют о том, что этот концепт всегда предполагает наличие оппозитивного образования. Каждый раз, когда какой-либо предмет, человек, событие или идея определяется посредством прилагательного «подлинный», актуализируется противопоставление подлинного и неподлинного объекта. Соответственно, можно представить себе типичную ситуацию, когда субъект, предполагающий, что ему предстоит столкнуться с некоторым отклонением от должного положения вещей, и умеющий отличить подлинный объект от предъявляемого, выносит свое заключение о действительности. Эта действительность представлена в виде знаковых предметов (настоящих либо поддельных, вторичных, низкокачественных), поведения кого-либо, событий и абстрактных понятий. В качестве предметов, которые нужно квалифицировать с позиций их подлинности, выступают обычно документы, деньги, произведения искусства и товары, имеющие высокую репутацию. Такая квалификация необходима в связи с высокой вероятностью их подделки. Достаточно часто люди скрывают свое истинное имя по разным причинам. Для событий, которые на самом деле имели место, необходимо определение их пространственно-временных объективных характеристик.

Людам свойственно маскировать свое подлинное отношение к кому-либо, истинные причины и цели своих поступков. Контекстуальные примеры уточняют словарную репрезентацию концепта, характеризуя такие модусы подлинности, как связь между качеством и торговой маркой в рекламном тексте, сомнительность подлинных чувств у политиков, переход значения слова «подлинный» в оценочное или указательное значение (оценочное расширение значения). В тексте возможно появление окказиональных противопоставлений подлинного и кажущегося либо имитируемого объекта.

Подлинность является градуируемым качеством. Основными текстуальными коррелятами подлинных предметов являются фальшивые, подлинных эмоций — наигранные, подлинных ощущений — виртуальные, подлинных форм общественного устройства — формально-имитируемые.

Текстовые примеры свидетельствуют не столько о национально-культурной, сколько о жанрово-дискурсивной специфике содержания концепта «подлинность». Это объясняется значительной общностью понимания подлинности в англоязычной и русской лингвокультурах применительно к научному, юридическому, массово-информационному типам дискурса, каждый из которых в своей жанровой конкретике вносит определенные различия в квалификацию предметов и явлений с позиций их подлинности.

В обиходном общении обычно с позиций подлинности оценивается поведение людей. Принципиальных различий в перцептивно-образной характеристике

ке подлинного либо лицемерного поведения между носителями сравниваемых культур обнаружить не удалось.

Обратившись к Русскому ассоциативному словарю [РАС], мы видим, что основные реакции информантов совпадают с данными, полученными в ходе анализа образно-перцептивной стороны рассматриваемого концепта. Реакции таковы: документ (97), экземпляр (34), настоящий (32), истинный (29), шедевр (23), текст (10), герой, друг, рассказ (8), картина, оригинал, талант (7), источник (6), достоверный, ложный (5), истина, смысл, художник, ценный, человек (4), вариант, верный, героизм, день, идиот, интерес, книга, копия, мнимый, образец, паспорт, патриот, Рембрандт, рукопись, хороший (3). Подлинность ассоциируется с документом, произведением искусства, с общеоценочной позитивной характеристикой. Как это ни странно, но контрастные корреляты (ложный, мнимый) составляют очень малую часть реакций.

Ценностная характеристика рассматриваемого концепта состоит в раскрытии ориентиров поведения, определяемых данным смысловым образованием. Эти ориентиры поведения можно выразить в виде следующих суждений.

Следует предпочитать подлинные вещи, сделанные настоящими мастерами, вещам сомнительного производства.

Следует уметь отличать подлинные вещи от подделки.

Следует обращаться к опытным людям (экспертам), чтобы они помогли определить подлинность вещи.

Не следует выдавать подделку за подлинную вещь.

Следует различать действительное и кажущееся положения дел.

Следует различать подлинное и имитируемое доброе отношение к себе и другим людям.

Обычно ценностные характеристики концептов в явном виде выражены в языковых и авторских афоризмах, однако в пословичном корпусе представлены высказывания, воплощающие лишь отдельные характеристики подлинности. В пословицах акцентируется необходимость внимательно относиться к тем вещам, которые выглядят привлекательно, но могут быть некачественными (это касается и человеческих отношений): *Не все золото, что блестит; Внешность обманчива*. Коллективный народный опыт говорит о том, что тайное станет явным: *Шила в мешке не утаишь; Murder will out*. Много оценочных суждений связано с осуждением обмана: *Правда светлее солнца; И с умом воровать — беды не миновать. Ничто притворное не может быть продолжительным* (Я. Коменский). По-видимому, отсутствие других афоризмов, которые могли бы иллюстрировать все приведенные выше ориентиры поведения, объясняется очевидностью этих ориентиров.

Именно оценочная сущность концепта «подлинность» ведет к его размыванию и превращению в интенсификатор. В этом плане «подлинный» и «настоящий» полностью синонимизируются. Смысловой маршрут этого превращения таков: «настоящий/подлинный» + слово нейтральной семантики (*настоящий моряк*) — «настоящий/подлинный» + слово положительной семантики (*настоящий герой*) — «настоящий/подлинный» + слово отрицательной семантики (*настоящий мерзавец*).

В поэтических текстах оценочный смысл концепта «подлинность» расширяется до идеи исходного космического созидания и отождествления с Творцом:

И, если подлинно поется
И полной грудью, наконец,
Все исчезает — остается
Пространство, звезды и певец!

О. Мандельштам

В этом тексте не случайно ударными оказываются аллитеративно сопряженные слова «подлинно» и «полной», поскольку подлинность проявления связана с полнотой качества, с преодолением пределов человеческого воплощения.

Подведем основные итоги.

Семантической основой концепта «подлинность» является идея сенсорно определяемой реальности, связанной с исходным началом и принимаемой в качестве образца для сопоставимых объектов. Этот концепт относится к категориальным модально-оценочным смысловым образованиям особого типа — **контрастивным концептам**, он существует в единстве со своими оппозитивными коррелятами: скопированный, воображаемый, искаженный, фальшивый, лицемерный.

Оппозитивные корреляты подлинности характеризуют типы квалифицируемых объектов (предметы, человеческие эмоции и отношения, абстрактные сущности) и сферы дискурсивной квалификации этих объектов (обиходная, философская и юридическая).

При лингвокультурном сопоставлении проявления концепта «подлинность» в русском и английском языковом сознании выяснилось, что различий в словарном толковании этого концепта практически нет.

Образно-перцептивные характеристики данного концепта уточняют основную предметную сферу квалифицируемых объектов (документы, деньги, произведения искусства) и человеческих отношений (зависимые либо свободные от социальных условностей). Текстовая репрезентация концепта «подлинность» вызывает ассоциации с непосредственно выраженными либо выводимыми оп-

позитивными смысловыми образованиями. Эти оппозитивные смыслы большей частью сводятся к формализации чувств и фальсификации предметов.

Ценностные характеристики концепта «подлинность» проявляются в нормах поведения, предписывающих отличать подлинные вещи от подделок и правду от лжи. Ценностная сторона данного концепта способствует его оценочной мутации в интенсификатор.

ПРОСТОТА Изучение концептов привлекает к себе внимание многих исследователей, вместе с тем еще недостаточно освещен класс концептов, природа которых состоит в их контрастивной обусловленности. Например, мы понимаем, что быть трезвым, зрячим, сытым — значит не быть пьяным, слепым и голодным. С позиций формально-семантического описания лексики перед нами — антонимы, противоположные по смыслу слова, относящиеся к подклассу контрадикторных антонимов, т. е. противопоставлений, не допускающих промежуточных образований (в отличие от контрарных антонимов типа «молодой — старый»). С позиций концептологического осмысления действительности такие контрастивные смыслы — это зеркальное отражение некоторых объективно выделяемых качеств. Подобно зеркальному отражению они не существуют в отрыве от своих реальных коррелятов и зависят от них. В этом плане можно противопоставить два типа контрастивных концептов — реальные и зеркальные. Реальные контрастивные концепты представляют собой пару равноценных качеств (например, «живой — мертвый»), зеркальные контрастивные концепты отражают принципиально неравноценные качества, одно из которых является отрицанием какого-либо другого качества либо группы качеств. К числу зеркальных концептов относится мыслительное образование «простота». Детальный лексический анализ слова «простой» приводится в работе Е. Э. Бабаевой [2006].

Понятийный анализ концепта предполагает определение конститутивных признаков этого концепта на основе словарных определений и выявление его системных корреляций, т. е. его связей по вертикали и горизонтали (частью какого более общего концепта он является и какие субконцепты включает, с одной стороны, и с какими однопорядковыми концептами находится в отношениях притяжения и отталкивания, с другой стороны). Имя концепта «простота» представляет собой абстрактное существительное, значением которого является субстантивированно представленное качество — «простой». Обратимся к словарным дефинициям данного прилагательного.

Простой — 1. Несложный, нетрудный, легко доступный для понимания, выполнения, разрешения и т. п. *Простая задача.* || Несложный по устройству, выполнению.

Простая машина. 2. Спец. Элементарный по составу, однородный, не составной. *Химически простые вещества* (состоящие из атомов одного химического элемента). 3. Первичный, основной, исходный. *Простая заработная плата* (в противоположность повременно-премиальной). 4. Безыскусственный, не замысловатый, не вычурный; скромный. *Простая мебель.* 5. Обыкновенный, ничем не примечательный, не выделяющийся среди других; заурядный. *Простой смертный.* 6. Обычный для какого-л. вида предметов, не имеющих специального назначения, каких-л. особых признаков. *Налей простой водички* (без каких-л. добавлений). 7. Недостаточно обработанный, отделанный; грубый по качеству, не лучшего качества. *Простой холст* (небелёный). 8. Ничем не осложнённый, понимаемый в прямом, узком смысле. *Принять решение простым большинством голосов.* 9. Открытый, откровенный, бесхитростный, прямой; не церемонный. *Я человек простой, скажу всё как есть.* || Проникнутый бесхитростностью, откровенностью, прямоотой. *Простые народные песни.* 10. Разг. Недалёкий по уму, глуповатый, наивный. *Старикан не так прост, как кажется.* 11. Ист. Принадлежащий к непривилегированному слою, сословию. *Простой народ.* || Непривилегированный, низкий (о происхождении, звании и т. п.). *Семья была из простых* [БТС].

Конститутивные признаки рассматриваемого концепта сводятся к комбинации трех индексов: 1) указание на качество; 2) отрицание; 3) соотносённость с контрастивным коррелятом. Эти контрастивные корреляты могут быть сведены в следующие классы: 1) производный; 2) трудный для выполнения; 3) выделяющийся; 4) специальный; 5) обработанный; 6) хитроумный; 7) привилегированный. Мы видим, что эти признаки соотносятся со следующими сферами действительности: инструментальное освоение мира (противопоставление легкого и трудного дела, грубой и тонкой обработки материала, обычного и специализированного предмета), познание действительности (элементарное и сложное строение вещей и явлений, исходное и производное состояние процессов), социально-культурная идентификация (прямота и изощренность в поведении, низкий и высокий социальный статус).

Левый противочлен в этих оппозициях является немаркированным и осмысливается только на фоне правого коррелята. Людям свойственно обращать внимание на то, что представляет трудность, требует большей работы, физических и интеллектуальных усилий. В социально-культурном плане подчеркивается особенность поведения либо происхождения определенных людей на фоне людей обычных. Обратим внимание на оценочную амбивалентность как маркированного, так и немаркированного компонентов в приведенных коррелятивных парах. Нечто легкое для выполнения оценивается положительно, поскольку не требует больших усилий (субъективная утилитарная оценка), и в то же время отрицательно, поскольку затраченный труд представляет собой цен-

ность (объективная утилитарная оценка). Это касается как физических, так и интеллектуальных усилий. Применительно к социально-культурной идентификации двойственность оценки связана с двумя позициями тех, кто квалифицирует кого-либо в плане простоты либо особенностей в поведении. Нижестоящие положительно оценивают себя, с некоторой завистью относятся к тем, кто по праву рождения занимает более высокое место на социальной лестнице, и осуждают тех, кто ведет себя претенциозно (субъективная моральная оценка). Вышестоящие положительно оценивают себя и отказывают нижестоящим в общей и интеллектуальной состоятельности (субъективная утилитарная оценка).

Таким образом, простота не является объективным признаком людей, предметов, явлений, событий и может быть представлена как особый вид модуса — оценочно-контрастивная квалификация действительности. В этом смысле понятие «простота» входит в более общий класс «оценочная квалификация». Разновидностями (субконцептами) рассматриваемого ментального образования являются три сферы действительности, оцениваемой в аспекте простоты: труд, познание и социальное позиционирование, или простота как легкость, как элементарность и как принижение.

Однопорядковые корреляции концепта «простота» можно определить с помощью синонимических уточнений. В Словаре синонимов русского языка [ССРЯ] приводятся два ряда слов, уточняющих основные значения прилагательного «простой»: 1) «отличающийся простотой устройства, содержания и т. д.» — простой, несложный, элементарный, примитивный, незамысловатый (разг.), незатейливый (разг.), нехитрый (разг.), немудреный (разг.), немудрый (разг.), немудрящий (разг.); 2) «отличающийся простотой, скромностью, отсутствием излишеств, без претензий, украшений и т. д.» — простой, незатейливый, незамысловатый, безыскусный, бесхитростный, нехитрый (разг.), немудреный (разг.), немудрый (разг.), немудрящий (разг.). Составители данного словаря выделяют только два дифференциальных признака применительно к каждому из синонимических рядов — усиление признака (крайне простой) и сниженный стилевой регистр. Семантические дистинкции в словаре не обозначены, и это нельзя поставить в вину составителям словаря, поскольку для оценочных слов такие отличительные смысловые нюансы выделить крайне сложно.

Особой характеристикой рассматриваемого концепта является его способность проявляться в виде неполнозначного слова (термин Ю. И. Леденева), или дискурсивного слова [Киселева, Пайар 1998]. Дискурсивные слова — это операторы дискурса, т. е. текста, погруженного в ситуацию общения, их назначение — обеспечивать ситуативную связность процесса коммуникации, акцентировать актуальную часть сообщения, личную точку зрения, оценку, членение

текста и т.д. С позиций традиционной уровневой лингвистики такие слова относятся к лексической периферии, они традиционно рассматриваются в рамках модальных слов, частиц, междометий, в грамматике текста определенные типы таких слов фигурируют как коннекторы. Важно отметить, что непроходимой границы между дискурсивным и полнозначным употреблением слова нет: *Задача решается просто — Я просто очень устал.*

В толковом словаре слово «просто» объясняется следующим образом: I. нареч. к простой. *Задача решается просто.* II. 1. в функц. сказ. Не требует усилий, не представляет затруднений. *Сделать это не так-то просто.* 2. безл. Не стесняет, не заставляет церемониться. *С ним мне легко и просто.* III. частица. разг. 1. Совершенно, прямо. *Просто невероятно!* 2. Всего лишь, всего-навсего, не иначе как. *Все это просто детское упрямство.* IV. союз. (соединяет предл. или чл. предл.). Выражает противопоставление, сопоставление (часто с уступительным оттенком). *Ты не лентяй, просто избалован* [БТС].

В «Словаре структурных слов русского языка» частица «просто» толкуется так: 1. Употр. для указания на очень высокую степень проявления какого-л. признака, качества. *Это просто возмутительно.* 2. Употр. для указания на то, что причина чего-л. является более безобидной и естественной, чем можно было бы предположить или чем кто-л. предполагает. *Он не сердится, он просто устал* [СССРЯ].

Итак, мы видим, что исходное значение «отсутствие усилий» трансформируется в дискурсивный смысл уступительности и далее превращается в чистый интенсификатор. Переход оценочного слова в интенсификатор — явление типичное (ср. *больно хитрый, шибко грамотный, страшно красивый*). Значение уступительности в рассматриваемом проявлении концепта «простота» представляется более интересным, поскольку грамматикализует обширный класс ситуаций, которые можно проинтерпретировать, пользуясь известной методикой А. Вежбицкой [1996], следующим образом:

Ты воспринимаешь нечто очень серьезно.

Я понимаю это, и, желая тебя успокоить, показываю,

что то, что происходит, не следует так воспринимать, и я это выражаю безударным словом «просто».

Такую коммуникативную стратегию можно было бы назвать дезинтенсификацией, или понижением интенсификации (down-grader). Уступительность — это частный случай данной стратегии, сюда же относится юмор, переход на разговорный стилиевой регистр, различные маркеры самопринижения. Интересно то, что применительно к данному дискурсивному слову имеет место полный

прагматический переворот в содержании этой единицы — от понижения к повышению интенсивности (*Я просто хотел тебя увидеть — Я просто возмущен!*). С подобным явлением в области оценки (от минуса к плюсу) мы часто сталкиваемся (ср. *Ты выглядишь ужасно — Я ужасно рад*).

Этимологически слово «простой» соотносится с идеей открытого пространства, простора. Можно сделать вывод, что такое географическое определение свидетельствует о понимании такого пространства как некоторой нормы и точки отсчета, по отношению к которой горы, долины и пересечения на местности выступают в качестве значимых ориентиров.

Понятийный анализ концепта «простота» в русском языке показывает, что содержательной основой данного ментального образования является своеобразный смысловой дейксис, т. е. указатель на то, по отношению к чему характеризуемый объект признается обычным, немаркированным. Следовательно, мы вправе говорить о том, что помимо общепринятого понимания дейксиса как указательности пространственной (там, здесь), временной (сейчас, тогда), личной (я, ты, он) и внутритекстовой (анафора, эпифора), существует дейксис значимости (нечто необычное по отношению к условной норме). Специфика указательности состоит в том, что вне ситуации общения либо вне контекста она теряет смысл. Поэтому и квалификация того или иного лица, предмета, качества, действия или события как простого зависит от объекта квалификации в связи с обстоятельствами общения. Следует отметить, что существует ряд устойчивых словосочетаний терминологического характера («простой продукт» в экономике, «простое вещество» в химии, «простое предложение» в лингвистике), являющихся конвенциональными знаками исходного, первичного образования по отношению производному и не отмеченных оценочно.

Для изучения образных характеристик концепта «простота» необходимо рассмотреть сочетаемость основных имен данного концепта и провести экспериментальный анализ ассоциаций, связанных с этими именами.

Прилагательное «простой» часто сочетается с именами существительными, обозначающими статус человека: *По-прежнему простой народ терпел задержки зарплаты и пенсии, хамство и произвол чиновников, всевластие торговых людей, воровство и бандитизм* (В. Головачев); *В правах наследства бояр и дружинников и в правах смердов существовала та разница, что наследство бояр и дружинников ни в каком случае не переходило к князю, а наследство смерда (простого земледельца) доставалось князю, если смерд умирал бездетным* (Н. Костомаров); *За ужином Терех не без удивления отметил, что воеводе и мэру — тому самому благообразному господину, что сидел здесь в первый вечер — подают те же блюда, что и простым солдатам* (В. Васильев).

Приведенные примеры показывают, что исходное обозначение низкого статуса человека может быть общим и специфическим (простой человек — простой земледелец, солдат и т. д.), при этом в контексте явно или скрыто подчеркивается контрадикторное противопоставление простых и непростых людей. Простому народу противопоставляется власть (официальная и неофициальная, т. е. криминальная), простым земледельцам — знать, простым солдатам — военачальники. Частотны словосочетания «простой народ», «простые люди», «простые смертные». Человек, занимающий некую промежуточную статусную ступень в табели о рангах, всегда может получить характеристику «простой» по сравнению с более высоко стоящим («*простого майора принимали, как генерала*»), но люди, занимающие предельно высокий ранг, такой характеристики не могут получить по определению («**простой президент/царь/вождь*»).

Контраст в статусе человека может быть не только социально закреплённым, но и ситуативно обусловленным: *Майор тогда автоматически становился из простого регистратора полноправным участником оперативной работы...* (А. Бушков).

В приведенном примере показано противопоставление двух позиций — право на исполнение указаний либо на принятие самостоятельных решений, при этом контекстуально выстраивается толкование «простой» — «неполноправный». Если ситуативный контраст в статусе человека невозможен, то употребление определения «простой» становится бессодержательным («**простой лексиколог/филателист/демократ*»). Существуют однако уникальные ситуативные контрасты, превращающие подобные бессодержательные, на первый взгляд, сочетания, в осмысленные противопоставления позиций. Приведу пример из личной картотеки записей устной речи:

Представляешь себе, учебник по биологии для школьников написали простые профессора-биологи! Не понял? Не методисты!

Эту гневную фразу произнес аспирант, который писал кандидатскую диссертацию по методике преподавания биологии, и в его сознании была четкая установка: учебники для средней школы должны писать сугубо методисты, а не представители академической науки. Не вдаваясь в существо этой реплики, замечу, что в таком противопоставлении статус методиста является вышестоящим по отношению к неметодисту.

Объяснение ситуативной обусловленности характеристики «простой» применительно к человеку часто требует широкого вертикального контекста: *Вы ведь простой моряк. Я хочу сказать, что такая операция наверняка стоит уйму денег...* (И. Росохватский).

Человек, статус которого определяют при помощи слова «простой», обычно беден, и это отражается на стиле его жизни, его возможности получить медицинскую помощь, образование и т. д. Культурная обусловленность словосочетаний типа «простой инженер» в современном русском языке свидетельствует о том, что определенные социальные позиции представляют собой совмещение несовместимых признаков: инженер, например, — это человек с высшим образованием, который должен занимать не самое низкое место в обществе, однако фактически стоит на нижней ступеньке социальной лестницы, и это, по мнению многих, неправильно. К таким словосочетаниям относятся иронические обозначения, например, «простой советский дипломат» (было принято считать, что сотрудники дипломатического корпуса получают большую зарплату, ведут светскую жизнь, т. е. к ним неприменимо определение «простой»).

В статусном смысле прилагательное «простой» сочетается с обозначением предметов, характеризующих их владельцев: *Кудрявые длинноусые воины, одетые в кожу с грубыми железными пластинами, в простые круглые шлемы, из всех сил натягивали поводья* (А. Дмитрук). Подразумевается, что простые круглые шлемы носили рядовые воины.

Простой предмет часто противопоставляется предмету дорогому: *Если бы я мог, то подарил бы тебе изумруд, но у меня нет изумруда, — возьми вот этот простой белый камешек на память!* (Л. Соловьев).

В таком контексте «простой» значит «дешевый». Вместе с тем ситуативно недорогой предмет в качестве подарка наделяется контрастивным смыслом — память о дорогом человеке.

Не только предметы, но и нематериальные объекты наделяются статусной значимостью: *Возникла она (беседа) легко и непринужденно, как-то сама собой, и от простых шуток и любезностей перешла на важные государственные вопросы* (Е. Череповецкий).

Тематика разговора может быть простой по своей значимости (в приведенном контексте это — обмен этикетными любезностями) и важной. В данном примере «простой» значит «обыденный, обиходный».

Обращение к человеку может быть простым либо официальным: *Что ты меня по имени-отчеству величаешь? Федькой зови, по-простому, чай не много меня моложе* (В. Головачев).

В русской культуре обращение по имени и отчеству принято на социальной дистанции между людьми, демонстрирующими соблюдение норм официального этикета. На сокращенной дистанции обычно зовут друг друга по имени, однако и здесь наблюдается дробная градация статусных и эмоциональных характеристик общения. В приведенном примере показана модель мужского (маль-

чишеского) деревенского дружеского обращения (полная форма имени — «Федор» — сделала бы диалог менее дружеским, уменьшительная — «Федя» — в определенной мере устранила бы возможность добродушного подтрунивания в общении, а уменьшительно-ласкательные формы в мужском общении избегаются). Говорящий определяет и причину статусного равенства — это фактическое равенство по возрасту.

В расширительном смысле упрощение понимается как сокращение названия: *На всю жизнь у меня осталась в памяти экскурсия в Иваново-Вознесенск — теперь просто Иваново, и посещение рабочих казарм с их подслеповатыми окнами, затхлым воздухом, двухэтажными нарами в комнатах-пеналах, на которых ютились по две семьи* (Н. Моисеев).

В данном примере полное историческое имя города противопоставляется его современному названию, которое звучит обиходно и буднично, с точки зрения автора. Некоторые имена собственные имеют смысловой шлейф аристократичности: *Ты знаешь Ольгу Венгеровскую? Когда мы учились в одной группе, это была просто Оля Белкина.*

Вероятно, человек, о котором идет речь, стал значительной персоной, но в этой реплике говорящий устанавливает субъективную шкалу ценностей, касающуюся фамилий, и, с его точки зрения, девичья фамилия «Белкина» уступает по статусу той фамилии, которую теперь носит женщина. С позиций грамматического толкования приведенных высказываний слово «просто» можно было бы отнести к неполнозначным, однако подобные единицы обычно безударны, чего нельзя сказать о рассматриваемом слове в цитируемых примерах. Это свидетельствует о том, что слова оценочного дейксиса могут занимать промежуточное положение на шкале полнозначности/неполнозначности.

В этическом смысле обозначение простоты контрастивно уточняется характеристиками непростого поведения: *А хваленое британское остроумие! Господи, ни слова в простоте, всё с ужимкой, всё с самоиронией* (Б. Акунин).

Простое поведение противопоставляется напыщенному, неестественному. Обратим внимание на то, что непростое поведение может выражаться как содержательно сложное (например, ученая речь, обращенная к неподготовленному слушателю): *И Андрей ожидал теперь чего-то премудрого, сверхпроницательного, полагал услышать в основном специальную терминологию вроде «треугольник ошибок», «тональная манипуляция», «органолептика» и тому подобное, опасался даже, сумеет ли понять хотя бы главное из того, что выскажет подполковник. Поляков же оказался до удивления простым и своим* (В. Богомолов).

В данном контексте «простой» значит «немудреный».

Простое поведение вызывает к себе неоднозначное отношение: *Иностранцы, бывавшие в России, удивлялись, конечно, простоте нравов и господству «неуставных отношений» между населением и правовыми институтами* (А. Хабаров). Приведенный пример показывает, что простота нравов (т. е. отсутствие манер и манерности, прямолинейность и откровенность) может удивлять людей, привыкших к другим нормам поведения. Эвфемистическое обозначение беспорядка населения («неуставные отношения» между народом и властью) в координативной сцепке с указанием на простоту нравов свидетельствует о том, что автор данного высказывания дает недвусмысленную отрицательную оценку такой простоте.

Примеры с инструментальным осмыслением простых занятий построены на противопоставлении незначительных и серьезных усилий и умений: *Клячкин вспомнил античного мыслителя, говоривавшего: «Как славно, если бы простым поглаживанием живота можно было удовлетворять голод...»* (Д. Корецкий); *В крайнем случае могу вам доложить, что ваши дверные замки никуда не годятся... Они отворяются от простого нажима!* (А. Аверченко).

Простота в познавательном отношении в значительной мере совпадает с простотой инструментальной, отличаясь от нее лишь сферой бытования: *Логика у начальства простая: получилось один раз — и второй получится* (А. Бушков); *Смысл высказываний Финна был очень простой, что важнее — деньги или жизнь?* (А. Днепров); *Сейчас ему оставалось лишь одно — поворачивать все время направо и надеяться на то, что это простое правило детской игры в лабиринт поможет ему выбраться* (Е. Гуляковский); *Он давно усвоил одну простую истину: если не сопротивляться — тебя съедят* (В. Васильев).

Простая логика, простой смысл, простое правило, простая истина и т. д. не требуют больших усилий для понимания и выполнения. Мы видим, что простые истины представляют собой набор самоочевидных правил поведения или знаний об устройстве мира. Разумеется, список таких правил является открытым и в этическом плане весьма спорным. Перед нами — набор простейших утилитарных сведений, не случайно поэтому в контексте мы находим определители «детское правило», «давно усвоенное».

Характеризуя некоторое положение дел, правило, причину и т. д. как нечто простое, говорящий присваивает себе статус более мудрого, изощренного и понимающего человека по сравнению с теми, кто придерживается другого мнения: *Обратить китайцев в своих союзников в этой войне — значит обезпечить свои тылы, обезопасить себя от японских шпионов и бандитов. Этой простой истины никак не хотят понять наши правящие сферы, — горячо говорил Бутусов* (А. Степанов).

Обеспечить себя союзниками во время войны — важное стратегическое преимущество, относящееся к базовым условиям успешного вооруженного противоборства. Критически характеризуя руководство государства, офицер ставит под сомнение способность правящего режима осуществлять руководство страной. В этой связи распространенное выражение «по той простой причине» имеет несомненную статусную составляющую: говорящий, который объясняет что-либо своему собеседнику с использованием этого словосочетания, тем самым показывает, что адресат не в состоянии увидеть реальное положение дел, т. е. находится на низком уровне интеллектуального развития. В известной мере такое выражение является оскорбительным для адресата, но в силу широкого распространения данного словосочетания и его конвенциональности люди делают вид, что ничего плохого не подразумевается. Аналогичным образом реагируют англичане на вводную фразу: «If you see what I mean» — «Если Вы понимаете, что я имею в виду...»

Представляют интерес бинарные сочетания признаков, один из которых является обозначением простоты: *Приклад «бизона» — один из самых простых и прочных складных прикладов в мире* (А. Свиридов); *«Такую бы Шуручку, кокетливую, красивую и преданную, — думал он, пряча подбородок в воротник. — Жизнь была бы простой и ясной, как кружка пива»* (Ю. Бондарев); *Слезы душили ее. Оттого, что она вот так просто и быстро ответила согласием, ей было и радостно и в то же время немножко страшно* (Г. Бовин).

В приведенных сочетаниях второй признак является уточняющим и содержит положительную (или как бы положительную) оценку. Не встречаются сочетания типа «простой и хрупкий», «просто и медленно», «просто и взволнованно», поскольку вторые компоненты таких пар осмысливаются как нечто производное, сложное, требующее внимания. Координативные отношения в бинарных словосочетаниях часто допускают причинно-следственное объяснение (эта мысль высказана в частной беседе В. П. Москвиным): простой и поэтому прочный, простой и поэтому быстрый, простой и поэтому дружеский.

Вместе с тем в бинарных словосочетаниях может акцентироваться признак простоты как ясности для понимания в силу того, что внутренняя форма слова открыта: *...И звалось в те времена самосожжение людское словом простым и зловещим — гарь* (В. Пиккуль).

В современных толковых словарях русского языка «гарь» определяется как горелое место, пепелище, что связано с глаголом «гореть», авторская интерпретация этого слова как простого в контексте исторического повествования объясняется, на мой взгляд, краткостью обозначения (ср. «явь», «стынь», «хворь»).

В тех случаях, когда первую позицию занимает уточняющий признак, обозначение «простой» не содержит явно выраженной оценки: *Да нечего рассказывать, все происходило как-то буднично и просто. В нас стреляли, мы стреляли...* (В. Головачев).

В содержательном плане такие определения можно считать дублетными.

Наряду с бинарными сочетаниями, раскрывающими содержание концепта «простота», существует широкое контекстуальное объяснение этого концепта. Например: *У окна стояла девушка, одетая в скромное узкое платье. На ногах — простые босоножки* (А. Белов).

Простая, недорогая обувь гармонически сочетается со скромным платьем.

Заслуживают внимания контрастивные бинарные сочетания, включающие обозначения концепта «простота». Эти сочетания можно разбить на два подтипа: уточняющие («не простой, а...») и уступительные («простой, но...»). В свою очередь, уточняющие сочетания распадаются на базовые и дополнительные указатели того или иного признака.

Классическим примером уточняющего базового признака является противопоставление «*не простое яичко, а золотое*». Нам понятно в этом контексте, что «простое» значит «обычное, естественное». Могут быть и авторские переосмысления того, что является простым: *И Андрей изменил мнение об усатом. Нет, это не простой бандит. Это бандит политический* (А. Свиридов).

Словосочетание «простой бандит» является неопределенным без уточнения «бандит политический». Вполне логично было бы представить себе контекст: «не простой бандит, а маньяк или серийный убийца». В таких контекстах «простой» соответствует базовым характеристикам определяемого концепта и в этом смысле в полной мере соотносится с теми признаками, которые в целом определяют наши знания об оценочных стереотипах [Вендлер 1981]. Конструкция «не простой, а...» определяет типичные ожидания относительно дополнительных характеристик объекта, имеющих оценочное содержание: не простой телевизор, а плазменный, не простой спектакль, а бенефис, не простой контракт, а с дополнительными условиями и т. д. В развертывании смысла, вытекающего из квалификации «не просто, а...», мы часто сталкиваемся с объяснением многих причин того или иного положения дел: *Подорвать казарму и помещение гестапо совсем не просто. Это предприятие рискованное и сложное, требующее подготовки и, главное, смелых людей* (Г. Брянцев).

В приведенном примере суммируются два качества, необходимые для выполнения операции: высокая степень готовности пойти на риск и высокий уровень умения выполнять подобные задания. Эти качества характеризуют не всех людей, и поэтому задание квалифицируется как непростое.

Использование слова «простой» с отрицанием является своеобразным упреждающим опровержением возможной точки зрения: *Колдовство — это вовсе не такое простое занятие. Сколько сил оно отнимает — это просто ужас* (Ю. Латынина).

Вероятно, по мнению некоторых людей, колдовство не требует усилий со стороны колдуньи, и автор опровергает это мнение, приводя эмоциональный аргумент. Здесь мог бы появиться и другой аргумент, например, констатация того, что колдовству нужно долго учиться, или того, что занятия черной магией обрекают душу колдуньи на вечные муки и т. д.

Контрастивно-уточняющие сопоставления выполняют стилистическую функцию градации: *Они были не просто хорошими, они были блестящими учениками, и за это учителя прощали им многое* (Г. Бакланов); *Нам нужны не просто талантливые люди, — говорил Соболев. — Нам нужны великие организаторы* (А. Белов); *А в 49-м я очутился не просто на улице, но даже без права работать по специальности* (Н. Моисеев).

Второй компонент в таких сочетаниях является градуальным пределом по отношению к первому, и соответственно признак «просто» в сочетании с отрицанием и последующим уточнением выполняет контекстуальную функцию уменьшения проявления качества. В таких сочетаниях могут находиться контрастные пары, которые становятся такими в индивидуально-авторском осмыслении: *Мне кажется, что между просто олухом и олухом царя небесного есть ощутимая разница. Просто олухи представляются мне тупыми, несмышлеными, вялыми людьми, в то время как олухи царя небесного сродни святым и блаженным* (А. Житинский). В данном примере мы сталкиваемся с неожиданным проявлением градуируемого качества: можно было бы предположить, что будет усилена исходная семантика слова «олух» (тупой — очень тупой), однако поле сравнения смещается в план святости, и поэтому все высказывание приобретает иронический характер.

Приведем примеры контрастивного уступительного сопоставления: *После простого, но сытного солдатского обеда, состоявшего из жирных щей и пшенной каши с ломтиками сала, мы заговорили о предстоящем деле* (Г. Брянцев); *Важно, что он знает, что нужен людям. Мысль сама по себе простая, но когда в нее вдуматься, начинаешь понимать ее глубокий смысл* (А. Белов).

В бинарных контрастивных сочетаниях, включающих обозначение концепта «простота», отчетливо прослеживается семантика уступки («хотя имеет место то-то, тем не менее следует отметить то-то»). Например, простой обед может не соответствовать требованиям тонкого вкуса, но такой обед сытен. Простые истины могут выглядеть тривиально, но они имеют глубокий смысл.

Признак «простой», с одной стороны, соотносится со своим коррелятом (с тем, что является «непростым») и, с другой стороны, допускает внутреннюю градацию (нечто или некто может быть простым, простоватым и простейшим): *Старик показался мне простоватым и словоохотливым, но это только с первого взгляда* (В. Богомолов).

Простота как манера поведения предполагает открытость, откровенность, и словоохотливый человек часто выглядит простым. Опыт показывает, однако, что первое впечатление бывает обманчивым, и поэтому в приведенном примере простота старика оценивается скептически.

Образно-перцептивные характеристики концепта «простота» можно выявить, обратившись к коротким сочинениям респондентов на заданную тему. Но простота в чистом виде есть абстракция, и поэтому на уровне прототипов можно рассмотреть такое проявление рассматриваемого концепта, как «простые люди».

В ассоциативном словаре русского языка [РАС] самыми типичными ассоциациями на стимул «простой» выступили слова «человек», «сложный», «вопрос», «парень», «карандаш», «пример», «случай», «ответ». Иначе говоря, приоритетными сферами бытования этого определения являются прежде всего характеристики людей и коммуникативных ситуаций (респондентами были студенты, и для них «простой вопрос» является значимым концептом на экзамене). Показателен ряд типичных ассоциаций на стимул «сложный»: «вопрос», «пример», «случай», «трудный».

Приведу типичные короткие сочинения на заданную тему.

Когда я думаю о простых людях, я представляю себе обычную квартиру, хрущевку, в которой живут рабочие или представители интеллигенции (например, учителя). Они много работают, уважают свой труд, привыкли ограничивать себя в своих расходах, вечером смотрят телевизор. Им противно поzerство, они с презрением относятся к лентяям, хвастунам, врунам. Они резко противопоставляют себя представителям власти, коммерсантам, популярным героям телепередач, а также преступному миру и опустившимся бездомным попрошайкам. Они любят собираться за столом, общаться с друзьями. Я представляю себе, как они вместе поют во время своих семейных праздников и дружеских вечеринок. Они обычно ездят в троллейбусах, хотя сейчас многие из них имеют личные недорогие автомобили.

Когда я думаю о простых людях, я представляю себе женщину средних лет, сидящую с тревожным выражением лица в приемной чиновника, с которым ей нужно решить какой-то вопрос. Она одета скромно и старается быть незаметной. Секретарша смотрит на нее свысока. Ее приглашают в кабинет, она заходит, садится на краешек стула. Она просит решить ее вопрос, очень волнуется и начинает плакать, когда ей отказывают. Придя домой, она с раздражением упрекает мужа, что он лежит на

диване, а мог бы и обед разогреть. Сын приходит из школы домой весь перепачканный, подрался с мальчишками, она его ругает. Но вот и любимый сериал, она бросает все дела и садится смотреть телевизор.

Когда я думаю о простых людях, я представляю себе городскую улицу днем. Спешат прохожие, школьники идут домой, старички вышли на прогулку, озабоченные женщины выходят из магазинов с пакетами продуктов. Молодые люди на ходу разговаривают по мобильным телефонам. Не происходит ничего необычного. В теплую погоду возле подъездов сидят бабушки. У пивных ларьков собрались маленькие группы мужиков, некоторые в тренировочных брюках.

Когда я думаю о простых людях, я представляю себе людей, с которыми легко и приятно общаться, которые никогда не показывают своего превосходства. Они ведут себя естественно и дружелюбно, их отличает искренний смех, они не любят и не умеют хитрить. Это простота, к которой приходят люди с опытом. Вероятно, о таких людях сказал Б.Пастернак: «В родстве со всем, что есть, уверяясь, и знаясь с будущим в быту, нельзя не впасть к концу, как в ересь, в неслыханную простоту».

В корпусе собранных микросочинений на тему «Простые люди» прослеживаются противопоставления народа и власти, малообразованных и высокообразованных людей, небогатых и богатых, скромных и хвастливо-заносчивых, ведущих себя естественно и манерно.

Образный компонент концепта «простота» раскрывается как уточнение статусных характеристик человека, при этом в контексте детализируются социальные и ситуативные признаки статуса человека и присущих ему предметов и свойств. Инструментальные признаки простоты в их дискурсивном проявлении конкретизируют словарное толкование значений слова «простой». Познавательные характеристики рассматриваемого концепта сводятся к открытому набору знаний об устройстве мира и утилитарных норм поведения. Бинарные координативные словосочетания с обозначением простоты усиливают оценочную семантику соответствующих слов, контрастивные же словосочетания содержат уточняющую и уступительную характеристику рассматриваемого концепта.

Анализ ценностных характеристик концепта «простота» проводится на основе высказываний с открытым оценочным смыслом. В качестве типичных высказываний для выявления ценностных приоритетов общества применительно к тому или иному концепту обычно рассматриваются пословицы и афоризмы.

Смысл пословиц о простоте сводится к следующим нормам и правилам.

Следует вести себя просто, поскольку это приводит человека к Богу (*В простых сердцах Бог почивает. Простота человека к Богу приводит*).

Следует жить просто, поскольку это способствует сохранению здоровья (*Живи просто, выживешь лет со сто*).

Не следует вести себя просто, поскольку люди хитры (*Простотой на свете не проживешь. С простоты люди пропадают. Простота святая, да ее ж и на зубы подымают!*).

Не следует доверять тем, кто ведет себя просто, поскольку хитрые люди часто делают вид, что они просты (*Прост, как свинья, а лукав, как змея. Простота хуже воровства. Яким — простота: две рукавицы за поясом, а третьей ищет*).

Следует вести себя просто, поскольку мудрецы часто становятся жертвой собственной хитрости (*На иную хитрость станет и простоты. На всякого мудреца довольно простоты*).

Следует вести себя просто, поскольку каждый должен быть тем, кто он есть (*Кабы не боярский разум, да не мужичья простота, все бы пропали*).

Афоризмы и сентенции о простоте бывают серьезными и шутивными. В серьезных сентенциях простота характеризуется следующим образом.

Следует считать простоту выражением истины и красоты, поскольку простота есть знак совершенства (*Все сложное менее совершенно, чем простое* (Плотин). *...в красоте милей простота...* (Овидий). *Простота — это образ истинного* (К. Ясперс). *Самый верный признак истины — это простота и ясность. Ложь всегда бывает сложна, вычурна и многословна* (Л. Н. Толстой).

Следует мыслить просто, поскольку простые идеи убедительнее сложных (*Все мысли, которые имеют огромные последствия, всегда просты* (Л. Н. Толстой). *Поэтому, Луцилий, держись подальше от этих уверток и уловок философов. Добрым нравам пристало лишь ясное и простое* (Сенека).

Не следует упрощать действительность, поскольку мир сложен (*Упрощение — это насилие, заступающее место утерянной простоты* (К. Ясперс). *Совершенно очевидно одно — то, что я ненавижу простоту во всех ее формах* (С. Дали). *Все системы бесконечно сложны. Иллюзия простоты возникает из-за сосредоточения внимания на одной или нескольких переменных*).

Следует ценить выработанную простоту поведения, поскольку это требует усилий (*Естественность бывает только врожденной, простоту же надо приобретать* (П. Моран) *Простота — это то, что труднее всего на свете: это крайний предел опытности и последнее усилие гения* (Ж. Санд).

Не следует доверять тем, кто ведет себя просто, поскольку простота часто бывает показной (*Сколько испорченного и показного в том, кто говорит: Знаешь, я лучше буду с тобой попросту* (Марк Аврелий). *Показная простота — это утонченное лицемерие* (Ф. Ларошфуко).

Следует вести себя просто, общаясь с хитрецами, поскольку они часто становятся жертвой собственной хитрости (*В жизни бывают случаи, когда са-*

мой тонкой хитростью оказываются простота и откровенность (Ж. Лабрюйер).

Следует знать, что сторонники простоты могут быть нетерпимы к любым отклонениям от нее (*Остерегайся также святой простоты! Для нее нечестиво все, что непросто...* (Ф. Ницше).

В шутливых афоризмах формулируются следующие нормы поведения.

Не следует принимать простых решений, поскольку они часто оказываются неправильными (*Сложные проблемы всегда имеют простые, легкие для понимания неправильные решения. Сложности начинаются там, где все пытаются упростить*).

Следует упрощать проблемы, если хочешь быть понятым, но это труднодостижимо (*Простота — вежливость мудреца* (А. Жуков). *Труднее всего простота дается простейшим* (Б. Крутиер). *Простая и приемлемая ложь полезнее сложной и непонятной истины. Усложнять — просто, упрощать — сложно*).

Следует вести себя просто, поскольку это выгоднее (*Будь проще, и к тебе потянутся люди*).

Оценочные высказывания о концепте «простота» приводят нас к выводу о том, что в коллективном сознании простота поведения оценивается как несомненное благо высшего порядка, хотя и констатируется, что в общении с нечестными людьми следует сохранять бдительность. Афористические высказывания в целом подтверждают безусловную положительную оценку простоты как способа поведения и акцентируют необходимость проявлять осторожное недоверие при общении с теми, кто прост в общении. В афоризмах особое внимание уделяется простоте в познавательном смысле, и здесь мнения расходятся: с одной стороны, говорится об исходной простоте мироздания, с другой стороны — о его бесконечной сложности. Тезис об исходной простоте мира доказывает божественную первопричину бытия, противоположный тезис обосновывает бесконечность познания, иначе говоря, вера ассоциируется с простотой, а знание — со сложностью и вытекающей из потребностей практики необходимостью упрощения действительности, что часто приводит к ошибкам.

Резюмирую.

Концепт «простота» относится к особому типу ментальных образований, которые можно было бы назвать зеркальными концептами. Эти концепты являются своеобразными оценочными дейктиками, содержательно зависимы от своих контрастивных коррелятов и осознаются только на их фоне.

В понятийном аспекте концепт «простота» представляет собой тройное противопоставление в оценочной квалификации действительности: статусное,

инструментальное и познавательное контрастирование. В содержании данного концепта заложена возможность грамматической десемантизации по линии снижения и усиления интенсивности дискурсивно определяемого признака.

В образном аспекте концепт «простота» разворачивается как противопоставление характеристик человека в статусном и ситуативном позиционировании, при этом для адекватной интерпретации контраста требуется знание вертикального контекста (понимание культурно-исторической обусловленности соответствующего противопоставления). Контрастирование простых и сложных идей и правил поведения предполагает наличие некоторого элементарного кодекса норм поведения и сведений об устройстве мира, известных всем взрослым носителям данной культуры. Контекстуальное уточнение содержания концепта «простота» наиболее ярко представлено в бинарных словосочетаниях.

В ценностном аспекте концепт «простота» применительно к пословицам и афоризмам раскрывается как система норм поведения и отношения к действительности. Основными силовыми линиями этих норм являются положительная оценка простоты как естественного поведения, отрицательная оценка имитации простоты, признание и непризнание простоты как принципа организации мира.

1.3.7. Архетипические концепты «сделка с дьяволом» и «вражеский заговор»

СДЕЛКА С ДЬЯВОЛОМ Важнейшей характеристикой концепта является его транслируемость, не получившая еще должного освещения в научной литературе. Особенно интересны архетипические концепты, обладающие способностью внедряться в сознание участников общения, отключать критическое восприятие и активно распространяться. Архетип — это «воспроизводимый в психике людей способ связи вещей, их исходный контур» [Брудный 1998: 60]. Оптимальной средой бытования таких концептов является непрямая коммуникация — «содержательно осложненная коммуникация, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата, будучи несводимым к простому узнаванию (идентификации) знака» [Дементьев 2000: 4].

Любое общение строится на достижении взаимопонимания или имитации такого достижения. Понимание основывается на общности когнитивной базы участников общения, т. е. на тех общих знаниях (пресуппозициях) об устройстве мира и нормах поведения людей в мире, которые признаются само собой разумеющимися.

Степень активности или яркости концепта в индивидуальном, групповом и национально-культурном сознании проверяется в эксперименте. Если испытуемые не могут адекватно определить значение слова, выражающего тот или иной концепт, значит, соответствующий концепт не является для них ярким. Эта методика убедительно раскрыта в работах И. А. Стернина и его учеников [Стернин 2001; Грищук 2002; Рудакова 2002 и др.]. Но определение концепта не сводится к его дефиниции или истолкованию. В индивидуальном и коллективном сознании имеется множество концептов, которые трудно вербально определить. К числу таких концептов относятся многие репрезентации предметов, животных, растений. В данном случае релевантным оказывается признак узнаваемости. В нашем эксперименте испытуемые юноши не смогли вербально охарактеризовать, что такое плиссе и гофре, но их жесты красноречиво свидетельствовали о том, что главная характеристика соответствующей фактуры ткани — наличие складок — ими осознана адекватно. Испытуемые девушки только жестами смогли пояснить, что такое долото и зубило, не дифференцируя эти инструменты. Особый интерес представляют угасающие и появляющиеся концепты. К числу первых в современной русской лингвокультуре можно отнести, например, «кротость», к числу вторых — «виртуальность».

Содержательная модификация представляет собой частичное изменение образа, описательных признаков и ценностной составляющей концепта. Существуют концепты, обнаруживающие стабильность своего содержания при их передаче, узнавании и истолковании (обычно это наиболее важные для обыденной жизни поведенческие реакции, предметы, явления, процессы и качества), и концепты, образная, понятийная и ценностная составляющие которых различны в языковом сознании индивидуумов, социальных групп и этносов. Концепты второго типа могут вступить в конфликт с чуждыми для них концептосферами. Прежде всего, это касается несовпадения ценностных компонентов соответствующих концептов. Таков, например, концепт «privacy» — «приватность» в английской и русской лингвокультурах [Прохвачева 2000]. С иных позиций степень содержательной модификации концепта можно охарактеризовать, принимая во внимание то, насколько критически относится индивидуум к соответствующему концепту. Если концепт стал стереотипом поведения, то участники общения используют его автоматически, например, говоря «спасибо» после угощения или улыбаясь незнакомому человеку. В религиозном, политическом, рекламном и педагогическом дискурсе мы сталкиваемся с тенденцией стабилизации концептов в сознании, перевода ценностно значимых оснований концептов в аксиомы, не подлежащие обсуждению, а в научном дискурсе — с тенденцией дестабилизации и уточнения концептов.

Говоря о переводимости концептов в другие формы, мы имеем в виду обычное осмысление профессиональных или научных концептов, либо философское осмысление обыденных или частных научных концептов. Концепты в таком случае начинают существовать в иной коммуникативной среде. Например, понятие «программирование» вышло за рамки общения специалистов в области компьютерной техники и приобрело ценностно значимые характеристики в обычном и политическом дискурсе, т. е. превратилось в концепт, в основе которого лежит идея о недопустимости превращения человека в бездумного робота.

Пытаясь смоделировать единицы сознания, ученые обращаются к естественным в ту или иную эпоху аналогиям в окружающей действительности. В наше время получила широкое распространение метафорическая модель «мозг как компьютер». Признавая, что компьютер — продолжение мозга (в определенных функциях), ученые делают предположение о том, что и обратное верно, т. е. приписывают человеческому мозгу те характеристики, которыми обладают современные компьютеры. Методологически такой ход ошибочен (инструмент есть продолжение органа, обратное же неверно), но некоторые аналогии могут оказаться продуктивными для понимания языкового сознания и коммуникативного поведения.

Если организмы могут быть поражены вирусами, а компьютеры — особыми программами, называемыми «компьютерные вирусы», то, может быть, существует нечто аналогичное и в языковом сознании и коммуникативном поведении? К числу таких предположений относится и идея известного биолога Ричарда Докинса [Dawkins 1991] о том, что подобно тому, как в мире живой природы существуют гены — закодированные устойчивые передающиеся от индивидуума к индивидууму носители наследственной информации, и в мире культуры существуют сходные единицы — мемы, трактуемые как закодированные устойчивые информационные паттерны, которые внедряются в сознание и передаются другим людям. К числу мем относятся распространенные идеи, лозунги, повторяющиеся мелодии, изображения, мода на определенную одежду или поведение и т. д. Главная характеристика мемы — способность внедриться в сознание и практически в неизменном виде перейти в сознание других людей. Понятие, о котором идет речь, отражает некоторые фундаментальные характеристики определенных культурных концептов и поэтому заслуживает внимания лингвистов, исследующих проблемы языка и культуры. Очевидна связь между мемой и архетипом, по К. Юнгу. Архетип, первообраз, представляет собой повторяющийся (т. е. типизируемый) психический осадок бесчисленных переживаний, возникающих на основе обобщения типовых опытов ряда поколений [Юнг 1994: 57], совокупность архетипов есть коллективное бессозна-

тельное человечества. С. С. Аверинцев [1998: 110] отмечает, что «архетипы — это не образы, а схемы образов, их психологические предпосылки, их возможность». При всей размытости и текучести архетипов можно выделить определенные мифологические сюжеты и мотивы. Е. М. Мелетинский [2000] характеризует классические категории мифа, отраженные в повествовательном фольклоре — календарно-ритуальное мифическое прошлое, первопредки-демиурги, мифы творения, этиологию социума и т. д. Особую значимость в этой связи имеют мифы переходного типа, связанные с испытаниями, инициацией.

Если некоторая идея, получившая языковое воплощение, перестает восприниматься критически, наделяется ценностным и символическим смыслом, то такая идея начинает стремительно распространяться в человеческом сообществе. Классики марксизма четко сформулировали эту особенность подобных культурно-коммуникативных феноменов: «Идея, овладев массами, становится материальной силой». Если рассмотреть такую идею как когнитивный концепт, то окажется, что в ряду имеющихся классификаций концептов еще нет специальной ниши для подобных концептов-вирусов, или архетипических концептов.

Определяя концепты с позиций их транслируемости, можно предположить, что архетипические концепты (при всем их многообразии) будут характеризоваться, по-видимому, как активно транслируемые, закрытые для модификации, не переводимые в иные формы выражения, не допускающие критического восприятия. Есть определенные сферы общения, где не критическое восприятие информации является условием коммуникации (в максимальной степени религиозный и художественный дискурс, в значительной мере массово-информационный, рекламный, политический и педагогический дискурс, в меньшей мере обиходный дискурс, в минимальной степени научный, юридический и деловой дискурс). Возможно и построение определенной типологии участников общения на основе признака критичности восприятия информации (адресат-критик и адресат-эмпатик). Весьма интересной представляется лингвокультурная разработка концептов с позиций их значимости для определенной концептосферы в отношении такого явления как «иммунитет культуры».

Мемы как разновидность концептов (в виде стереотипов поведения, сценариев, архетипов и т. д.) заставляют нас задуматься в отношении выработки своеобразных «антимем», защитных механизмов языкового сознания и лингвокультуры в целом.

Приведем примеры проявления рассматриваемых концептов в общении.

В религиозном и обыденном сознании многих людей аксиоматическими являются следующие положения: существует дьявол, сверхъестественное лице-

творенное верховное зло, он искушает людей и стремится завладеть их душами; при этом с ним можно заключить сделку — продать душу; душа бессмертна, отделяема и незащищена. Концепт «сделка с дьяволом» активно транслируется, в нем выделяется неизменяемая часть — 1) клятва отдать душу (самое ценное) за что-либо страстно желаемое, 2) следующие за той клятвой блага, исполнение желаний, 3) неизбежная потеря души (самого ценного), и ужас от этой потери. Изменяемая часть концепта — обличья дьявола (он бесконечно многолик), обстоятельства сделки (самые разнообразные), предметы желания (нечто трудно достижимое и недостижимое, например, внезапное богатство, вечная молодость или постоянная удача). Идея искушения архетипически может быть истолкована как инициация: на определенном этапе каждый сталкивается с необходимостью принять сторону добра или зла, своих или чужих, при этом те блага, которые можно получить, если откажешься от добра или от своих, значительно перевешивают систему исходных ценностей. Расплата за предательство своих, однако, неотвратима. Проявления этого концепта представлены в мифологии, художественной литературе, обыденном сознании. Манипуляция данным концептом направлена на то, чтобы адресат отказался от преследования определенных страстных желаний.

Среди людей, разделяющих мировосприятие буддизма, весьма популярна притча «Обезьянья лапка». В Индии считается знаком чудесной удачи найти сухую обезьянью лапку. Нашедший ее может загадать любое желание, и это желание непременно сбудется. Один человек нашел однажды обезьянью лапку и счастливый прибежал домой. «Жена, — радостно закричал он, — я нашел обезьянью лапку! Скорее загадай желание!». «Пусть у нас появятся деньги, чтобы купить новый дом! — ответила она, — и новые одежды, и пусть останется много денег на старость!» Они долго перечисляли все то, что хотят купить, и в итоге получилась сумма в десять тысяч рупий. С радостью они отошли ко сну. На следующий день рано утром их разбудил почтальон: «Вам телеграмма. В бою с врагами погиб ваш сын. Министерство обороны скорбит вместе с вами и выплачивает вам компенсацию в 10 000 рупий».

Чудесное исполнение несбыточного желания приводит к потере самого ценного, следовательно, нужно отказываться от желаний. Жанровая специфика притчи состоит в том, что ее скрытый смысл легко выводим и не требует дополнительного объяснения. Не случайно религиозные нормы поведения внедряются в сознание людей именно через притчи. Рассказ, цитирование, напоминание этой притчи об обезьяньей лапке приводится в качестве аргумента о неизбежной расплате за исполнение невозможного.

Сюжет известного романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» построен на концепте сделки с дьяволом. Интересно, что дьявол как агент сделки оста-

ся в данном случае за кадром. Молодой красавец Дориан в порыве иступления произносит сакральную формулу, глядя на свой портрет:

«How sad it is!» murmured Dorian Gray, with his eyes still fixed upon his own portrait. «How sad it is! I shall grow old, and horrible, and dreadful. But this picture will remain always young. It will never be older than this particular day of June... If it were only the other way! If it were I who was to be always young, and the picture that was to grow old! For that — for that — I would give everything! Yes, there is nothing in the whole world I would not give! I would give my soul for that!» (O. Wilde).

«Как это печально! — пробормотал вдруг Дориан Грей, все еще не отводя глаз от своего портрета. — Как печально! Я состарюсь, стану противным уродом, а мой портрет будет вечно молод. Он никогда не станет старше, чем в этот июньский день... Ах, если б могло быть наоборот! Если б старел этот портрет, а я навсегда остался молодым! За это... за это я отдал бы все на свете. Да, ничего не пожалел бы! Душу бы отдал за это!» (Перевод М. Абкиной).

Клятвенное обещание отдать душу является перформативом, хотя формально сослагательное наклонение противоречит классическому списку признаков перформативности (впрочем, более широкое понимание перформативности, например, в виде этикетных формул, так же допускает использование сослагательного наклонения: «Я бы хотел попросить Вас» = «Я прошу Вас»). Просьба Дориана Грея была услышана и исполнена, он остался молодым и красивым, а портрет стал изменяться. Противоестественность такого положения дел привела к тому, что расплата с дьяволом стала осуществляться сразу же: на подлинном лице Дориана Грея, запечатленном на портрете, стали проявляться знаки не только старения, но и порока. Со всей прямоотой из этого следуют выводы о том, что страшно мерзок лик человека, продавшего душу, и что расплата наступает немедленно, и вернуться к прежнему положению дел невозможно. Этот роман является художественной притчей, фабула которой призвана закрепить систему ценностей человека нравственного, в частности — соотношение праведности и раскаяния. Викторианская Англия с ее ханжеством и лицемерием в качестве приоритета выдвигала праведность (легко трансформируемую в показную праведность), и Оскар Уайльд блестяще высмеивал соблюдение внешних приличий. Вместе с тем писатель показал как трагедию крушение внутренних принципов праведности, и поэтому «Портрет Дориана Грея» исповедален по своей сути. Интересно, что в 1890 году считалось, что этот роман аморален, а с 30-х годов XX века утвердилось мнение о предельном морализме этого произведения: «In fact the moral is driven home with a crude pulpit-punch that should satisfy a Salvationist» (H. Pearson). — «Фактически мораль выражена с прямоотой проповедника, вещающего с кафедры, и это должно удовлетворить воинов

Армии Спасения». В наше время тема страстного желания получает новое раскрытие — не как часть сделки с дьяволом, а как исполнение божественного замысла. Пауло Козльо, один из самых популярных писателей современности, говорит устами бессмертного библейского царя Мельхиседека в своем романе «Алхимик»: *«На этой планете существует одна великая истина: независимо от того, кем ты являешься и что делаешь, когда ты по-настоящему чего-то желаешь, ты достигнешь этого, ведь такое желание зародилось в душе Вселенной»*. Несколько упрощая сложную картины развития норм морали, можно сказать, что требование обуздывать желание продиктовано классическими религиями с их противопоставлением жизни земной и небесной, кажущейся и подлинной (и христианством в его католическом и православном видах, и исламом, и буддизмом), а требование развивать и направлять желание сориентировано на нормы протестантской этики, на человека, осваивающего мир. Итак, в контексте сделки с дьяволом проявляется следующее развитие данного концепта: порочно делать вид, что ты чего-то страстно желаешь — порочно что-то страстно желать — порочно не испытывать желаний.

Другой стороной этого концепта сделки с дьяволом является идея осуждаемого сверхъестественного везения. Удача как необходимый компонент любого дела желанна и призываема, но никому не может везти все время. Показателен следующий анекдот:

Встречаются два приятеля. «Ты знаешь, я в прошлом году выиграл «Жигули» по лотерее» — «Здорово!» — «Представь себе, полгода назад проверяю другой лотерейный билет — опять автомобиль!» — «Не может быть!» — «Нет, правда. И вот сегодня я опять проверил билет... Стой, куда ты?»

Для нормального человека такое стечение обстоятельств представляется невозможным, поэтому адресат считает, что его разыгрывают.

Этот концепт получает многомерное раскрытие в сюжетах об азартных играх. Германн в «Пиковой даме» А.С.Пушкина получает тайное знание о трех картах от пришедшей к нему покойницы-графини, которая говорит: *«Я пришла к тебе против моей воли, но мне велено исполнить твою просьбу»*. Графиня выступает посредником в сделке Германна с дьяволом (одним из проявлений или представителем которого был, возможно, граф Сен-Жермен, утверждавший, что может жить вечно, поскольку владеет «эликсиром жизни», и в деталях рассказывавший о подробностях свадьбы в Кане Галилейской, где он давал советы Иисусу и Петру, как себя следует вести). По закону троекратного повторения Германн терпит поражение в своей третьей игре, где вместо туза ему выпадает пиковая дама, внешне похожая на графиню. Обратим внимание: названные ему

ранее графией «тройка» и «семерка» выиграли. Читатель не ставит под сомнение чудесный выигрыш, и на фоне этого выигрыша неудача, усиленная потерей всего состояния, становится катастрофой. Карточная игра как метафора жизни показывает переход везения в наказание за отказ от души (герой завершает свои дни в палате для душевнобольных).

Эта тема получает развитие в американском фильме «Адвокат дьявола» — «Devil's Advocate» (1997), сюжет которого разворачивается вокруг событий в жизни провинциального молодого адвоката Кевина Ломакса, выигрывающего любые дела, даже если он понимает, что его подзащитный на самом деле виновен. Судебное заседание для него — разновидность спорта, а не поиск истины. Этого адвоката замечают и приглашают на работу в престижную и фантастически богатую фирму в Нью-Йорке, которую возглавляет очень умный и обаятельный человек Джон Милтон (аллюзия к имени английского поэта, написавшего произведение «Потерянный рай»), поручающий своему новому сотруднику весьма сложные и щекотливые дела, при этом молодой адвокат видит, что ему приходится нарушать не только закон, но и нормы человеческой этики. Расплата приходит неизбежно — погибает Мэри-Энн, жена этого адвоката, беда настигает его друзей. На определенном этапе руководитель этой фирмы раскрывает свое настоящее лицо — это сатана, который, как выясняется, является отцом героя. Он предлагает адвокату стать наследником, но в последний момент молодой человек отказывается и кончает жизнь самоубийством, после чего он вновь оказывается в зале заседания, где когда-то оправдал заведомо виновного человека и слагает с себя полномочия защитника.

Молодой адвокат сначала не понимает, что поразительное везение объясняется не только его способностями казуистически запутать свидетелей и жюри присяжных, но и особой поддержкой, которую он откуда-то получает. Сверхъестественное везение связано с определенным выбором. В одном из заключительных диалогов главный герой ведет спор с сатаной (интересный вариант развития сюжета сделки с дьяволом — потерпевшая сторона предъявляет поставщику услуг претензии), пытаясь снять с себя вину за гибель жены. Дьявол заинтересованно и живо реагирует, убеждая своего партнера по общению в том, что все решения принимаются человеком, более того, в самые критические моменты человек получает знаки, которые посылаются для предупреждения об опасностях.

Milton: «You were right about one thing. I have been watching. Couldn't help myself. Watching. Waiting. Hold on my breath. But I'm no puppeteer, Kevin. I don't make things happen. Doesn't work like that.» — Да, ты был прав. Я наблюдал. Не мог удержаться, наблюдал, наблюдал. Старался не дышать. Но я — не кукловод, Кевин. Я не делаю так, чтобы что-то случилось. Так не получается».

Lomax: «What'd you do to Mary Ann?» — «Что ты сделал с Мэри-Энн?»

Milton: «Free will. It's like butterfly wings. Once touched, they never get off the ground. I only set the stage. You pull your own strings.» — «Свобода воли. Это как крылышки бабочки. Прикоснешься к ним, и они уже никогда не оторвутся от земли. Я только организую обстоятельства. Вы же сами дергаете за свои струны».

Lomax: «Who are you?» «Кто ты?»

Milton: «Who am I? Who are you? Never lost a case.» — «Кто я? А кто ты? Ни разу не проиграл ни одного дела.»

Lomax: «Why?» — «Почему?»

Milton: «Why do you think? Because you're so ... good. Yes. But why?» — «В самом деле, почему? Потому что ты такой ... хороший. Да. И все же почему?»

Lomax: «Because you're my father?» — «Потому что ты — мой отец?»

Milton: «I'm a little more than that, Kevin. Awfully hot in that courtroom, wasn't it? [recollects the conversation between reporter Larry and Kevin in the court's toilet] 'It was a nice run, Kev. Had to close out some day. Nobody wins them all.'» — «Больше, чем это, Кевин. Ужасно жарко было в том зале суда, правда? (напоминая разговор между репортером Лэрри и Кевином после заседания) Здорово все прошло, Кевин. Когда-нибудь надо это закончить. Все дела выиграть невозможно».

Lomax: «What are you?» — «Кто же ты?»

Milton: «Oh, I have so many names.» — «О, у меня так много имен».

Lomax: «Satan.» — «Сатана.»

Milton: «Call me Dad.» — «Зови меня папа».

Lomax: «I know what you did. You set me up.» — «Я знаю, что ты сделал. Ты меня настроил».

Milton: «That day on the subway, what did I say to you? What were my words to you? Maybe it was your time to lose. You didn't think so.» — «В тот день в метро, что я тебе сказал? Какие слова я тебе сказал? Может быть, в этот раз тебе нужно проиграть. Ты не согласился».

Lomax: «Lose? I don't lose. I win! I win! I'm a lawyer! That's my job. That's what I do!» — «Проиграть? Я не проигрываю. Я выигрываю! Я выигрываю! Я — юрист. Это — моя работа. Вот что я делаю!»

Milton: «I rest my case. Vanity is definitely my favorite sin. Kevin, it's so basic. Self-love. The all-natural opiate. You know, it's not you didn't care for Mary Ann, Kevin, it's just that you were a little more involved with someone else — yourself.» — «Мне можно отдохнуть. Тщеславие — мой любимый грех. Кевин, это же самое основное. Любовь к себе. Самый естественный наркотик. Знаешь, это не то, чтобы ты не любил Мэри-Энн. Просто, Кевин, ты был больше увлечен кем-то другим — собой».

Lomax: «You're right. I did it all. I let her go.» — «Да, ты прав. Я все это сделал. Я дал ей уйти».

Дьявол напоминает герою, что можно было вовремя одуматься и отказаться от неестественного везения. Но даже и в этот момент Кевин восклицает: «Я выигрываю!». Перед нами пример искусной манипуляции: дьявол вынуждает

человека повторить формулу сделки. После этого дьявол становится ироническим морализатором, доказывая, что в основе сделки лежит человеческий эгоизм. Герою остается только признать свое поражение. Этот фильм особенно значим в контексте американской культуры, сориентированной на успех как главный показатель жизни человека. В обществе четко осознается опасность достижения успеха любой ценой, и поэтому вырабатываются социальные механизмы балансировки между необходимостью активно осваивать мир, развивать новые технологии (в этом американцев убеждать не надо!) и ценой, которую нужно платить за успех и прогресс (здесь соединяются усилия представителей религии, искусства, общественных движений). Тема сделки с дьяволом раскрывается во многих сюжетах — от легенды о докторе Фаусте до современных мифов о продаже души за возможность клонироваться либо перейти в другую телесную оболочку и снова стать молодым. На мой взгляд, идея продажи души несовместима с религиозным сознанием: получается, что душа является некоторой сущностью, которой тело может распоряжаться. Было бы понятно, если бы душа как сущность высшего порядка, данная Творцом смертному человеку, могла менять тела. Что же тогда в человеке является источником разума, воли и чувств, если душу при этом можно потерять или продать? Впрочем, нелогичность и некоторая доля иррациональности является органичной частью человеческого сознания и поведения, и это в полной мере относится к архетипическим концептам.

ВРАЖЕСКИЙ ЗАГОВОР Другим архетипическим концептом, связанным с инициацией, является идея враждебного заговора.

Этот концепт бытует в религиозном, политическом и обыденном сознании. Его инвариантные характеристики сводятся к следующим представлениям: 1) всегда существуют враги, цель которых — уничтожить нас, 2) у врагов есть определенный глобальный план нашего порабощения и уничтожения, 3) враги маскируются и пытаются нас обмануть. Вариативные характеристики данного концепта — обличья врагов (от дьявола до любых соперников), способы реализации враждебного заговора (физическое уничтожение, духовное порабощение, растление и т. д.), способы маскировки (попытки втереться в доверие, образ «ложного друга», и отсюда особая бдительность по отношению к друзьям). Концепт враждебного заговора служит цели консолидации коллектива, поэтому враги должны быть, они должны быть достаточно сильными (в идеальном варианте они опираются на сверхъестественную поддержку), их необходимо обнаруживать и публично казнить.

Глобальный вражеский заговор составляет тайну, но она так или иначе становится известной: враги, например инопланетяне, похищают некоторых людей и раскрывают им свои планы колонизации земли, пытаясь превратить их в своих сторонников, или чудесным образом обнаруживаются секретные документы врагов, опубликованные для внутреннего пользования, или отважные герои находят ключ к тайнам врагов. Интересен в этом смысле фильм «Матрица» — «The Matrix». Приведем фрагмент скрипта — разговор между Морфеусом, опытным взломщиком компьютерных программ, и Нео, молодым хакером, которому предназначено выполнить особую миссию — избавить мир от контролирующей всех суперпрограммы:

MORPHEUS As children, we do not separate the possible from the impossible which is why the younger a mind is the easier it is to free while a mind like yours can be very difficult. — Пока мы дети, мы не отделяем возможное от невозможного, вот почему чем моложе разум, тем легче его освободить, а вот твой разум освободить гораздо труднее.

NEO Free from what? — Освободить отчего?

MORPHEUS From the Matrix. — От Матрицы.

Neo looks at his eyes but only sees a reflection of himself. — Нео смотрит ему в глаза, но видит только собственное отражение.

MORPHEUS Do you want to know what it is, Neo? — Ты хочешь знать, что это, Нео?

Neo swallows and nods his head. — Нео делает глотательное движение и кивает.

MORPHEUS It's that feeling you have had all your life. That feeling that something was wrong with the world. You don't know what it is but it's there, like a splinter in your mind, driving you mad, driving you to me. But what is it? — Это чувство, которое у тебя было всю жизнь. Чувство, что в мире что-то не так. Ты не знаешь, что это, но оно есть, как заноза в разуме, оно сводит тебя с ума. Оно привело тебя ко мне. Что же это?

The LEATHER CREAKS as he leans back. — Кожа скрипит, когда он откидывается назад.

MORPHEUS The Matrix is everywhere, it's all around us, here even in this room. You can see it out your window, or on your television. You feel it when you go to work, or go to church or pay your taxes. It is the world that has been pulled over your eyes to blind you from the truth. — Матрица везде, она вокруг нас, даже в этой комнате. Ты видишь ее из окна или по телевизору. Ты чувствуешь ее, когда идешь на работу, или в церковь, или платишь налоги. Это мир, который наброшен на твои глаза, чтобы ты не мог видеть правду.

NEO What truth? — Какую правду?

MORPHEUS That you are a slave, Neo. That you, like everyone else, was born into bondage... kept inside a prison that you cannot smell, taste, or touch. A prison for your mind. — Что ты — раб, Нео. Что ты, как и все, родился в неволе... тебя держали в тюрьме, которую нельзя пощупать, попробовать на вкус или запах. В тюрьме для твоего разума.

Морфеус называет невидимого вездесущего врага — Матрицу (в архаическом сознании дать врагу имя — значить установить над ним контроль). Далее он пытается определить Матрицу — то, что перед глазами (т. е. нечто кажущееся, ненастоящее), то, что мешает тебе увидеть и почувствовать правду, то, что лишает свободы.

Способы маскировки и поисков замаскированного врага особенно детально концептуализируются в политическом дискурсе тоталитарного общества. В романе Дж. Оруэлла «1984» дети ведут охоту на всех подозрительных типов, сообщая полиции о своих наблюдениях:

With those children, he thought, that wretched woman must lead a life of terror. Another year, two years, and they would be watching her night and day for symptoms of unorthodoxy. Nearly all children nowadays were horrible. What was worst of all was that by means of such organizations as the Spies they were systematically turned into ungovernable little savages, and yet this produced in them no tendency whatever to rebel against the discipline of the Party. On the contrary, they adored the Party and everything connected with it. The songs, the processions, the banners, the hiking, the drilling with dummy rifles, the yelling of slogans, the worship of Big Brother — it was all a sort of glorious game to them. All their ferocity was turned outwards, against the enemies of the State, against foreigners, traitors, saboteurs, thought-criminals. It was almost normal for people over thirty to be frightened of their own children. And with good reason, for hardly a week passed in which The Times did not carry a paragraph describing how some eavesdropping little sneak — «child hero» was the phrase generally used — had overheard some compromising remark and denounced its parents to the Thought Police (G. Orwell).

Несчастливая женщина, подумал он, жизнь с такими детьми — это жизнь в постоянном страхе. Через год-другой они станут следить за ней днем и ночью, чтобы поймать на идейной невыдержанности. Теперь почти все дети ужасны. И хуже всего, что при помощи таких организаций, как разведчики, их методически превращают в необузданных маленьких дикарей, причем у них вовсе не возникает желания бунтовать против партийной дисциплины. Наоборот, они обожают партию и все, что с ней связано. Песни, шествия, знамена, походы, муштра с учебными винтовками, выкрикивание лозунгов, поклонение Старшему Брату — все это для них увлекательная игра. Их травливают на чужаков, на врагов системы, на иностранцев, изменников, вредителей, мыслепреступников. Стало обычным делом, что тридцатилетние люди боятся своих детей. И не зря: не проходило недели, чтобы в «Таймс» не мелькнула заметка о том, как юный соглядатай — «маленький герой», по принятому выражению, — подслушал нехорошую фразу и донес на родителей в полицию мыслей (Перевод В. Голышева).

Поиск замаскированных врагов превращает жизнь в постоянную вахту и требует неусыпного внимания к любым отклонениям от стереотипов. Нормой является в таком случае акцентированная и часто экзальтированная демонстрация лояльности. Параноидальная подозрительность является неизбежным след-

ствием жизни в условиях поиска врагов. Если сделку с дьяволом можно трактовать как конструктивный по своей сути концепт, поскольку такая сделка является проверочной инициацией, консолидирующей сообщество (понятно, что при всей заманчивости идти на такую сделку не следует), то враждебный заговор — это деструктивная программа сообщества, переживающего кризис, своего рода концепт саморазрушения как индивидуума, так и коллектива.

Приведенные примеры показывают нам универсальные характеристики архетипических концептов — их легкую усваиваемость, активное распространение, переход в иные сферы общения. Эти концепты весьма разнообразны, как и разнообразен опыт коллективного бессознательного, в этом смысле представляет интерес выделение универсальных, этнокультурных и социокультурных архетипических концептов.

1.4. Эволюция и инволюция концептов

Лингвокультурные концепты — ментальные образования, получающие воплощение в языке, — подвержены изменениям. Эти изменения в известной мере соответствуют описанным в лингвистической литературе процессам расширения, сужения и модификации значения слов. Но поскольку концепты являются фактами индивидуального и коллективного сознания, представляется правомерным рассматривать смысловые изменения в двух аспектах: соотношение между индивидуальным и коллективным пониманием концепта и между исходным и развивающимся содержанием концепта.

Динамика смысла в интервале между индивидуальным и коллективным пониманием концепта представляет собой движение от синкретичного, размытого и нечеткого ментального образования к относительно определенному коллективному содержательному минимуму и затем — в определенных сферах бытия и общения — к глубокому и вариативному осмыслению действительности в индивидуально-авторском сознании. А. А. Потебня говорил о движении от ближайшего к дальнейшему значению слова, имея в виду уточнение коллективного смысла множеством конкретных деталей, осознанных и переживаемых человеком в той сфере, где соответствующий фрагмент опыта освоен более детально, чем другие фрагменты опыта. Коллективное осознание в силу своей природы выбирает минимум содержательных признаков, посредством которых действительность фиксируется в памяти. Это осознание противопоставлено двум типам индивидуального осмысления реальности — синкретичному и дифференцированному. Синкретичная концептуализация свойственна ребенку, когда

тот или иной фрагмент действительности характеризуется максимальной широтой и гибкостью ассоциаций, дифференцированная концептуализация свойственна представителю интеллектуальной элиты, обладающему способностью и умением артикулировано выражать понимание множества оттенков смысла. На уровне обиходного общения человеку достаточно содержательного минимума или даже указания либо замещения этого минимума синкретичным образованием (обычно используется междометие или его эквивалент). На уровне бытийного общения необходим тонко дифференцированный концептуальный аппарат, свойственный мелкаячеистому типу сознания и вырабатываемый путем специального обучения.

Динамика смысла в интервале между исходным и развивающимся содержанием концепта проявляется как эволюция и инволюция концепта, т. е. смысловое расширение и сжатие. Мы говорим об эволюции концепта, если концептуализируемая область важна для языкового сообщества, если имеется потребность подробно и дифференцированно обозначать оттенки концепта. В современной действительности, например, очень детально обозначаются и осмысливаются разновидности различных технических устройств. Это явление соотносимо с фактом семантической или номинативной плотности концептов. Обратное движение имеет место в том случае, когда та или иная сфера действительности уходит из круга важнейшего ежедневного бытия людей. Так, например, в сознании многих современных горожан — носителей русской лингвокультуры теряется смыслоразличительный потенциал, свойственный миру живой природы вокруг нас. Мы слабо ориентируемся в названиях растений, рыб, птиц, воспринимаем обозначения масти лошадей (*гнедой, буланый, каурый* и др.) только как знак тематической отнесенности. Такое растворение смысла представляет собой инволюцию концепта.

Эволюция предметных концептов проявляется в случае переосмысления значения и функциональных характеристик того или иного объекта, как неодушевленного, так и одушевленного. Например, возникла необходимость уточнять тип часов — механические, кварцевые либо электронные. В этом смысле концепт «механические часы» представляет собой выражение пресуппозиции, которая раньше была само собой разумеющейся, хотя люди знали, что часы могут быть песочными, солнечными и водяными, помимо механических. Аналогичным образом мы теперь противопоставляем электрическую и акустическую гитары. Развитие медицины привело к тому, что концепт «мать» получил уточнение — в сознании носителей современной культуры противопоставляются женщины, рождающие ребенка естественным образом, и женщины, в силу особых причин передающие эмбрион для вынашивания другой женщине. В совре-

менном сознании дифференцируются родители, давшие жизнь детям и воспитавшие чужих детей как своих собственных (в первом случае используется концепт «биологические родители», подразумевается, что они не приняли участия в воспитании детей).

Инволюция предметных концептов связана с уходом из нашей практики определенных предметов. Это касается, например, артефактов. Представители современного поколения вряд ли смогут объяснить, что такое примус и керогаз, башлык и гимнастерка. Мы читаем у А. С. Пушкина, что Онегин пригласил Ольгу в котильон, и это вызвало ярость у Ленского. В словаре иностранных слов находим, что это был своеобразный танец-игра, состоящий из серии элементов. Остается только догадываться, почему Ленский не смог вынести того, что его приятель пригласил Ольгу на этот танец. А. Б. Пеньковский разъясняет это темное место в «Евгении Онегине» следующим образом. Бал как ритуализованная форма праздника жестко регламентировал и количество, и стилистику, и порядок танцев. Бал открывался полонезом, за которым следовали вальс, мазурка, французская кадрили и котильон. Котильон был последним танцем и длился до двух часов и более, давая возможность партнерам проявить свои чувства друг к другу. Бестужев-Марлинский называл этот танец «двухчасовою жеманью», потому что каждая пара испытывает в нем все выгоды и невыгоды брачного состояния». Владимир Ленский не может спокойно видеть, как его предатель-друг и изменница-возлюбленная танцуют и радуются, при этом бесконечный котильон завершает бал, и значит, поговорить с Ольгой уже не удастся [Пеньковский 2005: 160].

Воссоздание предметных концептов в полной мере невозможно, лишь историки и культурологи могут рассказывать о них, неизбежно допуская искажения. В художественной литературе, живописи и кинематографии ушедшие предметные концепты реконструируются. Однако в массовом сознании они воспринимаются только как декоративный фоновый компонент сюжета. В ряде случаев намеренная абберация предметных концептов служит специальным приемом для построения яркой авторской метафоры. Так, например, в фильме Анджея Вайды по мотивам романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» Иуда звонит в органы власти по телефону-автомату, сообщая о подозрительном проповеднике-революционере, и когда разговор заканчивается и трубка вешается на место, из щели «Возврат монет» вылетают 30 сребреников — плата за предательство. Разумеется, вместо серебряных шекелей или тетрадрахм герой получает имевшие хождение в наше время марки ФРГ.

Эволюция абстрактных концептов проявляется как расширение и детальное усложнение в коллективном сознании тех или иных идей, которые ранее

были достоянием отдельных личностей. Например, экология как система знаний об окружающей среде и понимание необходимости принимать определенные меры для защиты этой среды — это явление сравнительно новое. Так, отношение к крупным диким животным в истории человечества осмысливалось в нескольких аспектах — эти животные воспринимались как угроза для жизни, либо как пища, либо как проявление красоты и величественности природы. Экологический подход к животным привел к выделению новых идей, которые дополняют ранее существующие.

Абстрактные концепты включают не только теории, но и характеристики бытия. Широкое распространение компьютеров в современной жизни привело к тому, что характеристики виртуальной действительности и принципы функционирования компьютеров стали расширительно переноситься на реальную жизнь. Например, известно, что в случае программного сбоя, зависания компьютера его нужно перезагрузить. Идея самовосстановления ситуации стала применяться к тем обстоятельствам, которые не подлежат подобному возвращению на исходные позиции. Это касается, прежде всего, человеческих отношений. В художественной литературе и кинематографии распространились сюжеты, включающие в качестве ключевых эпизодов манипулирование с памятью людей — героям стирают память или в их память механически вносятся какие-то новые данные. Это явление можно было бы обозначить как инструментальную экспансию — людям свойственно расширительно трактовать функции инструментов, метафорически перенося их на новые области и забывая о границах приложения той или иной метафоры.

Инволюция абстрактных концептов имеет место в случае растворения определенных идей или теорий, осмысленных под именем того или иного концепта. Носители современной русской культуры вряд ли знают, в чем состоит суть старообрядчества как религиозной ереси или троцкизма как политического течения. Абстрактные концепты проходят несколько стадий в своем развитии: вначале они представляют собой взаимосвязанную систему взглядов одного человека или нескольких людей, затем эти взгляды приобретают форму концепции или вероучения и начинают транслироваться, неизбежно упрощаясь. В составе каждого концепта есть ценностная составляющая, благодаря которой концепт и возникает. Специфика абстрактных концептов состоит в том, что по мере их распространения в обществе, их оценочная составляющая начинает гипертрофически разрастаться, вытесняя понятийную и образную составляющие. Так, например, концепт «демократия» в своем исходном содержании характеризует особый тип государственного устройства в Древней Греции, когда власть принадлежала демосу — свободным жителям страны, которым противо-

поставлялась аристократия, с одной стороны, и рабы, с другой. Демос составлял большинство. Со временем демократия стала обозначать систему демократических институтов и процедур, обеспечивающих выборную власть в лице представителей народа. В сознании носителей современной американской культуры концепт «демократия» превратился в недифференцированное оценочное образование, содержанием которого является положительная оценка американского образа жизни (демократия — это свобода, равные права, защита граждан государством и т. д.) [Филиппова 2007]. Инволюция абстрактных концептов заключается в том, что они либо становятся достоянием узкого круга специалистов, либо превращаются в расплывчатые образования с оценочным знаком. Этот знак может быть отрицательным («терроризм») или положительным («демократия»). Если предметные концепты исчезают вместе с исчезающими предметами, то абстрактные концепты могут возрождаться, когда возникает интерес в обществе к тем или иным идеям. Так, например, в разные периоды истории люди испытывают интерес к астрологии, хиромантии, различным мистическим практикам. Затем этот интерес гаснет и через некоторое время избирательно возрождается.

Наряду с предметными и абстрактными концептами существуют регулятивные концепты, содержанием которых являются нормы поведения. Определенные качества людей стабильно оцениваются как положительные или отрицательные (смелость и трусость, щедрость и скупость, ум и глупость), другие качества обнаруживают динамику в меняющемся мире.

Говоря об эволюции регулятивных концептов в англоязычной культуре, приведем резкое изменение отношения к женщинам и представителям расовых и национальных меньшинств. Идеологи постиндустриального общества активно внедряют в сознание населения правила политкорректности. Эти правила состоят в подчеркнутом признании равенства всех граждан страны и упреждающем устранении любой дискриминации по отношению к меньшинствам. Такая установка направлена на гармонизацию отношений в обществе, хотя в ряде случаев эти регулятивные нововведения выглядят необычно и странно. Например, рекомендуется менять гендерно маркированные слова на нейтральные: *chairman* — *chairperson*, *housewife* — *homemaker*. В немецком языке существительные, обозначающие человека, в официальных документах приводятся с двойными суффиксами — мужского и женского рода.

Эволюционирует отношение к врагу. Архаичное отношение к врагам, закрепленное в фольклорных текстах, является утилитарным по своей сути: врага следует уничтожить или, по крайней мере, проучить. Враг осмысливается как опасное живое существо, от которого нельзя ждать пощады. Такое осмысление

возникло не на пустом месте, поскольку древние войны были большей частью войнами, направленными на лишение противника всех ресурсов, на завоевание территории, на уничтожение всех тех, кто оказывал сопротивление. Плен и рабство явились шагом вперед в том плане, что у побежденных появилась возможность остаться в живых.

Эволюционировало и отношение к пленникам: победители рассматривали их как рабочую силу, как денежный эквивалент для возможного выкупа, как символический капитал, свидетельствующий о могуществе. Представители побежденной стороны относились к своим солдатам, попавшим в плен, двояко: с позиций повседневной обычной жизни таких людей жалели, желали им освобождения, встречали их с радостью, с позиций идеологических канонов пленники считались предателями, потерявшими честь и сохранившими жизнь ценой унижения. Известно, что существовал неписанный кодекс офицерской чести, согласно которому офицер не должен был сдаваться живым. Этот кодекс действовал вплоть до Второй мировой войны. Много, конечно, зависело от конкретных обстоятельств: Петр Первый устроил пир после победы над шведами, и побежденные (по-видимому, не рядовые) были на этом пиру почетными гостями. В дальнейшем была выработана международная конвенция об отношении к пленным. Тот факт, что эта конвенция неоднократно нарушалась, не перечеркивает ее значимость. В условиях ожесточенной войны отношение к пленению резко меняется в худшую сторону. Примером может послужить известный Приказ Ставки Верховного Главного Командования Красной Армии «Об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия» № 270 от 16 августа 1941 года, в котором сказано:

1. Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров. Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава.

2. Попавшим в окружение врага частям и подразделениям самоотверженно сражаться до последней возможности, беречь материальную часть как зеницу ока, пробиваться к своим по тылам вражеских войск, нанося поражение фашистским собакам. Обязать каждого военнослужащего независимо от его служебного положения потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, и если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдать в плен — уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи (www.hronos.km.ru).

Этот текст показателен как документ, выражающий нормы общества по отношению к врагам и своим. Обратим внимание на дифференциацию карательных мер по отношению к семьям командиров и политработников и семьям рядовых красноармейцев.

Радикальное изменение в отношении к врагу выражено в евангельском требовании: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Матф., 5: 44). Это требование осталось недостижимым идеалом. Декабрист Кондратий Рылеев писал:

Прощаешь ты врагам своим —
Я не знаком с сим чувством нежным
И оскорбителям моим
Плачу отмщеньем неизбежным.

Существенное изменение в отношении к врагу возникло в рыцарском кодексе чести. Враг воспринимался как соперник, поединок с ним был элементом рыцарского турнира, и по правилам рыцарской чести нельзя было бить лежащего врага. Следует отметить, что победитель, помогая встать поверженному сопернику, делал это не из соображений сострадания, а «по правилам игры», по канону рыцарского поведения.

Эволюционировало и отношение к врагу во время вооруженного столкновения. Исходная позиция состояла в том, что в борьбе все средства хороши. Наличие преимущества в бою считалось плюсом. Герой мог быть неуязвимым, и это несколько не снижало радость его победы. Заколдованное оружие или ороговевшая кожа, которую не пробивает сталь, не осуждаются в фольклорных текстах. Рыцарский кодекс требовал равенства участников поединка, если выяснялось, что победитель имел преимущества либо действовал нечестно, он терял уважение [Карасик 2002: 41–42].

В толковом словаре русского языка концепт «враг» определяется следующим образом: 1. Тот, кто находится в состоянии вражды (вражда — отношения и действия, проникнутые неприязнью, взаимной ненавистью), борьбы с кем-л.; противник. 2. Военный противник, неприятель. 3. Принципиальный противник чего-л. 4. О том, что приносит вред, зло. 5. *разг.* Дьявол, черт [БТС]. Основу содержания этого концепта составляет чувство ненависти. В ассоциативном словаре русского языка самой частотной является ассоциация «враг народа» [РАС]. Эволюция норм поведения, закодированных в содержании концепта «враг», состоит в разрастании идеологического компонента этого компонента, с одной стороны, и постепенном признании врага человеком, с другой сторо-

ны, однако в ситуации смертельной угрозы враг воспринимается как дикий или бешеный зверь.

Интересное наблюдение, касающееся эволюции регулятивных концептов, приводит Е. Г. Гусар: в сознании носителей русской культуры произошло замещение концепта «авось» концептом «халява». Общим содержание этих концептов является желание получать желаемое бесплатно, отличие состоит в замене пассивной иррациональности рациональным подходом в деле добывания халявы. «Божий промысел не устоял перед напором деятельного стяжателя» [Гусар 2003: 76]. Этот вывод говорит о принципиальной смене ориентиров — с позиции созерцателя на позицию деятеля — и согласуется с наблюдениями социологов, считающих, что стереотипные представления о соборности и созерцательности русского народа не соответствуют сегодняшней действительности.

К числу уходящих регулятивных концептов в русской лингвокультуре относится кротость: кроткий — незлобивый, уступчивый, покорный [БТС]. Этот концепт выражает нормы поведения, резко противоречащие утилитарным нормам выживания в условиях борьбы за существование. В своей основе этот концепт является религиозным предписанием. На практике кротость часто была показной. В советское время приветствовалась инициатива людей, направленная на всеобщее благо и на личное счастье («и хочется счастья добиться» — не дожидаться, а именно добиться). В наше время на первый план выступает борьба за личное благосостояние — модус существования общества, живущего по законам рыночной экономики. Соответственно, кротость как нравственный ориентир поведения людей, образцом которых выступает князь Мышкин, вызывает насмешку подавляющего большинства населения нашей страны. Имя этого концепта практически неизвестно школьникам, в качестве реального имени для данного поведения чаще всего выбирается слово «забитый». Инволюция регулятивных концептов отражает смену ориентиров поведения в обществе.

Резюмирую. Лингвокультурные концепты подвержены эволюции, состоящей в смысловом расширении, и инволюции, которая проявляется как смысловое сжатие. Эволюция предметных концептов представляет собой перенос характеристик прежнего объекта на новый, при этом прежний объект получает дополнительное уточняющее наименование. Инволюция таких концептов протекает как размывание их семантики, их содержание превращается в отсылку к некоторой предметной области. Эволюция абстрактных концептов проявляется как распространение индивидуальных представлений в смысловое пространство всего сообщества и создание новых моделей осмысления действительности. Инволюция этих концептов представляет собой растворение их предметно-образного содержания и разрастание их оценочного компонента. Эволюция регулятив-

ных концептов состоит в повышении значимости определенных норм поведения, возникновении новых норм на основе прежней типовой ситуации. Инволюция этих концептов имеет место в случае изменения оценочной картины мира, в которой определенные образцы поведения становятся неактуальными.

1.5. Концептуарий культуры как новый тип словаря

Изучение лингвокультурных концептов вышло на такой уровень, когда вполне реальной задачей становится создание концептуария культуры — словаря нового типа, объясняющего не значения слов (это делается в обычных толковых словарях), не научные понятия и реалии действительности (таковы функции энциклопедических справочников), а концепты, составляющие специфику определенной культуры. Разумеется, культурные концепты можно раскрывать и в форме свободно построенных очерков-размышлений, как это, например, блестяще делает Г. Д. Гачев [1995]. Но упорядоченность концептов по алфавитному принципу дает возможность читателю, с одной стороны, сравнивать интерпретации одних и тех же концептов у разных авторов (конечно, речь идет о читателе особого типа — читателе-исследователе), а с другой стороны, начинать чтение такой книги в любом месте (такова наша сегодняшняя ментальность, обусловленная жизнью в гипертексте, постмодернистским восприятием действительности, привычкой к тому, что хаотическую информацию мы должны упорядочивать сами: неслучайно все чаще появляются учебные, научные и художественные произведения в виде словарей).

«Словарь русской культуры» Ю. С. Степанова — замечательный пример систематизации ценностей культуры, которые заложены в концептах. Эта книга интересна не только глубоким анализом тех сконцентрированных смыслов духовной культуры, которые составляют специфику русской ментальности, но и эксплицитно выраженной методологией изучения концептов. Автор постулирует наличие базовых концептов культуры — ее констант, число которых сравнительно невелико (четыре-пять десятков), отмечает, что эти константы исторически обусловлены и постепенно эволюционируют (в них есть неизменная и переменная части), раскрывает смысл каждого концепта по единому плану, включающему этимологию слов, словоупотребления и толкования слов и понятий, зафиксированные в разных текстах, доказывает объективность существования концептов. Очень важным является тезис о трехслойной структуре концепта, в котором выделяются «1) основной актуальный признак, 2) дополнительный, или

несколько дополнительных, «пассивных» признаков, 3) внутренняя форма, обычно не осознаваемая, запечатленная во внешней, словесной форме» [Степанов 1997: 44]. Этот тезис иллюстрируется примером праздников — 23 февраля и 8 марта, мужского и женского дней (по основному признаку), Дня Советской Армии и Международного женского дня (по дополнительному признаку) и даты победы Красной Армии под Нарвой и Псковом над войсками Германии в 1918 году и даты, установленной Коминтерном по инициативе Клары Цеткин (по внутренней форме).

Ю. С. Степанов доказывает положение о неслучайности именовании в культуре. Дело в том, что весьма распространена точка зрения, согласно которой признак, положенный в основу номинации в известной мере релятивен, поскольку объективная действительность многомерна, а знак может охарактеризовать лишь один из многих признаков называемого предмета (примеры хрестоматийны: один и тот же цветок называется «подснежник», «снежная капелька», «снежный колокольчик» и т. д. в разных языках). Действительно, тезис Ф. де Соссюра о произвольности знака справедлив в условиях реального функционирования знака в речи, в синхронии (в нормальном естественном общении мы не задумываемся над происхождением знака, важно лишь, чтобы адресат понимал нас адекватно). Но анализируя этимологию слов, мы видим, что существуют принципы именования, отражающие сущность явлений, с точки зрения тех сообществ, в которых возникла необходимость выделить и обозначить эти явления. Для понимания закономерности именования концепта, по мнению Ю. С. Степанова, необходимо учитывать «концептуализированную предметную область», объединяющую слова, вещи, мифологемы и ритуалы [там же: 68].

Очень важен и тезис автора о границах познания концептов [там же: 75–76]. С одной стороны, значения относительно в том плане, что они не только интерпретируют действительность, но и связаны с ближайшими значениями, т. е. имеют определенную значимость в рамках некоторой системы. Чем больше единиц в этой системе, тем более относительна значимость каждой единицы. Таким образом, происходит смысловое размывание значения в нашем сознании. Здесь, на мой взгляд, очень точно подмечена специфика бытования концепта в сознании человека (речь идет о познании, осознании концептов): мы довольствуемся приближениями, неточными знаками в большинстве коммуникативных ситуаций, прежде всего в обыденном общении. С позиций абсолютной точности обозначения действительности, как сказал Ф. И. Тютчев, «мысль изреченная есть ложь». С другой стороны, понимание концепта во всей его полноте не может быть описано, поскольку дискурсивные понятия неизбежно упрощают духовную реальность, индивидуально переживаемые смыслы принци-

пиально неисчислимы, к ним можно приближаться только апофатически, через отрицание. Итак, пределы познания концептов лежат в индивидуальном сознании, они объясняются приблизительностью обозначения и невозможностью перевести перцептивно-образную эмоциональную бесконечность смыслов в дискретные понятия. Лингвокультурный концепт, однако, должен быть доступен не только индивидууму, но и сообществу, следовательно, он объективируется как в текстах культуры, так и в исследовательских конструктах, построенных на базе этих текстов. Степень объективности этих конструктов открыта для обсуждения в научном сообществе.

В рассматриваемой книге Ю. С. Степанова дано развернутое описание базовых концептов русской культуры «вечность», «мир», «время», «огонь» и «вода», «хлеб», «действие», «ремесло», «слово», «вера», «любовь», «радость», «воля», «правда» и «истина», «знание», «наука», «число», «счет», «письмо», «алфавит», «закон», «свой» и «чужие», «цивилизация», «человек», «личность», «душа», «мир (община)», «совесть», «нравственный закон», «мораль», «деньги», «бизнес», «страх», «тоска», «грусть», «печаль», «грех», «дом», «уют», «язык». Обсуждаются также и производные, небазовые концепты, такие, как «баба-яга», «партийность», «двоеверие», «интернационализм» и др.

Так, например, говоря о концепте «уют», весьма важном в современном русском быту, автор отмечает, что этот концепт появился сравнительно недавно, восходит к идее «своего», «только себе принадлежащего небольшого пространства, отгороженного от внешнего мира, где веют ветры и происходят какие-то волнения, как защищенного «уголка», где тепло, где покой и не спуют посторонние люди» [Степанов 1997: 694]. Этимологически «уютный» значит «в щелке приткнувшийся». Понятие «уюта» объединяет две линии — представления об уютном крестьянском или мещанском доме и о комфорте дворянского быта. В дворянском интерьере также прослеживается тенденция утесняться. В современной молодежной культуре на первый план выходит идея удобства, комфорта. Приведенные в книге примеры иллюстрируют идею о гармонии и спокойствии как основе уюта, человеку уютно в своих воспоминаниях о детстве. Ю. С. Степанов прав, подчеркивая ретроспективную сущность концепта «уют» в современном русском языковом сознании. Принципиальной позицией автора является обоснование права исследователя максимально использовать свой собственный интроспективный опыт для характеристики концептов: духовная культура живет в индивидуальном сознании.

Данные «Русского ассоциативного словаря» подтверждают наблюдения Ю. С. Степанова: современные информанты дают такие ассоциации, как «тепло», «удобство», «любовь», «мама», «покой», «свечи», «семья», «очаг», «тихий»,

«постель», «столик» [PAC]. В английском языке соответствующий русскому концепту «уют» концепт «coziness» акцентирует примерно такие же эмоциональные и пространственные признаки: *cozy — comfortable, pleasant and inviting, esp. (of a building) because small and warm. He showed me into a warm and cozy room. (disapproving) cozy also means convenient for those involved but considered by others as too close, esp. when referring to a personal or business relationship. Construction companies are used to a cozy relationship with the government [CIDE]*. Ближайший синоним этого слова в английском языке *snug* подчеркивает эти же признаки: *(of a person) feeling warm, comfortable and protected, or (of a place, esp. a small place) giving feelings of warmth, comfort and protection. Snug also means fitting closely: That green skirt is a snug fit now but if I put on any weight I'll never be able to get into it [CIDE]*. Мы видим, что по данным толкового словаря для англичан в концепте «уют» актуальна идея тепла, ограниченного пространства (тесного пространства, как подчеркивается в уточняющем синониме) и защищенности, при этом в коллективном сознании отрицательно оценивается стремление и умение некоторых людей установить для себя чересчур благоприятные и комфортные условия деятельности или взаимоотношений с кем-либо. В этой оценке можно увидеть следы пуританской этики. Для англичан актуальны признаки физического тепла (что и неудивительно с учетом извечной английской сырости) и защищенности, известная шутливая английская поговорка свидетельствует о близости исходного русского этимологического образа «уют» и английского понимания уюта: *As snug as a bug in a rug — «(уютно) устроился, как клоп в половичке»*.

Интересно развитие идеи уюта в немецком языке. Слово *Gemutlichkeit* — «уют» — связано со словом *Gemut*, а последнее — со словом *Mut*: «мужество, смелость, отвага; расположение духа, настроение, самочувствие». Рассматривая концепт «*Gemut*» в немецком языке, Е. А. Пименов [2002] доказывает, что это ментальное образование является гиперонимом для всего комплекса психических (эмоциональных и умственных) явлений — души, духа, ума. У этого концепта выделяются признаки внутреннего спокойствия (*Gemutsmensch* — человек, которого нельзя вывести из себя), души (*Gemutskrankheit* — душевная болезнь), пространственные признаки поверхности, глубины, открытости, внутреннего пространства, положения, пустоты, заполненности, подчеркивается внутреннее состояние человека (*ein sonniges Gemut* — букв. «солнечное мироощущение») [там же: 80–82]. Для англичан, как можно заметить, этот концепт имеет очень конкретное, физическое выражение, по-русски мы выделяем скорее душевный комфорт, связанный с домом, родным уголком, немцы же понимают этот концепт как устойчивое приятное состояние души.

Заслуживает внимания лингвокультурологический словарь «Русское культурное пространство». Авторы этой книги во вводной статье формулируют принципы описания и структурирования материала, представленного в словаре. Во-первых, этот словарь является не прескриптивным, а дескриптивным справочником, в нем дана информация о том, что реально знает любой представитель русского национально-лингвокультурного сообщества, а не о том, что он должен знать. Во-вторых, авторы словаря стремились максимально снизить уровень субъективности при отборе материала и поэтому в основном опирались не на интроспекцию, а на данные анкетирования и тексты средств массовой информации и художественной литературы. В-третьих, авторов интересовала не энциклопедическая информация об описываемых феноменах, а реальное функционирование имени этого феномена в современном русском коммуникативном поведении (т. е. не внутренняя форма и дополнительные признаки концепта, а его актуальный признак, по Ю. С. Степанову). В-четвертых, единицы, вошедшие в словарь, описаны не изолированно, а в их взаимосвязи.

В словаре охарактеризованы феномены, являющиеся «репрезентантами русского культурного пространства», которое трактуется как «форма существования культуры в сознании человека» [Русское культурное пространство 2004: 10]. Уточняется, что прежде всего авторы рассматривают массовое сознание представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества. Ядром этого пространства является «национальная когнитивная база, понимаемая как определенным образом структурированная совокупность знаний и национально маркированных и культурно детерминированных представлений, необходимо обязательных для представителей данного сообщества» [там же: 11].

Единицы, которые составляют ядро культурного пространства, определяются в словаре как ментефакты, которые могут быть противопоставлены по признаку «информативность – образность» как знания, концепты и представления. В. В. Красных противопоставляет знания и представления по следующим признакам: знания информационны, коллективны, объективны, требуют доказательств, хранятся в «развернутом» виде, не включают коннотации и оценки, требуют интеллектуально-творческой работы, представления образны, индивидуальны, субъективны, не требуют доказательств, хранятся в «свернутом» виде, включают коннотации и оценки, требуют работы памяти. Концепты занимают в этом противопоставлении срединное место, они лишены образной прототипичности, но включают в себя коннотации [Красных 2003: 155]. Национально маркированные знания противопоставляются национально нейтральным (к первым автор относит сведения о том, что, например, жену Пушкина звали Наталья Николаевна Гончарова, а ко вторым, в частности, о том, дважды два — четыре).

Национальные концепты определяются как «самые общие, максимально абстрагированные, но конкретно репрезентируемые (языковому) сознанию, подвергшиеся когнитивной обработке идеи «предмета» в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью» [там же: 268]. В. В. Красных трактует концепты как наивные понятия, осложненные множеством прагматических элементов имени, проявляющихся в его сочетаемости. Концепт в таком понимании сопоставляется со стереотипом, отличаясь от последнего абстрактностью, связью с архетипами и отсутствием визуального прототипического образа. В свою очередь, представления распадаются на прецедентные феномены (Пушкин, «Война и мир», «Счастливые часов не наблюдают»), артефакты (предметы из сказочного мира, например «живая и мертвая вода»), духи (водяной, леший, кикимора) и стереотипы (например, стереотипный образ змеи) [там же: 155–156].

Рассматриваемый словарь состоит из четырех разделов: «Зооморфные образы» (волк, воробей, голубь, жаба и др.), «Прецедентные имена» (Баба Яга, Буратино, Василиса Премудрая/Прекрасная, Водяной и др.), «Прецедентные тексты» («Аленький цветочек», «Гадкий утенок», «Золушка», «Каша из топора» и др.), «Прецедентные высказывания» («Бог с тобой, золотая рыбка», «Кто-кто в теремочке живет?», «Утро вечера мудренее» и др.).

Приведу с некоторыми сокращениями одну из словарных статей (автор — И. С. Брилева).

ПЧЕЛА — относится к числу типичных русских мифологических образов (1); выступает как стереотипный образ (2); может употребляться для характеристики объекта (человека, предмета) (3).

1. В русском фольклоре с П. связан комплекс поверий и легенд. П. фигурирует в заговорах и магических действиях, в том числе человодческих, календарном обряде (напр.: в веснянках). В народных представлениях это насекомое наделяется священной, небесной природой (П. — Божья угодница, т.к. дает воск на свечи: «Всех людей питает / И церкви освещает»), христианской символикой. С П. связаны мотивы девственности и безбрачия. В толковании снов П. — предвестница смерти, что соотносится с поверьем о душе в образе пчелы.

2. П. — насекомое, которое «собирает» мед, опыляя цветы, и наполняет им соты. П. живет роем в ульях; издает характерный звук — жужжание; больно жалит. Бытуют представления о П. как о неутомимой труженице, приносящей пользу людям.

3. Современные русские могут назвать пчелой (пчелкой) или обращаться к образу П для характеристики:

– трудолюбивого человека (как правило женщины), который работает без отдыха, внешне легко справляется с многочисленными делами:

Ну что, пчелка, все жужжишь? Хоть бы отдохнула немного. <...>

– людей, которые живут в коллективе со строго установленным порядком, четко распределенными обязанностями:

Что вам за интерес являться с ... вашими нудными товарищами по революционной борьбе? Они — как пчелы, которым нужно сбиваться в рой и жить по правилам <...> [Русское культурное пространство 2004: 142–143].

Несомненным достоинством рассматриваемого словаря является его ясная и четкая концепция. Класс национально маркированных представлений показан с учетом мифологических корней, стереотипных образов и актуальных ассоциаций, возникающих при апелляции к этим образам. Словарь включает множество визуальных иллюстраций, и это очень важно, поскольку представления часто соотносятся с прецедентными картинками, фильмами, рекламными роликами. Видны оценочные характеристики ментефактов, позволяющие вывести нормы поведения, свойственные русской лингвокультуре. Применительно к приведенной статье это следующие нормы: 1) трудолюбие заслуживает одобрения; 2) следует в меру трудиться и в меру отдыхать; 3) следует жить в соответствии с собственными интересами (последняя норма вряд ли является традиционной для русской системы ценностей, по-видимому, это — индивидуальная, а не этнокультурная доминанта поведения). Можно было бы привести противоположные примеры, когда пчелы всем роем наказывают медведя, который залез в улей (вряд ли симпатии рассказчика на стороне медведя). Сильной стороной данного словаря является опора на экспериментальный материал, который показывает стандартное, стереотипное отношение к образам, определяющим специфику русской лингвокультуры. Тексты художественных произведений в этом плане не столь надежны, на мой взгляд, поскольку прежде всего отражают индивидуальное мировосприятие автора. В этом смысле национальные образы живут большей частью в текстах массовой культуры, в прецедентных текстах, известных всем.

На мой взгляд, словарь национальных ментефактов культуры должен быть дополнен словарем национальных концептов. Ментефакты в сопоставительном плане могут оказаться лакунарными в одной из сравниваемых культур, хотя в определенной мере эти ментальные сущности являются более гибкими и текучими, чем концепты. Например, для современных носителей русской молодежной культуры Терминатор — герой серии американских популярных фильмов — это прецедентный феномен, укорененный в мифологеме тотального заговора против человечества, его образ в исполнении Арнольда Шварценеггера стал частью нашей картины мира, подобно песням Битлз. Я сомневаюсь в том, что ментефакт «Илья Муромец» превосходит по яркости образ человека-робота из апокалиптической серии о взбунтовавшихся машинах в сознании значи-

тельного числа носителей современной русской культуры. В этом смысле словарь ментефактов в том виде, как он выполнен группой исследователей из Московского государственного университета, — это способ закрепить традиционные, возможно, уходящие образы русской культуры. Если его рассматривать именно в таком ракурсе, то этот словарь не только дескриптивен, но и предскриптивен, и в этом, кстати, его достоинство. Если когда-нибудь будет создан словарь ментефактов современной российской культуры, то можно будет сравнить доли национально-маркированных, заимствованных и национально-нейтральных ментальных образований. Обратим внимание на то, что Штирлиц, герой одного из самых популярных отечественных сериалов, стал ярким прецедентным феноменом, при этом все его поведение является двойственным, как это и положено разведчику, а эта двойственность разворачивается в немецкой культурной среде, и соответственно ряд паттернов немецкого поведения парадоксальным образом внедрился в нашу культуру, вплоть до прецедентных высказываний (например, «А Вас, Штирлиц, я попрошу остаться»). Эти интересные культурные переходы анализируются применительно к образам Штирлица, Шерлока Холмса и других персонажей в работе Г. Г. Слышкина [2004].

Особое место в ряду концептуариев русской культуры занимает вышедший в Лодзинском университете пятитомный труд «Идеи в России. Русско-польско-английский лексикон» под редакцией Анджея де Лазари. В отличие от культурологических и страноведческих справочников это издание представляет собой анализ русской ментальности с позиций бывшей советологии, которую теперь называют руссологией (и русистикой, к удивлению преподавателей русского языка как иностранного). Среди авторов этого труда — историки, философы, филологи, религиоведы из университетов Польши, России, Украины, Белоруссии, Германии, США. Лексикон включает статьи по идеологическим направлениям («демократия», «соборность», «коллективизм» и др.), персоналии (политики, философы, писатели, художники, религиозные лидеры), статьи справочного характера («балалайка», «топор», «водка» и др.).

Приведу с сокращениями одну из статей в лексиконе (автор — И. А. Есаулов).

Шутовство и юродство — близкие, но не совпадающие сферы девиантного культурного поведения, актуальные для различных периодов российской истории. В силу своей девиантности они могут быть рассмотрены в аспекте пародии на доминантные нормы той или иной культурной системы. ...Шутовство является не только непременным атрибутом, но и своего рода квинтэссенцией Карнавала. Стихий шутовства является смеховая культура. Юродство же смешно только с внешней стороны. ... Если шут лечит пороки смехом, то главная задача юродивого обратная — заставить рыдать

над смешным. Семантика юродства состоит в аскетическом самоуничижении, мнимом безумии. Это добровольно принимаемый христианский подвиг. ... Именно полная добровольных страданий жизнь и дает юродивому право нарушения иерархии, пародирования всех устоявшихся норм земной жизни как неистинных. ... Отмена иерархии, допущение вольного фамиллярного контакта (рискованной жестикуляции и непристойных слов), эксцентричность сближает юродство и шутовство. Вместе с тем есть четкая разница между ними. Юродивый отвергает и профанирует отнюдь не все, но именно земную иерархию и вообще земной миропорядок. Тем самым он может сподобиться небесному. Он часто вовсе не веселится, терпит побои, лишения — и молится за своих обидчиков. ... В психоаналитических терминах шута можно понять через модель садизма (злойный, часто физически неполноценный шут — обычная фигура ...); модель культурного поведения юродивого тяготеет, скорее, к мазохизму (однако страдает юродивый не ради собственного удовольствия, но «Христа ради» — иными словами, он постоянно соотносит свою модель поведения с другой моделью, с другим — сакральным текстом, которому он подражает). ... Следует отметить и элементы мистификации в бытовом поведении юродивого. Юродивые часто ходили нагими. ... Для юродивого нагота — не маска (как в карнавальном действии для шута), а презрение к плоти и украшениям; нагота — символ открытой души. Отношения к телесности у юродивого и шута прямо противоположны. Однако главное отличие состоит в функциональности фигуры шута и субстанциональности юродивого. Шут ... зависит от пародируемой им культурной системы и жестко вписан в эту систему. Юродивый же имеет возможность не считаться с правилами земного миропорядка. Иначе говоря, шутовство определяется сферой Запада — даже когда его пародирует — и не может превышать определенную Законом степень девиантности, юродство же стремится к другому ценностному пределу — Благодати. Для русской культуры соотношение юродства и шутовства вписывается в инвариантную оппозицию Закона и Благодати. Таким образом, ... можно говорить о двух типах пародийности и двух вариантах неофициального поведения, пронизывающих всю толщу русской культуры Нового времени. ... В период тоталитаризма ... они пародировали официальную догматическую природу советского миропорядка [Идеи в России 1993: 382–388).

В приведенной статье дана система аксиологических координат, релевантных для понимания специфики русской ментальности. Это — противопоставление мира земного и мира небесного, смеха и плача, мнимого и действительного, закона и благодати. Данная семиотическая схема позволяет понять архетипические основы негативного отношения носителей русской культуры к закону как человеческому установлению (в отличие от благодати как божественной милости, проявляемой по отношению к человеку ради спасения его души). Автор доказывает, что юродство является доведенным до предела, экзальтированным выражением (религиозной) открытости и искренности. Из приведенного текста вытекает также тезис о трагизме русского отношения к жизни. Я не

согласен с позицией автора, доказывающего, что шутовство внутренне присуще западной, рациональной, построенной на законах культуре (бинарная схема слишком упрощает действительность). На мой взгляд, шутовство, карнавальное переворачивание миропорядка свойственно любой культуре, в том числе и русской. В плане этнокультурной специфики более четким индексом своеобразия юмористической критики действительности является, по-видимому, степень типичности полусерьезного поведения (как в Англии) либо открытого балагурства (как в России) и отношение к абсурду (принятие либо непринятие абсурда в рамках реальности). Думается, что и сведение типов пародирования действительности к садизму и мазохизму (с учетом расширительной трактовки этих терминов) приводит к неверным выводам о специфике русского национального характера. Более общая схема активного, деятельного и пассивного, созерцательного отношения к жизни не накладывается на противопоставление садиста и мазохиста хотя бы потому, что созерцатель — не мазохист. Вместе с тем, подчеркну, что поиск аксиологических координат культуры является наиболее сложной задачей культурологии, и цитируемое издание Лодзинского университета вносит в решение этой задачи очень солидный вклад.

Приведенные три разных концептуария культуры свидетельствуют о том, что лингвокультурология уже вышла на уровень зрелости, знаком которой, по справедливому замечанию В. Г. Гака, является фиксация знаний в виде словарей. Ясно также и то, что создание такого концептуария только на базе филологии вряд ли возможно. Можно спорить по поводу того, какие статьи и в каком формате должны включаться в концептуарий культуры. Интересные аргументы в этом плане приводятся в работе Т. В. Евсюковой [2001], посвященной словарю культуры как проблеме лингвокультурологии. Автор отмечает, что словарь культуры представляет собой трехуровневое образование: ценности культуры (картина мира), концепты (концептуальная картина мира) и лексикон словаря культуры (языковая картина мира) [там же: 57]. Очень важным является следующий тезис: «в лексике, составляющей словарь культуры, совмещаются рефлексия лингвистическая (обращенная на значения) и рефлексия нозматическая, смысловая» [там же: 70].

Одним из возможных подходов к составлению концептуария культуры является моделирование концептов по единому плану, предполагающему характеристику образно-перцептивной, понятийной и ценностной сторон концепта и выделение общих и специфических признаков концептов в сопоставляемых культурах. В качестве примера приведу положения, вынесенные на защиту в нескольких диссертационных исследованиях лингвокультурных концептов.

Концепт «**собственность**» в немецкой и русской лингвокультурах (Е. В. Бабаева):

1. Отношение к собственности представляет собой культурный концепт, содержанием которого является оценочная квалификация отношения имущественного обладания со стороны одушевленного субъекта к отчуждаемому объекту. Этот концепт находит вариативное выражение в языке (прямые и переносные значения лексических и фразеологических единиц, а также прецедентные тексты).

2. Признак отношения к собственности имеет сложную структуру, в которой выделяются 1) место собственности в системе ценностей, 2) виды отношения субъекта к собственности, 3) виды квалифицируемой собственности, 4) отношение социума к нормам собственности. Комбинаторика данного признака сводится к его сочетаемости с другими культурными концептами и с предметно-понятийными конкретизаторами собственности.

3. Основные отличия в отношении к собственности, применительно к сравниваемым культурам, состоят в признании большей важности собственности и, соответственно, в большей поддержке индивидуальных усилий по увеличению и сохранению собственности в немецкой ценностной картине мира [Бабаева 1997: 3].

Концепт «**приватность**» в американской и русской лингвокультурах (О. Г. Прохвачева):

1. Приватность как осознание человеком своей личной сферы в противоположность общественной является культурным концептом, моделируемым в качестве обобщенной ситуации, участники которой стремятся сохранить от несанкционированного вторжения свое личное пространство. Образная сторона данного культурного концепта представляет собой базовый фрейм физического и символического пространства личности; понятийная сторона — языковое обозначение характеристик этого пространства, поведения людей, соблюдающих или нарушающих приватность, предметов и событий, ассоциируемых с приватностью; ценностная сторона — принятые в обществе эксплицитные и имплицитные нормы поведения, регулирующие соблюдение границ личного пространства участников общения.

2. Приватность как социокультурный феномен находит множественное проявление в языке, выражаясь главным образом в семантике лексических и фразеологических единиц в виде признака приватности. Специфика данного признака заключается в своеобразии моделей его комбинаторики, в которых он находит компонентное выражение, сочетаясь с другими, близкими по значению, признаками, а именно свободой, одиночеством, собственностью, секретностью, интимностью, нарушением приватности, территорией, статусом, вежливостью, эмотивностью.

3. Концепт «приватность», который характеризуется как абстрактный, «бытийный» концепт, во многом структурируется метафорически и таким образом находит образное выражение в языке. В качестве «базовой» метафоры выступает сопоставление приватности с образами пространства, территории, а также способами физического восприятия пространства (биологические предпосылки феномена «приват-

ность») и вместе с тем с образами некоторых предметов и ситуаций, связанных с различными аспектами человеческой деятельности (укрощение животных, охота) (социальная природа феномена «приватность»).

4. На прагматическом уровне рассмотрения языковой личности концепт «приватность» выражается в речевом поведении носителей языка в виде конкретных стратегий, целью использования которых является предотвращение возможных нарушений приватности (как своей, так и других участников) или смягчение произошедших нарушений. Соответствующие речевые акты тяготеют к широкому употреблению косвенных приемов, носящих этикетный характер (т. е. типичных, конвенциональных способов, закрепленных в системе этикета), что объясняется распространенной в американском общении тенденцией к минимизации коммуникативного давления на адресата. В целом это подтверждает значимость для американской культуры таких категорий, как суверенитет личности, личное пространство, приватность.

5. Изучение «минус-характеристик» приватности дает возможность дополнить исследование концепта «приватность» новыми данными, полученными в результате социолингвистического анкетирования носителей лингвокультуры США. Эксперимент подтверждает тезис о различной степени «приватности» тем общения, что позволяет составить приблизительный список тем, получающих высокий уровень табуированности в американской культуре (например, интимные и личные взаимоотношения, деньги, политика, вредные привычки, здоровье, религия, этническая принадлежность), что имеет важную практическую значимость для избежания коммуникативных неудач в межкультурном общении [Прохвачева 2000: 3–5].

В цитируемой работе прямого сопоставления американской и русской лингвокультур не проводилось, но выделение признаков чужой культуры всегда предполагает в качестве точки отсчета свою культуру.

Концепт «закон» в английской и русской лингвокультурах (И. В. Палашевская):

1. Основное содержание культурного концепта «закон» в английском и русском обиходном и правовом языковом сознании сводится к следующим признакам: 1) предметно-образная сторона концепта — концептуальная схема, отражающая предельно обобщенные образы различных норм права и морали: $S A Q R$ (где S — субъект в правовой ситуации, A — поступок, значимый с точки зрения права, Q — деонтическая квалификация поступка, R — возможная реакция в виде санкции в случае нарушения нормы права); 2) понятийная сторона концепта — кодифицированная норма, установленная и поддерживаемая государственной властью и традицией; 3) ценностная сторона концепта — отношение к норме и государственной власти.

2. Важнейшие отличия обиходного представления концепта «закон» в английском языковом сознании заключаются в понимании закона как гаранта свободы, в русском языковом сознании — как предела, ограничителя свободы.

3. Наиболее существенные отличия правового представления концепта «закон» в английской и русской лингвокультурах состоят в характере аргументации: в англ-

лийском юридическом дискурсе релевантными признаются ссылки на конкретные судебные прецеденты, в русском — на кодифицированные нормы.

4. Представление закона в английской паремиологии отличается положительными коннотациями, в русской — отрицательными, в английских юридических текстах — ориентацией на конкретный прецедент, в русских юридических текстах — ориентацией на тип квалифицируемого поведения, в английских юмористических текстах — контекстным рассогласованием с действительностью, в русских анекдотах — контекстным согласованием с действительностью [Палашевская 2001: 3].

Концепт «**пунктуальность**» в немецкой и русской лингвокультурах (Я. В. Зубкова):

1. Основное содержание культурного концепта «пунктуальность» в немецком и русском языковом сознании сводится к следующим признакам:

1. Предметно-образная сторона концепта — это обобщенный образ строгого соответствия между должным и фактическим соотношением организуемых событий во времени;

2. Понятийная сторона концепта — подразумеваемая норма этого соответствия, противопоставляемая нарушениям этой нормы и уточняемая интенсификаторами;

3. Ценностная сторона концепта — оценочные отношения к соблюдению и нарушению соответствующей нормы.

II. Основные отличия в представлении концепта «пунктуальность» в русском и немецком языковом сознании сводятся к следующим моментам:

1. В немецком языковом сознании этот концепт имеет большую значимость, чем в русском;

2. Нарушения в соблюдении пунктуальности, точности во времени в немецкой лингвокультуре связаны с недостаточной ответственностью человека, а в русской лингвокультуре — с недостаточной ответственностью и препятствующими обстоятельствами, оправдывающими данное нарушение;

3. Нарушения пунктуальности в немецкой лингвокультуре более детально охарактеризованы и включают как опоздание, так и преждевременный приход либо осуществление событий, в то время как в русской культуре они сводятся, главным образом, к опозданиям;

4. Важнейшей характеристикой пунктуальности в немецкой лингвокультуре является планирование событий как внутренняя потребность человека, в то время как в русской культуре планирование играет вспомогательную роль;

5. В немецкой лингвокультуре нарушения точности во времени воспринимаются с большей степенью терпимости, чем в русской, в русском современном языковом сознании собственное нарушение пунктуальности сопряжено с нетерпимостью к нарушению пунктуальности со стороны других людей [Зубкова 2003: 3].

Концепт «**путешествие**» в китайской и русской лингвокультурах (Лю Цзюань):

1. Лингвокультурный концепт «путешествие» представляет собой сложное ментальное образование сценарного типа, в состав которого входят следующие компоненты: образный — человек, покидающий дом, с ношей в руке или за спиной; расставание с близкими при отъезде и встреча с ними при возвращении; удивление, радость и усталость на лице путешественника; понятийный — поездка или передвижение пешком куда-либо, обычно далеко за пределы постоянного местожительства, с научной, образовательной, деловой, религиозной, спортивной и другими целями; ценностный — понимание необходимости поездки, положительная оценка увиденного и пережитого в путешествии, отрицательная оценка трудностей и опасностей в пути.

2. Модель лексического описания способов путешествия в китайском и русском языках может быть построена на следующих признаках путешествия: 1) субъект, 2) цель, 3) среда и условия, 4) скорость, 5) оценка, 6) дополнительные действия. В пословицах и поговорках на первый план выдвигается оценка путешествия; в текстах, раскрывающих этот концепт, детально характеризуются субъект, цель и среда путешествия.

3. Специфика концепта «путешествие» при сопоставлении русской и китайской лингвокультур заключается в следующем: 1) в китайском языке выделяется категориальный класс путешественников с четким определением их социального статуса, чего нет в русском языке; 2) в китайском языке осуждается праздная прогулка, подчеркивается необходимость путешествия, в то время как в русском языке — осуждаются медлительность и бесцельность действия; 3) в китайском языке дополнительные признаки в составе концепта «путешествие» имеют, в основном, ритуальный характер и представлены более детально, чем в русском; 4) в китайской лингвокультуре путешествие преимущественно связано с трудностями и опасностями в пути, в русской — с отдыхом и развлечением.

4. Образно-понятийная специфика обозначения концепта «путешествие» в китайском языке в значительной мере обусловлена иероглифическим способом закрепления этого концепта, его детальным и метафорическим осмыслением; ценностная специфика выражения данного концепта в китайском языке определяется традиционной конфуцианской философией, в основе которой лежит идея о необходимости соблюдения установленных в обществе норм; в русской лингвокультуре ценностное осмысление путешествия носит в основном утилитарный обиходный характер [Лю Цзюань 2004: 3–4].

Концепт «умение жить» во французской и русской лингвокультурах (Э. В. Грабарова):

1. Концепт *savoir vivre* — «умение жить» — представляет собой сложное ментальное образование, образный компонент которого — это улыбка удовольствия, связанного с удовлетворением обычных земных потребностей в общении, любви, движении, еде, узнавании нового, понимании красоты, моды и т. д. Понятийный компонент — это разновидность отношения к жизни, противопоставляемого 1) отношению к смерти, 2) пессимизму и необходимости выживать, 3) необходимости имитировать веселье, 4) радости от выполнения долга и от осознания перспективы; он

включает в качестве важнейших признаки 1) «телесная радость», 2) вкус, 3) жизненная мудрость, 4) вежливость, 5) галантность. Ценностный компонент — это мажорное отношение к жизни как доминанта французской лингвокультуры и регулятив французского коммуникативного поведения.

2. Отношение к жизни в этико-философском сознании представляет собой развитие этого отношения в обыденном сознании и уточняется в следующих направлениях: 1) жизнь как реализация высших целей, противопоставляемая абсурду (небытию), 2) жизнь как удовольствие, противопоставляемая мучению и скуке, 3) жизнь как переход к бессмертию, противопоставляемая грехопадению (духовной смерти). Французская философия экзистенциализма сосредоточена на осмыслении жизни в контрасте с абсурдом и мучением, русская философия — на понимании жизни по законам справедливости и осмысленности. Этико-философское развитие концепта «отношение к жизни» во французской и русской лингвокультурах обусловлено ценностями доминантами этих культур, заданными в языке.

3. Концепт *savoir vivre*, являясь специфическим для французской лингвокультуры и лакунарным для русской, вербально обозначается словосочетаниями *savoir vivre* и *bon vivant*, которые характеризуют способность человека получать удовольствие от жизни и тип соответствующей личности (бонвиван). Этот концепт во французском языковом сознании является оценочно амбивалентным: положительно оценивается оптимизм и легкость в общении, отрицательно — поверхностность и несерьезность; в русской лингвокультуре отрицательное отношение к этому концепту превалирует. В составе этого концепта выделяется статусно-значимый компонент — этикетное умение вести себя в соответствии с требованиями света (*comme il faut*), именно этот смысл получает развитие во французской афористике. Для французов вежливость — это искусство, для русских — выражение искреннего уважения [Грабарова 2004: 4–5].

Концепт «торг» в английской и русской лингвокультурах (Ю. Н. Петелина):

1. Концепт «торг» представляет собой сложное ментальное образование, содержательный минимум которого сводится к следующим признакам: участники, цель которых произвести товарно-денежный обмен на взаимовыгодных условиях, объекты, подлежащие купле-продаже, типичное место торго, принятые в лингвокультуре правила ведения торго.

2. Концепт «торг» находит воплощение в лексических, фразеологических и паремиологических единицах, основными обозначениями торго в русском и английском языках выступают лексемы «торг» и «*bargain*». Обозначение торго в сравниваемых лингвокультурах характеризуется значительным сходством. Важнейшими отличительными признаками фиксации торго в английском языковом сознании являются характеристика покупателя (умение договориться о снижении цены товара и постоянство в выборе места покупки), характеристика условий и целей торго (распродажа по минимальным ценам, распродажа с благотворительной целью), в русском языковом сознании — характеристика места торго (возможность приобретения некачественного товара).

3. Оценочные нормы торга в коллективном языковом сознании носителей английской и русской лингвокультур обнаруживают следующую специфику: необходимость соблюдения соглашений для английской лингвокультуры и отрицательная оценка стремления к несправедливой выгоде и наличие взаимоисключающих норм поведения при торге — для русской [Петелина 2004: 3].

Концепт «свобода» в английской и русской лингвокультурах (А. С. Солохина):

1. Концепт «свобода» относится к числу базовых концептов-регулятивов, он часто представлен в виде символа, его сущность состоит в бинарном противопоставлении свободы и несвободы.

2. Концепт «свобода» характеризуется следующими признаками: а) образная составляющая — синкретичные образы ветра, моря, птицы, открытого пространства, полета, дыхания и др., б) понятийная составляющая — возможность поступать по своему желанию, отсутствие ограничений, противопоставление связанности, плену, заключению, рабству, в) ценностная составляющая — одна из приоритетных ценностей жизни, подразумевающая возможную угрозу/потерю свободы и необходимость борьбы за свободу, защиты свободы.

3. Важнейшие лингвокультурные отличия концепта «свобода» в англоязычном мире сводятся к следующим признакам: соотношение концептов «свобода» и «право», противопоставление концепту «рабство», актуализация личных усилий как способ достижения свободы, в русской ментальности — соотношение концептов «свобода» и «счастье», противопоставление концепту «заключение», актуализация получения свободы как дара. Определенная лингвокультурная специфика наблюдается в рамках молодежной возрастной группы: у английской молодежи свобода ассоциируется с совершеннолетием и началом самостоятельной жизни, у русской — с отдыхом, отсутствием обязанностей.

4. Важнейшее отличие в философской традиции понимания концепта «свобода» по сравнению с бытовым его пониманием — акцент на свободе воли, а не свободе как условии деятельности. Англоязычное философское понимание свободы связано с осознанием индивидуальной свободы и закона как условия свободы, русские философы ставят на первое место соотношение свободы и высших религиозно-моральных ценностей [Солохина 2004: 3].

Концепт «красота» в английской и русской лингвокультурах (Ю. В. Мещерякова):

1. Лингвокультурный концепт «красота» представляет собой сложное ментальное образование, его образно-перцептивная составляющая есть совокупность прототипных образов красивой/некрасивой внешности, его понятийная составляющая является эстетической оценкой — рационально отрефлектированным и эмоционально переживаемым чувственным восприятием мира, его ценностная составляющая сводится к признанию красоты одним из высших смысловых ориентиров и вытекающей отсюда системе приоритетов поведения.

2. Общие характеристики концепта «красота» в английской и русской лингвокультурах сводятся к соответствию с идеалом, взаимопроникновению общеоценочной и эстетической квалификации объекта, наличию интенсивных уточнений, признанию возможных моральных недостатков при внешней красоте, к страху перед очень некрасивой внешностью и пренебрежению по отношению к заурядной внешности.

Основные специфические характеристики концепта «красота» в английской лингвокультуре — это противопоставление непосредственно эмоциональной и рационально оторефлектированной положительной эстетической оценки, акцентирование выбора как условия для признания чего-либо соответствующим критериям красоты, преимущественное осознание безобразного как результата неправильного человеческого поведения.

Основные специфические характеристики концепта «красота» в русской лингвокультуре — это противопоставление красоты внутренней и внешней, подчеркивание чудесной сущности красоты, преимущественное понимание уродства как независимого от людей дефекта и вытекающая отсюда жалость по отношению к людям с физическими недостатками, осознание тесной взаимосвязи между красотой и здоровьем.

3. В английской фразеологии, паремиологии и афористике доминирует идея обманчивости и эфемерности красоты, в русской фразеологии, паремиологии и афористике — идея единства красоты и добра.

4. В дискурсивном воплощении положительная эстетическая оценка является преобладающей в художественных и публицистических текстах, доля отрицательной эстетической оценки увеличена в обиходно-разговорном дискурсе.

5. Специфика дискурсивного воплощения концепта «красота» в английской лингвокультуре сводится к актуализации связи между молодостью и красотой и резко отрицательной характеристике дефектов внешности, в русской лингвокультуре — к подчеркиванию связи между красотой и здоровьем и пониманию тщетности попыток улучшить свою внешность [Мещерякова 2004: 3–4].

Концепт «кочевье» в калмыцкой, русской и американской лингвокультурах (Ж. Н. Церенова):

1. Лингвокультурный концепт «кочевье» представляет собой сложное ментальное образование, содержательный минимум которого сводится к понятийным признакам «передвижение», «постоянное», «с имуществом», «с целью обеспечения пастбищ для скота»; образная сторона этого концепта включает медленно передвигающуюся по степи большую группу людей на лошадях, повозках с большими стадами крупного и мелкого рогатого скота, временами останавливающимися на некоторый срок и живущими в юртах; ценностная сторона этого концепта сводится к признанию постоянного перемещения как способа сохранения жизни, к необходимости знать повадки домашних животных и осознанию цикличности бытия.

2. В калмыцкой лингвокультуре кочевье представляет собой развернутую концептосферу с детальным обозначением в лексике, фразеологии и паремиологии скота, временных жилищ, ритуалов отправления в путь и остановки, это образ жизни народа, сохранившего и развившего древние умения скотоводства.

3. В русской лингвокультуре кочевье является знаком иной культуры и ассоциируется со свободой, исходным природным образом жизни, отсутствием привычного имущества и сопровождается амбивалентной оценкой, на обиходном уровне кочевье воспринимается как патриархальный уклад и неспособность жить на одном месте, на поэтическом уровне — как вольная жизнь.

4. В американской лингвокультуре традиционное кочевье скотоводов осмысливается как знак иной культуры, ассоциируется с освоением «дикого Запада», и при этом возникает новое осознание номадизма как образа жизни, суть которого состоит в высокой мобильности и постоянном перемещении в стране и мире для поиска оптимальных условий существования [Церенова 2005: 2–3].

Институциональный концепт «порицание» в английской и русской лингвокультурах (О. А. Евтушенко):

1. Порицание представляет собой институциональный лингвокультурный концепт, содержанием которого является официальное выражение отрицательной оценки поведения кого-либо. Будучи институциональным лингвокультурным концептом, «порицание» обнаруживает не этнокультурную, а социокультурную специфику, зависящую от типа социального института в английской и русской лингвокультурах.

2. Понятийные характеристики концепта «порицание» сводятся к комбинации следующих признаков: а) «общение статусно неравных коммуникантов», б) «официальная ситуация общения», в) «неправильный поступок подчиненного», г) «выражение критической отрицательной оценки этого поступка со стороны вышестоящего коммуниканта», д) «ожидание признания своей вины со стороны подчиненного».

3. Образно-перцептивные характеристики концепта «порицание» представляют собой ситуацию официального общения, в ходе которого начальник прямо или косвенно выражает подчиненному отрицательную оценку поступка последнего. При этом подчиненный осознает серьезность ситуации и возможные отрицательные последствия своих проступков. Непременным образно-перцептивным компонентом порицания являются представления о паравербальном поведении обоих коммуникантов.

4. Ценностные характеристики концепта «порицание» определяются следующими нормами институционального общения: а) начальник имеет право делать замечание подчиненному, б) подчиненный обязан принимать замечания к сведению, в) порицание должно иметь объективные основания, г) порицание должно относиться к поступкам, а не личным качествам человека.

5. Концепт «порицание» реализуется в дискурсе как институциональное речевое действие «порицание», структура которого включает следующие компоненты: а) проступок подчиненного, имеющий отношение к определенной институциональной сфере, б) вербальное выражение критической отрицательной оценки со стороны начальника в связи с этим проступком подчиненного в присутствии подчиненного, в) реакция подчиненного на выраженную критическую оценку. Порицание как институциональное речевое действие имеет преимущественно косвенную форму выражения, реализуясь в виде констатива, императива, вопроса и имплицитной критики [Евтушенко 2006: 3–4].

Метапрофессиональный концепт «услуга» в обиходном и институциональном дискурсе (М. В. Прищепенко):

1. Лингвокультурные концепты могут быть противопоставлены друг другу по признаку профессиональной/обиходной сферы бытования. На этом основании можно выделить профессиональные, обиходные и метапрофессиональные (промежуточные) концепты. Концепт «услуга» относится к классу метапрофессиональных концептов, функционирует как в профессиональном, так и в обиходном дискурсе и обладает набором сходных и специфических признаков для этих типов дискурса.

2. Понятийные характеристики концепта «услуга» состоят в следующем: 1) наличие у клиента потребности в профессиональной помощи, 2) наличие у агента специальной подготовки для оказания услуг, 3) профессиональная работа агента для клиента, 4) оплата агенту со стороны клиента за выполненную работу. Эти признаки в полной мере выражены в профессиональной дискурсивной реализации данного концепта. В обиходной дискурсивной реализации факультативными становятся признаки «профессиональная работа» и «оплата за выполненную работу».

3. Образные характеристики концепта «услуга» — это ситуации консультирования, посредничества, оказания помощи, требующей специальной (технической, медицинской и др.) подготовки. В профессиональном дискурсе эти признаки выражены явно. В обиходном дискурсе консультирование переходит в совет, посредничество и оказание помощи не всегда требуют специальной подготовки и обычно сопровождаются выражением эмоциональной поддержки, а оплата носит характер символического капитала.

4. Ценностные характеристики концепта «услуга» сводятся к следующим нормам поведения: 1) агент должен иметь специальную (профессиональную) подготовку, 2) агент не должен отказывать клиенту в помощи, 3) агент должен идти навстречу клиенту, 4) клиент должен оплачивать работу и квалификацию агента. В обиходном дискурсе профессиональная подготовка может заменяться на готовность помочь, а необходимость оплаты помощи — на благодарность со стороны получателя услуги [Прищепенко 2006: 2–3].

Концептуальное поле «терпение» в английской и русской лингвокультурах (И. А. Долгова):

1. Лингвокультурные концепты образуют концептуальные поля — комплексные смысловые образования, включающие несколько концептов, объединенных общими признаками. Системообразующим признаком концептуального поля является определенный референциальный признак, получающий языковое воплощение в семантике слова, которое выступает как основное имя концепта. В концептуальном поле «терпение» таким признаком является «реакция на неблагоприятные обстоятельства».

2. Концептуальное поле «терпение» представляет собой взаимосвязанное и взаимообусловленное единство концептов «терпение», «страдание», «смирение», «выдержка», «толерантность»/«терпимость». Концепт «терпение» выступает в качестве смыслового ядра данного поля. Моделью данного поля является фрейм, в котором

противопоставляются признаки «реакция на неблагоприятные обстоятельства», «пассивная эмоциональная реакция на неблагоприятные обстоятельства», «активная рациональная реакция на неблагоприятные обстоятельства в виде отказа от сопротивления», «активная волевая реакция на неблагоприятные обстоятельства в виде готовности к преодолению трудностей», «активная волевая реакция на неприятные обстоятельства в виде согласия с иными образами мысли и поведения».

3. Важнейшие этноспецифические понятийные отличия концептов, образующих поле «терпение», таковы: в концепте «терпение» англичане критикуют чрезмерное терпение и фатализм, русские ассоциируют терпение с мужеством; в концепте «страдание» англичане подчеркивают необходимость выдержать душевную и физическую боль, русские детально характеризуют разновидности страдания; в концепте «смирение» англичане выделяют внешнее спокойствие, русские — добровольное подчинение судьбе; в концепте «выдержка» англичане акцентируют волевое усилие человека, который держится и никого не зовет на помощь, русские — умение не поддаваться слабости; в концепте «толерантность» англичане выделяют право другого человека вести себя по-своему, русские осмысливают этот концепт как нежелательный компромисс.⁴⁰

4. Важнейшие этноспецифические образные отличия концептов, образующих поле «терпение», таковы: англичане связывают терпение с попытками что-то сделать для исправления ситуации, русские — с жертвенностью; англичане ассоциируют страдание с жестоким обращением и бедностью, русские — с необходимостью пострадать за правое дело; для англичан смирение — это внутренняя борьба с самим собой, для русских — спасение; англичанам требуется выдержка, чтобы пережить унижение, русским — чтобы перенести внешние неблагоприятные обстоятельства; англичанам нужна толерантность, чтобы вынести общение с неприятными людьми, русские ассоциируют ее с необходимостью идти на компромисс.

5. Важнейшие этноспецифические оценочные отличия концептов, образующих поле «терпение», таковы: англичане подчеркивают в терпении самоконтроль, русские — возможность спасения; в английской лингвокультуре требуется переносить страдание незаметно, в русской подчеркивается цель страдания — правое дело; смирение для англичан второстепенно, а для русских — важнейший способ спасения души; англичане подчеркивают значимость выдержки для объективного трезвого видения мира, русские ассоциируют выдержку с ответственностью; толерантность является одним из важнейших ориентиров поведения в англоязычном мире и ассоциируется с независимостью, русские признают, что терпимость может свидетельствовать о слабости [Долгова 2006: 2–4].

Концептосфера «война» в английской и русской лингвокультурах (В. Б. Крячко):

1. Лингвокультурные концепты неоднородны по своей масштабности; наиболее важные для коллективного языкового сознания концепты являются гиперконцептами и образуют концептосферы — системы гипонимически организованных концептов, уточняющих идею гиперконцепта. К числу гиперконцептов относится концепт «вой-

на», концептосфера которого включает концепты «бой», «армия», «оружие», «победа» и др.

2. Концептосфера «война» специфично проявляется в обиходном (гражданском) и профессиональном (военном) языковом сознании: в первом случае важнейшими признаками войны выступают ее участники, средства и ужасы войны, во втором случае — детально обозначенные средства и способы ведения боя.

3. Понятийный компонент концептосферы «война» включает следующие базовые признаки: спланированное масштабное действие с участием множества специально подготовленных людей и применением оружия для достижения определенных целей, имеющее деструктивные последствия.

4. Образный компонент концептосферы «война» в перцептивном плане сводится к описанию боя (прототипной основы концепта «война») и представлен следующими важными признаками: столкновение вооруженных людей, ярость, кровь, смерть. В метафорическом плане концептосфера «война» фиксируется преимущественно социометафорами, сциентометафорами, зоометафорами и звукометафорами. При значительном сходстве образного представления войны наблюдается ее определенная этноспецифика: зоометафора и натурметафора — в русском языковом сознании, сциентометафора и культурметафора — в английском.

5. Ценностный компонент концептосферы «война» проявляется в этической и религиозной оценке войны, в ее символике и сводится к нормам поведения солдат на войне (отношение к воинскому долгу, оружию, врагу, победе) и отношению к войне со стороны гражданского населения. Важнейшие этнокультурные отличия в ценностном осмыслении войны таковы: для англоязычной лингвокультуры на первое место выходит идея успеха в войне и эффективности ее ведения, для русской лингвокультуры — идея справедливой войны как защиты от нападения и неизбежность жертв на войне [Крячко 2007: 3–4].

Идеологический концепт «демократия» в лингвокультуре США (М. А. Филиппова):

1. Идеологические концепты отражают ценностно маркированное отношение к действительности с позиций определенной социальной группы, формируются в сфере официальной идеологии и внедряются в массовое сознание.

2. Существуют первичные и вторичные идеологические концепты, первичные создаются в рамках идеологической доктрины, в максимальной мере выражая ее сущность, вторичные возникают вне идеологии, их номинанты получают идеологическую коннотацию либо контекстуальный идеологический смысл в определенном дискурсе. Концепт «демократия» является первичным идеологическим концептом.

3. Структура идеологического концепта может быть представлена в виде двухмерной модели концепта, учитывающей его когнитивно-аксиологическое измерение (понятийная, образная и ценностная составляющие) и социодинамическое измерение (этимологический, базовый и ассоциативно-расширительный уровни).

4. Понятийная составляющая американского идеологического концепта «демократия» определяется на этимологическом уровне как власть демоса, на базовом уровне

не — как выборность власти и ее подконтрольность избирателям, на ассоциативно-расширительном уровне — как синкретичная характеристика всего общественного устройства США.

5. Образная составляющая американского идеологического концепта «демократия» формируется на этимологическом уровне типичными проявлениями власти демоса (участие в городских собраниях, полемика, практика ostracism и др.), на базовом уровне — демократическими процедурами реализации власти народа (выборы народных представителей, референдумы, политические дебаты и др.), на ассоциативно-расширительном уровне — государственными символами США и языковыми апелляциями к ним (Статуя Свободы, американский флаг, Белый дом и др.).

6. Ценностная составляющая американского идеологического концепта «демократия» на этимологическом уровне заключается в его амбивалентной оценке (учет мнения народа как позитивный момент и неизбежное вырождение демократии как негативный момент), на базовом уровне — в акцентировании расхождения между демократическим идеалом и его реальным воплощением, на ассоциативно-расширительном уровне — в общеоценочном положительном знаке американского образа жизни.

7. Специфика американского идеологического концепта «демократия» состоит в экспансии его ценностной составляющей на все содержание концепта и вытекающей отсюда десемантизации его понятийной составляющей в массовом языковом сознании [Филиппова 2007: 3–4].

Концепт «скромность» в русской, американской и иранской лингвокультурах (О. В. Кошманова):

1. В ряду лингвокультурных концептов выделяются социально-этические регулятивы, содержание которых сводится к признанию приоритета общества по отношению к индивидууму. Одним из социально-этических регулятивов является концепт «скромность», представляющий собой осознанное стремление и умение человека не выдвигать себя в центр внимания, сохраняя самоуважение.

2. Важнейшие этноспецифические понятийные отличия концепта «скромность» таковы. В русском языковом сознании скромность должна быть свойственна мыслям, поведению и образу жизни человека и ассоциируется с непритязательностью и сдержанностью. Американцы связывают скромность с внешним поведением человека, выделяя в качестве типичного признака этого концепта отсутствие у женщин стремления казаться сексуально привлекательными; скромность ассоциируется с умеренностью. В иранской лингвокультуре доминирует религиозное требование быть скромным перед Богом и людьми, основным признаком этого концепта является внутреннее и внешнее самопринижение человека.

3. Важнейшие этноспецифические образные отличия концепта «скромность» таковы. Русские ассоциируют скромность с поведением молодого человека или девушки, стоящих в углу с опущенными глазами, акцентируя, с одной стороны, силу характера скромного человека, не желающего привлекать к себе внимание, и, с другой стороны, слабость, проявляющуюся как неумение преодолеть страх перед ситуацией со-

циального контакта. Американцы связывают скромность с закрытой одеждой и соблюдением этикета, с демонстрацией скромности как способа привлечь внимание. Иранцы приводят в качестве примера скромности поведение святых, скромность проявляется как со стороны нижестоящих, так и вышестоящих, признаками скромности являются молчание, тихий голос, опущенные глаза, почтительный полупоклон с рукой на сердце.

4. Важнейшие этноспецифические оценочные отличия концепта «скромность» таковы. В русской лингвокультуре скромность признается нормой естественного поведения, осуждается чрезмерная скромность, граничащая с робостью, отмечается, что скромность более необходима для женщин, чем для мужчин. Американцы рассматривают скромность как регулятив идеального поведения и как реальное качество личности, отмечая, что в идеале это качество является безусловно положительным, но в реальности мешает достижению успеха и благосостояния. Иранцы считают скромность одним из важнейших качеств личности, приводящих людей к социальной гармонии и создающих мир в душе человека.

5. Понимание концепта «скромность» в американском и иранском сознании является полярно противоположным, это обусловлено императивами индивидуалистической культуры у американцев и религиозно-окрашенной коллективистской культуры у иранцев. Осмысление скромности в русском языковом сознании занимает промежуточное положение в ряду сравниваемых лингвокультур [Кошманова 2007: 3–4].

Приведя в качестве иллюстрации цитаты из ряда исследований, к которым я имею некоторое отношение, хотел бы предложить заинтересованному читателю ознакомиться с библиографией данной книги. В списке литературы приводится значительное число работ, посвященных различным концептам. По наблюдениям И. А. Стернина, число диссертационных исследований концептов давно вышло за рамки сотни. Лингвистическая концептология развивается в следующих направлениях: 1) моделирование «наивной философии», отраженной в языке, — публикации Ю. Д. Апресяна и серия сборников «Логический анализ языка» под редакцией Н. Д. Арутюновой, 2) изучение телеономных концептов — высших ориентиров бытия («счастье», «любовь», «справедливость» и др.), проявляющихся в языке (работы С. Г. Воркачева и его учеников), 3) изучение концептов как фактов языкового сознания, живого знания, противопоставленного его лексикографической фиксации (работы И. А. Стернина и его учеников), 4) построение когнитивных моделей освоения действительности на основе грамматической семантики языка (исследования Н. Н. Болдырева и его учеников), 5) описание когнитивных метафор (работы А. П. Чудинова, О. А. Михайловой, М. В. Пименовой и их учеников), 6) изучение понятийных категорий в лингвокультурном аспекте (исследования А. В. Кравченко, Л. М. Ковалевой, М. В. Малиновича и их учеников), 7) моделирование концептов как трехмерных ментальных образований в аксиологическом ключе (работы В. И. Караси-

ка, Н. А. Красавского, Г. Г. Слышкина, Е. В. Якимович (Бабаевой) и наших учеников, публикации которых освещены в данной книге). Интересные исследования концептов выполнены в Барнауле, Уфе, Санкт-Петербурге, Ереване, Иваново, Саратове, Минске, Харькове, Белгороде, Самаре, Элисте.

В рамках совместного научного проекта межрегионального центра коммуникативных исследований в Воронежском университете и научно-исследовательской лаборатории «Аксиологическая лингвистика» в Волгоградском педагогическом университете вышли в свет 4 тома «Антологии концептов», в которых опубликованы результаты концептологических исследований, выполненных в разных городах нашей страны. Основные тенденции развития лингвистической концептологии состоят в следующем:

- рассматриваются концепты не только в коллективном, но и в индивидуальном языковом сознании;
- исследуются группы концептов — диады и тематические поля;
- описывается динамика развития концептов в диахроническом аспекте;
- анализируются концепты, ограниченные рамками определенного дискурса;
- выявляется специфика содержания концептов в сознании представителей определенных социальных групп общества, например, подростков.

Подведем некоторые итоги. Существующие концептуарии культуры (применительно к современному русскому языковому сознанию) представляют собой весьма информативные справочники, иллюстрирующие наиболее важные идеи, образы, паттерны поведения и ценности русской культуры. Вероятно, некоторый субъективизм в отборе единиц и их интерпретации следует признать неизбежным минусом любого словаря культуры. Одним из возможных путей построения концептуария является серия сопоставительных лингвокультурологических исследований, построенных по единой методике и раскрывающих своеобразие ментальности народа, отраженной в языковом сознании в виде культурных доминант — важнейших ориентиров поведения.

Выводы

Человеческое осмысление действительности, творчески отраженной в языке, является контекстуально обусловленным и эмоционально переживаемым. Игнорирование этнокультурного компонента в языке представляет собой способ внедрения в сознание разных народов одного из многих способов мирозидения как единственно верного, акцентирование этого компонента нацелено на

достижение взаимопонимания между равноправными участниками межкультурного диалога.

В качестве единицы лингвокультурного моделирования мира выступает лингвокультурный концепт — сложное многомерное ментальное образование, включающее образно-перцептивный, понятийный и ценностный компоненты. Концепты могут получить языковое обозначение и выражение.

С позиций лингвокультурологии можно противопоставить специализированные и неспециализированные концепты, первые имеют явно выраженную этнокультурную специфику, вторые могут получать такое осмысление в определенных обстоятельствах. В ряду неспециализированных концептов выделяются универсальные концепты, которые не маркированы с точки зрения этнокультурного своеобразия, но отмечены в плане их принадлежности определенному типу дискурса (обычно научному).

В дополнение к существующим классификациям концептов, построенным на основании психологических и лингвистических критериев, предлагаются логический, аксиологический, социологический и диалектический (трансляционный) признаки для классификации концептов.

На основании логического критерия можно выделить параметрические и непараметрические концепты. Первые имеют логико-понятийную природу и осмысливаются как целостные концепты только с учетом их переходов в иные сферы действительности, вторые включают не только понятийный, но и образно-перцептивный и ценностный компоненты.

Непараметрические концепты распадаются на регулятивные и нерегулятивные ментальные образования, первые выражают аксиологические характеристики действительности эксплицитно и специализированно, вторые — имплицитно и в связанном виде. В ряду регулятивных концептов можно выделить идеологические концепты, специфика которых состоит в выражении ценностей, по-разному оцениваемых представителями доминирующего и недоминирующих классов общества. Выделяются также институциональные концепты, содержание которых определяется рамками того или иного институционального дискурса.

На основании социологического критерия можно противопоставить концепты, релевантные преимущественно для индивидуума, для группы в рамках социума, для этноса в целом и для человечества. С позиций лингвокультурологии результативным является поиск индивидуально-авторской, социокультурной и этнокультурной специфики в понимании действительности. В рамках социокультурно маркированных концептов выделяются профессиональные и метaproфессиональные концепты.

Важнейшей характеристикой концептов является их транслируемость; по этому признаку можно выделить концепты активно и пассивно транслируемые, содержательно модифицируемые и немодифицируемые, переводимые и неперево-димые в иные формы. К числу активно транслируемых относятся архетипические концепты, основанные на системе установок и поведенческих реакций, которые неявно определяют нашу жизнь.

Лингвокультурные концепты подвержены эволюции и инволюции, при этом предметные, абстрактные и регулятивные концепты трансформируются в соответствии со свойственным каждой группе типом изменения понятийного, образного и оценочного компонентов.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ТИПАЖИ

2.1. Лингвокультурный типаж как предмет изучения *

Современная лингвистика тесно смыкается с другими областями гуманитарного знания, становясь одним из направлений антропологии. Тезис об интеграции гуманитарного знания стал сегодня общим местом в обосновании актуальности тех или иных научных проектов в лингвистике, которую уже невозможно представить без композитных ответвлений — психолингвистики, социолингвистики, прагматической лингвистики, лингвокультурологии и др. К числу этих новых направлений лингвистического знания относится и наука о языковой личности, или лингвоперсонология. Основателем этого направления в отечественной лингвистике по праву считается Ю. Н. Караулов, книга которого сфокусировала интересы языковедов на разработку проблем языкового сознания и коммуникативного поведения [Караулов 1987]. Термин «лингвоперсонология» был введен и обоснован В. П. Нерознаком [1996].

Предметом изучения лингвоперсонологии является человек в языке. При этом, как справедливо отмечает Ю. М. Лотман [2000: 220], «поведение человека регулируется не только законами антропологии и общей психологии (“поведение ребенка”, “поведение мужчины”, “женское поведение” и проч.), но и социальной семиотики (“рыцарское”, “монашеское”, “богемное”, “дворянское”, “крестьянское” поведение), художественных категорий (“романтическое поведение”, “жизнестроительство” русских символистов) и стилей (“благородное”, “вульгарное”, “низкое”, “нейтральное” поведение)».

Охарактеризуем кратко основные направления изучения языковой личности.

Эти направления распадаются на исследования, посвященные характеристикам конкретно-индивидуальной личности либо тому или иному типу личностей. Первое направление имеет солидную традицию в отечественной и зарубежной филологии, сюда относятся работы по описанию языка и стиля извест-

* Этот раздел написан совместно с О. А. Дмитриевой.

ных писателей и общественных деятелей, например, Катулла [Пшенина 2000], В. И. Ленина [Денисов 1990], М. Тэтчер [Белова 2000], Г. Киссинджера [Мордовин 2004]. В новом ключе эта тема исследований разрабатывается представителями Саратовской лингвистической школы [Кормилицына 1996; Кочеткова 1998; Сиротинина 2003; Парсамова 2004].

Работы второго направления связаны с той областью знания, которая является исходной для построения той или иной модели языковой личности. Отметим при этом, что поскольку любой тип языковой личности проявляется через коммуникативное поведение, то эти исследования относятся к ведению науки о языке.

Основные идеи лингвоперсонологии можно свести к следующим тезисам.

Носителем языка является индивидуум, в его сознании хранится информация, закодированная в языковых единицах и правилах их употребления.

Информация в индивидуальном сознании всегда сопряжена с эмоционально-оценочной актуализацией (или ситуативной возможностью такой актуализации).

Информация в индивидуальном сознании становится релевантной для других индивидуумов благодаря интегративной функции языка, позволяющей достичь определенного взаимопонимания в процессе общения в силу тождественности языковых форм и общности содержания того опыта, который закреплен в семантике языковых единиц и типичных условиях их использования.

Носитель языка — языковая личность — представляет собой сложное образование, будучи изменяющимся единством, в котором сосуществуют различные социально-ситуативные роли, модусы поведения, уровни коммуникативной компетенции, а также сугубо индивидуальные, идиосинкратические особенности.

Лингвоперсоология как интегративная область гуманитарного знания базируется на достижениях лингвистики, литературоведения, психологии, социологии, культурологии.

Лингвистические классификации личностей построены на отношении личности к языку. Выделяются люди с высоким, средним и низким уровнем коммуникативной компетенции, носители высокой либо массовой речевой культуры, говорящие на одном языке и билингвы, использующие чужой язык в естественном либо учебном общении, способные и менее способные к языковому творчеству, предпочитающие устный либо письменный канал общения, использующие стандартные и нестандартные средства общения.

С позиций литературоведения выделяются художественные образы, воплощающие в себе индивидуально-специфические и коллективно-типические характеристики людей, при этом типическое трактуется как симптоматичное, характеризующее существенные черты поведения определенных групп людей в

заданных обстоятельствах. В этом ключе рассматриваются литературные типы как персонажи художественных произведений [Фрейденберг 1997; Фарино 2004; Гольденберг 2007].

Психологические классификации личностей весьма многочисленны и разнообразны. Для психологов и психолингвистов релевантным оказывается противопоставление личности в ее становлении и личности как данности. В рамках первого подхода осуществляется изучение детской речи и ведется наблюдение над различными видами распада личности. Ведущим здесь является тезис о наличии двух коммуникативных кодов, по Б. Бернстайну [Bernstein 1979], — простого и развернутого. Первый усваивается в ситуации естественного общения в семье и малой группе, второму обучают в школах. Анализ языковой личности как данности проводится в рамках противопоставляемых в психологии человеческих типов: флегматики, холерики, сангвиники и меланхолики (по Гиппократу), экстраверты и интроверты (по К. Юнгу), человек рассудочный, аффективный и активный (по А. Ф. Лазурскому), человек потребностный, мотивационный и целевой (по Н. А. Гусареву), человек берущий, овладевающий, сберегающий и обменивающий (по Э. Фромму), «Родитель», «Взрослый», «Ребенок» (по Э. Берну). Множество исследований посвящено акцентуированным личностям (по К. Леонгарду), т. е. личностям с патологическим отклонением от усредненной нормы (демонстративные/истерические, аффективно-застойные/параноидальные). Анализируются личности мазохистские, истерические, нарциссические, шизоидные и др. (по А. Лоуэну, в развитие З. Фрейда). Для лингвиста интересным в этой связи является поиск предпочитаемых коммуникативных средств, используемых тем или иным типом людей [Бондаренко 2002].

Социологические классификации личностей базируются на выделении определенных социальных типов по гендерному, возрастному, образовательному, профессиональному и другим признакам. Многие социолингвистические исследования построены на описании коммуникативного поведения ученых [Парсамова 2004], аристократов [Ивушкина 1997], политиков [Бакумова 2002; Мордовин 2004, Соломатов 2005], предпринимателей [Милёхина 2006], военнослужащих [Елина 1997; Гафарова 2006], студентов [Костецкая 2001], телеведущих [Беспамятнова 1994; Канчер 2002], переводчиков [Никитченко 2000; Шевченко 2005] и других четко очерченных социальных групп. Заслуживает внимания серия исследований, выполненных в Ростове-на-Дону и посвященных прагматическому лингвистическому анализу поведения политиков [Селиверстова 2004], юристов [Варнавских 2004; Зюбина 2005], журналистов [Одарюк 2003; Мкртчян 2004], актеров и художников [Ломова 2004; Чунахова 2006], учителей и врачей

[Ленец 1999; Багдасарян 2005], военнослужащих [Моисеенко 2000; Игнатова 2005], специалистов в области компьютерной техники [Нужнова 2003]. Социолингвистическое описание общения может быть выполнено в рамках изучения институционального дискурса [Карасик 2002], а именно — с учетом сложившихся социальных институтов, в рамках которых выделяются типичные участники общения, цели, хронотоп, ценности, стратегии, жанры, прецедентные тексты и формульные модели общения. Если мы говорим о типичных участниках институционального дискурса, то мы выделяем в политическом дискурсе представителя власти и избирателя, в педагогическом — учителя и ученика, в научном — научного работника и заказчика разработки, в медицинском — врача и пациента, в религиозном — священника и прихожанина, в юридическом — юриста и человека, обращающегося (либо приведенного) в правоохранительное учреждение, и т. д.

Культурологические классификации личностей предполагают выделение тех личностных типов, которые оказали существенное влияние на поведение представителей соответствующей культуры. При этом можно выделить этнокультурный тип в целом (NN ведет себя, как типичный американец), получающий оценочную квалификацию со стороны представителей других этносов, и тот или иной социокультурный тип в рамках соответствующей культуры (американский ковбой, русский интеллигент, английский аристократ). Эти социокультурные типы рассматриваются как модельные личности, которым подражают либо которым противопоставлены представители той же самой культуры. Главная характеристика модельной личности — установление ценностных ориентиров поведения. Иначе говоря, модельная личность — это культурогенный фактор развития общества. Но общество в целом состоит, разумеется, не только из модельных личностей.

В более широком плане можно выделить **лингвокультурные типы**, узнаваемые образы представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества. Например, к числу таких типов относится «чудак» в английской лингвокультуре — человек с забавными странностями в поведении, обычно увлеченный каким-либо занятием и никому не причиняющий неудобств. Англичане любят своих чудаков, в России к таким людям относятся менее терпимо. В России, с другой стороны, четко осознается лингвокультурный типаж «юродивый» — нищий, придурковато-блаженный, истязающий себя и обладающий даром прорицания. Этот концепт давно потерял актуальность, но узнаваемые черты такого поведения — «юродствовать» — зафиксированы в русском языковом сознании. Данный концепт, как известно, уникален и специфичен, в других языках, насколько нам известно, нет слов для

обозначения такой личности. В отличие от модельной личности лингвокультурный типаж не только менее ярок, но и может иметь отрицательную оценку. Если модельной личности стремятся подражать, то лингвокультурный типаж может вызывать критическое отношение. Таким образом, понятие «лингвокультурный типаж» уточняется по признакам яркости и оценочного знака: 1) яркий лингвокультурный типаж (модельная личность), 2) неяркий лингвокультурный типаж, 3) положительный лингвокультурный типаж, 4) отрицательный лингвокультурный типаж. Признаки яркости и оценки взаимодополнительны.

Будучи абстрактным ментальным образованием, лингвокультурный типаж представляет собой в исследовательском отношении разновидность концепта. Это концепт, содержанием которого является типизируемая личность. Соответственно, можно выделить образную, понятийную и ценностную сторону у концепта «лингвокультурный типаж N» [Карасик 2002].

С позиций социокультурного идеала языковой личности можно противопоставить людей, которые характеризуются низким, средним и высоким уровнем коммуникативной компетенции.

В первом случае иногда используется термин «маргинальная языковая личность», но это понятие трактуется неоднозначно: здесь рассматриваются и люди с низким уровнем интеллектуального развития, не умеющие формулировать свои мысли, имеющие бедный словарный запас, не владеющие жанровым разнообразием речи, и носители иной лингвокультуры, говорящие на данном языке с ошибками, и люди, намеренно нарушающие этические нормы поведения, использующие грубые и непристойные выражения. На наш взгляд, эти три типа людей следует терминологически противопоставить друг другу, например, под названиями «примитивная, инокультурная и вульгарная языковые личности». Отождествлять их было бы неверно: ставить знак равенства между примитивной и инокультурной личностью есть проявление ксенофобии, нивелировать вульгарную и примитивную личности значит намеренно исказить действительность, поскольку представители вульгарных языковых личностей могут виртуозно изъясняться и мастерски владеют языковой игрой.

Люди, которые характеризуются высоким уровнем коммуникативной компетенции, так же представляют собой неоднородное образование. В плане языковой культуры говорят об «элитарной языковой личности» (термин О. Б. Сиротининой). Элитарная языковая личность органически сочетает в себе и высокий уровень коммуникативной компетенции, и явно выраженное индивидуальное, авторское своеобразие общения, и соответствие идеалам этики. В качестве примера таких личностей рассматриваются известные ученые, лекторы, мастера слова. Наряду с таким пониманием высокого уровня коммуникативной

компетенции можно предложить и такие типы людей, как языковые эксперты и языковые творцы. К первым относятся те, кто в силу профессии либо природного языкового чутья является хранителем норм и канонов языка, это учителя-словесники, профессиональные филологи, редакторы и корректоры. Ко вторым относятся авторы качественной художественной, научной литературы и публицистики и многие безымянные изобретатели удачных выражений, вошедших во всенародный узус. Отметим, что высоким уровнем коммуникативной компетенции может обладать и носитель диалектной культуры, не владеющий нормами литературной речи [Иванцова 2002; Малышева 2002].

Что же касается среднего уровня коммуникативной компетенции, то сюда относятся все те, кто занимает пространство срединной шкалы между условно выделенными полюсами, чаще всего имеются в виду представители массовой коммуникативной культуры.

Понятие «лингвокультурный типаж» соотносится с другими понятиями, характеризующими человека сквозь призму его коммуникативного поведения. В качестве важнейших смежных понятий следует отметить «роль», «стереотип», «амплуа», «персонаж», «имидж» и «речевой портрет».

Роль — одно из ключевых понятий социальной психологии, это устойчивый шаблон поведения, включающий действия, мысли и чувства человека, это «внутренне связанная система поступков, являющаяся реакциями на поведение других людей» [Щепаньский 1969: 71]. Ролевое поведение строится по образцу и имеет границы: исполнитель роли наделен определенной свободой действий. Можно говорить о роли родителя, офицера, пассажира, но нет, например, ролей человека вообще, с одной стороны, и зевающего человека, с другой стороны, так как ни чересчур общие характеристики, ни единственный релевантный признак не дают возможности составить роль, т. е. построить предсказуемый алгоритм поведения [Карасик 1992]. Структура роли включает место личности в системе социальных отношений, социальные связи, ролевые ожидания (экспектации), ролевых партнеров и ролевые предписания [Тарасов 1979: 117]. Типология ролей весьма вариативна. В качестве критериальных признаков ролей выделяются следующие характеристики человека: а) постоянные и переменные (мужчина — покупатель), б) независимые от человека и усвоенные (старик — сторож), в) статусные и ситуативные (начальник — гость), г) внутригрупповые и межличностные (лидер — друг). Эти характеристики могут взаимопересекаться.

Нельзя не упомянуть в этой связи о классической работе В. Я. Проппа «Морфология сказки». В этой книге дана принципиальная схема поведения семи действующих лиц любой волшебной сказки в виде ограниченного числа функций

этих лиц: герой, вредитель, даритель, царевна (искомый персонаж), отправитель, ложный герой, волшебный помощник. Ролевая логика поведения диктует действующему лицу по законам жанра весьма ограниченное число поступков. Например, помощник обеспечивает пространственное перемещение героя, ликвидацию беды или недостачи, спасение от преследования, разрешение трудных задач, трансфигурацию героя. Герой отправляется в поиски, реагирует на требования дарителя и получает желанный приз (свадьбу) [Пропп 1928: 88–89]. Понятно, что содержательное пространство сказки гораздо уже, чем пространство реальной жизни, но тезис об исчисляемости ролевых функций применительно к стандартным жизненным ситуациям представляется надежным основанием для прогнозирования поведения людей.

Лингвокультурный типаж строит свое поведение в соответствии с ролевыми предписаниями, в этом смысле можно сказать, что роль как общая схема поведения составляет основу содержания поступков типажа. Но сводить все поведение типажа к набору ролевых реакций означает игнорировать узнаваемые личностно значимые индивидуальные черты поведения человека и превращать его в марионетку.

Стереотип трактуется в социальных науках как совокупность устойчивых упрощенных обобщений о группе индивидуумов, позволяющая распределять членов группы по категориям и воспринимать их шаблонно, согласно этим ожиданиям [Джери, Джери 1999: 296; Ребер 2000: 313]. В основе стереотипа лежит дефицит информации и личный опыт индивида, отсюда следует, что нередко стереотипы оказываются ложными. Стремясь разграничить заведомо ложные и основанные на фактических наблюдениях стереотипы, социологи предлагают для последних название «социотипы» [Triandis 1994]. Психологически построение стереотипов — это необходимый и очень экономный способ освоения действительности, попытка обобщения на основе недостаточных знаний. Личностное восприятие при стереотипизации наделяет эти ментальные образования эмоционально-оценочным содержанием. В.В. Красных вкладывает новое понимание в традиционную трактовку стереотипа, полагая, что это представление фрагмента действительности имеет две ипостаси: канон (образец поведения) и эталон (совокупность ассоциативных связей) [Красных 2003: 231–232]. Стереотип-канон позволяет задать простую стандартную модель поведения в отношении определенного фрагмента действительности (например, при характеристике представителей иного этноса), а стереотип-эталон дает возможность выделить набор ассоциаций, присущих этому фрагменту, т. е. объяснить для себя прогнозируемое поведение стереотипизируемого объекта. В.В. Красных находит весьма точное разграничение между каноном и этало-

ном: их прескриптивная и предиктивная функции. Строго говоря, стандартная схема действий производна от типичных ассоциаций, сначала человек определяет признаки объекта, а затем строит свое поведение по отношению к нему. В реальности эти этапы стереотипизации неразрывно связаны. Если, например, мы на основании своего личного опыта делаем предположение, что наша соседка в купе поезда — школьная учительница, то мы можем спрогнозировать примерные темы разговора, типовые оценки, клишированные формульные выражения. В современной российской действительности к числу таких тем неизбежно будет относиться обида учителей на правительство из-за низкой и часто задерживаемой зарплаты. Стереотипы отражают действительность, и если объективная ситуация меняется, меняются и они (теперь ассоциация «продавщица — хамство» уходит из обихода вместе с исчезновением дефицита, со временем должна уйти и ассоциация «учительница — бедность»). При классификации стереотипов очень важным является противопоставление о собственной группе и других группах (аутостереотипы и гетеростереотипы). Самопредставления содержат гораздо больше положительных характеристик, чем представления о других.

Лингвокультурный типаж представляет собой обобщение и в этом плане включает стереотипные представления о типизируемой личности, с которой говорящий себя осознанно или неосознанно ассоциирует. В число стереотипных характеристик типажа входят и ценности, в соответствии с которыми типаж строит свое поведение, а ценности, как известно, представляют собой самые глубинные характеристики культуры. В отличие от стереотипа лингвокультурный типаж привязан к реально существующей или существовавшей личности либо к фикциональной личности как концепту (термин Г. Г. Слышкина).

Термин «амплуа» принят в театре и означает специализацию актера на исполнении ролей, сходных по своему типу (обычно наиболее соответствующих внешним данным, призванию и т. п.) (*амплуа комика, трагедийного героя*) [БТС]. В обобщенном толковании это понятие синонимично понятию «роль», которое этимологически обозначало во французском языке рулон бумаги, на котором была написана партия актера. Если устанавливать дистинкции между ролью и амплуа, то можно сказать, что роль есть маска, заданный извне шаблон поведения, в то время как амплуа представляет собой освоенную актером, наделенную эмоциональными переживаниями и узнаваемую зрителями очеловеченную роль. Следует обратить внимание на смысловой компонент «призвание», не случайно мы говорим: «Это — не мое амплуа», понимая, что нам не соответствует та или иная роль как модель поведения, что существует расхождение между нашим мироощущением и ролевыми предписаниями, вытекающими из

определенного амплуа. Кроме того, набор амплуа достаточно ограничен, в то время как роли варьируются бесконечно. У человека всегда есть выбор в любом социальном действии, и понятие «амплуа» подчеркивает сознательную ассоциацию своей идентичности с типовой ролью. Амплуа по своей внутренней форме (франц. — употребление, применение, использование, занятие) есть самопрезентация, это тот образ, в котором актер хочет быть узнаваем. А. В. Олянич отмечает, что амплуа в драме — это способ типизации, родственный драматургическому типу-маске и противоположный характеру [Олянич 2004: 170].

Сравнивая понятия «лингвокультурный типаж» и «амплуа», мы можем сказать, что они объединяются по признаку типизируемости применительно к образам людей и различаются по признакам сознательного эмоционально окрашенного выбора (амплуа маркирован, типаж нейтрален) и сферы поведения (типаж в большей мере отражает фактическое положение дел, реальное социальное распределение ролей, а амплуа — это личностно окрашенная презентация роли: например, роль учителя и соответствующий ей в обществе типаж «учитель» (чаще «учительница»), но амплуа «строгий учитель»).

Понятие «персонаж» — это действующее лицо художественного произведения, обычно второстепенное (в отличие от героя — главного действующего лица). В литературоведении персонаж рассматривается в трех аспектах: «1) человек или антропоморфное существо в мире произведения, 2) его нетождество реальному внетекстовому лицу, т. е. отсутствие или безразличие его референтности, даже если у него имеется реальный двойник, как, например, у пушкинского Пугачева или толстовского Наполеона, 3) его смоделированность или его моделирующая функция» (Фарино, 2004: 106). Персонаж фикционален, придуман, в отличие от реального человека, однако он конкретен, в отличие от социальной роли или социального стереотипа. Е. Фарино подчеркивает возрастающую значимость моделирования в современном общении, которое стремится к стиранию граней между реальностью и квази-реальностью. В виртуальной реальности нас интересует не фактуальная документальная достоверность, а соответствие нашим ощущениям, правдоподобность, мотивированная нашим сенсорным опытом. Персонаж — это одно из центральных понятий нарратологии (теории повествования). Существует действительность и повествование о действительности. В повествовании разграничиваются фабула (что рассказывается) и сюжет (как рассказывается). Персонаж в художественном тексте выполняет либо роль актора (действующего лица), либо нарратора (рассказчика). Наши представления о том или ином человеческом типаже включают этот типаж в мир повествований о нем, и при этом неизбежно стирается грань между фактом и фикцией. В этом плане показательны исторические романы и их экранизации.

Например, прочитав роман Р. Джованьоли «Спартак», мы не только представляем себе смоделированный автором внутренний мир человека, который возглавил восстание рабов в древнем Риме, но и в определенной мере ощущаем всю среду той эпохи, детализированную в описаниях тренировок гладиаторов, пиршеств патрициев и сложных межличностных отношений римской знати. Среди персонажей романа фигурирует историческое лицо Гай Юлий Цезарь. Как характеризуется этот великий римлянин? Приводится описание его внешности и одежды (ему было в момент повествования о нем 26 лет): это был высокий, прекрасно сложенный, физически сильный человек с выразительными и проницательными глазами, высоким и широким лбом, прямым носом и властолюбивым ртом, он бы одет с непревзойденным изяществом (так его представляет нам автор). Он отличался высокой образованностью, красноречием, храбростью (таковы свидетельства современников). Приводятся некоторые факты из его биографии: юный Цезарь женился на дочери консула Луция Корнелия Цинны и отказался развестись с ней, как того потребовал диктатор Сулла, после этого Цезарю пришлось покинуть Рим на несколько лет; он участвовал в войнах, отличался большой храбростью и лучше всех владел оружием; однажды, рискуя жизнью, он спас в бою жизнь солдата и за это был удостоен гражданского венка; отправившись в Грецию, чтобы послушать там знаменитых философов и ораторов, он попал в плен к пиратам, и когда те назначили за его голову выкуп в 20 талантов (1 аттический талант в Греции составлял 26,2 кг серебра), ответил, что за него уплатят 50 талантов, и что как только ему возвратят свободу, он отправится за пиратами в погоню, захватит их и велит их распять. Свое слово он исполнил. Эти фактуальные детали позволяют нам представить себе образ человека, обобщенного в персонаже «молодой Юлий Цезарь». В этом персонаже выражены ориентиры поведения, определяющие систему античных ценностей: гордость, бесстрашие, высокомерие к варварам, сила, красноречие, вкус.

Лингвокультурный типаж может конкретизироваться как персонаж художественного произведения. Вместе с тем типаж представляет собой обобщение реально существующих исторических лиц либо вымышленных персонажей. Когда мы ведем речь об английском аристократе, то в соответствии с нашими знаниями и опытом мы вспоминаем героев из произведений классиков английской литературы и художественных фильмов, мы можем представить себе интонацию, с которой английский король Эдуард III в 1348 году произнес фразу на старофранцузском: «*Honi soit qui mal y pense*» — «Пусть будет стыдно тому, кто плохо об этом подумает», когда у его партнерши во время танца на балу упала подвязка с чулка, а присутствовавшие не смогли этого не заметить. Ко-

роль поднял подвязку, демонстративно закрепил ее на своем колене и учредил Орден Подвязки, в который могли войти только члены королевской семьи и высшие дворяне. До сих пор этот орден считается высшей и почти недоступной наградой в Великобритании. Таким образом, рыцарское отношение к даме является одним из признаков английского аристократа. Возможность персонажной конкретизации является важной характеристикой лингвокультурного типажа.

Итак, позиция нарратора — это способ презентации лингвокультурного типажа, соответствующий тому, как подается информация (сюжет), а позиция актора — это собственно изложение факта, соответствующее тому, что говорится (фабула). Эти две позиции в известной мере соответствуют позиции модуса и диктума в любом высказывании (по Ш. Балли). Фактуальные характеристики, касающиеся типажа, представляют собой диктум, а отношение к ним, заданное говорящим или общественным мнением, образует модус. Отметим, что фактуальные характеристики могут включать и информацию, которая противоречит нашему обыденному опыту и которую нужно принимать на веру, таковы факты, касающиеся мифологических персонажей (например, героев античных мифов или эпоса).

Еще одной важной персонажной характеристикой типажа является четкое разделение прав актора и нарратора: актер способен совершать всякие действия, но он не знает, чем они закончатся, он не контролирует фабулу, нарратор же не участвует в действиях, он повествует о них, он знает, что произойдет с персонажем и может формировать отношение к персонажу, акцентируя те или иные факты, эмоционально комментируя поступки персонажа, приводя определенные описания и рассуждения.

В ряду терминов, соотносимых с обсуждаемым понятием «лингвокультурный типаж», фигурирует «имидж». Известный специалист в области прагмалингвистики и теории коммуникации Г. Г. Почепцов определяет имидж как знаковый заменитель сложного и углубленного портрета человека, отражающий его основные черты или те черты, которые хотят на нас спроецировать [Почепцов 2000: 12]. В имиджологии разграничиваются самоимидж, воспринимаемый и требуемый имиджи, в первом случае акцентируется взгляд на человека со стороны своего я, во втором — со стороны других, в третьем — со стороны функциональных характеристик того или иного вида деятельности. Отметим, что самоимидж и имидж с позиций других людей фокусируют внимание на личностных характеристиках человека, а требуемый имидж — на статусно-функциональных характеристиках.

Знаковая специфика имиджа определяет его место в ряду представлений о человеке. Важнейшей характеристикой знака является какой-то один отличительный признак, поэтому имидж должен быть не просто замещением в нашем сознании суммы знаний и переживаний о каком-то человеке или группе, а элементарным замещением. Подобно тому, как при наименовании объекта мы выбираем лишь один из множества его признаков, при построении имиджа мы высвечиваем только одну характеристику человека, неизбежно стилизуя, упрощая или карикатурно преувеличивая ее. Сфера применения имиджа — чужой человек, образ для чужих или как бы образ для чужих. Странно было бы создавать имидж любящей заботливой матери для собственного ребенка, это невозможно сделать, но такая задача вполне реальна для презентации себя соседям, коллегам и просто чужим людям. Политик с открытой улыбкой пожимающий руки незнакомым людям является актером своеобразного черно-белого театра, в котором все богатство человеческих отношений сводится к микронабору узнаваемых и однозначно толкуемых признаков. Следующей характеристикой имиджа является его способность восприниматься органами чувств, обычно это визуальный имидж, хотя зрительно воспринимаемая информация может дать толчок ассоциациям в направлении всех сенсорных модальностей. Например, в рекламе часто акцентируется переход от визуального к тактильному признакам (контактные модальности — осязание, обоняние и вкус — оказывают значительно большее влияние на подсознание, чем дистантные — зрение и слух). Внешняя сторона имиджа непосредственно воздействует на адресата: не случайно для большинства избирателей гораздо важнее то, как политик улыбается, чем то, что он говорит (этот факт давно известен политтехнологам: избиратели не верят словам, часто не понимают тонкостей политических программ, не хотят вникать в содержание речей, но доверяют своей интуиции при оценке искренности, ума и перспектив человека на экране). Карикатурное подчеркивание внешности — постоянный прием при создании образа врага (в строгом понимании — имиджа врага). Например, в революционных листовках капиталист — уродливый, старый и пузатый, а рабочий — красивый, молодой и стройный.

Важнейшей характеристикой имиджа является его моделирующая функция. Имидж формирует систему ценностей. Так, активное внедрение американских рекламных технологий в современную российскую культуру привело к постоянному акцентированию ценностей американской культуры, которую отличает телесно-материальное восприятие жизни. Телезрители постоянно видят красивых молодых преуспевающих людей, которые занимаются спортом и любовью, пользуются дезодорантами, покупают дорогие автомобили, мобильные

телефоны и престижную бытовую технику, живут в свое удовольствие. В сознание российской аудитории внедряется установка жить сегодняшним днем, гедонистическое отношение к жизни. Такое отношение ставит под вопрос необходимость построения планов, проектирования своей жизни, а без проектирования жизнь неизбежно теряет смысл. В определенной мере такая рекламная линия является реакцией на радикальную революционную установку советской эпохи жить только ради будущего, отказывая себе во всем сегодня. Такой аскетический идеал поведения не соответствовал потребностям абсолютного большинства людей и потерпел фиаско. Специфика российского отношения к действительности состоит, как неоднократно отмечали отечественные писатели и философы, в отрицании золотой середины и в отчетливом приоритете сердца над рассудком. Неудивительно поэтому, что имидж как средство формирования массового сознания в современной России часто направлен на понижение и отключение интеллекта. В одном из современных рекламных роликов о пиве (вероятно, в качестве эксперимента) реализуется откровенно оскорбительная стратегия по отношению к населению: звучит фрагмент текста на красивом немецком языке с глубокими баритональными модуляциями, демонстрируется бутылка пива, затем диктор по-русски говорит, что нам не нужно понимать по-немецки, а немцы знают толк в пиве. Потребитель сводится до уровня безмозглого существа, поскольку превосходство по интеллекту есть превосходство по сути.

Лингвокультурный типаж имеет определенные точки пересечения с имиджем, отличаясь от последнего многомерностью и относительной объективностью. Если имидж формируется сознательно, являясь инструментом для обработки общественного мнения (в особых случаях — средством самовоспитания), то типаж возникает стихийно в результате развития общества. В редуцированном варианте типаж может превратиться в имидж. Совокупность типажей является слепком культуры, совокупность имиджей представляет собой некий инструментарий для воздействия на адресата, и хотя этот инструментарий неизбежно содержит определенные характеристики культуры, такие характеристики подчеркнута субъективны.

Человек в языке проявляется прежде всего через свое коммуникативное поведение, а именно: через специфическое индивидуальное преломление произносительных норм, выбор определенной лексики и сознательный отказ от ряда слов и выражений, употребление определенных синтаксических оборотов, владение разными жанрами речи, индивидуальное паравербальное поведение (жесты, мимика, избираемые дистанции в общении и др.). Систематическое описание этих особенностей коммуникативного поведения есть рече-

вой портрет человека [Ерофеева 1990; Черняк 1994; Крысин 2001; Гафарова 2006]. Такой портрет может быть индивидуальным и коллективным. Исследователи отмечают, что по своей сути подобное описание коммуникативного поведения есть социально-речевой портрет, поскольку «каждый из портретов отражает особенности речи определенной общественной среды (представителем которой является «портретируемый»)» [Крысин 2001: 91]. Т. М. Николаева справедливо подчеркивает, что для такого описания нужно характеризовать не все уровни и факты языковой системы, а только «яркие диагностирующие пятна» [Николаева 1991: 73]. Такие диагностические индексы весьма немногочисленны и распадаются на два класса единиц: особенности в наборе языковых единиц и в речевом поведении представителей определенной группы [Крысин 2001: 93].

Так, по наблюдениям Л. П. Крысина, для современного русского интеллигента (с учетом множественности и неоднородности описываемого объекта) характерны определенные фонетические особенности (приближенное к оригиналу произношение заимствованных иностранных слов из западноевропейских языков) и менее распространенное, чем в усредненной субстандартной норме, фрикативное [г]. К числу лексических индексов относятся некоторые книжные слова (например, «отнюдь» и «весьма») и отсутствие в речи «чиновничьих слов» («подвижка», «конкретика», «обговорить»), хотя техническая интеллигенция быстрее адаптируется к таким словам, чем интеллигенция гуманитарная. Важными коммуникативными признаками, выделяющими интеллигента в общении, являются контактные формулы без конкретизации адресата (невозможно обращение «мужчина» или «женщина», «кассир», «врач» и др.), прецедентные тексты высокой культуры (мифологические, литературные, публицистические) в отличие от прецедентных ситуаций, на которые ссылаются в семье и на производстве, игры с формами слов («Завтра у них какое-то муроприятие») [Крысин 2001].

Лингвокультурный типаж проявляется через коммуникативное поведение, важнейшим компонентом которого является вербальный ряд. В этом плане речевое портретирование типажа представляет собой продуктивный исследовательский прием, если, разумеется, такой типаж не относится к исторической архаике и допускает изучение посредством наблюдения. Типизация людей возможна не только на основе их совокупных лингвокультурных характеристик, но и на основе какого-либо одного параметра, например, по типу коммуникативного поведения, например, типаж «шутник» [Мироненко 2005]. Интересна художественно-публицистическая типизация людей у Алексея Слаповского в цикле «Российские оригиналы». Например, «Балабол»:

Вот уж тип — наш! Сверху донизу, вдоль и поперёк! Тип, славный на протяжении чуть ли не всей русской истории, но именно в наше время развернувшийся в полную широту. И он, возможно, окажется среди немногих уцелевших, хотя, конечно, утратит нынешнюю колоритность оригинального своеобразия.

Балабол — не Болтун, хоть и на одну букву. Болтун всего лишь характеристика, да ещё и уничижительная. На первый взгляд и в слове БАЛАБОЛ есть принижение, но разве не приходилось вам самим произносить с восхищением или слышать уважительно-ошарашенное: «Вот балабол!»?

Балаболом надо родиться — и не только родиться, но и из собственного балабольства выгоду извлечь, что большинство балаболов и делает, хотя, как правило, эту выгоду своим же балабольством и уничтожает.

На вид он кажется часто дурак дураком: глаза вытаращит, слюной брызжет, слова бегут изо рта всем скопом, как школьники на перемену после скучного урока. И такое ляпнуть может, — хоть святых выноси, — и всякий раз иное, так что удивляться не перестаёшь.

Балабол-строитель с утра до вечера будет уговаривать заказчика, что дом на зыбкой песчаной почве не только можно строить без фундамента, но и должно, поскольку почва уплотнится сама под весом здания и станет лучше всякого фундамента, фундамент же обязательно расшатан будет зыбучим песком, дом покосится — и упадёт. А через час, опомнившись, что упускает собственную выгоду, он доказывает, что нужен не только фундамент, но и подземный гараж на три этажа, а песок — что песок? — под песком-то настоящая земля начнётся рано или поздно! Если ж начнётся не земля, а вода, и тут строитель-балабол придумает что-нибудь вроде подземного целебного бассейна. Заказчик с удивлением смотрит на свою руку, подписавшую смету и на гараж, и на бассейн, а звуки голоса балабола уже носятся по всем углам стройплощадки...

Балабол-политик обещает всеобщее благоденствие на следующей же неделе после своего восшествия на высший государственный пост: студентам — бесплатное горячее питание с пивом, крестьянам — землю и каждому по комбайну даром, рабочим — гарантированную зарплату независимо от производительности, банкирам — благоприятственные условия наращивания капитала, военным — успешную победоносную войну в течение месяца, после которой они будут сапоги мыть в Карибском море... Он совмещает киевского дядьку с огородной бузиной, он стучит кулаками, ежеминутно выдумывая врагов себе и государству, он не боится быть смешным, прекрасно зная, что на политической ярмарке чем чудней — тем больше зевак вокруг. Здравомыслящих людей он приводит в весёлое недоумение клиническим буйством своих фантазмагорий, а тем временем население, среди которого балаболов тоже водосталь, голосует — за комбайны, за горячее питание, за наращивание капитала и за сапоги в Карибском море, за сапоги при этом охотнее всего, ибо чем несбыточной бредни политического балабола, тем живее откликается на них балабольная часть электората.

Помимо сугубо речевого портретирования для изучения типажей может оказаться полезным и их паравербальное портретирование (например, в среде

интеллигенции не принята чрезмерная жестикуляция, табуируются плевики,ковыряние в носу и другие сопровождающие речь действия, не вызывающие протеста в иных группах). Используя термин «лингвокультурный типаж», мы акцентируем внимание, во-первых, на культурно-диагностической значимости типизируемой личности для понимания соответствующей культуры, и, во-вторых, на изучении этой личности с позиций лингвистики (с учетом обозначения, выражения и описания соответствующего концепта, воплощенного в языке).

Изучение лингвокультурных типажей представляет собой развитие лингвокультурологии. В ряду разных лингвокультурных концептов выделяются ментальные образования, содержанием которых является человек. Изучение таких концептов начато сравнительно недавно [Карасик 2004; Ярмахова 2004; Деревянская 2005; Дмитриева 2005; Елина 2005; Коровина 2005; Мищенко 2005; Радван 2005; Скачко 2005; Лутовинова 2006; Макарова 2006; Селиверстова 2006], и мы надеемся, что такое лингвокультурное описание языковой личности даст возможность получить новые интересные результаты.

Подведем основные итоги.

Теория лингвокультурных типажей представляет собой развитие теории языковой личности в рамках лингвокультурологии и синтезирует в себе достижения лингвистики, литературоведения, социологии, психологии и культурологии. Понятие «лингвокультурный типаж» пересекается с понятиями «языковая личность», «модельная личность», «роль», «стереотип», «амплуа», «персонаж», «имидж» и «речевой портрет». Важнейшие смысловые дистинкции понятия «лингвокультурный типаж» состоят в типизируемости определенной личности, значимости этой личности для культуры, наличии ценностной составляющей в концепте, фиксирующем такую личность, возможности ее как фактического, так и фикционального существования, возможности ее конкретизации в реальном индивидууме либо персонаже художественного произведения, возможности ее упрощенной и карикатурной репрезентации, возможности ее описания с помощью специальных приемов социолингвистического и лингвокультурологического анализа.

2.2. Лингвокультурный типаж «русский интеллигент»

В ряду типажей русской культуры особое место занимает типаж «интеллигент». По поводу этого типажа постоянно ведутся споры в художественной и публицистической отечественной литературе. Отношение к интеллигенции и

ее представителям в России всегда было эмоционально маркированным — от признания этой большой и весьма разнородной социальной группы хранителями культуры до обвинения интеллигентов во всех бедах, происходящих со страной. Принято считать, что интеллигент как типаж является этноспецифичным концептом — этот концепт свойствен только русской культуре. В лингвистике, точнее, в социолингвистике и прагмалингвистике, выполнен ряд исследований, посвященных изучению речи представителей разных профессиональных групп образованной части населения (учителя, врачи, адвокаты, журналисты, профессора, актеры, офицеры и др.) [Багдасарян 2005; Бейлинсон 2001; Варнавских 2004; Елина 1997; Каратанова 2003; Кормилицына 1996; Коротева 1999; Кочеткова 1998; Парсамова 2004; Сиротинина 2003; Тарасова 2003; Тупицына 2000]. Детальное речевое портретирование современного русского интеллигента выполнено Л. П. Крысиным [2001]. Подробное описание отношения к интеллигентам и интеллигентности в России приводится в работах Ю. С. Степанова [1997], Н. Л. Гоголицыной [Gogolitsyna 2002], Г. Н. Складневской [2005], В. М. Савицкого [2007].

Лингвокультурное моделирование данного типажа представляется интересным по следующим соображениям:

- 1) образные и понятийные характеристики интеллигентов часто представлены в упрощенном и искаженном виде, и поэтому специальный лингвокультурный анализ даст возможность увидеть реальную картину осмысления данного лингвокультурного типажа в собственной культуре;
- 2) этот типаж характеризуется четко определенными ориентирами поведения, которые в известной мере являются направляющими для общества в целом, при этом систематического описания ценностных ориентиров интеллигента в коллективном языковом сознании еще не проводилось;
- 3) этот типаж в течение длительного времени был идеологически маркирован, в современном российском сознании в новых социально-политических условиях самоощущение интеллигентов и отношение к ним со стороны других групп населения претерпело определенные изменения, которые еще не осмыслены в лингвокультурном ключе.

Моделирование любого лингвокультурного типажа основано на признании неоднородности социальной группы, которая является объектом социолингвистического и лингвокультурологического анализа, на возможности противоречивых признаков и амбивалентного отношения к ним в обществе, на понимании изменчивости как базовых, так и сопутствующих характеристик этого типажа при сохранении его самотождественности [Крысин 2001].

В данной работе моделирование лингвокультурного типажа строится по следующему плану: 1) дается описание понятийного содержания рассматриваемого концепта, анализируются важнейшие имена концепта в их системных связях, включая родовидовые и оппозитивные отношения, раскрывается мотивация признаков, составляющих концепт «интеллигент»; 2) определяются ассоциативные признаки рассматриваемого типажа в индивидуальном языковом сознании, установленные в результате анализа коротких текстов, составленных информантами, контекстуальных фрагментов и ассоциативных реакций носителей современной русской лингвокультуры; 3) выявляются оценочные характеристики данного типажа в самопредставлении и в представлении других социальных групп на основании анализа оценочных суждений в виде афоризмов и текстовых фрагментов.

Известно, что метаязыковая функция языка в определенной мере усложняет описание языка, есть опасность смешения предмета и инструмента исследования. Аналогичным образом изучение того типажа, к которому относится сам исследователь, требует постоянной рефлексии, направленной на получение объективной информации о действительности. Вместе с тем следует подчеркнуть, что рассматривая проблемы социолингвистики, исследователь так или иначе занимает определенную оценочную позицию, и в этом плане имеет право эту позицию явно обозначить. Этот тезис, четко сформулированный Р. Водак в качестве методологического основания критического анализа дискурса, принят в качестве аксиомы в данной работе [Водак 1997: 9].

Вопросы о сущности интеллигенции как особой группы людей и интеллигентности как качества личности постоянно волнуют людей, которые считают себя интеллигентами. Выработанные в философии, социологии, культурологии и публицистике идеи, связанные с концептом «русский интеллигент», можно вкратце изложить следующим образом.

Группа или класс интеллектуалов возникает неизбежно в результате разделения труда и выполняет необходимые в обществе функции сохранения традиций и выработки новых знаний, эти функции могут вступать во взаимное противоречие, и тогда носители знания становятся либо догматиками, либо оторванными от жизни идеалистами [Марков 2001; Смотрицкий 2001].

Существуют два основных понимания концепта «интеллигенция»: социологический (люди умственного труда) и этический (люди с обостренным ощущением ответственности за культуру), первое понимание распространяется на различные страны, второе свойственно только России, хотя есть публикации, авторы которых оспаривают сугубо российское этическое понимание интеллигентности. Социологические исследования показывают, что этическое понима-

ние интеллигенции постепенно теряет свою значимость в сознании носителей современной русской культуры [Латова 2005; Петрова 2001; Полемика и дискуссии 2004].

Возникнув в результате реформ Петра I, русская интеллигенция институционально оформилась как общественная группа в XVIII–XIX веках и прошла три этапа в своем развитии: класс грамотных слуг государственной власти, класс критической оппозиции государственной власти (разночинская интеллигенция) и класс социальных подгрупп, имитирующих в массе своей лояльность государству (советская интеллигенция) [Гоголицына 2002; Латова 2005].

Русская интеллигенция позиционирует себя в качестве одного из углов треугольника «власть» – «народ» – «интеллигенция», противопоставляясь власти и критикуя ее пороки, с одной стороны, и противопоставляясь простому народу и ощущая свою ответственность за его развитие, с другой стороны [Блок 1918; Гоголицына 2002; Латова 2005].

К числу основных достоинств интеллигенции представители разных политических партий относят обостренное чувство справедливости. Вместе с тем интеллигенцию обвиняют в лицемерии, тайном и явном прислуживании власти, карьеризме, отрыве от народа и (с позиций радикально-националистических критиков) в сознательном курсе на причинение вреда народу, в гордыне и вытекающем из нее атеизме, в изнеженности и брезгливости, а также в низком уровне профессиональной квалификации и малой способности к творчеству [Полемика и дискуссии 2004].

Основные обвинения в адрес интеллигенции в публицистике сводятся к тому, что настоящих интеллигентов очень мало (критики себя относят к этому меньшинству), что любой компромисс с властью для интеллигенции является гибельным, для власти — ошибочным, для страны в целом — тупиковым, поскольку кто-то другой должен взять на себя функции критики власти. Социологические исследования показывают, что вопрос о роли интеллигенции в обществе волнует только интеллигенцию. Дискуссии о судьбах русской интеллигенции неизбежно выливаются в вопрос о путях развития России (спор славянофилов и западников) [Петрова 2001; Полемика и дискуссии 2004].

Охарактеризуем понятийную составляющую рассматриваемого концепта.

Интеллигенция (от лат. *intelligens* — понимающий, мыслящий, разумный), общественный слой людей, профессионально занимающихся умственным, преимущественно сложным творческим, трудом, развитием и распространением культуры. Понятию интеллигенция придают нередко и моральный смысл, считая ее воплощением высокой нравственности и демократизма. Термин «интел-

лигенция» введен русским писателем П. Д. Боборыкиным и из русского перешел в другие языки. На Западе более распространен термин «интеллектуалы», употребляемый и как синоним интеллигент. Интеллигенция неоднородна по своему составу. Предпосылкой появления интеллигенции было разделение труда на умственный и физический. Зародившись в античном и средневековом обществах, получила значительное развитие в индустриальных и постиндустриальных обществах (Иллюстрированный энциклопедический словарь. Электронная версия).

Слово «интеллигент» является латинским заимствованием и восходит к слову *intelligentia* — «понимание» [внутренняя форма *inter-lego* — между + собирать, подбирать, различать взором, читать]. Историческим предшественником интеллигента является разночинец. Это понятие определяется следующим образом: В конце XVIII–XIX в. в России: человек, занимающийся умственным трудом, не принадлежавший к дворянству, выходец из других сословий (купечества, мещанства, духовенства или из мелкого чиновничества) [БТС]. Впрочем, по мнению В. В. Колесова, речь интеллигенции в большей мере соответствует характеристикам среднего сословия, основу которого к концу XIX века в России составляли мещане (городской класс, противопоставляемый черни), в то время как разночинцы с их стремлением говорить отвлеченно, были в основном поповичами [Колесов 1998: 28–32]. Разночинец как тип, определяемый по минус-характеристике (внутренняя форма слова указывает на нечеткость этого понятия с позиций власти, т. е. дворян), со временем осознает себя как социальный тип, определяемый позитивно, по основному виду деятельности — умственный труд. В толковом словаре Д. Н. Ушакова (1935–1940, переизд. 2001) приводится ряд слов, уточняющих исходную идею данного концепта в нескольких частеречных и оценочных направлениях:

Интеллигент — 1. Лицо, принадлежащее к интеллигенции. 2. То же, как человек, социальное поведение к-рого характеризуется безволием, колебаниями, сомнениями (презрит.). *Вот она психология российского интеллигента: на словах он храбрый радикал, на деле он подленький чиновник. Ленин.*

Интеллигентка — Женск. к интеллигент.

Интеллигентность — (книжн.) отвлеч. сущ. к интеллигентный, культурный. *Он выделялся своей интеллигентностью.*

Интеллигентный — 1. Образованный, культурный, присущий интеллигенции. *Он оказался вполне интеллигентным человеком.* 2. Прил. к интеллигенция (книжн.) *Интеллигентные профессии.*

Интеллигентский — свойственный интеллигенту (во 2 знач.). *По моему мнению, отрицательное отношение к интеллигенции есть именно чисто «интеллигентское» отношение. Максим Горький.*

Интеллигентство — (презрит.) Образ мыслей, привычки, свойственные интеллигенту (во 2 знач.).

Интеллигентщина — (нов. разг., презрит.). 1. Интеллигенция, интеллигентные люди. *Собралась одна интеллигентщина.* 2. То же, что интеллигентство (но с большим презрением). *Его взгляды — сплошная интеллигентщина.*

Интеллигенция — 1. Общественный слой работников умственного труда, образованных людей (книжн.). *Ни один господствующий класс не обходился без своей собственной интеллигенции... Рабочий класс СССР также не может обойтись без своей собственной производственно-технической интеллигенции. Сталин.* 2. Собр. Люди этого слоя. *На собрании присутствовала только интеллигенция.*

В словаре В.И. Даля (1880) находим следующее определение: Интеллигенция — (в знчн. собрт.) разумная, образованная, умственно развитая часть жителей.

В Большом толковом словаре русского языка, глав. ред. С. А. Кузнецов (1998), приводятся практически те же слова, что и в словаре, изданном под редакцией Д. Н. Ушакова, но их толкование и словарные иллюстрации носят уже другой характер:

Интеллигент — тот, кто принадлежит к интеллигентам. *Быть настоящим интеллигентом.* <Интеллигентшишка. Пренебр. *Что понимает этот интеллигентшишка!* Интеллигентка. Разг. *Потомственная интеллигентка.* Интеллигентский. *Интеллигентская деликатность.* По-интеллигентски. *Рассуждать по-интеллигентски.*

Интеллигентный. 1. Только полн. к Интеллигент и Интеллигенция. *Интеллигентное общество.* 2. Свойственный, присущий интеллигенту, интеллигенции. *Интеллигентная речь.* 3. Обладающий большой внутренней культурой. *Он глубоко интеллигентен.* Интеллигентно. *Он выглядел вполне интеллигентно.* Интеллигентность. *Он привлекает своей интеллигентностью.*

Интеллигентский. См. Интеллигент.

Интеллигентщина. Ирон. 1. Собр. Интеллигентные люди, интеллигенция. *Нерешительность интеллигентщины.* 2. Образ мыслей, поведение, свойственные интеллигенции. *Проявление типичной интеллигентщины.*

Интеллигенция. 1. Социальная группа, состоящая из образованных людей, обладающих большой внутренней культурой и профессионально занимающихся умственным трудом. *Задачи российской интеллигенции.* 2. Собр. Люди, принадлежащие к этой социальной группе, интеллигенты. *В клубе собралась вся сельская интеллигенция.*

В объяснительном словаре нового типа (Толковый словарь русского языка под ред. Д.В. Дмитриева, 2003) рассматриваемый концепт трактуется только положительно:

Интеллигентный. 1. Интеллигентным называют человека, который хорошо воспитан, обычно образован и обладает высокими духовными качествами, а также груп-

пу таких людей. *Он и внешне и по поведению чрезвычайно интеллигентный, мягкий и очень добрый человек.* 2. Поведение, речь и т.д. называют интеллигентными, когда они свойственны хорошо воспитанному, культурному человеку. *Он обладал вполне интеллигентной наружностью.*

В словаре В. В. Химики «Большой словарь русской разговорной речи», 2004, приводится следующая характеристика интересующего нас концепта:

Интеллигент. Насмешл. пренебр. или презр. (бран.) разг. О нерешительном, безвольном, психологически и физически слабом человеке. В обывательской среде традиционно, особенно в соответствии с классовой идеологией советского времени, о людях умственного труда, особенно гуманитарных занятий, которым приписывается ряд якобы свойственных им непростительных недостатков: слабость, нерешительность, безволие, ненадежность и т.п. *Эх, ты, интеллигент, разве так с бабой надо разговаривать, она силу любит!; Эй. Ты, интеллигент в шляпе, поди сюда!; Интеллигентом стал, ручки замарать боишься, да?*

Вшивый (гнилой) интеллигент (гнилая интеллигенция). Груб. презр. бран. разг. Усил. к «интеллигент» (как оскорбление). *Про Юрьева в прежние времена вообще сказали бы: вшивый интеллигент — худой, осторожный, в больших очках, всегда безупречно одетый и причесанный, невероятно воспитанный.*

Мягкотелый интеллигент. Неодобр. или презр. бран. разг. О безвольном человеке, проявляющем излишнюю уступчивость. *Эх, ты, мягкотелый интеллигент, я бы на твоём месте не промолчал!*

Интеллигенция. Насмешл. или презр. бран. разг. Собр. к «интеллигент»; = интеллигент. В обывательской среде нередко считается, что люди умственных занятий чужаются физического труда, грязной работы и презируют простого рабочего человека. *Эх, ты, интеллигент, смотри, как надо колоть дрова!*

Приведенные дефиниции дают возможность выделить следующие признаки в значении слова «интеллигент»: 1) человек, 2) зарабатывающий на жизнь трудом, 3) занимающийся умственным трудом, 4) занимающийся умственным трудом профессионально, 5) обычно образованный, 6) обладающий большой внутренней культурой, 7) хорошо воспитанный, деликатный, 8) нерешительный, колеблющийся, подверженный сомнениям.

По отношению к признакам, образующим понятийный каркас концепта «интеллигент», можно установить следующие оппозиции: 1) человек, 2) не занимающийся никаким трудом, праздный человек, 3) занимающийся физическим трудом, 4) занимающийся умственным трудом в порядке развлечения, 5) малообразованный, 6) имеющий низкий уровень внутренней культуры, 7) плохо воспитанный, грубый, 8) решительный.

Важнейшим объективным признаком характеризуемого человека является род постоянных занятий — умственный труд. Интеллигент противопоставлен

тем, кто освобожден от необходимости зарабатывать себе на жизнь, и тем, кто проявляет свои умственные способности для собственного удовольствия и развлечения. Обратим внимание на то, что в русском языке (и в английском тоже) есть слово «интеллектуал», человек, обладающий высоким интеллектом, но быть интеллектуалом не значит профессионально заниматься умственным трудом. В русском языке нет слова со славянским корнем для обозначения данного концепта. Это можно объяснить высокой абстракцией данного понятия и традицией образованных людей пользоваться классическим греко-латинским наследием для обозначения таких понятий.

Ключевой признак в составе понятийной характеристики рассматриваемого концепта — «умственный труд» — является весьма размытым и нечетким. Строго говоря, любой труд — «целесообразная деятельность человека, направленная на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценностей (БТС)» — содержит элементы как умственного, так и физического напряжения. Говоря о труде умственном и физическом, мы обычно оперируем не понятиями, а образными характеристиками (человек в костюме с авто-ручкой или каким-то небольшим профессиональным прибором в противоположность человеку в комбинезоне с кувалдой либо ломом). Экономисты, социологи и политологи детально обсуждают эти характеристики, но с позиций обиходного знания эти различия сводятся к типичным условиям работы и типичной внешности соответствующих работников.

Внешнее различие такого рода называется по-английски *white collar job* — *blue collar job* — «белый воротничок (канцелярский работник, служащий) — синий воротничок (производственный рабочий)». Профессии «учитель», «врач», «инженер», «журналист», «актер» традиционно относятся к профессиям умственного труда, а «слесарь», «плотник», «повар», «лесоруб», «водитель» — это занятия, попадающие (с оговорками) под определение труда физического. В английском языке, как известно, слово *profession* применимо только к умственному труду, требующему длительного формального (университетского) обучения. Этот признак — умственный труд — характеризует не столько конкретную предметную деятельность, но и определенный типичный стиль жизни, который поддается не столько четкой понятийной систематизации, сколько описанию и объяснению ассоциативных признаков. Например, с большой степенью вероятности мы можем предположить, что человек, занимающийся умственным трудом, в большей мере способен вести разговор на абстрактные темы, строить формальные умозаключения, интересуется произведениями высокого искусства и т.д., хотя можно привести и примеры, свидетельствующие о таких характеристиках поведения у людей, традиционно относимых к представите-

лям физического труда. Вместе с развитием техники меняется содержание умственного и физического труда. Относительно надежным для понимания специфики умственного труда остается признак образованности, наличия высшего образования.

Признак «высокая образованность» логически вытекает из необходимости заниматься умственным трудом. Но здесь мы сталкиваемся с очень важным уточнителем — «обычно». Это значит, что 1) не каждый высокообразованный человек может считаться интеллигентным и 2) интеллигентность может сочетаться с недостаточным формальным образованием. Возникает логическое противоречие, которое и объясняет специфику рассматриваемого концепта.

Признак «большая внутренняя культура» в концентрированном виде выражает этическое кредо интеллигентного человека, заключающееся в уважительном отношении к другим людям, причем не внешне-этикетном, а внутреннем. Вежливость, предупредительность и мягкость в обращении составляют содержание качества «деликатность». Обычно эти качества в обществе заслуживают одобрение и не случайно в содержании рассматриваемого концепта (в его словарно-дефиниционной составляющей) выделяется признак «хорошо воспитанный».

С названными положительными признаками резко диссонирует признак отрицательный: «нерешительный, безвольный, колеблющийся, сомневающийся». Для объяснения этого признака необходимо ответить на вопрос, почему возникла комбинация признаков «профессиональный умственный труд» и «нерешительность». На первый взгляд, такая комбинация выглядит странно и нелогично. Мы знаем, что любое положительное качество в своих крайностях превращается в отрицательные свойства личности. Например, храбрость — недостаточное проявление этого качества есть трусость, избыточное — безрассудство. Если рассмотреть с этих позиций интеллектуальную способность человека, мы приходим к аналогичным выводам: плохо быть недостаточно умным, т. е. глупым, и плохо быть чересчур умным (с точки зрения других людей), т. е. показывать другим, что они глупее. Слово «умник» в русском языке характеризует именно таких людей.

Логично было бы найти в языке слова, обозначающие людей, которые обнаруживают профессиональную несостоятельность. Такие слова мы находим в тех случаях, когда предполагается, что человек должен быть хорошо подготовлен к определенной деятельности, требующей высокой квалификации, но не справляется с этой деятельностью. Помимо оценочной сниженной лексики в словаре есть единицы для обозначения тех людей, кто делает вид, что разбирается в сложных вопросах, и тех, пытается одурачить людей, причем с тяже-

лыми для них последствиями (интересно, что оба этих слова — «дилетант» и «шарлатан» — итальянского происхождения, так обозначались любитель и торговец лекарственными средствами). Если человек занимается какой-либо деятельностью из любви к искусству, и это никому не приносит вреда, то такое занятие в обществе не осуждается (сравним: астроном-любитель и *хирург-любитель). В компьютерном сленге это смысловое распределение четко прослеживается: выделяются три позиции — 1) «юзер», знаток компьютеров, 2) «чайник», тот, кто не разбирается в них, 3) «ламер», тот, кто делает вид, что разбирается, а на самом деле ничего в них не понимает. Ламер опасен тогда, когда он берется чинить чужой компьютер. В языке нет слов для отрицательно-оценочного обозначения тех, кто работает очень хорошо, лучше, чем другие. Эта позиция заполняется оценкой другого порядка: «Когда делаешь что-либо хорошо, невольно начинаешь любоваться собой, и тогда уже не может быть хорошо». Такая оценка относится к поведению любого человека, вне зависимости от его профессиональной деятельности.

Попробуем подойти к оценке признака «нерешительность» с другой стороны. Почему этот признак вызывает отрицательную оценку? Нерешительный человек не уверен в себе, пребывает в унынии, затягивает выход из затруднительной ситуации и в определенной мере замедляет общее продвижение всех к заданной цели. Наиболее опасна нерешительность на поле боя. В условиях борьбы, восстания, революции, когда «промедление времени смерти подобно», нерешительность становится очень опасным качеством. Отметим, что в словаре В. И. Даля умственный труд и нерешительность не комбинируются. Такая комбинация стала актуальной в революционной борьбе, когда высокообразованные, культурные и идеалистически настроенные люди в России приняли участие в революционном процессе. Революционная борьба требует железной дисциплины и принятия жестких, а иногда и жестоких, решений. В этих обстоятельствах интеллигенты стали сомневаться в правильности принимаемых решений. Эти решения оценивались интеллигентами не с позиций эффективности, а с позиций нравственности. Соответственно, вожди революции клеймили своих бывших сторонников как безвольных и мягкотелых вредителей общему делу.

Исторически высшим сословием России было дворянство. Делом дворянина была военная служба царю в качестве офицера. С позиций офицера высшей доблестью человека является способность не задумываясь совершить подвиг. Рискну предположить, что человек, который по роду своей деятельности должен часто задумываться, рассуждать, взвешивать разные варианты и при этом склонен их оценивать с этической стороны, не может вызвать симпатии дворянского офицера. Деликатность такого человека трактуется офицером как сла-

бость и изнеженность. Высокий интеллект редко сочетается с внутренней лояльностью. Интеллигент критически оценивает действия властей. Хозяева страны на любом историческом этапе развития России имели все основания для того, чтобы сомневаться в безоговорочной поддержке со стороны интеллигенции.

Наконец, с позиций простого народа, малообразованного и угнетенного, интеллигент является нанятым слугой угнетателя, помогающим этому угнетателю эксплуатировать народ. Малообразованным людям свойственно считать умственный труд имитацией деятельности. Хорошие манеры интеллигента воспринимаются как способ дистанцироваться от народа. К этому следует добавить и то, что многие представители умственного труда считают людей, занимающихся трудом физическим, не вполне состоятельными в интеллектуальном отношении. Умственный труд редко сочетается с физической силой, которая всегда вызывает уважение у народа в силу функциональных причин (она нужна для физической работы и для выяснения личных отношений). Физически слабые люди привлекают к себе внимание тех, кто хочет повысить свой статус в глазах свидетелей и в собственных глазах. Доктринальное провозглашение пролетариев правящим классом автоматически приводит к статусному понижению работников умственного труда. Обратим внимание на то обстоятельство, что именно в разговорной речи слово «интеллигент» приобретает отрицательно-оценочные характеристики. Субъектом разговорной речи является тот человек, который принципиально ставит под сомнение нормы официальной культуры (в частности, такие нормы, как уважение к знаниям, образованию, хорошим манерам). Таковы, на мой взгляд, причины частых презрительных помет, сопровождающих толкование слов, которые обозначают концепт «интеллигент».

Итак, понятийный анализ рассматриваемого концепта приводит нас к выводу о том, что этот концепт содержит взрывное противоречие: с одной стороны, интеллигент должен быть образцом высокой внутренней культуры, с другой стороны, интеллигент воспринимается как представитель особой касты, нелояльной по отношению к власти и чуждой остальным социальным группам. Для того чтобы проверить валидность этого тезиса, обратимся к экспериментальному анализу языкового сознания, в котором зафиксированы образно-перцептивные признаки анализируемого концепта.

Одним из приемов выявления ассоциативных признаков концепта в индивидуальном сознании является написание короткого сочинения (топика) на определенную тему. Для выявления социальных стереотипов в сознании современных носителей русской лингвокультуры тематика таких сочинений была сформулирована в двух вариантах: 1) «Мои представления о типичном интеллигенте».

те» и 2) «Представления моих современников о типичном интеллигенте». Приведу несколько таких сочинений.

Когда я думаю о типичном интеллигенте, я представляю себе академика Д. С. Лихачева. Я помню его выступления в телевизионных программах. Он говорил о традициях русской культуры, об опасных тенденциях в развитии нашего общества. У него была очень ясная манера речи. Не было стремления позировать и поучать. Он обладал умением внимательно слушать собеседника, реагировал на вопросы с юмором, вел себя очень естественно. Я знаю, что ему пришлось провести несколько лет в заключении в лагере на Соловках. Это означает, что у него были такие убеждения, за которые он был готов пойти на большие страдания.

Если говорить об интеллигентности как качестве личности, то можно выделить стремление постоянно размышлять над серьезными общечеловеческими проблемами. Интеллигентность исключает прагматическую установку на поиск выгоды и желание развлечься. Интеллигент понимает, что кому-то рядом может быть плохо. Типичные недостатки интеллигентных людей — постоянный самоанализ, повышенная критичность к себе и другим. В современной жизни интеллигенту приходится плохо, потому что многие считают главным высокий уровень личного материального благосостояния, а для интеллигента на первом месте находятся вопросы духовного порядка.

Интеллигент — это человек высокой культуры, не допускающий насилия ни над собой, ни над другими. Он избегает категорических суждений. Типичное представление об интеллигенте — вежливый мужчина в очках, который стоит в очереди, уступает место, живет в стесненных условиях, не умеет жить, любит рассуждать на абстрактные темы. Он тактично промолчит, если кто-то рядом скажет нелепость, но откажется подписывать документ, с которым внутренне не согласен. У нас многие не любят интеллигентов, посмеиваются над ними.

В топиках на тему «Интеллигент» приводятся описания как типичного внешнего вида интеллигентов, так и типичного поведения, присущего этой социальной группе общества. Доминирующими характеристиками данного типажа в этих сочинениях являются признаки «высокая культура», «наличие твердых моральных принципов», «скромность», «образцовая речь». Следует подчеркнуть, что авторами сочинений были студенты, которые себя идентифицируют в качестве представителей интеллигенции.

В Русском ассоциативном словаре [2002] даны следующие реакции информантов на стимул «интеллигент»: человек (10); умный (7); очки (4); вшивый, дипломат, культура, ум, ученый (3); в очках, образованный, очкарик, педант, студент (2); библиотека, будущий, бывший, вежливый, взрослый, военный, военный, воспитанный, выделистый, высокоморальный, галстук, городской, думает, забитый, зануда, инженер, интеллект, интерес, козел, контингент, красивый, кто, культурный, москвич, мудрый, мужчина, наука, начитанный, немец,

не осталось, несчастный, нищий, нудный, ну-ну, облезлый барин, он, полный, привилегированный, приятный человек, профессор, пьет по утрам шампанское, российский, старый, телега, утонченность, учитель, хороший, хочу быть, хреновый, человек с образованием, шляпа, элита, я (1) [PAC1]. В этом же словаре представлены следующие данные (от реакции к стимулу): интеллигент — вежливо, вежливый, подлинный, шляпа (2); аккуратный, благородный, брезгливость, буржуазный, буржуй, гражданин, Дон Жуан, зарядку, инженер, интеллект, истинный, клиент, композитор, кость, культура, лаконичный, мужчина, начальник, общаться, пиджак, писатель, поверхностный, портфель, прохожий, рабочий, развитой, робкий, светский, служащий, солидный, социалист, трость, ученый (1) [PAC2].

Приведенные реакции показывают, что в сознании российских студентов с 1988 по 1997 год (эта социальная группа выступила в качестве информантов) интеллигент представлен как умный образованный вежливый мужчина в очках, пиджаке и галстук. Оценочные характеристики распадаются на положительные и отрицательные (приятный — неприятный человек), причем каждый из этих типов дан в общеоценочном либо частнооценочном вариантах (в первом случае мотивация не объясняется, а во втором объясняется: например, «вши-вый» и «нудный», для понимания причины выбора той или иной оценки важны частнооценочные характеристики).

Итак, образный компонент рассматриваемого концепта типизируется как мужчина средних лет в очках, его одежда — официальный костюм с галстуком, он хорошо воспитан, скромен, тактичен, подчеркнуто вежлив, он читает литературу (не только по своей специальности, но и непременно художественную), умеет и любит говорить на абстрактные темы.

Обратимся к контекстуальным характеристикам слов, обозначающих концепт «русский интеллигент». Контекстуальный анализ позволяет выделить существенные описания и уточнения в концептуализации анализируемого типа людей. В качестве источников были взяты тексты художественных и публицистических произведений, собранные в виде электронных библиотек на компакт-дисках.

Внешние характеристики интеллигента сводятся к следующим повторяющимся деталям: *Выше среднего роста, с черной аккуратной бородкой, с тонкими чертами интеллигентного лица, на котором выделялись слегка прищуренные серые спокойные глаза, он скорее был похож на ученого, нежели на военного (И. Болгарин, Г. Северский); Мужчина приветливо улыбался. Очки в тонкой металлической оправе придавали ничем не примечательному лицу оттенок интеллигентности. Из-под расстегнутого пальто виднелся строгий*

костюм с галстуком (Д. Корецкий); Увидев пистолеты в руках двоих, кандидат наук Проценко ... повел себя, как и надлежит бородато-очкастому интеллигенту столичного разлива, столкнувшемуся с грозно-угрожающим местным колоритом, — вскочил, опрокинув пивную бутылку, громко, натурально ойкнул (А. Бушков).

Интересно отметить, что эти детали при характеристике интеллигентов — аккуратная бородка, очки, галстук — приводятся большей частью в текстах детективного жанра. Отличительные признаки поведения интеллигента таковы: *Ваня Львов слыл интеллигентом: не пил, не курил и заставлял шестерок доставать для него Достоевского и Чехова (А. Кучинский); Хозяину кабинета обычно нравился собственный интеллигентный вид, более подходящий университетскому профессору нежели ответственному государственному лицу, — и хорошо отточенная мягкость движений, и тонкие поджатые губы, и большие, хотя и глубоко посаженные глаза... (А. Солоник); Кричать интеллигентному человеку неестественно (И. Ратушинская).*

Эти признаки сводятся к стилю жизни интеллигенции (прежде всего, это — любовь к чтению, причем, к чтению качественной литературы, и отсутствие типичных пороков малообразованных людей, в основном, пьянства) и к специфической самопрезентации — умениям модулировать голос и делать мягкие движения (эти умения усваиваются воспитанными людьми с детства и свидетельствуют о выработанной привычке самоконтроля). Заслуживает внимания характеристика речи интеллигентов: *Юрий Васильевич прекрасно разбирался в искусстве, обладал хорошей, интеллигентной речью, был прекрасным рассказчиком, которого можно было слушать часами (А. Константинов); В разговоре с седым Крысом я невольно заговорил языком Фридриха фон Тифенбаха — сдержанно и, насколько мне это доступно, интеллигентно, время от времени обнаруживая глубину своих знаний, способную поразить любого собеседника. А так как знаний у меня было «с гулькин хвост», то я пользовался только манерой разговора Фридриха (В. Кунин); Что за слова, Денис! Ты же интеллигентный мальчик из хорошей семьи... (Д. Корецкий); Несмотря на всю свою интеллигентность, Шура пользуется матом достаточно часто и свободно. Хотя у него прекрасный словарный запас и без этого (В. Кунин); Где-то в районе этого моста машинист слышал то ли крик, то ли рев... — сказал капитан, но его перебил солдат с благообразным, интеллигентным лицом, смежливо подхватив: — То ли человек, то ли бык, то ли тур... (В. Доценко).*

К числу коммуникативных признаков интеллигента относятся хорошо развитая речь, большой словарный запас, широкая эрудиция, любовь к цитатам и аллюзиям (в приведенном примере — измененная цитата из песни В. Высоцкого

го), запрет на использование вульгаризмов (хотя многие современные интеллигенты этот запрет часто нарушают, следует заметить, что вульгарный стиль общения у интеллигента является именно стилем, сознательным выбором манеры держать себя, в другой ситуации будет использоваться и другой стиль, в то время как у представителей социальных низов мат — это естественный и единственный способ общения, они матом не ругаются, они матом разговаривают).

В качестве примеров приводятся типичные профессии и занятия интеллигентов: *Пожилый, невысокий, с аккуратно подстриженной бородкой, мягкими движениями и интеллигентностью манер, он напоминал то ли доктора провинциальной больницы, то ли ушедшего на заслуженный отдых директора школы* (В. Карышев, А. Солоник); *Интеллигентными чертами лица и пышной, поредевшей спереди, но торчащей в обе стороны над висками шевелюрой он более всего напоминал композитора, известного скрипача или дирижера* (Д. Корецкий); *«Все-таки врач, — подумал Мазур. — Человек по определению интеллигентный и грамотный»* (А. Бушков); *Пенсне придавало ему весьма интеллигентный вид, так и казалось, что сейчас изречет что-нибудь вроде: «А печень у вас, батенька, пошаливает определенно...»* (А. Бушков); *Меня всегда интересовал этот круг людей совсем другого мира — мира театра, литературы, искусства. Но, очевидно, не до искусства было этим красивым, интеллигентным девушкам, дробившим кирками твердую, как камень, темно-красную глину* (В. Каверин).

В обыденном сознании, как показывает проанализированный материал, приоритетным оказывается не социологический, а культурно-этический критерий для отнесения человека к разряду интеллигентов: *Дворянин, интеллигент, умнейший человек, горячо любящий свою многострадальную Родину, за несколько месяцев до своей смерти был реабилитирован «за отсутствием состава»* (В. Доценко); *Николай II был добрый, религиозный человек, интеллигент. Ему не хватало властности. Твердой руки. Твердой рукой был Столыпин, но его, как мы знаем, убили* (В. Солоухин).

В приведенных примерах концепт «интеллигент» трактуется, на мой взгляд, расширительно.

В ряду типичных характеристик интеллигента приводятся образованность, бедность, демократизм: *Антон был лишен образованной интеллектуальности, необходимой в салонах русской интеллигенции, скорее он производил впечатление остроумного и лукавого самородка* (А. Константинов); *Профессор, как и всякий интеллигентный человек в Германии, был беден* (А. Толстой); *Мои родители принадлежали к скромной касте служилой интеллигенции, зарабатывали гроши, и до моих 16 лет мы жили в полубараке на сваях, в гнусной комму-*

налке, в одной комнате втроем, при печке, но без ванны и горячей воды (В. Новодворская); Но это не был презренный — с глубокомысленным выражением загадочный дурак, а сидел армянин с мягким, даже интеллигентным лицом, несколько не чванный, и не в форме, а в гражданском хорошем костюме, не подходящем к этой барачной окраине (А. Солженицын).

Отмечается, что интеллигентность в значительной мере есть свойство врожденное и наследуемое: Хорошие манеры невозможно приобрести ускоренным инкубаторским курсом, да и привычка гладить костюмы и подбирать галстуки к сорочкам не успевает выработаться у интеллигентов в первом поколении (Д. Корецкий); Тане Кох помогла ее врожденная интеллигентность и поразительное женское чутье (В. Кунин).

Релевантным признаком оказывается степень интеллигентности: Рядовой Андреев, выходец из рафинированной интеллигентной семьи, побелел (А. Кучинский); Денно культурное обхождение и учтивость! Равняюсь на Вас, рафинированного интеллигента (А. Коржаков); В это воскресенье в один из прекрасных подмосковных парков съехались на встречу с руководителями партии и правительства ученые, писатели, художники, композиторы, работники киноискусства и театра — деятели советской культуры, цвет нашей интеллигенции. Это они запускают в космос ракеты, проектируют города, рассчитывают сложнейшие машины, пишут замечательные книги, ставят спектакли, снимают фильмы, создают величественные симфонии, яркие полотна, скульптуры, полные живого очарования непревзойденные русские балеты (В. Солоухин).

Прилагательное «рафинированный» (букв. «очищенный») обозначает высшую степень качества, полноты развития и применительно к людям обычно сочетается со словами «интеллигент» и «эстет». В ряду различных групп интеллигенции (учителя, врачи, инженеры, работники науки и искусства) устанавливается своеобразная иерархия: творческая, гуманитарная и техническая интеллигенция. Творческую интеллигенцию, по мнению писателя В. Солоухина, можно считать цветом интеллигенции.

Противопоставляются также блестящая столичная и скромная провинциальная интеллигенция: Попав в Петербург, Ольга быстро превратилась из скромной интеллигентной провинциалочки в шикарную столичную мотовку — состояние мужа было пущено по ветру, что естественно, привело к разводу (А. Константинов); Человечек был хил, удивительным образом вертляв, даже когда стоял на месте, а за стеклами очков пылали фанатическим блеском глаза патентованного и законченного провинциального интеллигента (А. Бушков).

Провинциальные интеллигенты считаются скромными людьми, и им при-суща способность чрезмерно (по мнению интеллигентов столичных) увлекаться разными идеями.

В произведениях художественной литературы и публицистике выделен тип опустившегося интеллигента: *Кацуба сосредоточенно вертел руль, на нем был армейский пятнистый бушлат и натянутая до самых глаз черная шапочка, именовавшаяся в народе непечатно — то ли магрибский террорист, то ли пропившийся интеллигент в поисках смысла жизни* (А. Бушков); *Если в вашей книге все ваши герои — и шоферюги, и милиция, и пьяненькие интеллигенты, и матросня, и еще черт-те кто, о ком вы рассказываете, — будут разговаривать элегантно, аристократическим языком академика Лихачева, ваши Читатели не поверят ни единому вашему слову* (В. Кунин); *Сначала ей показалось, что он ей просто морочит голову, что он простой «бич», то есть «бывший интеллигентный человек»* (В. Доценко).

Опустившиеся интеллигенты — люди пьющие, их образ жизни и речь часто не отличаются от соответствующих характеристик представителей низов общества, уголовного мира. Представляет интерес игровая расшифровка жаргонного слова «бич» — бродяга (от англ. beach — пляж, т. е. моряк, списанный на берег). Вместе с тем бывшим интеллигентам свойственно вести разговоры о смысле жизни и производить определенное впечатление на неискушенных слушателей.

Таким образом, контекстуальное описание рассматриваемого концепта в основном подтверждает сумму признаков, выделяемых в словарных дефинициях, уточняя их в плане типичной внешности интеллигента (значимым оказывается гендерный признак: по внешности определяется мужчина-интеллигент, по манерам поведения — как мужчина, так и женщина), манер и речи (обратим внимание на возможность вульгаризмов в речи современных интеллигентов). В дополнение к словарным дефинициям в индивидуально-авторской речи актуализируются признаки врожденной интеллигентности (это качество соответствует аристократизму, который считался знаковым для дворян), устанавливаются субъективные ранги интеллигентности и выделяются характеристики опустившегося интеллигента.

Для изучения ценностной составляющей в лингвокультурном типаже «русский интеллигент» были проанализированы высказывания с мотивирующим оценочным контекстом.

Поскольку «интеллигент» не является концептом традиционной народной культуры, пословицы и поговорки как типичные диагностирующие контексты

для выявления ценностного компонента ментального образования оказываются нерелевантными. Афористика на эту тему распадается на два класса единиц: серьезные и шутливые изречения.

К первым можно отнести следующие высказывания:

Интеллигенция — это широкая образованность плюс интеллектуальная и моральная свобода. Интеллигент — это состояние души (Д. С. Лихачев).

...Интеллигентен тот, кто блюдет интересы общечеловеческого благоденствия. ...Вовсе не обязательно, чтобы интеллигент сознавал это в подробностях и чтобы вообще это сознавал. Наоборот, чересчур большая сознательность в этом деле может только помешать интеллигентности как живому процессу жизни. Плох тот интеллигент, который понимает это совершенно точно; и еще хуже тот, кто свое понимание выражает для других напоказ. Лучше будет сказать, что интеллигент не мыслит свою интеллигентность, а дышит ею как воздухом (А. Ф. Лосев).

У буржуа — почва под ногами определенная, как у свиньи — навоз: семья, капитал, служебное положение, орден, чин, бог на иконе, царь на троне. Вытащи это — и все полетит вверх тормашками. У интеллигента, как он всегда хвалился, такой почвы никогда не было. Его ценности невещественны. Его царя можно отнять только с головой вместе. Уменье, знание, методы, навыки, таланты — имущество кочевое и крылатое. Мы бездомны, бессемейны, бесчинны, нищи, — что же нам терять? (А. А. Блок).

Образованным и интеллигентным человека можно назвать лишь такого, кто насквозь таков и проявляет свою образованность и интеллигентность и в крупном, и в мелочах, и в обыденщине, и в течение всей своей жизни (Н. А. Рубакин).

Интеллигентность — способность человека понимать, ценить и учитывать больше того, что ему выгодно (А. Г. Круглов).

Не кладовая ли науки — народ? И чем более берет интеллигенция из этой кладовой, тем более плодотворнее историческая жизнь наций (И. П. Павлов).

Для интеллигентского отщепенства характерны не только его противогосударственный характер, но и его безрелигиозность. Отрицая государство, борясь с ним, интеллигенция отвергает его мистику не во имя какого-нибудь другого мистического или религиозного начала, а во имя начала рационального и эмпирического (П. Струве).

В приведенных определениях и рассуждениях подтверждаются и уточняются признаки, выделенные в словарных дефинициях: 1) интеллигентность не сводится к образованности, а заключается в особом самоощущении, состоянии души; 2) это состояние души не нуждается в саморефлексии; 3) это отношение к жизни является стержнем личности и проявляется во всем; 4) интеллигентность не совместима с материальными ценностями, с выгодой; 5) интеллигентность органически связана с уважением к народу; 6) по отношению к власти интеллигентность есть отщепенство, которое основано на рациональном, а не мистическом восприятии жизни. Ряд подобных оценочных характеристик интеллигенции и интеллигентности приводится в статье Н. Л. Гоголицыной [Gogolitsyna 2002].

Интересны шуточные афоризмы и сентенции, посвященные интеллигентам:

Интеллигент — это человек, который думает о людях лучше, чем они о нем (Б. Крутиер).

Интеллигент — человек, который знает — что, где, почему, но не знает — что, где, почем (К. Мелихан).

Интеллигент — это человек, защищенный от жизни очками и женой (Г. Малкин).

Истинно интеллигентный человек всегда думает о том, как помочь сохранить лицо тому, кто разбил ему морду (В. Вишневский).

Культурный человек, прежде чем сказать гадость, обязательно извинится (А. Рас).

Чем интеллигентнее твои оппоненты, тем быстрее летит время в очереди (М. Геннин).

Культура падает интеллигенцией вниз (Г. Малкин).

Интеллигенты умирают сидя (Д. Рудый).

В этих речениях подчеркивается 1) непрактичность интеллигентов, их зависимость от тех, кто должен быть рядом; 2) идеалистичность, взгляд на мир сквозь розовые очки; 3) чрезмерная вежливость; 4) их ответственность за сохранение культуры; 5) их судьба (последние два признака — это прямая самоидентификация интеллигенции, а первые три — попытка представить себя глазами простых людей). Обратим внимание на двусмысленность выражения «умирать сидя»: в буквальном смысле — за письменным столом, в переносном — в заключении.

Оценочные суждения могут быть и не афористическими, и в этом плане они смыкаются с описаниями интеллигентов. Но в этих описаниях (примеры приводятся из художественной литературы и публицистики) дана прямая оценка типичным поступкам интеллигентов.

Весьма типичны общеоценочные характеристики:

...Я видел женщину молодую, прекрасную, добрую, интеллигентную, обаятельную, женщину, какой я раньше никогда не встречал (А.П. Чехов).

— Хорошее воспитание не в том, что ты не прольешь соуса на скатерть, а в том, что ты не заметишь, если это сделает кто-нибудь другой, — сказал Белокуров и вздохнул. — Да, прекрасная, интеллигентная семья (А. П. Чехов).

Слово «интеллигентный» в таком контексте представляет собой один из признаков положительной оценки, не нуждающейся в мотивации.

Заслуживают внимания частнооценочные признаки, уточняющие рассматриваемый концепт. Положительные характеристики интеллигенции касаются стиля поведения, моральных принципов и образованности:

Всегда спокойный, исключительно вежливый, доброжелательный к окружающим, остроумный, слегка ироничный, находчивый, блестящий полемист — истинный интеллигент «старопетербургской пробы»... (И. Варшавский).

Профессор, ученый и интеллигент до мозга костей, и предположить не мог, что есть люди, для которых такие понятия, как честь и совесть, просто не существуют: не успел он сделать и двух шагов, как его вдруг что-то больно кольнуло в спину (В. Доценко).

— Откуда мне знать? Не знаю.

И тут же следовало убийственное:

— Эх ты, а еще интеллигентный человек! (К. Серафимов).

Отрицательные характеристики интеллигентов весьма вариативны. Со стороны власти интеллигенции приписываются предательство, болтовня, отсутствие национальных ориентиров, нерешительность, внутренняя неорганизованность, самокопание (показательна апофатическая характеристика Ленина):

Творческая интеллигенция, охмелевшая от свободы вынимать кукиш из кармана, превратилась в сладкоголосую певицу власти, изменив собственным историческим традициям (Н. Модестов).

...Он, как и многие, равные ему по положению, являл собой полное политическое невежество, совершенно не разбираясь в программах существующих и сражающихся партий, сознательно отстраняясь от этого понимания, считая всю эту возню пустопорожней болтовней, одной из досаднейших постоянных слабостей русской интеллигенции (И. Болгарин, Г. Северский).

По сути дела, передвижничество было оппозиционным, антиправительственным течением русской художественной интеллигенции, зачастую лишенной национально-го сознания и стремившейся показать русскую жизнь односторонне, только в темных тонах — если крестьянина, то обязательно бедного и забитого, если купца, то обязательно толстого и пьяного, если чиновника, то обязательно отвратительного и жалкого (О. Платонов).

Ленин происходил из типичной интеллигентской семьи, но в нем не было ничего характерного для нашего прошлого интеллигентского поколения: ни гамлетизма, ни безалаберности и разбросанности, ни интеллигентской «широты натуры», ни обломовщины, ни чеховщинки, ни достоевщинки, ни амикошонства, ни много иного подобного (А. Воронский).

Прокомментируем последнюю характеристику. Интеллигентам приписываются типичные признаки: гамлетизм (нерешительность, мучительный выбор вариантов поведения), безалаберность и разбросанность (неорганизованность и легкомысленность — так со стороны власти оценивается трудность управления интеллигентами), широта натуры (в кавычках) трактуется, по-видимому, как привычка смотреть на любую ситуацию с позиций высших общечеловеческих этических законов, а не классовых пролетарских приоритетов, под обломовщиной понимается лень, апатия, пассивность, неологизм «чеховщинка» можно понять как мучительное самокопание, трезвый, постоянно скептический

взгляд на кажущиеся красивыми слова и поступки, «достоевщина» подразумевает высший эмоциональный накал, надрывное саморазоблачение в поисках высшей правды, амикошонство (бесцеремонная фамильярность) в этом ряду выглядит странно, но, вероятно, отталкиваясь от названных характеристик, можно составить характер интеллигента нового типа, воплощенного в Ленине: решительный, организованный, классово сориентированный, деятельный, не склонный к самоанализу, эмоционально сдержанный и строгий в общении человек. Перед нами волевой прагматичный лидер, не имеющий ничего общего с типичными характеристиками интеллигента.

Со стороны «простого народа» интеллигенции приписывается слабость и высокомерие (психическая слабость, готовность легко пойти на компромисс осуждается как народом, так и властью):

Особое было отношение ко всему, что шло из народа, от рабочих и крестьян. Интеллигенция — так, второй сорт, гниль. «Хлипкий интеллихэнт, скептик с дрожащими коленями», — это ведь слова Касьяна (В. Дудинцев).

Понимаешь ли, расчет был простой: если кому-то понадобится информатор среди нашего теплого коллектива, сто против одного, что начнут с самого неказистого на вид, очкасто-бородатого интеллигента, которого можно ломать, как сухое печенье... (А. Бушков).

...Они хорошо умеют создавать безвыходную для партнера ситуацию, когда просто некуда деваться... А достигнув цели, смеются над мягкотелыми интеллигентами, распускающими слюни там, где надо проявить напористость идущего в атаку танка (Д. Корецкий).

Ты у нас — одноклеточное, на тебя интеллигенты должны смотреть, как на пустое место... (А. Бушков).

Критика со стороны самих интеллигентов касается сущности подлинного интеллигента:

Если человек не способен на индивидуальное поведение, он не интеллигентен. Если он слаб, значит, дрейфит, значит, он жидок, значит, жалеет себя больше, чем дело. Тогда он не интеллигент, а мещанин, не выдерживающий экзамена жизни. В интеллигентном человеке решительно преобладает сила добра. Но одного добра мало. Чтобы привести добро в движение, необходима внутренняя свобода, то есть твердая уверенность в том, что я силен (В. Дудинцев).

Боюсь, что меня подвела здесь гордыня эгоиста-интеллигента (разум превыше всего! Моя личность не может быть принесена в жертву) (В. Новодворская).

...В эмиграции интеллигенция только и делает, что пишет и сочиняет. Или — НЕ пишет, НО сочиняет (В. Кунин).

Маска интеллигентности слетела с нее, как шелуха с арахиса (Д. Корецкий).

Подлинность интеллигента состоит, как можно видеть из приведенных примеров, в готовности отстаивать свои принципы (это качество лежит в основе противопоставления настоящих интеллигентов и обывателей), в скромности, в наличии творческих способностей. Эта подлинность доступна проверке.

В современной литературе нередко в качестве героя выводится энергичный хам как антипод интеллигента. Такому герою вкладываются в уста следующие фразы:

Объясняю медленно, — сказал я, — для круглых интеллигентов и золотых медалистов (А. Покровский).

Первое поощрение такое: можешь лейтенанта Басеева послать... Но — интеллигентно, без хамства (А. Молчанов).

В приведенных примерах карнавально переворачиваются важнейшие ценности интеллигенции: интеллектуальные способности и порядочность (заметьте, что ведя себя по-хамски, герой не хочет называть это хамством).

Множество оценочных суждений об интеллигентах содержится в интернет-форумах — тематически организованных конференциях, в которых может принять участие любой заинтересованный участник сети. С учетом тех обстоятельств, что не все носители современной русской культуры являются пользователями сети Интернет, не все пользователи читают публицистическую информацию и не все готовы высказать свое мнение по обсуждаемым проблемам, приведу определенные типичные оценки роли интеллигенции в российском обществе.

Сайт: «Полемика и дискуссии» www.polemics.ru

В защиту интеллигенции

[15.01.2004] Автор: **Alex5.**

Занятная и показательная получилась у нас дискуссия по поводу интеллигенции. Возникает она не впервые, но каждый раз вызывает у уважаемых участников сильную аллергическую реакцию. Ну никто не хочет называться интеллигентом! Как говорится, название это ругательное и попрошу ко мне его не применять! Никто не хочет принадлежать презренной касте (прослойке), «страшно далекой от народа», которая только и способна, что умничать, пописывать статьи и обустривать личный комфортабельный мирок в башнях из слоновой кости, парящих над грешной землей. Трутни! Паразиты на многострадальном теле ПРОСТОГО народа! А ведь как не хочется считать себя трутнем и паразитом. <...>

Успокойтесь, уважаемые товарищи и господа! Успокойтесь и расслабьтесь! Пора, наконец, признать факт, что да, принадлежим мы к «элите», интеллигенции разной степени свежести, интеллигентине или к культурному слою, кому как нравится, названия разные, а суть одна. Вернейший признак такой принадлежности — наличие

гипертрофированной СОВЕСТИ, стремления взвалить на себя все грехи мира и пострадать за них. Рефлексии такого рода испокон веку одолевали РУССКУЮ интеллигенцию, в отличие от западных интеллектуалов. Тем и отличаемся мы от «простого как правда» швейцарского профессора, с его наивным акульным эгоизмом.

Я уже писал об этом раньше, и еще раз повторяю: наша обязанность, наша необходимейшая общественная функция есть МЫШЛЕНИЕ. В любом обществе есть культурный слой, чья единственная настоящая задача — искать пути решения проблем, неизбежно возникающих в процессе жизни. И материальный достаток — всего лишь необходимое для этого условие, поскольку человек, озабоченный поиском пропитания для себя и своей семьи, не имеет никаких ресурсов для отвлеченных умствований. Необходимо понимать, что интеллигенция является генератором идей и проводником этих идей в общество НЕЗАВИСИМО от собственного желания — это общественная функция, выполнение которой только и оправдывает существование относительно небольшой прослойки людей, имеющих определенный материальный уровень, но отлученных от власти. Познание окружающего мира, формирование мировоззрения, ответ на внешние вызовы, разработка вариантов дальнейшего развития общества — это функция и обязанность интеллигенции, представители которой, к сожалению, часто не осознают свою миссию. Не осознают, что все их мысли, комплексы, предрассудки и заблуждения рано или поздно станут достоянием общества, и определяют путь его дальнейшего развития (или регресса). Так было в начале 20 века, когда требовалось совершить модернизационный рывок в ответ на агрессию Запада. Одна часть интеллигенции была либеральной, другая марксистской — ни то, ни другое для России не подходило, попробовали и то, и другое, и жестоко обломались. Так было и в конце века, когда наше общество, благодаря тридцатилетнему упорству родной интеллигенции, вновь наступило на грабли либерализма, которому ныне и противопоставить нечего.

[15.01.2004 20:40] Автор: **Гость.**

...Вы считаете, что СОВЕСТЬ и МЫШЛЕНИЕ суть непеременные атрибуты «интеллигенции» в противовес «простому народу»? Быдло, дескать, и думать не умеет, и совести не имеет? Вы отказываете в этих атрибутах простым работягам, которые зарабатывают хлеб насущный тяжелым трудом? Если же и МЫСЛЬ, и СОВЕСТЬ доступны и «простым смертным», то на каком основании выделять «интеллигенцию» из «простого народа»? Остается пресловутый достаток, мобильники и т.п. Вы считаете, что определенный достаток и интеллектуальный род занятий гарантирует наличие СОВЕСТИ? Гм... Если мои рассуждения неправильны, поправьте меня. Дайте краткое определение: кто же это такой — интеллигент? Какими такими ценными качествами он обладает, что вы его выделяете из «простого народа»?

[16.01.2004 08:32] Автор: **Велес**

Большинство из тех русских, кто именовал и именует себя «интеллигентом», страдало и страдает крайне зловерной болезнью (или заблуждением), благодаря которой и становится именно «интеллигентщиной» («образованщиной»), «страшно далёкой от народа» — они всегда смотрели и смотрят на Россию и её народ глазами Запада,

всегда оценивали и продолжают оценивать их по критериям Запада, всегда выдумывали и выдумывают совершенно глупые и вредные теории их обустройства на западный лад. Это большинство «интеллигентствует» описанным образом, совершенно не понимая то, что Россия — не Запад, никогда им не была и не будет. Это самое «интеллигентствование» и удаляет упомянутую «прослойку» на «страшно далёкое» расстояние от народа, превращая её во вредность для него.

[16.01.2004 09:34] Автор: **const.**

По совершенно естественным причинам, по своему генезису («классовый» признак интеллигенции — высшее образование — приобщение к западной культуре) интеллигенция тяготеет к Западу, который для интеллигенции является обобщённой *alma-mater*, эталоном, образцом для подражания. Поэтому, очевидный факт инаковости России, по сравнению с Западом, воспринимается, как НЕдостаток России, который нужно исправить. И тут интеллигенция оказывается «святей Папы Римского» — сам Запад НЕ желает принимать Россию в своё лоно, а русская интеллигенция желает видеть Россию западной, а посему, просто используется им в качестве «агента влияния».

Но это только часть интеллигенции (хоть и большая часть) — «западники». Есть и другая часть — «славянофилы». Это тоже западники, только с приставкой «анти-». В чертах сходства России с Западом они видят зло, а автохтонные черты (отсутствующие на Западе) выпячивают как «национальное достояние» (какими бы ничтожными и случайными они НЕ были). Понятно, что эта категория интеллигенции всегда будет в меньшинстве, в оппозиции к западникам. Хотя в иные времена, во времена конфронтации с Западом, славянофилы могут быть обласканы Властью и потеснить западников. Есть и ещё более маргинальная часть интеллигенции, позицию которой можно совокупно охарактеризовать как «преодоление Запада». Отказ от Запада, как от МЕРКИ. Отказ от самоидентификации через Запад (в любой форме, хоть PRO, хоть CONTRA) и поиск других эталонов. Все эти части равно далеки от народа. Мне кажется, что отстранённость от народа (от его «здорового смысла») и от власти (от её воли) — это СИСТЕМНОЕ качество интеллигенции. И вообще — условие НЕобходимое для качественной рефлексии.

[16.01.2004 11:29] Автор: **Велес.**

...Интеллигенция тяготеет к Западу, который для интеллигенции является обобщённой *alma-mater*, эталоном, образцом для подражания. — поэтому я и говорил о наблюдаемой более 100 лет эпидемии зловерного заболевания Западом. Только Вы вот эдак вскользь упомянули про «естественные причины» — не могли бы Вы их озвучить?

Если отстранённость от народа (от его «здорового смысла») и от власти (от её воли) — это СИСТЕМНОЕ качество интеллигенции, то эти Ваши слова равноценны смертельному приговору интеллигенции. После него только что и остаётся сделать народу, так это выбросить «прослойку-элиту» на свалку истории, в том числе и в прямом смысле.

[16.01.2004 11:43] Автор: **Гость.**

Я рад, что мы пришли к единому пониманию «интеллигенции». Именно об этом я и писал в комментариях еще к статье Олдермана: грех высокоумия. И как следствие — отрыв от народа на почве эгоцентризма. Народ — «тварь дрожащая», а я — «право имею» (с) Р.Р. Раскольников — истинный интеллигент. Ищут, понимаешь, «настоящую Россию»... А чего се искать — она за окном (может, не у всех, конечно). И «настоящая Россия» преспокойно идет своим путем, руководствуясь народным «здравым смыслом», а интеллигенция мечется и мечется, а в итоге приходит к тому, что, может быть, в этом и есть «великая сермяжная правда»... (с) В. Лоханкин — истинный интеллигент.

[16.01.2004 12:21] Автор: **const.**

И «настоящая Россия» преспокойно идет своим путем, руководствуясь народным «здравым смыслом» — Вот я и говорю. Народ преспокойно себе «вымирает», снижает рождаемость, входит в гомеостаз со средой, а тут всякие «интеллигенты собачьи» чего-то суетятся, о чужих детях (об их рождаемости, да их образовании) «крокодиловы слёзы» льют. Своих пусть рожают, кормят и образуют!

[16.01.2004 13:30] Автор: **Велес.**

Дело в том, что все эти академии, университеты, институты, техникумы, колледжи, училища... — с этим полностью согласен. Более того отмечу, что и учат-то они все (в преобладающем числе) тому, что сами не вполне, а иногда и вообще, не понимают... Но в чём же здесь заключается упомянутая Вами естественность?

А насчёт выброса на «свалку истории» — это, конечно, я слишком сильно сказал, признаю. Но народу такая, смотрящая на него и на жизнь взглядом с Запада, «элит-прослойка» безусловно ни к чему — зеркало-то кривое! С большой долей уверенности могу предположить, что подавляющая масса этой «элиты» так и будет ещё очень и очень долго блуждать в «трёх соснах», тщетно пытаясь слиться с народом. И все эти блуждания будут сопровождаться разнообразными вредностями для России и её государства.

[16.01.2004 13:31] Автор: **Гость.**

Вот я и говорю. Народ преспокойно себе «вымирает», снижает рождаемость, входит в гомеостаз со средой, а тут всякие «интеллигенты собачьи» чего-то суетятся, о чужих детях (об их рождаемости, да их образовании) «крокодиловы слёзы» льют. Своих пусть рожают, кормят и образуют!

Народ не «вымирает», а ищет свою самоидентичность на новом этапе своей истории. Много раз уже «вымирали» — и ничего, выжили. И выжили благодаря упомянутому вами «здравому смыслу», а не интеллигентским метаниям и крокодиловым слезам. Может даже вопреки. По крайней мере, вопреки некоторой части интеллигенции.

А я думаю, что народ НЕ будет этого делать. Может, конечно «по пьяни» побить зело, но убивать НЕ станет. Потому что ему самому это нужно. Нужна часть народа, «страшно далёкая» от его самого, способная взглянуть на народ «со стороны» и отразить его в своём «зеркале».

А вот с этим я спорить не буду. Интеллигенция, безусловно, нужна. Как нужны музыканты, доярки, шахтеры и т.д. Но не более того. Я, собственно, не утверждаю, что надо ее, интеллигенцию, искоренять. Я лишь считаю, что ее надо поставить на место. Никакая она не совесть нации, не «спасители Отечества», «право имеющие», а рядовая образованная прослойка общества со всеми присущими ее социальному статусу достоинствами и недостатками. И, как и любая другая социальная группа, должна подчиняться общественной дисциплине и служить обществу. На кухнях и в форумах — ради Бога, гутарьте, о чем хотите, глядите в наполеоны и т.д. Но вне кухонь и форумов встаньте в один ряд с шахтером и дояркой и не выпендривайтесь.

В приведенном фрагменте эмоционального обсуждения темы «интеллигенция» участвуют четыре человека под условными именами (никами — от англ. *nickname* — прозвище) Alex5, Гость, Const и Велес. Alex5 формулирует тезисы в защиту интеллигенции. Его оппоненты, остальные трое участников, критически относятся к русской интеллигенции, их критика выдержана в разговорном кулуарно-академическом ключе (в рунете, российской части интернета, есть националистические сайты, где критика интеллигенции ведется значительно более жестко по содержанию и более грубо по форме). Оппоненты критикуют интеллигенцию с позиций народа и условной власти, не ассоциируя себя с интеллигенцией, хотя стиль и аргументация свидетельствуют о наличии у них высшего образования. Тем самым подтверждается тезис о том, что высокий образовательный статус и интеллигентность — разные качества личности. Основные обвинения в адрес русской интеллигенции, с точки зрения цитируемых полемистов, сводятся к ее преимущественно западной ориентации, отрыву от народа, высокомерию, мессианству. Но участники дискуссии, презрительно отзываясь об интеллигенции, приходят к выводу о необходимости интеллектуалов в обществе. Общий вывод, который можно сделать, прочитав приведенные взгляды заинтересованных данной темой людей, таков: типаж «русский интеллигент» объективно выделяется в российской культуре и подвергается в настоящее время массовой критике в связи с кризисным состоянием общества и потерей государством статуса сверхдержавы. Ответ на вечный вопрос русской культуры: «Кто виноват?» для многих наших современников очевиден — это интеллигенты. Следует отметить, что в форумах часто встречаются подобные оценки интеллигенции, например: Таганрог, форум «культура», 12.02.2004.

Legally_blonde: ...Эпитет «интеллигент» не говорит ничего ни о душевных, ни об интеллектуальных качествах человека. Интеллигенция изначально — дети зажиточных мещан, получивших хорошее образование в первом или втором своем поколении. Как следствие, у них неплохо развиты стремления к свободам и понятия об общечеловеческих ценностях, за, обычно, полным непониманием процессов (ибо не

профессионалы). Зато у них уже развита совесть, потому что (как недавно какой-то газете сказал А. Кончаловский) «мы вот здесь сидим, икорку кушаем, а народ там страдает!». Как следствие они противопоставляют себя государству. Интересно, что они противопоставляют себя ЛЮБОМУ действующему правительству.

Подведем основные итоги.

Лингвокультурный типаж «русский интеллигент» представляет собой узнаваемый образ человека, основными характеристиками которого являются высокоразвитые интеллектуальность и нравственность. Этот типаж внутренне противоречив и многомерен. Его важнейшие противоречия обусловлены его позиционированием между властью и народом.

Будучи этноспецифическим концептом русской культуры, «интеллигент» органически сочетает в себе требование жить по высшим законам справедливости (доминанта русской культуры) и мучительный сознательный выбор вариантов поведения, соответствующего этим законам (психологически очень трудный способ самореализации). Такой выбор базируется на внутренней свободе и индивидуальной ответственности — важнейших признаках поведения интеллигента, вступающих в определенное противоречие с традиционными ценностями русской крестьянской культуры — ее смиренномудрием и соборностью.

В современном информационном обществе меняются соотношения в условной триаде «власть» — «хранители культуры» — «народ». Всеобщая доступность знания приводит к его девальвации, увеличивается доля интеллектуального труда в обществе, исчезает связь между интеллектуальным трудом и нравственностью. Демократизация общения приводит к системному понижению стилей общения, разговорная речь становится общепринятой, место разговорной речи занимает речь уголовного мира с неизбежным внедрением в массовое сознание и в сознание власти правил поведения в этом мире. Позиция хранителей культуры замещается позицией интерпретаторов-манипуляторов, в поведении которых причудливым образом сочетается творческое игровое отношение к действительности (в том числе и к языку), широкая поверхностная эрудиция и весьма эластичная мораль.

Интеллигентность как культурная ценность постепенно выветривается в сознании современных носителей русской лингвокультуры, адаптирующихся к условиям жизни в обществе потребления. Такое положение дел вызывает внутренний протест многих интеллигентов, и этот факт объясняет полемичность и высокую эмоциональную насыщенность дискурса о судьбах русской интеллигенции.

2.3. Лингвокультурный типаж «русский купец»

Моделирование лингвокультурных типажей является новым направлением развития лингвокультурологии. В этой связи заслуживает внимания работа, посвященная лингвокультурным типажам России и Франции XIX века [Дмитриева 2007]. Приведу основные выводы, к которым приходит автор.

«1. Лингвокультурный типаж является особым типом лингвокультурных концептов, важнейшие характеристики которого состоят в типизируемости определенной личности, значимости этой личности для лингвокультуры, возможности ее как фактического, так и фикционального существования, ее упрощенной и карикатурной репрезентации.

2. Регуляторы коммуникативного поведения распадаются на жесткие, мягкие и нулевые прескриптивы, первые выражаются в запретах на определенное поведение либо в требованиях вести себя только определенным образом, вторые — в предпочтительном выборе той или иной модели поведения, третьи — в значимом отсутствии социальных предписаний в одной из сравниваемых культур и праве на выбор того или иного поведения. Жесткие прескриптивы носят обычно моральный характер, мягкие — моральный и утилитарный, нулевые прескриптивы касаются утилитарных ценностей. Различия между русским и французским коммуникативным поведением прослеживаются большей частью в мягких и нулевых прескриптивах.

3. Лингвокультурный типаж имеет следующую структуру: 1) характеристика социально-исторических условий, в рамках которых выделяется определенный типаж; 2) перцептивно-образное представление о типаже, включающее его внешность, возраст, пол, социальное происхождение, среду обитания, речевые особенности, манеры поведения, виды деятельности и досуга; 3) понятийные характеристики, построенные на дефинициях, описаниях, толкованиях; 4) ценностные признаки — оценочные высказывания, характеризующие как приоритеты данного типажа, так и его оценку со стороны его современников и носителей сегодняшней лингвокультуры.

4. Основными критериями для выделения лингвокультурных типажей являются следующие признаки: социальный класс, территориальный признак, событийный признак, этнокультурная уникальность, трансформируемость. На основании этих критериев в ряду лингвокультурных типажей России и Франции XIX в. выделяются “гусар”, “казак”, “декабрист”, “светский москвич”, “светский парижанин”, “буржуа”, “гризетка”, “французский модник”, представляющие собой обобщенные типы личностей, принадлежащих разным социальным

классам и воплощающих разные культурные архетипы. Для русской лингвокультуры приоритетным является образ героя, воплощенный в типажах, имеющих отношение к защите Отечества, для французской лингвокультуры — образ обычного человека, воплощенный в типажах, проявляющихся в повседневной жизни общества.

5. Представители доминирующего социального класса более детально представлены в ряду лингвокультурных типажей по сравнению с представителями других классов общества, в России XIX в. дифференцируются представители дворянства, во Франции — представители буржуазии. Детализация типажей отражает общую закономерность неоднородной семантической плотности концептов с учетом позиции доминирующей группы общества.

6. Лингвокультурные типажи могут иметь фиксированные и размытые возрастные характеристики. Наиболее типичным возрастом для обобщенной личности является период 30–40 лет — характерный возраст проявления основных качеств человека. Для типажей, сориентированных на героический архетип, возрастные границы смещаются в сторону молодости; для типажей, сориентированных на обыденный архетип, — в сторону зрелости.

7. Гендерные характеристики лингвокультурных типажей могут быть маскулинными, феминными и нейтральными, с одной стороны, и прямыми и ассоциативными, с другой стороны. К числу прямых маскулинных типажей относятся в русской лингвокультуре “гусар”, “казак”, “декабрист” и “светский москвич”, во французской лингвокультуре — “буржуа” и “светский парижанин”. Прямой феминный типаж представлен во французской лингвокультуре (“гризетка”), ассоциативные феминные типажи представлены в русской лингвокультуре (“жена декабриста” и “казачка”), во французской лингвокультуре — “жена буржуа”. Для типажа “французский модник” гендерный признак нейтрален.

8. Лингвокультурные типажи, сориентированные на героический архетип, получают положительную оценку в обществе, даже если им свойственно нарушать некоторые социальные нормы; в то время как типажи, сориентированные на повседневное поведение, получают амбивалентную оценку (с позиций своей социальной группы они оцениваются по моральным и утилитарным критериям, с позиций других социальных групп — по моральным и эстетическим критериям).

9. Русские лингвокультурные типажи выражают качества, составляющие ценностную основу русского национального характера: удаля, силу, готовность к самопожертвованию, гостеприимство и др.; французские лингвокультурные типажи выражают соответствующие доминанты французского национального характера: рациональность, оптимизм, галантность, умение жить и др.

10. В сознании современных носителей русской и французской лингвокультур осмысление лингвокультурных типов XIX в. характеризуется размыванием и обеднением понятийных и образных характеристик и гипертрофией одного из оценочных признаков, т. е. превращением типажа в имидж» [Дмитриева 2007: 3–5].

Заслуживают внимания предложенные в работе регуляторы коммуникативного поведения, критерии для выделения лингвокультурных типов, их архетипические качества, специфика их репрезентации в современном сознании. Сравним полученные данные с характеристиками лингвокультурного типажа «русский купец».

Купечество как определенная социальная группа выделяется в любом обществе, достигшем стадии развитого производства и обмена товаров. Этимология русского слова «купец» прозрачна — «тот, кто покупает». Аналогичным образом обозначается соответствующий концепт в немецком и английском языках (нем. «Kaufman» — «купец» от «kaufen» — «купить», англ. «merchant» — «купец» из французского, восходящего к латинскому «mercari» — «покупать»). В паре слов «покупать» и «продавать» первое является более значимым для описания всей ситуации торговли, возможно, потому, что покупка ассоциируется у большинства людей с собственным действием, а продажа — с действием другого человека.

Приведем словарные дефиниции, определяющие имена рассматриваемого концепта в толковых словарях русского языка.

Купец — 1. Лицо, владеющее торговым предприятием, занимающееся частной торговлей от своего имени; торговец. *Ганзейские купцы. Новгородские купцы.* 2. В России до 1917 г.: тот, кто принадлежал к купечеству. *Купец второй гильдии.* 3. Разг. Покупатель. *Я на этот товар не купец! /* Трад.-нар. О женихе в обряде сватовства. 4. Разг. У моряков: торговое судно. *Плывать на купце* [БТС]. **Купец** — торговец, посадский, негоциант, торгующий чем-либо. *На гнилой товар слепой купец. Купчик голубчик. Дрянной купчишка. Миллионный купчища, купчина. Первостатейный купец, именитый* [Даль].

Купечество — 1. В России до 1917 г.: особый социальный слой, сословие, занимающееся оптовой и розничной торговлей. *Русское купечество.* 2. Собр. Купцы (2 зн.) *В Замоскворечье издавна селилось купечество.* В России купечество обособилось с конца 16 в., с 1775 г. освобождено от подушной подати, принадлежность к купечеству обусловлена записью в одну из трех гильдий. К первой причислялись те, кто объявил капитал более 10 000 р.; ко второй — от 1000 р.; к третьей — от 500 р. В 1785 г. купцы первой и второй гильдии освобождены от телесных наказаний. В 1863 г. купечество было разделено на две гильдии: к первой отнесена оптовая торговля, ко второй — розничная торговля и фабрично-заводская промышленность. Принадлежность к купечеству не наследовалась, однако сословные права (кроме права

проезда ко двору и ношения шпаги) распространялись на членов семьи, внесенных в купеческое свидетельство [БТС]. **Купечество, купецтво** — сословие, состояние, или братство купцов [Даль].

Купеческий — 1. к Купец (1 зн.) и Купечество. *Купеческое сословие. Купеческое слово* (закреплявшее торговую сделку без письменного документа). 2. Свойственный быту, нравам купцов; торгашеский. *Купеческий размах. Купеческая роскошь* (безвкусная, аляповатая). *Купеческие привычки, замашки* (показное расточительство) [БТС]. **Купеческий, купецкий** — к купцам и торговле относящийся. *По-купецки чай пьет, да не по-купецки расплачивается* [Даль].

Купчик — 1. Разг. Купец, обычно молодой. *Молодой купчик*. 2. Ирон. Человек, склонный к накопительству или способный извлекать выгоду из каких-л. отношений между людьми [БТС].

Купчиха — 1. Устар. Жена купца. 2. Устар. Женщина, девушка из купеческого сословия, рода. *Богатая купчиха*. 3. Пренебр. и ирон. Женщина, склонная к стяжательству. *Превратиться в купчиху*. || О женщине грубой, нечуткой (БТС). **Купчиха** — жена купца, женщина, записанная в гильдию, торгующая [Даль].

Признаковый состав рассматриваемого концепта сводится к следующим компонентам: 1) человек, 2) ведущий торговлю, 3) владеющий своим товаром, 4) относящийся к сословию купцов в царской России, 5) верный своим обязательствам, 6) живущий ради выгоды, 7) отличающийся дурным вкусом, 8) безрассудно тратящий деньги, 9) демонстрирующий отсутствие ограничений в расходах. Эти признаки распадаются на дескриптивные и характеризующие. К первым относятся ведение торговли, владение товаром и сословная принадлежность, ко вторым — оценки поведения купцов.

В древней Руси ведение торговли было занятием городского населения, этим занимались посадские люди — ремесленно-торговое население, живущее вне городской стены, в пригороде, предместье. Не все торгующие владели своим товаром, в этом плане купцам противопоставляются продавцы и торговцы. Кроме того, купцы не только продавали, но и покупали товар. В русском языке есть особый термин для обозначения богатого иностранного купца — негоциант.

Анализ приведенных словарных дефиниций свидетельствует об эмоционально-оценочном расширении исходного значения основного имени концепта, обозначающего участника торгового. Отметим, что в словаре В. И. Даля дефиниции сводятся к дескриптивным признакам. Характеризующие (эмоционально-оценочные) признаки имеют положительный и отрицательный знаки. К положительным ассоциативным признакам купеческого сословия относится верность своему слову. Отрицательные признаки представлены в целом наборе характеристик осуждаемого поведения, свойственного купцам: это стремление к наживе, неразумная трата больших денег напоказ, дурной вкус. Все эти характе-

ристики вытекают из отрицательной оценки чрезмерного богатства и его демонстрации. В дурном вкусе купцов обвиняла аристократия, особенно обедневшая, в страсти к наживе, расточительстве и хвастовстве — и крестьяне, и разночинная интеллигенция, и рабочие. В современном языковом сознании концепт «купец» и соответствующий типаж претерпели метаморфозу: дескриптивные характеристики воспринимаются многими носителями языка как нечто былинно-архаичное и поэтому отодвигаются на второй план, и на первый план выдвигаются ассоциативно-оценочные характеристики, преимущественно отрицательные. Отрицательная оценка качеств купца объясняется резким неприятием наживы в русской традиционной культуре. Именно этим обусловлено появление таких слов, как «торгаш», «торгашеский».

Купец — это человек, занимающийся торговлей и предпринимательством, его капитал служит доказательством его успешности, и поэтому умение зарабатывать деньги, выгодно вести дела становится для купца смыслом его жизни. Крупный купец не мог вести дела в одиночку, ему помогал целый штат приказчиков, т. е. наемных служащих, занимавшихся по доверенности хозяина торговлей. По своему происхождению купец принадлежит к простому народу, т. е. ведет себя, изъясняется, одевается так, как это принято в крестьянской или ремесленной среде. Вместе с тем возможность заработать капитал дает купцу основания для того, чтобы требовать к себе особого уважения. Одним из таких статусных знаков было вежливо-почтительное обращение к купцам в России «Ваше степенство». Купечество объединяло большой класс весьма разнородных индивидуумов, некоторые из них зарабатывали свой капитал с целью приумножения богатства всей страны, их интересовало развитие империи, рост конкурентоспособности ее товаров, купцы часто становились меценатами, активно занимались благотворительностью, другие же думали только о собственной выгоде и нередко кичились своим богатством.

Образные характеристики анализируемого типажа устанавливаются на основе изучения сочетаемости слов, обозначающих и выражающих данный концепт, и реакций информантов на соответствующие слова.

Для выявления образных характеристик типажа мы рассматриваем его внешность, типичное поведение, речь и обстановку, в которой он живет. Анализируются примеры из произведений русского фольклора и художественной литературы.

Русский купец, по данным художественной литературы, это крепкий, упитанный, здоровый мужчина средних лет, обычно с бородой.

В пьесе А. Н. Островского «Свои люди — сочтемся» приказчик Подхалюзин так говорит своей будущей жене Липочке, дочери богатого купца и хозяина этого приказчика: *Если вы насчет физиономии сомневаетесь, так это, как вам*

будет угодно-с, мы также и фрак наденем да бороду обреем, либо так подстрижем, по моде-с, это для нас все одно-с (А. Н. Островский).

Купчиха — это обычно породная холеная женщина: *Хозяйка весь день в легком нарядном матинэ с кружевами, сияющая тридцатилетней купеческой красотой и спокойным довольством летней жизни* (И. А. Бунин).

Образ такой женщины («Купчиха за чаем») прекрасно создан отечественным художником Б.М. Кустодиевым.

Лишний вес, полнота в прошлом ассоциировались с сытостью и праздностью: *Не только Три Толстяка со своими министрами, застигнутые во дворце, жались, и ежились, и сбивались в одно жалкое стадо при звуках этой песни, — все франты в городе, толстые лавочники, обжоры, купцы, знатные дамы, лысые генералы удирали в страхе и смятении, точно это были не слова песни, а выстрелы и огонь* (Ю. Олеша).

В одном смысловом ряду фигурируют в приведенном примере бывшие хозяева жизни — франты, толстяки, знатные дамы и лысые генералы. Обратим внимание на то, что Ю. К. Олеша вывел в своей сказке два архетипических образа: положительный герой — стройный бедняк, отрицательный герой — толстый богач.

Типичная одежда купца — шуба и сапоги: — *Постой! Приходи-ка завтра ко мне в гости и жену приводи: ведь завтра мои именины. — Эх, братец, куда мне? Сам знаешь: к тебе придут купцы в сапогах да в шубах, а я в лаптях хожу да в худеньком сером кафтанчике* (Русские народные сказки).

С точки зрения бедного крестьянина, шуба и сапоги — знак богатства. Но кроме того были и определенные сословные виды одежды: *Фролов стоял в проеме двери в своем широкополом купеческом сюртуке, и на лице его расплылось выражение довольства. <...> Но и тут повезло Мирону — появился человек в брезентовом пыльнике и купеческом картузе* (И. Болгарин, Г. Северский).

Сюртук (длинный, почти до колен, двубортный пиджак) и картуз (головной убор с козырьком) воспринимались как разновидность купеческой униформы в конце XIX – начале XX века в России.

Важнейшая характеристика поведения настоящего купца — страсть к делу: *В сорок лет от роду Игнат Гордеев сам был собственником трех пароходов и десятка барж. На Волге его уважали, как богача и умного человека, но дали ему прозвище — Шалый, ибо жизнь его не текла ровно, по прямому руслу, как у других людей, ему подобных, а то и дело, мятеежно вскипая, бросалась вон из колеи, в стороны от наживы, главной цели существования. Было как бы трое Гордеевых — в теле Игната жили три души. Одна из них, самая мощная, была только жадна, и, когда Игнат подчинялся ее велениям, — он был просто чело-*

век, охваченный неукротимой страстью к работе. Эта страсть горела в нем дни и ночи, он всецело поглощался ею и, хватая всюду сотни и тысячи рублей, казалось, никогда не мог насытиться шелестом и звоном денег. Он метался по Волге вверх и вниз, укрепляя и разбрасывая сети, которыми ловил золото: скупал по деревням хлеб, возил его в Рыбинск на своих баржах; обманывал, иногда не замечал этого, порою — замечал, торжествуя, открыто смеялся над обманутыми и, в безумии жажды денег, возвышался до поэзии. Но, отдавая так много силы этой погоне за рублем, он не был жаден в узком смысле понятия и даже, иногда, обнаруживал искреннее равнодушие к своему имуществу (М. Горький).

Мы видим, что человека интересует не только капитал как чистый результат, сухой остаток его работы, но сам процесс делания денег. Заслуживает внимания тонко замеченное писателем различие между жадностью в широком и узком смысле слова: неудержимость в стремлениях и желаниях противопоставляется скупости. В обиходном употреблении обычно люди имеют в виду именно скупость, говоря о жадности. Неудержимая жажда активного действия, высокая энергетика поведения — это важнейшая характеристика типажа «русский купец». Эта высокая энергетика сочетается, как отмечено в приведенном примере, с отсутствием этических норм (человек открыто смеется над обманутыми). Нечто подобное можно было наблюдать в современной России конца 90 годов XX века, когда молодой делец, «новый русский», мог со смехом сказать в глаза обманутому человеку, обычно менее удачливому бизнесмену: «Я тебя кинул!»

Презрение к этическим нормам часто выражалось как эпатаж, пьяное ухарство: *Куда же девать купцу свою энергию? На бирже ее много не истратишь, и вот он расточает избыток мускульного капитала в кабаках на кутежи, не имея представления об иных, более продуктивных и ценных для жизни пунктах приложения силы. Он — еще зверь, а жизнь для него уже стала клеткой, и ему тесно в ней при его добром здоровье и склонности к широкому размаху. Стесненный культурой, он нет-нет да и надебоишит. Купеческий дебош — всегда бунт пленного зверя. Разумеется — это дурно...* (М. Горький).

Разумеется, нельзя сводить поведение купца к двум базовым модусам существования — страстное делание денег и прожигание жизни в кабаке, но приведенный пример точно показывает причину купеческих кутежей. Примеры такого типа весьма частотны: *Приехав и совсем забыв о ней, я долго и скучно сидел один в этом речном кабаке, очень дорогом, кстати сказать, известном своими купеческими ночными кутежами, нередко тысячными* (И. А. Бунин); *Сохранилось унылое донесение Бестужева в Петербург: «Русские купцы ника-*

кого почтения не оказывают, беспрестанно пьяные, бранятся и дерутся между собою, отчего немалое бесчестие русскому народу. И хотя я вашего величества указ им и объявлял, чтобы они смирно жили и чистенько себя в платье содержали, но они не только себя в платье чисто не содержат, но некоторые из них ходят в старом русском платье без галстука, также некоторые и с бородами по улицам бродят» (А. Бушков).

Купеческие кутежи были известны своей экстравагантностью (тратились очень большие деньги), драками и бранью. Купцы вели себя одинаково и дома, и за границей. Впрочем, в одном публицистическом произведении нам встретился пассаж, где говорится о том, что мнение о купцах-дебоширах является предвзятым: *По сути дела, передвижничество было оппозиционным, антиправительственным течением русской художественной интеллигенции, зачистую лишённой национального сознания и стремившейся показать русскую жизнь односторонне, только в темных тонах — если крестьянина, то обязательно бедного и забитого, если купца, то обязательно толстого и пьяного, если чиновника, то обязательно отвратительного и жалкого* (О. Платонов).

Возникает вопрос, почему пьяный купец вызывает у современников отвращение, а пьяный гусар — умиление. Вероятно, корень зла нужно искать в данном случае в том, что офицеры были дворянами, им прощались любые выходки, в то время как купцы были людьми низкого сословия, и общество относилось к ним строже. Заметим, что в крестьянской среде пьянство резко осуждалось.

Поведение купца отличалось и некоторой слащавостью по отношению к покупателям: *Тут была целая флотилия русских купцов из Гостиного двора и даже толкучего рынка, в синих немецких сюртуках. Вид их и выражение лиц были здесь как-то тверже, вольнее и не означались той приторной услужливостью, которая так видна в русском купце, когда он у себя в лавке перед покупщиком. Тут они вовсе не чинились, несмотря на то, что в этой же зале находилось множество тех аристократов, перед которыми они в другом месте готовы были своими поклонами смести пыль, нанесенную своими же сапогами. Здесь они были совершенно развязны, щупали без церемонии книги и картины, желая узнать доброту товара, и смело перебивали цену, набавляемую графами-знатоками* (Н. В. Гоголь).

Этикетная вежливость купца содержит элемент неискренности и поэтому осуждается. Приведенный пример интересен тем, что здесь показано поведение русских купцов в той ситуации, когда люди ведут себя естественно. Мы видим, что купцы проявляют гордость и самоуважение.

Привычка считать каждую копейку делает людей прижимистыми: *Весь мой капитал был в тридцать рублей ассигнациями, а купец никак не соглашался*

уступить дешевле. Наконец я начала упрашивать, просила-просила его, наконец упростила. Он уступил, но только два с полтиною, и побожился, что и эту уступку он только ради меня делает, что я такая барышня хорошая, а что для другого кого он ни за что бы не уступил (Ф. М. Достоевский).

Существуют нормы ведения торгова, и купец не может сразу же согласиться снизить цену, в таком случае он теряет лицо. Речь идет не о деньгах, во многих случаях участники торгова ведут своеобразную игру, смысл которой — заставить партнера сдаться. Именно поэтому купец уступает в цене, говоря, что делает личное одолжение девушке.

В поведении купцов многих отталкивали капризность и самоудовольствие: *На последнем концерте произошел курьезный случай. Какой-то купец прорвался в антракте в мою комнату и стал требовать, чтобы я продала ему туфлю со своей ноги за тысячу рублей. Сбежался народ, стали его выталкивать. А он всех расшвыривал (сильный оказался мужчина), выхватил из кармана револьвер (тут я чуть в обморок не свалилась) и заорал: «Если не продадите — застрелюсь! И грех падет на вашу душу!» Я, натурально, перепугалась до смерти и отдала ему туфлю безвозмездно. Хорошо, что у меня с собою была еще одна пара. А наутро в гостинице подают мне пакет, и в нем — тысяча* (Г. Алексеев).

Привычка потакать своим желаниям была свойственна многим купцам, если принимать во внимание свидетельства разных писателей. По-видимому, такое поведение вытекало из общей установки купца на выход за рамки норм и приличий. Скорее всего, подобные случаи происходили не каждый день, но они были показательными. Обратим внимание на важную характеристику: купец (вероятно, пьяный) прорвался к актрисе, желая высказать ей свои чувства, но единственное нестандартное действие, на которое он оказался способен, — это потребовать ее туфлю, причем за большие деньги. Унизительность этого требования для женщины купец не понимает. И туфля ему нужна, по-видимому, для того, чтобы в пьяной кампании похвастаться перед другими купцами и выпить из предмета обуви, как это было иногда принято.

Вместе с тем фольклорные тексты показывают, что купцам было свойственно сострадание и сочувствие к людям:

В ту пору ехал мимо купец:

— О чем, красная девица, плачешь?

Рассказала ему Аленушка про свою беду. Купец ей говорит:

— Пооди за меня замуж. Я тебя наряжу в злато-серебро, и козленочек будет жить с нами.

Аленушка подумала, подумала и пошла за купца замуж (Русские народные сказки).

Понятно, что Аленушка была очень красива, но героем сказки выступает не Иван-царевич, не храбрый богатырь, а купец. Вероятно, в коллективном представлении брак бесприданницы с купцом был оптимальным возможным выходом.

Купцам и купеческим женам и дочерям была свойственна высокая религиозность:

Слышал я, что в таком-то городе живет богатый купец с дочкою, и та купеческая дочь куда как милостива к убогим и увечным! Сама всем милостыню подает. (Русские народные сказки).

Подаяние милостыни обычно сочетается с набожностью, искренней верой и соблюдением всех церковных предписаний. В поведении купцов периоды покаяния регулярно чередовались с периодами кутежей, яркий пример такого поведения в сконцентрированном виде выражен в пословице «Не погрешешь — не покаешься».

Речь купцов представляет собой стилистически сниженный, диалектный вариант разговорного языка:

Большов. (читает вслух). «Объявления казенные и разных обществ: 1, 2, 3, 4, 5 и 6, от Воспитательного дома». Это не по нашей части, нам крестьян не покупать. «7 и 8 от Московского новерситета, от Губернских правлений, от Приказов общественно-го призрения». Ну, и это мимо. «От Городской шестигласной думы». А ну-тко-сь, нет ли чего! (Читает.) «От Московской городской шестигласной думы сим объявляется: не пожелают ли кто взять в содержание нижеозначенные оброчные статьи». Не наше дело: залоги надоть представлять. «Контора Вдовьего дома сим приглашает...» Пускай приглашает, а мы не пойдём. «От Сиротского суда». У самих ни отца, ни матери. (Просматривает дальше.) Эге! Вон оно куда пошло! Слушай-ко, Лазарь! «Такого-то года, сентября такого-то дня, по определению Коммерческого суда, первой гильдии купец Федот Селиверстов Плешков объявлен несостоятельным должником; вследствие чего...» Что тут толковать! Известно, что вследствие бывает. Вот-те и Федот Селиверстыч! Каков был туз, а в трубу вылетел. А что, Лазарь, не должен ли он нам? (А. Н. Островский).

Купец Большов читает газету и комментирует прочитанное. Обратим внимание на сниженные разговорные слова «надоть», «ну-тко-сь», «куда», искаженное «новерситет». Комментарии свидетельствуют о практической хватке, сообразительности героя: он отлично понимает суть дела, знает, что скрывается за канцелярскими оборотами. Заслуживает внимания фраза «Каков был туз, а в трубу вылетел»: фразеологизм «вылететь в трубу» — «совсем разоряться, оставаться без денег» сочетается с образной характеристикой «туз» — «важная персона».

Купцы обращаются к тем, кто ниже их по статусу, только на «ты» («ты» хамское, по определению Ю. Д. Апресяна), ожидая услышать в ответ только вежливое «Вы»:

Дикой. Да что ты ко мне лезешь со всяким вздором! Может, я с тобой и говорить-то не хочу. Ты должен был прежде узнать, в расположении ли я тебя слушать, дурака, или нет. Что я тебе — ровный, что ли! Ишь ты, какое дело нашел важное! Так прямо с рылом-то и лезет разговаривать.

Кулигин. Кабы я со своим делом лез, ну тогда был бы я виноват. А то я для общей пользы, ваше степенство. Ну что значит для общества каких-нибудь рублей десять! Больше, сударь, не понадобится. (А.Н.Островский).

Обращение на «ты» сочетается с оскорблениями и сниженной лексикой. Купец постоянно подчеркивает свой статус вышестоящего («Что я тебе, ровный что ли?»). Проситель использует два вежливых обращения, подчеркивая свою зависимость от адресата («Ваше степенство», «сударь»).

В торжественной ситуации купец изъясняется особым стилем, в котором сочетаются церковно-книжные и канцелярские выражения:

Большов. А вот сейчас пойдем все вместе, а теперь пока побеседуем маненько.

Устинья Наумовна. Отчего ж и не побеседовать! Вот, золотые мои, слышала я, будто в газете напечатано, правда ли, нет ли, что другой Бонапарт родился, и будто бы, золотые мои...

Большов. Бонапарт Бонапартом, а мы пуще всего надеемся на милосердие божие; да и не об том теперь речь.

Устинья Наумовна. Так об чем же, яхонтовый?

Большов. А о том, что лета наши подвигаются преклонные, здоровье тоже ежеминутно прерывается, и един создатель только ведает, что будет вперед: то и положили мы еще при жизни своей отдать в замужество единственную дочь нашу, и в рассуждении приданого тоже можем надеяться, что она не острамит нашего капитала и происхождения, а равномерно и перед другими прочими.

Устинья Наумовна. Ишь ведь, как сладко рассказывает, бралиянтовый.

Большов. А так как теперь дочь наша здесь налицо, и при всем том, будучи уверены в честном поведении и достаточности нашего будущего зятя, что для нас очень чувствительно, в рассуждении божеского благословения, то и назначаем его <...> в общем лицезрении (А. Н. Островский).

Семья собирается для объявления о предстоящем замужестве купеческой дочери. Сваха предлагает начать светскую беседу на отвлеченную тему («говорят, что новый Бонапарт родился»), но купец сразу же переводит общение в деловое русло, определяя цель встречи. О себе глава семьи говорит во множественном числе (*pluralia majestatis*), так обычно изъяснялись в документах монархии. Заслуживает внимания упоминание о возрасте и непредсказуемости

жизни. В речи купца четко определены его жизненные приоритеты: его дочь должна соответствовать его капиталу и требованиям сословия, его зять — честности и достаточности (в последнем случае имеется в виду финансовый статус). Сваха, чувствуя важность момента, дает высокую оценку уровню речи купца («как сладко рассказывает»). При этом героя включает разговорные слова «маленько», «оченно» «острамит». Очень интересна градация обращений в речи свахи: «золотые мои», «яхонтовый», «бралиянтовый».

Образ жизни купца сводится к его постоянным занятиям и обстановке, в которой протекает его существование.

Основное занятие купца — торговля, покупка и реализация товара. Для этого приходилось много времени проводить в поездках и путешествиях в дальние страны:

Вот однажды купцу понадобилось уехать из дому на долгое время по торговым делам (Русские народные сказки).

Вот ездит честной купец по чужим сторонам заморским, по королевствам невиданным; продает он свои товары втридорога, покупает чужие втридешева, он меняет товар на товар и того сходней, со придачею серебра да золота; золотой казной корабли нагружает да домой посылает. ... Вот едет он путем-дорогою со своими слугами верными по пескам сыпучим, по лесам дремучим, и, откуда ни возьмись, налетели на него разбойники, бусурманские, турецкие да индейские, и, увидя беду неминуемую, бросает честной купец свои караваны богатые со прислугою своей верною и бежит в темные леса. «Пусть-де меня растерзают звери лютые, чем попасться мне в руки разбойничьи, поганые и доживать свой век в плену во неволе» (С. Т. Аксаков).

Путешествия в те времена были сопряжены с опасностями, можно было утонуть на корабле, стать добычей диких зверей или разбойников. Обратим внимание на постоянный эпитет «честной купец» (сравним: «добрый молодец» и «красная девица»). Купец продает свой товар дорого и покупает чужой товар дешево, выручку сразу же обращает в золото и отправляет ее домой. Это дает возможность выстроить хороший дом, содержать слуг и вести роскошный образ жизни:

— Вкусно не вкусно, а уж что есть, — не всем же гусей с яблоками трескать, как купцу Терентьеву!

Быдлу стало любопытно:

— А почему ему можно, а тебе нельзя? Он происхождения высокого?

Мужик объяснил:

— У него богатство, доход большой, а у меня доход маленький. Он прислугу держит, дом выстроил в два этажа, — да вот приедем в село, я тебе покажу (А. Гейман).

Богатство является наиболее яркой характеристикой купца: *А что такое купеческий особняк с точки зрения его содержания? Ого! Фарфор и картины, дорогая мебель и иконы, золото, драгоценные камни* (В. Солоухин).

Вместе с тем часто отмечается безвкусица в оформлении купеческих особняков:

Подхалюзин. Да это что-с, Алимпияда Самсоновна, нешто мы в эдаком доме будем жить? В Каретном ряду купим-с, распишем как: на потолках это райских птиц нарисуем, сиренов, капидонов разных — поглядеть только будут деньги давать.

Липочка. Нынче уж капидонов-то не рисуют.

Подхалюзин. Ну, так мы букетами пустим (А. Н. Островский).

Пройдя невыразимо угнетающий двор, мы оказались перед дверью, над которой торчал чугунный козырек с завитками и амурами в купеческом духе (В. Пелевин).

«Он отошел и присел на мраморную скамью, вделанную в стену пышно и аляповато разукрашенной часовенки — усыпальницы какого-то купца (И. Болгарин, Г. Серверский).

Купцам нравилось украшать свои дома и надгробные памятники изображениями пухлых ангелочков-купидонов.

Купцы любили попариться в бане, а на праздники у них пеклись пироги:

Липочка. Не пойду я за купца, ни за что не пойду, — За тем разве я так воспитана: училась и по-французски, и на фортепьянах, и танцевать! Нет, нет! Где хочешь возьми, а достань благородного.

Графена Кондратьевна. Вот ты и толкуй с ней.

Фоминишна. Да что тебе дались эти благородные? Что в них за особенный скус? Голый на голом, да и христианства-то никакого нет: ни в баню не ходит, ни пирогов по праздникам не печет; а ведь хоть и замужем будешь, а надоест тебе соус-то с подливкой (А. Н. Островский).

Стремясь во всем походить на дворян, купцы нанимали своим детям гувернанток, и те с разной степенью успешности учили детей говорить по-французски, играть на фортепиано и танцевать современные танцы. Известно, что в первой половине XIX века русские дворяне хорошо говорили по-французски, а впоследствии уровень владения иностранным языком резко понизился: «Я знал много семей, в которых никогда ничего не читали по-французски (а женщины вообще ничего не читали — даже по-русски) и где французский язык употреблялся исключительно для того, чтобы в присутствии прислуги говорить о том, что от нее желательно скрыть (главным образом — о прислуге же)» [Поливанов 1968: 217]. Желая быть похожими на дворян, купцы вместе с тем с неприязнью относились к западным манерам «благородных» (французская кухня, соус и

подливка купцам не по вкусу). Купцы иронически относятся к обедневшим аристократам, которых становилось все больше («голый на голом»).

Отношения купцов с властью складывались не всегда гладко:

Забегали купцы к начальству с жалобами. — Сколько нашего богатства в реке пропадает! Купчески убытки чиновникам не в печаль. Чиновники найдут, что с купцов содрать (С. Писахов).

И еще много десятилетий самодуры-городничие (списанные Гоголем с самой что ни на есть доподлинной натуры) таскали купцов за бороды, вымогали взятки и сажали под арест. Вплоть до бесславного падения прогнившей русской монархии купцы и промышленники были отстранены от управления государством (лишь после 1905 г. двое-трое видных буржуа смогли занять второстепенные правительственные должности). В то же самое время британские монархи возводили своих торговцев и промышленников в дворянское достоинство (А. Бушков).

Государство в лице чиновников вымогало с купцов взятки, подвергало их всяческим унижениям (телесные наказания были отменены лишь в конце 18 века и только для богатых купцов).

Тем не менее, купечество все более отчетливо осознавало свою роль в развитии страны:

Купечество к концу девятнадцатого века тоже перерастало уже в высший культурный слой. Сами знаете, Мамонтов с его Частной оперой, Морозов, Рябушинский с его уникальной коллекцией старообрядческих икон. Национальное самосознание среди русского купечества было развито к этому времени очень сильно. Из купеческого сословия лет через двадцать-тридцать пошли бы ученые, писатели, государственные деятели (В. Солоухин).

Вероятно, национальное самосознание русского купечества было обусловлено, с одной стороны, объективными характеристиками развития индустриального общества в России и ключевой ролью класса финансистов и промышленников в этом обществе и, с другой стороны, спецификой дворянского западного менталитета (усилиями Петра I дворяне стали резко отличаться от простого народа, и внешне, и внутренне, превратившись для многих крестьян в иностранцев).

В Русском ассоциативном словаре приводятся следующие ассоциативные реакции на слово «купец»: богатый (16), торговец (7), товар (5), богач, заморский, толстый, торговля (3), боярин, деньги, кафтан, Россия, русский, скупой, торгаш (2), аленький цветок, барин, барыга, богатство, борода, бородатый, бусы, янтарь, город, валенки, мешок, тулуп, в красной рубашке, гильдия, Говер, гуляет, Демидов, достаток, золото, история, Калашников, карета, корабль, купчи-

ха, молодец, Морозов, мужчина, наш, отец Аленушки, первый, повозка, подлец, предприниматель, продает золото, пьяный, разудалый, Русь, рынок, Садко, с деньгами, солидный, сукно, телец, товара, Торгсин, человек, шуба, ярмарка, 1 гильдии, 1-й гильдии, 3 гильдии [РАС]. Обратные реакции (от реакции к стимулу) таковы: богатый (3), барин, глупец, Калашников (2), балда, владелец, заморский, кулак, миллионер, спесивый, товар, чванливый [РАС].

Наиболее частотной характеристикой купца, как можно видеть по реакциям русских респондентов, является признак «богатый», достаточно репрезентативно представлен и основной род занятий купца — торговля. Остальные признаки представлены разбросанно: внешние характеристики (толстый, бородатый), одежда (кафтан, красная рубашка, тулуп, шуба и др.), поведение (гуляет, пьяный, разудалый, солидный, спесивый, чванливый), идентичность (заморский, наш, русский), примеры (Демидов, Морозов), литературные аллюзии (аленький цветок, отец Аленушки, Садко, Калашников).

Мы видим, что в сознании респондентов купец предстает как имидж с преимущественно внешними, а не функциональными характеристиками.

Оценочные характеристики рассматриваемого типажа выявляются на материале высказываний с выраженной оценкой поведения купца. К таким высказываниям относятся универсальные речения — пословицы, поговорки, афоризмы, парадоксы — и обычные фразы, в которых говорится, как следует или не следует вести себя в ситуации торга.

В словаре пословиц В. И. Даля тема торговли представлена достаточно разнообразно (в нашей картотеке зафиксировано 125 речений на эту тему). Оценочные высказывания о поведении купцов можно разделить на несколько групп.

1. Следует стремиться к выгоде: *Продешевил, так не купец. Не похвала, не продашь; не похуля, не купишь. На торгу два дурака: один дешево дает, другой дорого просит. Товар лицом продают. Товар лицом кажут. Нам товару не хвалить, так и не свалить. Не подкрасив (Не подцветив) товару, не продашь.*

2. Следует торговать честно: *Обманом барыша не наторгуешь. Неправедная корысть впрок нейдет. Неправедно (Неправдою) нажитое боком (ребром) выпрет. Неправедная нажива — огонь. Неправедная нажива — не разжива. Торгуя правдою, больше барыша будет. Хоть нет барыша, да слава хороша. Не до барыша, была бы слава хороша.*

3. Следует разграничивать личные и деловые интересы: *Дружба дружбой, а в карман (а в горох) не лезь! Дружба дружбой, а денежкам счет. Кум — кум, а деньги не кум. Брат братом, сват сватом, а денежки не родня. Брат не брат, а в горох не лезь! Сват не сват, а денежки не сватьи (а товарищ не засватан). Родство — дело святое, а торговля — дело иное.*

4. Не следует покупать дешевый товар: *Дорого да мило, дешево да гнило. Дешево да гнило, дорого да мило. Дорого да любо, дешево да грубо.*

5. Следует быть внимательным при торге: *Продавцовою божбе не веряйся (не верь). Купец божится, а про себя отрекается. На гнилой товар да слепой купец (т. е. покупилик). Торговать, так по сторонам не зевать. Купец, что стрелец: оплошного ждет. Купец — ловец; а на ловца и зверь бежит. Купчик купец, разудальный молодец. Купец — плутец. Купчик голубчик — деньголупчик (деньги лупит). Твои деньги, твои и глаза: гляди сам, что покупаешь.*

6. Следует учитывать риск в торговле: *Прибыль с убылью в одном дворе живут. Барыш с накладом в одних сапожках ходят. Барыш с накладом в одном кармане живут. Кто торгует, тот и горюет. Торговать, так и горевать (и воровать). От изъяну нигде не уйдешь. Убыток наводит на прибыль.*

7. Следует учиться на ошибках в торговле: *Не доходом наживаются, а расходом. Торговля — кого выручит, а кого выучит. Не купля учит, продажа. Убытки ум дают. Дорожиться — товар залежится; продешевить — барышей не нажить. Ехал наживать, а пришлось и свое прожизивать. Купишь лишнее — продашь нужное.*

8. Следует идти на компромисс в торговле: *Проси много, а бери, что дают! Запрос в карман не лезет. Спрос не бьет в нос. Продавцу воля, покупателю другая. Запрос о подаче не волен. Мой запрос, твоя подача. Ваши деньги, наш товар. У купца расчет, у покупателя другой (свой). У купца цена, у покупателя другая. У купца своя цена, у покупателя своя.*

9. Следует стремиться к обороту денег в торговле: *Не оборотишь (не сделаешь оборота), так и своего не воротишь. Лежачий товар не кормит. Лежачий хлеб ни поит, ни кормит. То не купец, у кого деньги дома (налицо).*

10. Следует знать, как нужно торговать: *Купить, что вошь убить, а продать, что блоху поймать. Купить-то и внучек купит, а продать и дед намеется.*

Приведенные нормы поведения купца свидетельствуют о том, что приоритетной ценностью рассматриваемого типажа является здравый смысл, выражающийся как стремление к получению прибыли с учетом реальной ситуации. Вместе с тем четко сформулированы и этические нормы, в которых, впрочем, осуждение обмана мотивируется его нецелесообразностью. Обращает на себя внимание система частных правил успешного ведения торговли (например, необходимость компромисса, внимания, разграничения деловых и личных интересов, учета риска и т. д.).

В специальном исследовании, посвященном концепту «торг» в английской и русской лингвокультурах, отмечены следующие оценочные признаки, специ-

фичные для сравниваемых культур: «Оценочные нормы торга в коллективном языковом сознании носителей английской и русской лингвокультур обнаруживают следующую специфику: необходимость соблюдения соглашений для английской лингвокультуры и отрицательная оценка стремления к несправедливой выгоде и наличие взаимоисключающих норм поведения при торге — для русской» [Петелина 2003: 5]. Ситуация торга представляет собой в оценочном отношении очень сложное и динамичное образование: с одной стороны, есть потребность купить как можно дешевле и продать как можно дороже, с другой стороны, присутствует желание сохранить лицо, т. е. показать уважение к партнеру и способность пойти на компромисс. Торгующий должен быть безусловно честен, обман покупателя абсолютно недопустим, вместе с тем практика показывает, что обман иногда имеет место, и поэтому покупатель должен быть внимателен. Продавец стремится убедить покупателя в том, что продаваемый товар является наилучшим в своем роде и нужным для покупателя. Покупатель явно или неявно ставит под сомнение эти доводы с целью добиться снижения цены товара.

Итак, в русской лингвокультуре выделяется типаж «купец». Этот типаж в настоящее время осмысливается не по базовым понятийным признакам (лицо, ведущее торговлю собственным товаром) и не по образно-перцептивным признакам (бородатый упитанный мужчина в шубе и сапогах), а по оценочным характеристикам (человек, у которого есть деньги, который очень ценит выгоду, часто имеет дурной вкус, тратит зря большие деньги напоказ). Ситуация торга в русской лингвокультуре оценивается преимущественно с точки зрения бедных людей, поэтому осуждается богатство купца (исходная посылка — честным путем большие деньги заработать невозможно), его стремление к выгоде (идеалом русской культуры является бескорыстие), его самодурство (отсутствие самоконтроля, особенно — по отношению к подчиненным и зависимым от него людям) и его дурной вкус (недостаток образования и воспитания, с позиций аристократии и интеллигенции). Для самих купцов приоритетными являются утилитарные ценности успеха в деле, умения пойти на риск и моральная ценность честного выполнения договоров. Рассматриваемый типаж интересен в социальном отношении: купцы не соотносятся ни с народом, хотя вышли из народа, ни с властью и поэтому часто вызывают к себе отрицательное отношение, как и русские интеллигенты. Многие оценочные характеристики типажа «купец» автоматически наследуются типажом «бизнесмен» в современной русской лингвокультуре.

2.4. Лингвокультурный типаж «русский чиновник»

Общество представляет собой иерархически организованную структуру. Самая простая модель социальной иерархии включает руководителя и подчиненных, при этом между ними существует слой людей, обеспечивающих нормальное функционирование социального организма в интересах власти. Эти люди заняты в различных сферах общественной жизни — в силовых структурах (армия, полиция, государственная безопасность), в производстве (руководители государственных предприятий), в идеологических институтах (учреждения образования, массовой информации, культуры), в центральных и местных органах власти (министерства, муниципалитеты, общественные организации). Несмотря на существенные различия в их функциональных обязанностях, эти люди имеют общие социокультурные признаки, обусловленные их ролью в иерархической структуре общества, с одной стороны, и национально-культурной спецификой социума, с другой стороны. Типичным воплощением соответствующей роли является типаж «чиновник». Это слово имеет лишь приблизительный перевод на другие языки: *official* — (англ.) государственный служащий, *Beamte* (нем.) — государственный служащий, *fonctionnaire* — (фр.) государственный служащий. В качестве близких обозначений приводятся оценочные слова «функционер», «бюрократ». Тот факт, что русское слово «чиновник» не имеет однозначного коррелята в других языках, заставляет нас предположить, что за этим словом скрыт специфический концепт, требующий объяснения. Данный типаж привлекал к себе внимание исследователей [Катермина 2005; Климова 2007].

Для установления понятийных признаков рассматриваемого типажа обратимся к толковым словарям.

Чиновник — 1. Государственный служащий. *Чиновник таможни. Полицейский чиновник. Мелкие чиновники.* 2. Должностное лицо, выполняющее свою работу формально, следуя предписаниям, без живого участия в деле; формалист, бюрократ. *Бездушные чиновники [БТС].*

Чиновник — служащий государю и жалованный чином, обер- или штаб-офицер, или генерал, хотя высшие чиновники более зовутся сановниками [Даль].

В основе слова «чиновник» лежит корень «чин», объясняемый следующим образом: устроенный порядок, устав, обряд, уряд || степень, на коей человек состоит в обществе, звание, сан, сословие, состояние. Степень жалованного служебного значенья, достоинства, класс, коих у нас 14. *Чиновник 8-го класса в чине майора или коллежского асессора [Даль].*

Анализ приведенных определений дает возможность установить понятийный набор признаков рассматриваемого концепта: 1) человек, 2) находящийся на службе, 3) у государства или государя, 4) занимающий определенный класс в системе должностей, 5) строго выполняющий предписания, 6) формально относящийся к делу, 7) относящийся к людям соответственно их социальному положению, 8) равнодушный к нижестоящим. Эти признаки распадаются на два класса смысловых образований: дескриптивные и характеризующие, к первым относятся первые четыре функциональных определения чиновника, ко вторым — его остальные признаки, выражающие оценку. Служба есть выполнение обязанностей и поручений. Исторически в основу номинации рассматриваемого типажа положен признак ступени на служебной лестнице, в качестве иллюстраций приводятся примеры, связанные с Табелью о рангах, учрежденной в России Петром Первым, и системой воинских званий. Понятийная лингвокультурная специфика типажа «русский чиновник» состоит в том, что в русском языковом сознании противопоставляются две номинации: «чиновник» и «государственный служащий», первая является дескриптивно-характеризующей, вторая — сугубо дескриптивной. Именно поэтому в современных официальных документах фигурирует только вторая номинация для обозначения соответствующих людей. Вместе с тем в практическом опыте, включающем эмоциональное переживание и историко-культурную оценку, существует концепт «чиновник».

Системные связи этого концепта в понятийно-дескриптивном плане сводятся к его корреляциям с тремя смысловыми группами единиц: 1) соотношение по ступени на иерархической лестнице: сановник — это крупный, высокопоставленный чиновник; 2) соотношение по сферам деятельности: гражданская, военная, дипломатическая и прочая служба; 3) соотношение по конкретному воплощению служебного класса (ранги, степени, звания). Системные связи данного концепта в понятийно-характеризующем отношении выражаются в оценочной квалификации этого типажа с позиций эффективности его деятельности (строгое выполнение предписаний) и с позиций этических норм человеческих взаимоотношений, при этом субъектами оценки выступают люди, находящиеся в зависимости от чиновника либо вне государственной службы. В русском языке весьма вариативно выражена отрицательная оценка данного типажа, заложенная в значениях однокоренных слов или синонимически уточняющих его номинантов: *чинный, чиновничий, чиновный, чиновлюбие, чиновпочитание, чинуша, чинодрал, службист, бюрократ, карьерист, функционер, аппаратчик*. Осуждается высокомерие чиновников, их равнодушие к людям, карьеризм, кастовая замкнутость. Обратим внимание на то, что концепт «служба» сам по

себе не включает отрицательно-оценочных смыслов, осуждаются специфические проявления служебного рвения и смещения ценностей у чиновников (с точки зрения других людей). В значении слова «чиновник» на понятийном уровне заложен смысл «бездушие», т. е. отсутствие чуткости, сострадания, механическое, безразличное, нечеловеческое отношение к людям. Отсутствие чуткости осуждается в любом сообществе, специфика русской ментальности состоит, на наш взгляд, в том, что бездушие по определению приписывается слугам власти. Интересно отметить, что сама власть при этом вполне может иметь и проявлять чуткость и сострадание (идея доброго царя или барина и его жестоких помощников).

Обратимся к образно-перцептивным характеристикам типажа «русский чиновник». В качестве материала используются произведения классической и современной русской художественной литературы. Отметим, что некоторые характеристики русского чиновника в XIX веке и в наше время резко отличаются. Это относится, прежде всего, к внешности типичного чиновника.

В XIX веке чиновник был узнаваем по следующим характерным признакам: это был мужчина с бритым лицом, одетый в мундир определенного ведомства. В холодное время года чиновники носили шинели. Возраст чиновника обычно соответствовал определенным чинам в табели о рангах:

В три часа — новая перемена. На Невском проспекте вдруг настает весна: он покрывается весь чиновниками в зеленых вицмундирах. Голодные титулярные, надворные и прочие советники стараются всеми силами ускорить свой ход. Молодые коллежские регистраторы, губернские и коллежские секретари спешат еще воспользоваться временем и пройтись по Невскому проспекту с осанкою, показывающею, что они вовсе не сидели шесть часов в присутствии. Но старые коллежские секретари, титулярные и надворные советники идут скоро, потупивши голову: им не до того, чтобы заниматься рассматриванием прохожих; они еще не вполне оторвались от забот своих; в их голове ерлаш и целый архив начатых и неоконченных дел; им долго вместо вывески показывается картонка с бумагами или полное лицо правителя канцелярии (Н. В. Гоголь).

Мундир играл важную символическую роль в оформлении касты чиновников. Как отмечает Л. Е. Шепелев [1991], «цвета мундира (темно-зеленый, темно-синий или красный), а также узор золотого или серебряного шитья, указывали на ведомство или учреждение, а объем шитья (главным образом на воротниках, обшлагах и карманных клапанах) — на ранг чиновника. Форменная одежда некоторых ведомств представляла собой как бы систему, и прежде всего это относится к Правительствующему Сенату». Красные мундиры являлись парадной одеждой сенаторов. Темно-зеленые мундиры были распространенной по-

вседневной одеждой чиновников. Красный цвет символизировал высший статус: генеральская шинель имела красную подкладку. Под контролем императора было разработано специальное «Положение о гражданских мундирах», в котором «были установлены семь «форм одежды» — комбинаций разных компонентов форменного костюма — и случаи, когда форма должна носиться. «Формы одежды» были: парадная, праздничная, обыкновенная, будничная, особая, дорожная и летняя. В 1845 г. отдельным изданием было выпущено «Расписание, в какие дни в какой быть форме» объемом в 13 страниц» [Шепелев 1991].

К числу важных семиотических характеристик чиновника относились знаки отличия — ордена: *Но в то же время один господин в вицмундире и в шинели, солидный чиновник лет пятидесяти, с орденом на шее (последнее было очень приятно Катерине Ивановне и повлияло на городского), приблизился и молча поддал Катерине Ивановне трехрублевую зелененькую кредитку* (Ф. М. Достоевский).

Орден как таковой был знаком принадлежности к классу чиновников, а конкретный тип ордена многое говорил о том, какую должность занимает человек. Например, орден св. Станислава — самый младший в порядке старшинства российских орденов — был распространенной и наиболее частой наградой. Его получали практически все, прослужившие установленные сроки и имевшие классные чины, государственные служащие — военные и статские (www.wikipedia.ru). Высшим орденом Российской империи был орден Андрея Первозванного, о котором известно следующее: «Кавалеры ордена, по Уставу, должны иметь высший дворянский или государственный чин, воинское звание не ниже генеральского. Одновременно кавалерами ордена могло быть не более 12 человек из россиян. Общее число кавалеров ордена (русских и иностранных подданных) не должно превышать двадцати четырех человек» [там же].

Основное занятие чиновников — сидеть в присутствии, т. е. выполнять рутинную работу по проверке полученных данных, переписыванию документов, не случайно их часто насмешливо называли чернильными душами. Эта мысль изящно выражена в афоризме: *Многие чиновники стальному перу подобны* (Козьма Прутков).

Служебная деятельность мелких чиновников практически не находит отражения в произведениях художественной литературы, и это не удивительно, поскольку эта служба считалась достаточно скучной и однообразной. Эта деятельность не требовала от людей особых способностей, высокой сообразительности и обширных познаний, чиновник должен быть аккуратен и исполнительен: *...Гений, прикованный к чиновническому столу, должен умереть или сойти с ума, точно так же, как человек с могучим телосложением, при сидячей*

жизни и скромном поведении, умирает от апоплексического удара (М. Ю. Лермонтов).

Годами сидя в своих конторках, переписывая документы и раскладывая их по папкам, чиновники могли продвигаться по служебной лестнице, получать за выслугу лет орден или новый чин. Высокопоставленные чиновники принимали посетителей. Чиновники, как правило, старались избежать ответственности, всячески затягивали принятие решений и сводили дело к ритуально-протокольным формальностям. Но были исключения из правила: *Особенность Алексея Александровича, как государственного человека, та, ему одному свойственная, характерная черта, которую имеет каждый выдвигающийся чиновник, та, которая вместе с его упорным честолюбием, сдержанностью, честностью и самоуверенностью сделала его карьеру, состояла в пренебрежении к бумажной официальности, в сокращении переписки, в прямом насколько возможно, отношении к живому делу и в экономности* (Л. Н. Толстой).

Некоторые чиновники на самом деле ощущали себя представителями государства и стремились действовать в государственных интересах, это выражалось, как показано в приведенном примере, в прямом отношении к живому делу, честности и экономности. Для многих крупных чиновников приоритетным было установление и соблюдение статусных взаимоотношений с подчиненными и посетителями: *Приемы и обычаи значительного лица были солидны и величественны, но не многосложны. Главным основанием его системы была строгость. «Строгость, строгость и — строгость», — говаривал он обыкновенно и при последнем слове обыкновенно смотрел очень значительно в лицо тому, которому говорил. Хотя, впрочем, этому и не было никакой причины, потому что десяток чиновников, составлявших весь правительственный механизм канцелярии, и без того был в надлежащем страхе; завидя его издали, оставлял уже дело и ожидал стоя вытяжку, пока начальник пройдет через комнату. Обыкновенный разговор его с низшими отзывался строгостью и состоял почти из трех фраз: «Как вы смеете? Знаете ли вы, с кем говорите? Понимаете ли, кто стоит перед вами?»* (Н. В. Гоголь).

Руководители канцелярий и департаментов стремились внушать своим подчиненным ужас, и подчиненные демонстрировали свой трепет перед начальством.

Мелкие чиновники жили сравнительно бедно: *...ведь при нашем чиновничком содержании, сами знаете, каждая копейка на счету. Потратишь неосторожно копеечку, а потом и не спишь всю ночь...* (А. П. Чехов)

Вместе с тем класс средних и высших чиновников пополнялся большей частью за счет дворян, у которых были поместья, которые могли уйти в отстав-

ку и жить достаточно богато: *Это уж был не прежний робкий бедняга-чиновник, а настоящий помещик, барин. Он уж обжился тут, привык и вошел во вкус; кушал много, в бане мылся, полнел, уже судился с обществом и с обоими заводами и очень обижался, когда мужики не называли его «ваше высокоблагородие»* (А. П. Чехов)

Отметим, что титул «Ваше высокоблагородие» использовался при обращении к чиновникам 6–8 классов (это соответствовало воинским званиям майора, подполковника и полковника). Иронический комментарий писателя показывает, что чиновник вышел в отставку, имея низкий чин (он мог рассчитывать только на обращение «Ваше благородие»), но хотел, чтобы к нему обращались как к старшему гражданскому должностному лицу. На генеральский титул «Ваше превосходительство» этот герой не претендовал.

Досуг служилых людей был также однообразен. Это была большей частью игра в карты в молодости и светские визиты в зрелом возрасте: *... Чиновники рассеиваются по маленьким квартиркам своих приятелей поиграть в штурмовой вист, прихлебывая чай из стаканов с копеечными сухарями, затягиваясь дымом из длинных чубуков, рассказывая во время сдачи какую-нибудь сплетню, занесшуюся из высшего общества* (Н. В. Гоголь); *Ольга Михайловна не любила уездных чиновников. Ей не нравились их неуклюжие церемонные жены, сплетни, частые поездки в гости, лесть перед ее мужем, которого все они ненавидели* (А. П. Чехов).

В произведениях русских писателей XIX и начала XX века отмечается острое чувство статусной неполноценности, которое переживали нижестоящие чиновники, и поэтому излюбленной темой их разговоров были сплетни из высшего общества в разговорах с равными. Общаясь во время светских поездок с начальством и знатью, мелкие чиновники были вынуждены льстить и пресмыкаться.

Речь чиновника представляет собой развернутый логичный текст, построенный по образцу официального документа:

Только один раз Петр Леонтыч осмелился попросить у него пятьдесят рублей взаймы, чтобы оплатить какой-то очень неприятный долг, но какое это было страдание!

— Хорошо, я вам дам, — сказал Модест Алексеич подумав, — но предупреждаю, что больше уже не буду помогать вам, пока вы не бросите пить. Для человека, состоящего на государственной службе, постыдна такая слабость. Не могу не напомнить вам общеизвестного факта, что многих способных людей погубила эта страсть, между тем как при воздержании они, быть может, могли бы со временем сделаться высокопоставленными людьми.

И потянулись длинные периоды: «по мере того...», «исходя из того положения...», «ввиду только что сказанного», а бедный Петр Леонтыч страдал от унижения и испытывал сильное желание выпить (А. П. Чехов).

Богатый немолодой чиновник отчитывает своего тестя, на дочери которого этот чиновник женился без приданого. Канцелярский стиль речи явно неуместен в устном обиходном общении, и говорящий намеренно пользуется длинными периодами, чтобы поставить адресата в положение нижестоящего. Отчасти это происходит по инерции, чиновник привык так говорить на службе, но вместе с тем он получает несомненное удовольствие, унижая человека. Открытая назидательность уместна только в разговоре взрослого с ребенком, учителя с учеником, священника с прихожанином. Чиновник понимает, что отец его жены, учитель чистописания и рисования, бедный и пьющий человек, не может и не хочет делать карьеру, эта речь представляет собой образец самолюбования и обращена не столько к адресату, сколько к самому себе.

Речь чиновника радикально меняется в общении с вышестоящим:

Варравин. Вы его и арестовали?

Расплюев. Ваше Превосходительство: — как Суворов Прагу — штурмом взял! Соппротивление было жесточайшее, но к моему благополучию случился тут капитан Полутатарин, Кавказский этакой герой, который сам Шамиля брал; человек неустрашимый — он мне и помог. Он-то, знаете, необычайно опытен и благоразумен, ну а я человек простой — стало, горяч. Я-то рвусь, а он-то меня держит и говорит: — Вещь единственная, вы, говорит, в Истории будете, — Крест дадут. — Он все знает, — ученый этакой муж (А. В. Сухово-Кобылин).

Говоря с генералом Варравиным (говорящая фамилия — Варравой звали разбойника в известном евангельском тексте), чиновник Расплюев демонстрирует подобострастное уважение к адресату (использование титула), смущение (пунктирная речь), умение употреблять речевые штампы своего сословия (*к моему благополучию, опытен и благоразумен, ученый этакой муж*). Обращает на себя внимание значимое отсутствие длинных периодов. Можно сделать вывод о том, что дискурсивная развернутость либо пунктирность речи являются характерными индикаторами коммуникативного поведения чиновника.

Оценочные характеристики чиновников большей частью состоят в резком осуждении этой социальной группы за присущую этим людям коррумпированность: *Другой тип романа — обличительный: проворовавшихся чиновников постигает суровая кара, или мрачный ответственный работник тонко вскрывает страшную ересь, сокрытую в соблазнительных речах и действиях беспартийного* (В. Набоков); *Нет, правильно говорил Петр Великий, когда ему*

предлагали выгнать проворовавшихся чиновников: новые будут воровать еще больше, а эти уже что-то наворовали (В. Доценко).

В нашей картотеке примеров высказывания, в которых обличается взяточничество и воровство среди чиновников, составляют значительную часть иллюстративного материала. Взяточничество распространено среди чиновников, занимающих ответственные посты и имеющих полномочия принимать те или иные решения. Взятка осуждается не только потому, что представляет собой способ незаконного обогащения, но и потому, что принимаются несправедливые решения с ущемлением прав других людей. Чиновничье воровство представляет собой незаконное присвоение государственных средств, которые должны быть направлены на развитие страны, но с помощью определенных юридических приемов приходят в личную собственность чиновников. Отметим, что в литературе XIX века этот порок не выделялся как ведущий у рассматриваемого типажа. В современной беллетристике коррупция показана как наиболее типичная характеристика чиновников.

Наряду с мздоимством к числу типичных чиновничьих пороков относится глупость: *Качество подготовки молодых специалистов во многом компенсировало плохую организацию, отраслевой монополизм и бездарность чиновного аппарата (впрочем, ничуть не меньшую, чем лень и прямая бездарность, с которыми мне приходилось сталкиваться в Америке или Франции)* (Н. Моисеев); *Потом они выехали на вокзальную площадь, въезд на которую по бюрократическому чиновничьему идиотизму был запрещен, что не мешало проезжающим, встречающим, таксистам и частным извозчикам поступать вполне естественно и удобно, подъезжая поближе к перрону* (Д. Корецкий).

Обвинение в чиновничьем идиотизме объясняется отсутствием здравого смысла в решениях чиновников. Такое положение дел обусловлено формальным отношением чиновников к своим обязанностям, нежеланием проявлять инициативу (в России всем известно выражение «Инициатива наказуема»), а также стремлением извлечь выгоду из дополнительных трудностей, с которыми сталкиваются люди, вынужденные идти в обход буквы закона. Мы понимаем, что по своим интеллектуальным характеристикам чиновники вряд ли являются людьми недалекими. Бюрократический аппарат обвиняется не в отсутствии способностей, а в паразитарном использовании своих возможностей во вред всему обществу. Сталкиваясь с бюрократами, люди вырабатывают определенные модели поведения: в демократическом обществе существуют юридические способы воздействия на чиновников, обращение в средства массовой информации, в недемократическом обществе население тихо саботирует чи-

новничий порядок, устанавливая для себя наиболее удобные, часто незаконные пути для достижения целей.

Осуждается также самомнение чиновников, считающих, что от них зависит благосостояние всего общества: *Дурасникову нравилось среди непосвященных потолковать о важности его миссии, барьерах и волчьих ямах на пути к совершенству, мужестве, требуемом от чиновников, над коими привыкли похихикивать, не понимая, что на столоначальниках все держится, иначе воцарится хаос, неразбериха с непредсказуемыми последствиями* (В. Черняк); *...На Западе служить в разведке — не считается высшей честью и почетом. Правительственный чиновник, козявка, и ничего более* (В. Суворов).

Общаясь с людьми, не принадлежащими к чиновничьему аппарату, ответственные работники пытаются внушить окружающим свою миссию сохранения общественного устройства. Отметим, что порядок как приоритетная ценность не ставится под сомнение в России, при этом подчеркивается, что порядок является общественным идеалом, на практике его нет. Чиновники утверждают, что люди склонны нарушать порядок и недооценивать роль государственных служащих, регулирующих соблюдение порядка. Сравнение чиновника с козявкой выражает отношение к официальной власти со стороны творческой интеллигенции.

Отрицательную оценку получает готовность чиновника немедленно выполнить приказ вышестоящих: *Необходимо разбить всех заключенных на несколько групп. В первую группу поместить тех, кто лучше всего мог сопротивляться лагерю, во вторую — тех, кто похуже, в третьих еще хуже, и так далее. В последней группе — чиновники всех видов и мастей. Для них главное в жизни — это мундир, регалии, чины, отношение начальства. То есть все жизненные ценности — внешние. Попад в лагерь, они моментально всего этого лишаются и оказываются голыми. Основное достоинство чиновника — умение слушаться — здесь оборачивается против него. И в результате быстрый распад личности* (М. Максимов).

В нестандартной ситуации, требующей от человека смелости и силы воли, чиновник терпит поражение. Мелкий чиновник, винтик государственной машины, заслуживает, с точки зрения людей независимых, презрения: *Шеф корпуса жандармов вел допрос. В этот день погиб талантливый журналист; начал жалкое существование запуганный угодливый литературный чиновник — колесико государственного механизма* (Г. Козинцев).

Тема маленького человека детально раскрыта в классической русской литературе XIX века.

Критическое отношение вызывают сложившиеся в нашем обществе типичные повседневные проявления чиновничьего существования: *Российский чиновник нашего времени оригинален и не похож ни на какого другого чиновника ни в какой другой стране мира. Главное: он любит чай. Но не просто чай, а чтобы сидеть в кабинете, а чай ему чтобы приносила из приемной секретарша на блюдечке с кружочком лимона. ... В чайных церемониях Чиновник проводит весь день. Он спешит на работу ради прелести первой утренней чашки. Потом начинает вызывать подчиненных, при одних хлебая громко и пренебрежительно, при других — дразняще, со вкусом, а третьим может даже и предложить — из надтреснутой чашки и без лимона. Потом чай обеденный, чай перед уходом, чай представительский, чай с милой посетительницей, да мало ли!.. (А. Слаповский).*

В этой сатирической зарисовке показана важнейшая характеристика чиновника — стремление получать символические знаки своего высокого положения: секретарша приносит ему чай, он пьет чай в беседах с подчиненными и посетителями, которым он может предложить чай либо нет. Разумеется, дело не сводится только к процедуре чаепития, но эта процедура весьма показательна.

Подведем основные итоги.

Лингвокультурный типаж «русский чиновник» представляет собой оценочно маркированный образ государственного служащего, отличительными признаками которого являются обеспечение функционирования государственного механизма, место на служебной лестнице, формальное и равнодушное отношение к людям, использование в речи канцелярских оборотов, высокая степень семиотичности статусных знаков (одежда, награды, обращения, знаки уважения). Типаж «чиновник» представлен в двух разновидностях: высокопоставленный сановник и мелкий канцелярский служащий. В русском языковом сознании чиновник получает, как правило, отрицательную оценку из-за коррумпированности, отсутствия здравого смысла в принимаемых решениях, высокого самомнения и готовности к безоговорочному подчинению. Отрицательная оценка чиновника выражает отрицательное отношение людей к власти, несправедливости и казенно-официальному стилю поведения.

2.5. Лингвокультурный типаж «американский супермен»

В ряду современных лингвокультурных типажей (обобщенных образов людей, выделяемых и узнаваемых на основании одного или нескольких признаков) выделяется супермен. В современном русском языке разграничиваются «сверхчеловек» и «супермен». Для чего понадобилось заимствовать английское слово, которое само является калькой из немецкого? Почему этот типаж вошел в современную культуру? О чем свидетельствует наличие этого типажа? Эти вопросы волнуют современников (см.: [Загурская 2001]). Для ответов на эти вопросы определим понятие «лингвокультурный типаж», охарактеризуем его перцептивно-образные признаки применительно к типуажу «американский супермен» и обратимся к данным словарных дефиниций.

Лингвокультурный типаж — это типизируемая личность, представитель определенной этносоциальной группы, узнаваемый по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации [Карасик 2004; Дмитриева 2004]. Выделение и описание таких типажей представляет собой одно из направлений лингвокультурологии, оно нацелено на выявление определенных стереотипов поведения, определяющих специфику лингвокультуры. По своей когнитивной сути лингвокультурный типаж является особого рода концептом, т. е. ментальным образованием, в составе которого выделяются образный, понятийный и ценностный компоненты. В культурологии и социологии выделяются модельные личности — типы людей, являющиеся образцами для подражания и оказывающие влияние на формирование стереотипов поведения. Понятие «лингвокультурный типаж» шире, чем понятие «модельная личность», поскольку узнаваемый тип может и не быть образцом для подражания. В современной России, к сожалению, в качестве таких типажей фигурируют, например, беженцы.

Прототипные образы, выступающие в качестве основы для создания лингвокультурных типажей, могут быть взяты из реальности, квази-реальности и вымысла. В первом случае обобщаются характеристики реальных людей определенной эпохи (например, диск-жокей, школьница-отличница, декабрист), во втором случае речь идет об изображаемых в рекламных или пропагандистских текстах людях (счастливый покупатель рекламируемого товара, простая пенсионерка, пишущая в газету), в третьем случае перед нами персонажи произведений (тургеневская девушка, супермен из американского фильма-боевика).

Для того чтобы охарактеризовать перцептивно-образные признаки супермена в современном русском языковом сознании, я обратился к информантам

с просьбой написать короткий текст на тему «супермен». Приведу некоторые тексты.

Когда я думаю о супермене, я представляю себе отважного мужчину атлетического телосложения, летящего в затыжном прыжке во вражеский лагерь, уничтожающего полчища противников и спасающего прекрасную пленницу. Он без колебаний идет на смертельный риск. Он всегда побеждает. Он знает, что на него смотрят с восторгом. Он всегда в центре внимания. Он любит спорт и острые ощущения. Он с иголкой одет.

Типичный супермен — Джеймс Бонд, легендарный герой Яна Флеминга. Он выполняет ответственные задания британской разведки, оказывается в невероятных обстоятельствах, прыгает с летящего самолета или поезда на полном ходу, метко стреляет. Он очень обаятелен и пользуется большим успехом у женщин. Он любит демонстрировать свою смелость.

Супермен — это современный Тарзан, герой американских сериалов. Всегда уверен в том, что он прав. Он постоянно дерется с врагами, причем врагов много, а он один. Он не способен на обычные человеческие чувства. Ему неведома усталость. В нем есть что-то от робота. Идеально играет роли суперменов Арнольд Шварценеггер.

Итак, для проявления своих качеств супермену требуются экстремальная ситуация и зрители. В этом смысле супермен по определению является цирковым артистом, выполняющим рискованные трюки. В семиотическом пространстве цирковой арены амплуа супермена противоположно амплуа клоуна. В современных фильмах-боевиках в качестве клоуна выступает обычный человек, попадающий в опасные ситуации и вызывающий смех своим нелепым поведением. Помимо циркового признака, супермен характеризуется особым обаянием и властью над женщинами: в этом смысле супермен выступает как идеальный мужчина. Правда, поскольку с ним сталкиваются представительницы прекрасного пола только в чрезвычайных ситуациях, поговорить с ним о чем-либо практически невозможно. Супермен — это человек вне возраста, он вечно молод. Если супермен стареет, то по сценарию происходит чудо, и он снова становится молодым.

В компьютерной базе данных «Британский национальный корпус» приводятся среди прочих следующие контексты слова *superman*:

If he was to become the Asian Superman of Nietzsche's teachings, he must cast aside all thought of pleasure and sensual gratification and concentrate only on the task before him!

Если он должен был стать Азиатским Суперменом, по Ницше, ему следовало бы отбросить любую мысль об удовольствиях и чувственных наслаждениях и сконцентрироваться только на стоящей перед ним задаче!

Behind her Rune remained silent, his presence oppressive as if he were some Superman radiating a special kind of beam which could put the world to rights if only one believed in it.

Стоя за ней, Рун хранил молчание, и его присутствие подавляла, словно он был неким суперменом, излучающим особый свет, который мог бы поставить мир на место, если бы в это хоть кто-то поверил.

Only a place like that, for instance, could have produced the idea of Superman, this kind of man-God alien who comes to Earth, to America of course, puts on a red, white and blue colour scheme —; disgusting, isn't it?

Только в таком месте и могла, например, появиться идея о супермене, пришельце, получеловеке-полубоге, который прибывает на Землю, в Америку, конечно, и все окрашивает в соответствии с красно-бело-синей схемой. Противно, правда?

Joe Shuster, cartoonist who developed the original Superman comic character, died Los Angeles, aged seventy-eight.

Джо Шустер, карикатурист, придумавший героя комиксов Супермена, умер в Лос-Анджелесе в возрасте 78 лет.

The only person to achieve the feat of all 14 8,000-metre peaks is the Austrian superman Reinhold Messner.

Единственным человеком, который смог взобраться на все четырнадцать 8000-метровых пиков, является австрийский супермен Рейнгольд Месснер.

Приведенные текстовые фрагменты свидетельствуют о том, что в языковом сознании носителей английской лингвокультуры концепт «superman» характеризуется следующими признаками: сверхчеловеческая сила воли, полный самоконтроль эмоций и поведения, особые достижения в проявлении силы, выносливости (обычно в спорте). Для многих супермен — это персонаж популярной серии комиксов. Отношение к супермену амбивалентно: от восторга до неприязни.

Словарные дефиниции определяют понятийный компонент рассматриваемого концепта.

Сверхчеловек — В некоторых философских учениях: сильная личность, чья воля, желания и поступки не подчиняются никаким ограничениям [БТС].

Супермен — [англ. superman — сверхчеловек] О человеке, обладающем какими-л. выдающимися качествами (силой, красотой, богатством и т.п.; обычно герой детективов, кинобоевиков и т.п.). *Известный супермен. Выглядеть суперменом. Играть супермена.* || Ирон. О человеке, который считает себя стоящим выше других. < Суперменка. Разг. [БТС].

Superman — 1) esp. Philos. the ideal superior man of the future. 2) colloq. a man of exceptional strength or ability. [super- + man, formed by G. B. Shaw in imitation of Nietzsche's German Übermensch] [COD].

Superman — a person who has greater strength, ability, intelligence, etc than other humans. *The film portrays Gandhi as a kind of superman. It would take a superman to get*

the company out of its present financial difficulties. Superwoman is often used to refer to a woman who combines a successful job with having children and taking care of a home: She said that she was tired of being expected to be a superwoman [CIDE].

Итак, дефиниции дают нам ключ к концептам «сверхчеловек» и «супермен»: это — человек, превосходящий других людей своими внутренними и внешними качествами.

С позиций философии витализма противопоставляются человек обычный, «сверхчеловек» и «недочеловек». В основе этого противопоставления лежит, по убеждению Ф.Ницше, природная целесообразность: сильные главенствуют над слабыми. Пр процитируем:

Что хорошо? — Все, от чего возрастает в человеке чувство силы, воля к власти, могущество. Что дурно? — Все, что идет от слабости. Что счастье? — Чувство возрастающей силы, власти, чувство, что преодолено новое препятствие. Не удовлетворяться, нет, — больше силы, больше власти! Не мир — война; не добродетель, а доблесть <...> без примеси моралина. Пусть гибнут слабые и уродливые — первая заповедь нашего человеколюбия. Надо еще помогать им гибнуть. Что вреднее любого порока? — Сострадать слабым и калекам — христианство... [Ницше 1989: 19].

Известно, что христианство возникло как протест обездоленных и слабых против жестокого самодовольного римского диктатора, с одной стороны, и фарисейского морализаторства, с другой стороны. Став государственной религией, то есть институтом власти, христианство неизбежно переродилось в идеологию и политическую организацию, органично соединяющую в себе жестокость и лицемерие. Против христианского лицемерия и направлена критика Ницше. Но в своей критике немецкий философ радикально перечеркивает все человеческие добродетели, считая их искаженным проявлением зависти слабых по отношению к сильным, и сводит все оттенки жизненного спектра к противопоставлению силы и слабости. С этих позиций можно объявлять недочеловеками всех, кто не нравится субъекту оценки.

Философы говорят о том, что если бы Ницше знал, какую роль отвели ему нацисты, он бы никогда с этим не согласился. Я думаю, что нацисты не исказили суть позиции Ницше, а довели до логического предела его мировоззренческую установку. Экстатический восторг перед силой испытывает тот, кто ощущает свою неполноценность. Комплекс неполноценности проявляется как комплекс превосходства. Между индивидуумом и социумом всегда существуют определенные противоречия, суть которых связана с ограничением прав индивидуума поступать согласно своим желаниям. Если этих ограничений нет, то общество не является целостным жизнеспособным образованием либо живет по специфическим законам. В древности на определенном этапе своего разви-

тия первобытные люди уничтожали своих стариков, больных и раненых, поскольку не могли их прокормить. Этот этап развития человечества квалифицируется как дикость. Моя дальнейшая аргументация против философского обоснования идеи сверхчеловека может быть легко продолжена читателем.

Возникнув как романтический протест против унылого морализаторства и торжествующей посредственности, концепт «сверхчеловек» развивался сначала как поэтический образ героя-бунтаря, затем как идеологема «белокурая бестия» (*bestia* — по-латыни «зверь»), и затем, в соответствии с общими тенденциями развития концептов с доминирующим оценочным компонентом, превратился в размытое ментальное образование с положительным знаком: на пути к супермену сверхчеловек стал более привлекательным, теперь это тот, кто превосходит других не только в силе, но и в красоте, богатстве, способностях, сообразительности. Обратим внимание на забавное политкорректное определение *superwoman*- (женщина, сочетающая успешную карьеру и семейное благополучие). Многие работающие женщины в России (их абсолютное большинство) улыбнутся, прочитав эту дефиницию.

Интересно, что префикс *super* в английском языке обладает сильным оценочным знаком и не имеет отрицательного коррелята (сравните *over* – *under*: первый префикс часто выражает отрицательно оцениваемый избыток хорошего качества — *over-emotional*, *over-confidant*, *over-enthusiastic*, и в этом отчетливо проявляется присущее англичанам желание сдерживать свои эмоции, а второй префикс выражает недостаточную степень качества и подчиненную позицию человека — *underbred*, *under-trained*, *underdog*). И в русском языке префикс «сверх» не обладает ярким эмоционально-оценочным зарядом, а просто констатирует определенное качество, например, «сверхбыстрый, сверхчувствительный, сверхштатный». Но в современном разговорном русском слово «супер» значит, как и в английском, «отличный, очень хороший, превосходный: У него джинсы просто супер» [БТС]. Итак, в отличие от сверхчеловека супермен не идет на конфликт с обществом, не унижает слабых, но проявляет себя как герой в определенных обстоятельствах.

Чем отличается супермен от героя? Герой, согласно лексикографическим источникам, это — 1) человек, совершивший подвиг, проявивший личное мужество, самоотверженность, готовность к самопожертвованию. *Народный, национальный герой*. 2) тот, кто привлёк к себе внимание, вызывает интерес, восхищение и т. п., является для кого-л. предметом поклонения, образцом для подражания и т. п. *Герой улицы*. 3) (чего) Лицо, воплощающее в себе характерные черты своей эпохи, среды. *Герой нашего времени*. 4) главное действующее лицо литературного произведения. *Герой романа, пьесы, фильма* [БТС].

Hero — 1) a) a person noted or admired for courage, outstanding achievements, etc. (*Newton, a hero of science*). b) a great warrior. 2) the chief male character in a poem, play, story, etc. 3) *Gk Antiq.* a man of superhuman qualities, favoured by the gods; a demigod [COD].

Герой в отличие от супермена уже совершил подвиг или достиг исключительных успехов в социально значимой деятельности. Герой имеет заслуги, а супермен обладает только способностью или возможностью совершить нечто особенное. Героя оценивают по объективным характеристикам, а супермена — по субъективным. Обратим внимание на значение «герой как кумир» в русском языке и «герой как античный любимец богов, полубог, развлекающий своими подвигами олимпийцев» в английском языке. В известной мере эти значения пересекаются с характеристиками супермена и сверхчеловека.

В дефиниции русского толкового словаря выделяются сферы существования концепта «супермен» — герой детективов, кинобоевиков, а также дается ироническое толкование этого концепта. Эти обстоятельства заслуживают внимания: супермен действует в вымышленном и упрощенном мире, и его типичное поведение вызывает у носителей русской культуры мягкую критику. Какое это поведение? Это ледяная невозмутимость, полный самоконтроль эмоций в критической ситуации, презрительное выражение лица и моментальная реакция. Это ковбой, который в долю секунды выхватывает свой кольт из кобуры и стреляет без промаха. Это легендарный робот Терминатор, идеальная машина для убийства. Это легко угадываемый герой американских фильмов-боевиков. В значительной мере все эти качества отражены в семантике английского слова *cool* [Радван 2004]: *slightly cold; of a low temperature. Cool is often used approvingly of pleasant temperatures. Calm and not anxious or frightened; not influenced by strong feeling of any type. Unfriendly or not showing affection or interest in something or someone. A cool customer is someone who does not show much personal feeling and whose manner is so calm that it is almost offensive. Infml (of a person's appearance or manner) fashionable, esp. in a way that makes them seem slightly severe. Are those your new sunglasses? Very cool — very James Dean!* [CIDE]. В этой серии определений выделяются очень важные для нас признаки: 1) приятная характеристика качества, 2) эмоциональный самоконтроль, 3) потенциальная агрессивность. Не случайно в качестве эталонного примера приводится сравнение с актером и спортсменом-гонщиком Джеймсом Дином, сыгравшим роль бунтаря и погибшим в 24 года в автокатастрофе. Обратим внимание на высказывания Арнольда Шварценеггера — культового современного американского актера, играющего суперменов, неоднократного чемпиона по боди-билдингу, нынешнего губернатора Калифорнии:

The worst I can be is the same as everybody else. I hate that. — Самое худшее, что может со мной случиться, — это стать таким, как другие. Я это ненавижу.

You have to remember something: Everybody pities the weak; jealousy you have to earn. — Вам надо это запомнить. Все жалеют слабых, зависть надо заработать.

Человек, воплощающий в себе качества супермена, подчеркивает, что в основе успеха лежит желание превзойти других людей и что для этого нужна большая работа. В этом смысле супермен как модель поведения принципиально отличается от сверхчеловека (по Ф. Ницше): сверхчеловеком нужно родиться, а суперменом можно себя сделать. Эта идея человека как хозяина своей судьбы является стрелковой ценностью американской культуры. Важнейшим признаком супермена является тщательно разработанная презентация его поступков, супермен есть продукт общества массовой информации (детальная характеристика презентационной стороны современного коммуникативного поведения приводится в монографии А. В. Олянича [2004]).

Итак, супермен как типаж американской культуры в результате процессов глобализации превращается в модельную личность. Будучи ключевой модельной личностью американской культуры, супермен модифицирует систему ценностей тех лингвокультур, которые принимают этот концепт. Эти аксиологические трансформации выдвигают на первый план 1) человека действующего, а не (со)чувствующего и 2) человека демонстративного, сознательно уделяющего много внимания своей презентации, а не наблюдающего за жизненным спектаклем со стороны.

2.6. Лингвокультурный типаж «английский чудак»*

Наряду с модельными личностями в лингвокультуре можно выделить и тех обобщенных представителей соответствующего сообщества, которые выступают не как ориентир для подражания, но как стабильный типаж, постоянно фигурирующий в концептосфере. К числу таких типажей относится чудак — человек, ведущий себя не так, как все, не навязывающий другим свои жизненные установки, но и не меняющий их, вызывающий смешанную гамму отношений — от активного неприятия до добродушного подшучивания. Мы исходим из предположения о том, что отношение к чудакам — это один из базовых культурологических признаков общества, связанный с такими концептами, как толерантность,

* Данный раздел написан совместно с Е. А. Ярмаховой.

агрессивность, иерархичность, коллективизм и индивидуализм, юмор. Известно, что в английской лингвокультуре к чудакам относятся вполне снисходительно. Соответственно в основу данной работы положена следующая гипотеза: 1) в коллективном сознании существует типаж «чудак» — человек, у которого есть странности в поведении, удивляющие и забавляющие окружающих; 2) отношение к чудаку в английской лингвокультуре является положительным в силу признания права на собственный стиль поведения; 3) есть типичные чудачества, которые дают возможность построить классификацию чудаков в лингвокультуре; 4) есть типичные тексты, в которых отражены характерные черты чудаков; 5) есть типичные способы языкового обозначения и квалификации чудаков.

Для того чтобы определить границы понятия «чудак», необходимо охарактеризовать тот класс личностей, частью которого являются чудаки. Людям свойственно считать свое собственное поведение нормой, точкой отсчета, по отношению к которой устанавливаются приемлемые и неприемлемые отклонения от нормы. Первое, что приходит в голову при столкновении с человеком, чей стиль поведения резко отличается от моего собственного, чьи ценности лишены целесообразного (с моей точки зрения) объяснения, — это сомнение в интеллектуальной состоятельности этого человека. Итак, чудак воспринимается как разновидность обширного сообщества дураков. В психологии интеллектуальная несостоятельность может быть объективно измерена как недоразвитость либо патологическое развитие интеллекта. В обыденном сознании дураками считаются и дебил, оставшийся во взрослом возрасте на уровне пятилетнего ребенка, и шизофреник, перешедший границу допустимого отклонения от нормы, свойственного гениям. Для обыденного сознания важно то, как человек себя ведет. Выделение разновидностей дураков неоднократно привлекало к себе внимание тех, кто считает себя умным. Но еще со времен Себастиана Бранта, автора сатирической поэмы «Корабль дураков» (1494), дураками считали всех, кто предавался пороку, т.е. вел себя вопреки разуму, а в более широком плане — всех тех, кто вызывает антипатию.

Американский исследователь О. Клапп в статье «Дурак как социальный тип» утверждает, что дурак, несмотря на низкий статус этой роли, исключительно важен для социального процесса в группе: «fool-making is a continual social process; it is safe to say that every group must have a fool» [Клапп 1949: 157]. Ролевая сущность дурака заключается в его противопоставлении герою по всем важнейшим качествам — правильному поведению (поддержанию декорума), красоте, изяществу, сообразительности, силе и т.д. По мнению цитируемого автора, выделяются три основные характеристики дураков: 1) крайнее преувеличение или резкий недостаток определенных качеств поведения, 2) слабость

или безответственность, 3) нарушение принятых правил поведения (но не моральных норм). На основании этих признаков противопоставляются 10 типов дураков: 1) клоун — the antic fool, 2) шалун — the comic rogue, 3) сорвиголова — the rash fool, 4) неуклюжий — the clumsy fool, 5) образина — the deformed fool, 6) простак — the simple fool, 7) слабак — the weak fool, 8) посмешище — the comic butt, 9) напыщенный — the pompous fool, 10) карикатурный герой — the mock hero [Klapp 1949: 158].

Первые три типа дураков выделяются по признаку преувеличения некоторых качеств поведения. Клоун развлекает себя и группу импульсивным поведением, толкается, гримасничает, передразнивает других. Шалун постоянно нарушает социальные запреты, делает неприличные жесты, произносит непристойности, но не демонстрирует при этом настоящей агрессивности, и поэтому всерьез не воспринимается. Сорвиголова исполнен ненормального энтузиазма, во всем переступает меру здравого смысла, идет на неоправданный риск, часто терпит неудачи из-за этого и выглядит смешно. Следующие пять типов дураков характеризуются отсутствием либо недостаточностью некоторых необходимых для нормального человека качеств. Неуклюжий постоянно роняет что-нибудь, спотыкается, садится мимо стула и т. д., поскольку не вполне контролирует свои движения. Образина резко отличается от других своей внешностью, несоразмерностью или деформированностью, он может быть забавно уродлив, похож на животное, обладать странной походкой. Простак — это наивный, недоразвитый, туповатый человек, над которым многие потешаются и которого легко обмануть. Слабак постоянно готов подчиниться, ищет защиты и покровительства у более сильных членов группы, его считают маменькиным сынком, над ним подшучивают до тех пор, пока его слабость характера не превратится в трусость и предательство. Посмешище является постоянным объектом для группового издевательства вследствие его неадекватного поведения, невнимания к своей внешности и т. д. Оставшиеся два типа дураков выделяются на основании их комичной претензии на обладание престижными качествами. Напыщенный демонстрирует высокое самомнение и неспособность справиться с обычными проблемами, его побеждают более слабые соперники. Карикатурный герой — это маленький обычный человек, который поставлен в обстоятельства, требующие особых качеств, типичный персонаж комедий.

Данная социально-психологическая классификация дураков, несомненно, интересна, поскольку здесь показаны те характеристики поведения, которые вызывают критику в виде подшучивания. Обращает на себя внимание высокая степень агрессивности, считающаяся нормой в мужском общении, — насмешки над некрасивыми, слабыми, отличающимися от большинства. Так обычно ве-

дут себя подростки, члены примитивных сообществ и криминальных групп. Существенно также и то, что в обыденном поведении дурак — это не только тот, кто плохо соображает (это лишь частный случай), а тот, кто намеренно или ненамеренно вызывает осмеяние. Иначе говоря, дурак в широком смысле — это объект насмешки, а в узком смысле — объект насмешки из-за интеллектуальной несостоятельности. Некоторые из выделенных типов, однако, нарушают классификацию: карикатурный герой — это скорее жертва обстоятельств, он не старается выглядеть суперменом (таков напыщенный дурак, классический фольклорный умник, который неизбежно терпит поражение), в данном случае амплуа маленького человека может в определенной ситуации выглядеть комично; сорвиголова как тип дурака требует особой клеточки в условной матрице высмеиваемых персонажей — его избыточная энергия вызывает насмешку, но тогда следует выделить и классы забавных врунишек и хвастунов и т. д. Тем не менее, в целом подход О. Клаппа к выделению разновидностей дураков является очень продуктивным для целей нашего исследования.

Мы предлагаем выделить следующие типы дураков: 1) патологический дурак, тупица, который не способен понять то, что должны понимать все; ему противопоставлен умный; 2) психованный дурак, который не контролирует себя и опасен окружающим; ему противопоставлен вменяемый человек; 3) человек, который дурачится себе на потеху, ведет себя нерационально, но в интеллектуальном отношении вполне состоятелен, в определенных сообществах такая роль кристаллизуется как роль шута, которому позволено говорить правду только под видом дурачества; ему противопоставлен серьезный; 4) фольклорный дурак, над которым смеются умники — те, кто считает себя гораздо выше его по интеллекту, но в действительности они уступают ему; фольклорному дураку помогают волшебные существа, на его стороне удача; ему противопоставлен самонадеянный умник; 5) дурак как жертва обмана, как тот, кого легко провести; ему противопоставлен преступник, мошенник; 6) дурак как чудака, человек со странностями; ему противопоставлен обычный человек.

Обратимся к характеристикам чудака, зафиксированным в словарных дефинициях:

Eccentric (person) — n. odd or capricious in behaviour or appearance; whimsical [COD]; strange or unusual, sometimes in an amusing way (eccentric behaviour; eccentric clothes; Don't you think it's eccentric to keep a pet crocodile in the bath?) [CIDE].

Crank, n. — an eccentric person, esp. one obsessed by a particular theory (health-food crank) [COD]; infml a person who has strange or unusual ideas and beliefs (A crank caller is someone who makes unpleasant telephone calls to people whom they do not know. She is a member of a group that promotes cranky ideas about food and exercise) [CIDE].

Crackpot n. — Slang n. an eccentric or impractical person (COD); infml (a person who is) foolish or stupid [CIDE].

Nut₂ n. — slang a) a crazy or eccentric person. b) an obsessive enthusiast or devotee (a health-food nut) [COD]; infml a person who is mentally ill or who behaves in a very foolish or stupid or strange way. A nut is also a person who is extremely enthusiastic about a particular activity or thing (Ian's a tennis nut — he plays every day) [CIDE].

Screwball₂ — N.Amer. n. slang a crazy or eccentric person (COD); esp. Am. infml .a person who behaves in a strange and amusing way [CIDE].

Oddity n. — a strange person, thing, or occurrence [COD]; someone or something which is strange or unusual [CIDE].

Freak₃ n. — colloq. a) an unconventional person, b) a person with a specified enthusiasm or interest (health freak), c) a person who undergoes hallucinations; a drug addict [COD]; a person who is extremely enthusiastic about the stated thing (health freaks, jazz freaks, gun freaks, religious freaks, speed freaks) [CIDE].

Whimsical adj. odd or quaint; fanciful, humorous [COD]; unusual and strange in a way that might be amusing or annoying [CIDE].

Чудак — человек со странностями, поведение, поступки которого вызывают недоумение, удивление окружающих. Прослыть чудаком [БТС].

Оригинал₂ — разг. Странный, непохожий на других человек; чудак [БТС].

Сумасброд — сумасбродный человек — поступающий безрассудно, по случайной прихоти, взбалмошный, неуравновешенный. Сумасбродный скандалист [БТС].

Взбалмошный — разг. Сумасбродный, неуравновешенный, с причудами. Взбалмошная баба [БТС].

Эксцентричный — крайне своеобразный, склонный к причудам, странным поступкам. Эксцентричный молодой человек [БТС].

Приведенные дефиниции показывают, что чудак — это человек, поведение которого трудно понять, причем в английских словарях приводятся типичные проявления чудачества (чрезмерная увлеченность диетой, спортом, джазом, скоростной ездой, соблюдением религиозных предписаний и т. д., эта увлеченность граничит с одержимостью: *obsessed — unable to stop thinking about something; too interested in or worried about something* [CIDE]; иначе говоря, такие чудачества граничат с отсутствием самоконтроля). В словарях русского языка акцентируется не проявление чудачества, а его оценка (*прихоть — каприз, вздорное желание, причуда* [БТС]; *причуда — чудачество, странный каприз. Детские, старческие причуды* [БТС]; *каприз — необоснованное, своевольное желание; прихоть, причуда. Детские капризы* [БТС]; не случайно в качестве примеров приводятся характеристики поведения детей и стариков, т. е. людей, которые не вполне контролируют свои поступки). Специфика чудачества по-английски и по-русски заключается, как показывают дефиниции, в том, что у англичан такое поведение, во-первых, ассоциируется с идеей чрезмерности,

излишнего энтузиазма и, во-вторых, не вызывает протеста, а представляется в ряде случаев забавным, в то время как у русских подчеркивается идея нелепости, вздорности, необоснованности такого поведения и вытекающей отсюда необходимости пресекать подобные поступки.

Интересно сопоставить отношение к глупцам и чудакам в английской и русской лингвокультурах: по-русски глупцов жалеют, по-английски над ними смеются, по-русски чудаков недолюбливают, по-английски к ним относятся с определенной симпатией. Такое положение дел можно объяснить, если мы примем во внимание, что глупец воспринимается как жертва обстоятельств либо как проигравший участник состязания, т. е. по-русски ему не повезло, а по-английски он сам виноват в своем поражении. Высокая степень состязательности в обществе требует признать право каждого на свою линию поведения, поэтому к чудакам англичане относятся положительно. Низкая степень состязательности ограничивает право индивидуума отличаться от других, поэтому и отношение к чудакам в русской культуре весьма критично.

Чудак как типаж английской лингвокультуры проявляется прежде всего в юмористических текстах [Жулинич 2004]. Обратим внимание на специфику этих текстов: если все шутки рассмотреть с учетом интенции отправителя речи, то можно выделить три базовых намерения — высмеять кого-либо, посмеяться над неблагоприятными обстоятельствами и посмеяться над различными несоответствиями. В первом случае мы сталкиваемся с различными агрессивными шутками (их большинство, это, в частности, этнические и сексуальные анекдоты), во втором случае — с шутками над судьбой и абсурдом, в третьем случае — с языковой игрой и шутками в жанре нонсенса. Именно нонсенс является любимым типом юмористического текста у англичан, и типичные герои текстов-нонсенсов оказываются чудаками.

Такие герои фигурируют в лимериках — смешных пятистишиях, введенных в обиход Эдвардом Лиром и построенных по определенной схеме:

There was a Young Lady of Bute,
Who played on a silver-gilt flute;
She played several jigs, to her uncle's white pigs,
That amusing Young Lady of Bute.

Молодая леди, играющая на серебряной флейте быстрые танцы для белых поросят ее дяди, вызывает у англичан улыбку. Главная характеристика нонсенса — выход в сферу невозможного. Мы понимаем, что, с точки зрения обычных нормальных людей, поступки чудаков лишены всякого рационального основания. Когнитивная рамка повествования о чудачестве представляет собой, та-

ким образом, двухмерное образование: 1) с позиций внутреннего сообщения рассказывается о чем-то абсолютно нелепом, и в таком случае возникает мысль о безумии либо намеренном шутовском поведении, однако герои нонсенса ведут себя вполне серьезно, и поэтому вариант шутовства приходится отбросить; 2) с позиций внешнего сообщения рассказывается о том, что нельзя к нелепому относиться серьезно, о чем бы ни шла речь. Список странностей принципиально открыт, причем это могут быть поступки героев или происшествия, в которые попадают персонажи лимериков:

There was an Old Man of the North,
Who fell in a basin of broth;
But a laudable cook fished him out with a hook,
Which saved that Old Man of the North.

Растяпа-старик из Лиона / свалился в кастрюлю бульона. / Повар был не дурак — отыскал он дурилаг / и поддел старика из Лиона (перевод М. Редькиной). У чудаков есть своя логика, во многом совпадающая с логикой обычных людей в обычных обстоятельствах. Действительно, если человек тонет, его можно вытащить крюком, багром. Но вся ситуация переворачивается в зеркале нонсенса, если некто тонет в бульоне. И вот уже обстоятельства приобретают характер гротеска, поскольку спасителем тонущего оказывается повар, обратив внимание на эпитет *laudable* — «заслуживающий похвалы».

Главный вывод, который делают те, кто признает право чудаков на собственную линию поведения, — это необходимость посмотреть на мир с точки зрения этих эксцентричных людей. Эта идея положена в основу рассказа Агаты Кристи «Станный жест». Сюжет рассказа прост: умирает богатый дядюшка, оставляющий все, что у него есть, в завещании своим внучатым племянникам. Однако они ничего не могут найти в доме — ни денег, ни драгоценностей, ни ценных бумаг. Перед смертью старик подмигнул своим наследникам и сказал, что у них все будет в порядке. Молодые люди приезжают просить помощи у мисс Марпл, старой девы, которая по собственной инициативе успешно расследует всякие запутанные истории в своем провинциальном городке недалеко от Лондона, полагаясь на знание психологии людей. Приехав в дом, где жил покойный и осмотрев его вещи, мисс Марпл начинает понимать логику поведения этого чудаковатого старика, который чем-то был похож на ее собственного дядю. В тайнике письменного стола она находит письма, написанные дядюшке некой миссионеркой по имени Бетти Мартин, причем видно, что конверты очень старые, а письма написаны гораздо позже. В английском языке есть устаревшая идиома «*All my eye and Betty Martin*», означающая, что сообщаемое — неправ-

да. Мисс Марпл понимает, что письма написал сам старик, и замечает старинную марку, наклеенную на конверт. Это филателистический раритет стоимостью 25 тысяч долларов. Старый чудака получил массу удовольствия, зашифровав таким образом путь к своему богатству. Наследники получают причитающиеся им деньги. Мисс Марпл достигает успеха потому, что может понять мотивацию поступков чудака. Очень важно то, что и детектив-любитель, и счастливые наследники с улыбкой воспринимают такое развитие событий: это соответствует нормам поведения в английской культуре. Финальная фраза рассказа: «*Miss Marple*», he said, «*I am going to get a bottle of champagne. We'll all drink the health of your Uncle Henry.*» Герои пьют шампанское за здоровье чудака.

Чудачество есть способ вырваться за рамки скучной обыденности. Обратим внимание на то, что чудакам неведома тоска. Им интересно живется. В английской лингвокультуре поощряются различные виды нестандартного проявления своей индивидуальности. Именно из английского языка в другие языки (и другие культуры) пришел концепт «хобби» — *увлечение, любимое занятие для себя, на досуге* [БТС]. Это слово в английском означало когда-то маленького коня, затем игрушку в виде коня, палку с лошадиной головой, и свое нынешнее значение приобрело как переосмысление детской игры, когда ребенок скачет, оседлав любимого конька. Действительно, ребенок увлечен, а со стороны это выглядит забавно.

Чудачество как особый стиль поведения подразумевает оппозитивную сетку отношений: чудака противопоставляют большинству по способам организации своей деятельности, при этом он не нарушает моральных и утилитарных норм. Спорт, например, это излюбленный способ препровождения досуга в Англии, многие занимаются спортом, но можно придумать себе необычный вид спорта (сейчас популярны экстремальные виды спорта) либо вкладывать все свои силы только в спорт, не становясь профессиональным спортсменом (профессионалы получают деньги за свои достижения, и это становится для них работой, а не досугом). Коллекционирование привлекает многих, но если коллекционер интересуется только возможностью инвестировать свои деньги в предметы коллекционирования, это не расценивается как хобби. Поэтому собирать картины (в меньшей мере марки и монеты) — это занятие, которое вряд ли будет квалифицировано как чудачество, но коллекционировать то, что вряд ли можно продать (например, виды трамвайных билетиков), многие оценят как безобидное, но странное занятие. Еще одна особенность чудачества, отличающая его от деятельности, направленной на привлечение к себе внимания (т. е. на достижение прямой или опосредованной пользы), заключается в том, что чудака не стремится быть в центре внимания.

Англичане очень часто прибегают к надежному способу избежать конфликтной ситуации — перевести огонь на себя: критически отозваться о себе, принять на себя вину, отозваться о себе с иронией и т. д. Примеры такого поведения мы находим в известной повести Джерома К. Джерома «Трое в одной лодке». Рассеянность свойственна многим людям, но иногда она принимает гротескные черты и становится объектом осмеяния. Так рассказчик повествует о своих злоключениях в поисках зубной щетки:

My tooth-brush is a thing that haunts me when I'm traveling, and makes my life a misery. I dream that I haven't packed it, and wake up in a cold perspiration, and get out of bed and hunt for it. And, in the morning, I pack it before I have used it, and have to unpack again to get it, and it is always the last thing I turn out of the bag; and then I repack and forget it, and have to rush upstairs for it at the last moment and carry it to the railway station, wrapped up in my pocket-handkerchief.

Of course I had to turn every mortal thing out now, and, of course, I could not find it. I rummaged the things up into much the same state that they must have been before the world was created, and when chaos reigned. Of course, I found George's and Harris's eighteen times over, but I couldn't find my own. I put the things back one by one, and held everything up and shook it. Then I found it inside a boot. I repacked once more (J.K. Jerome).

Герой ищет зубную щетку повсюду, ему кажется, что он забыл взять ее с собой, собираясь в путешествие. Он находит ее, упаковывает, а утром вынужден распаковать багаж, использовать этот предмет гигиены и по рассеянности оставляет ее на привычном месте. Затем в последний момент перед выходом из дома он лихорадочно ищет щетку снова и кладет ее в карман, завернув в носовой платок. И в этот раз, отправляясь в дорогу, он переворачивает весь багаж, находит зубные щетки своих приятелей, начинает перетряхивать все вещи и обнаруживает свою зубную щетку в ботинке.

Такая рассеянность воспринимается как чудачество и вызывает улыбку.

Разновидностью чудачества является странное отсутствие знания о том, что, по мнению говорящего, является общеизвестной истиной. Такое невежество может получить саркастическую или юмористическую оценку:

In a hospital

Lady (visitor): «How were you wounded, soldier?»

Soldier: «By a shell, madam».

Lady: «Did it explode?»

Soldier: «Oh, no. It just crept up close and bit me.»

Посетительница в госпитале, стараясь проявить внимание к раненому солдату, спрашивает его, как он получил ранение. Он отвечает, что был задет осколком. И тут дама произносит глупый вопрос: «Он взорвался?» Солдат ирониче-

ски отвечает: «Нет, он просто подполз близко и укусил меня». Солдат воспринимает уточняющий вопрос как чужачество.

Разновидности чужачества весьма многочисленны, но исчисляемы: к ним относятся типичные отклонения от нормального поведения, не причиняющие вреда другим людям.

Таким образом, чужак как типаж английской лингвокультуры является одним из устойчивых типов людей, относящихся к классу тех, кто характеризуется как непонятный, возможно глупый, но безвредный человек. Отношение к этим людям обычно является юмористическим.

Выводы

Одним из путей моделирования лингвокультуры является изучение лингвокультурных типажей — узнаваемых представителей социума, поведение которых является диагностирующим для общества. Лингвокультурный типаж, выражая ценности социума, представляет собой разновидность концепта и может быть охарактеризован в понятийном, образном и ценностном отношениях.

Лингвокультурный типаж соотносится с типами личности, выделяемыми в лингвистике, литературоведении, психологии, социологии и культурологии. Изучение типажей сводится к характеристике их образа жизни и поведения, в том числе и речевого.

Основаниями для выделения лингвокультурных типажей служат признаки социального класса (образа жизни), местности и события, ассоциируемого с типажом.

Существуют эндокультурные и экзокультурные типажы, т. е. обобщенные типы личностей, воспринимаемые и оцениваемые в рамках своей культуры и как знаки чужой культуры. Эндокультурные типажы осмыслены более детально и вариативно, чем экзокультурные типажы.

Лингвокультурный типаж может иметь как фактическую, так и фикциональную основу. В первом случае обобщаются характеристики реальных индивидуумов, поведение которых концентрированно выражает предпочтения всего социума либо его значимой части, во втором случае в качестве типажа выбирается известный персонаж художественного произведения, ранее это был герой литературы, в наши дни это, как правило, герой кинофильма.

Типажы эволюционируют, переходя в амплуа и имиджи. Если типаж воспринимается как некий образ из прошлого, то на первый план выходят его оценочные характеристики.

Типажи, относящиеся к представителям господствующего класса, разработаны в языковом сознании и текстах соответствующей культуры более подробно, чем типы, репрезентирующие представителей других групп населения.

В русской лингвокультуре важнейшей характеристикой лингвокультурных типов является их позиция по отношению к власти и простому народу, и соответственно многие типы получают двойственную оценку — с точки зрения народа и с точки зрения властей.

Русская лингвокультура сориентирована на героический архетип, и поэтому положительные типы русской лингвокультуры обычно являются молодыми людьми в расцвете лет. Негероический архетип может быть представлен человеком среднего или преклонного возраста.

Поскольку тип является разновидностью концепта, то может иметь место внедрение инокультурных характеристик поведения в принимающую культуру, это выражается в амбивалентной оценке нового типа.

КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

3.1. Постулаты коммуникативной лингвистики*

Любое исследование строится на определенной аксиоматике, эти аксиомы часто остаются за кадром, но рано или поздно возникает потребность определиться и обозначить основные позиции, которые исследователь принимает за основу и не собирается доказывать. Некоторые из этих положений носят общенаучный характер, другие касаются специфической области знания. В науке о языке изложение теории в виде постулатов имеет солидную традицию.

Широко известны положения Ф. де Соссюра о произвольности языкового знака, выделении языковых уровней, разграничении языка и речи, синхронии и диахронии, линейных и ассоциативных связей знаков. Эти положения составили аксиоматику структурной лингвистики.

Перспективы развития языкознания определены в тезисах Пражского лингвистического кружка [1965] о языке как функциональной системе, об учете как выраженной, так и внутренней речевой деятельности, о взаимосвязи интеллектуальности и аффективности языковых проявлений, о том, что каждая функциональная речевая деятельность имеет свою условную систему, о противопоставлении устной и письменной, диалогической и монологической речи, об учете различных социально-ситуативных характеристик участников общения, о специфике разговорного, литературного и поэтического языка.

Л. Ельмслев [1960] разработал основы глоссематики, в которых сформулированы принципы алгебры языка. В этой абстрактной системе зависимостей выражение лингвистических знаков осуществляется без обращения к фонетическим признакам, а содержание этих знаков устанавливается без обращения к их семантике. Однако полная теория описания языка у датского лингвиста включает существенные метасемиотические сущности — стилистические формы (стихи, проза), стили (творческий и подражательный), оценочные стили (регистры — высокий, низкий и нейтральный), средства (речь, письмо, жесты и др.),

* Данный раздел написан совместно с Г. Г. Слышкиным.

эмоциональные тоны, идиомы (формы бытования языка — говоры, национальные и региональные языки, индивидуальные особенности речи).

А. Е. Кибрик [2005] излагает основные положения современной содержательной лингвистики в виде следующих принципов: 1) постулат о естественности модели (адекватная модель языка должна объяснять, как он устроен «на самом деле»), 2) постулат о функциональных границах языкознания (все, что имеет отношение к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики), 3) постулат о примате семантики (как содержательные, так и формальные свойства синтаксиса в значительной мере предопределены семантическим уровнем), 4) постулат о границах семантики (к области семантики (в широком смысле) относится вся информация, которую имеет в виду говорящий при развертывании высказывания и которую необходимо восстановить адресату для правильной интерпретации этого высказывания), 5) постулат о модели языка (необходима разработка лингвистических моделей класса «мысль — сообщение»), 6) постулат об исходной точке описания (исходными объектами лингвистического описания следует считать значения (и предопределяющие их исходные для речемыслительного процесса сущности) и им ставить в соответствие выражающие их языковые формы), 7) постулат о мотивированности (исторически исходное соотношение между смыслом и грамматической формой мотивировано: устройство грамматической формы отражает тем или иным образом суть смысла), 8) постулат о простоте (сложны лингвистические представления о языке вследствие их неадекватности, а язык устроен просто).

Аксиоматика когнитивной лингвистики сформулирована в статье А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского [1997]. Авторы обосновали семь основных положений этой области знания: 1) о примате когнитивного (когнитивные структуры определяют функционирование любых компонентов языковой системы), 2) о нерелевантности противопоставления лингвистического и экстралингвистического знания (для описания знания различных типов приемлем один и тот же метаязык), 3) о тенденции к экономии усилий (любая ситуация сводится к стандарту, в котором воплощен предшествующий опыт человека), 4) о множественности воплощения когнитивных структур в языке (одна и та же когнитивная структура может выражаться значениями разных языковых единиц), 5) о неоднородности плана содержания языкового выражения (в значении выделяются ассертивные и неассертивные компоненты, это объясняется нелинейностью когнитивных структур), 6) о множественности семантического описания (наличие в плане содержания принципиально различных компонентов требует использования разных метаязыков для описания этих компонентов), 7) о зна-

чимости нестандартных употреблений (идея нормирования противоречит принципу полноты семантического описания).

В ином ключе основные черты семантико-когнитивного подхода к языку обозначены З. Д. Поповой и И. А. Стерниным [2005], в теории которых выделяются положения о концепте как единице мышления и значении как единице семантического пространства языка, о разграничении психологически реального и лексикографического значения, о необязательной вербализации концепта, об организации концептов по полемому принципу, о структуре концепта, включающей чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле.

Параллельно с когнитивной лингвистикой происходит интенсивное развитие лингвокультурологии, основной единицей которой также является концепт. С позиций лингвокультурологии на первый план выходят следующие характеристики концептов: 1) комплексность бытования (лингвокультурный концепт существует в сознании, обусловлен культурой и опредмечен в языке); 2) ментальная природа (лингвокультурный концепт есть факт сознания); 3) ценностность (центром концепта является ценность); 4) условность и размытость (сознание синкретично, и его членение производится в исследовательских целях); 5) изменчивость (в ходе жизни языкового коллектива актуальность концептов, а также их образная и понятийная составляющие могут меняться); 6) ограниченность сознанием носителя (существуют общечеловеческие, этнокультурные, групповые и индивидуальные концепты); 7) многоаспектность (в составе лингвокультурного концепта можно выделить ценностный, образный и понятийный компоненты); 8) полиапеллируемость (существует много способов языковой и неязыковой апелляции к любому лингвокультурному концепту); 9) многомерность (для изучения концепта могут использоваться различные исследовательские конструкторы — фреймы, когнитивные метафоры и др.); 10) методологическая открытость и поликлассифицируемость (лингвокультурные концепты могут исследоваться при помощи как лингвистических, так и нелингвистических методов, противопоставление языка и речи в лингвокультурологии не является релевантным, лингвокультурные концепты могут классифицироваться по различным основаниям [Карасик, Слышкин 2005].

Сформулируем постулаты коммуникативной лингвистики.

1. Важнейшей характеристикой языка как коммуникативного феномена является его органическая встроенность в ситуацию общения. **Коммуникативное поведение ситуативно.** Речевое поведение является разновидностью поведения как такового, т. е. проявления мотивированной и отчасти немотивированной символически опосредованной активности, направленной на поддер-

жание контакта, эмоционального взаимовлияния, обмена информацией и самовыражения. В риторике положение о ситуативном характере общения было сформулировано Цицероном, сказавшим, что важнейшей характеристикой речи является уместность [Цицерон 1972: 345]. В развернутом виде тезис об уместности коммуникативного поведения раскрывается в работах, посвященных постулатам общения [Grice 1975; Leech 1983; Lakoff 1983; Шмелева 1983]. Для понимания смысла в любой коммуникативной ситуации необходим учет всех значимых параметров этой ситуации. Текстуальная сторона общения является лишь одним из аспектов общения, при этом в устной речи вербальное общение в информативном плане выступает как дополнительное по отношению к невербальному. Словесный способ общения вторичен по отношению к указательному, и поэтому дейктики различного типа в явном и неявном виде пронизывают любой акт коммуникации. Намеренное нарушение уместности общения является сигналом, свидетельствующим о стремлении говорящего пересмотреть соотношение своего социального статуса и статуса партнеров либо ценности и нормы, лежащие в основе коммуникации. Ненамеренное нарушение уместности общения является знаком принадлежности говорящего к иной культуре.

2. Коммуникативное поведение детерминировано культурой. Множество осознаваемых и неосознаваемых ориентиров поведения, концентрированного опыта, прецедентных явлений лежит в основе любого коммуникативного действия. Культура задает стандарты поведения и определяет границы креативности индивидуума. Любой акт коммуникации есть подтверждение идентичности культурно-языкового сообщества. Фактуальные и фикциональные компоненты культуры равнозначны для языкового сообщества [Слышкин 2004].

3. Единицей коммуникативного поведения является транслируемый смысл, т. е. символически выраженное переживаемое отношение участников общения к миру, ситуации, партнеру и себе. Это отношение может быть квантом переживаемого знания, коммуникативным стереотипным рефлексом, значимым отсутствием поддержания контакта. Транслируемый смысл может передаваться вербально и невербально в соответствии с культурными сценариями, усвоенными представителями соответствующего коммуникативного сообщества. Транслируемый смысл соотносится с индивидуальным смыслом как фактом сознания, культурой как системой коллективных смыслов, в концентрированном виде выражающих опыт сообщества, и смыслами, зафиксированными в виде значений языковых единиц.

4. Транслируемые смыслы допускают множественную интерпретацию. Знаковая природа языкового общения предполагает возможность обозначения разных сторон одного и того же объекта, коллективный опыт приводит к при-

знанию некоторого стандартного значения, но в нестандартной ситуации человек начинает искать дополнительные смыслы в воспринимаемой информации. Стандартность и нестандартность ситуаций относительны. Тезис Л. С. Выготского о том, что всякое высказывание есть иносказание акцентирует активную роль адресата в коммуникации. Понижение такой активности есть исключение из правила, и в этом плане прямая коммуникация есть особый тип общения, в котором адресат вынужден воспринимать информацию только в буквальном смысле. Естественное общение строится по правилам не прямой коммуникации, т. е. допускает некоторую свободу интерпретации, наличие переносных смыслов, намеки, шутки [Дементьев 2006].

5. Естественное общение характеризуется синкретичностью рационального и эмоционального содержания. В определенных жанрах речи и в содержании определенных языковых единиц баланс между рациональным и эмоциональным отношением к действительности может быть смещен в сторону одного из названных типов отношения. Выделение и отдельное рассмотрение любого из этих типов является исследовательским приемом. Рациональное в общении тяготеет к развернутому линейному выражению того или иного содержания, к противопоставлению объективного и субъективного в высказывании (диктума и модуса, по Ш. Балли), эмоциональное в общении характеризуется нелинейностью, разрывом логической последовательности, нейтрализацией различия между диктумом и модусом. Рациональная сторона в общении направлена на объяснение, на признание возможности постепенного уяснения и понимания, допускает определенную свободу в толковании смыслов, эмоциональная сторона направлена на мгновенное озарение, инсайт, взаимное переживание смыслов и достижение синтонности, т. е. сходной тональности в восприятии действительности, смысл не раскрывается, а моментально считывается.

6. Коммуникативное поведение многомерно и партитурно. Оно реализуется как совмещение нескольких планов общения — поддержания контакта, воздействия, информационного обмена, самопрезентации и др. С исследовательской целью эти планы общения можно условно разделить и проанализировать отдельно, в таком случае каждый отдельный акт общения будет представлен как партитура, одновременное выражение нескольких коммуникативных партий. Естественное общение представляет собой органическое сочетание разных коммуникативных планов, каждый из которых имеет свои доминантные средства выражения, при этом только информирование о ненаблюдаемых событиях или явлениях имеет принципиально текстовый характер, остальные коммуникативные линии выражаются преимущественно невербально или паравербально, но могут получить и словесное воплощение.

7. Важной характеристикой общения является его функциональная подвижность (лабильность). Коммуниканты способны моментально перестроиться в ходе естественного общения, эти переключения могут быть почти незаметны. В коммуникативной лингвистике разработаны три модели общения: кодовая, инференционная и интеракционная [Макаров 2003: 33–40]. В первом случае коммуникация моделируется как цепочка, в начале которой находится передаваемая информация, поступающая в кодирующее устройство, проходящая по каналу связи, получаемая в декодирующем устройстве и в итоге квалифицируемая как принятая информация. Эта кибернетическая модель базируется на допущении об идентичных языковых знаниях у коммуникантов. Во втором случае на первый план выступают интенции отправителя сообщения и способы выведения смысла. Наряду с правилами языкового кода значимыми оказываются инференционные правила. В третьем случае в центре внимания оказывается демонстрация смыслов, не всегда предназначенных для интерпретации реципиентом. Здесь на первый план выдвигается позиция интерпретатора, который лабильно модифицирует свое поведение в зависимости от меняющихся обстоятельств и под влиянием социально-культурных правил поведения.

8. Коммуникативное поведение проявляется в определенном дискурсе — формате общения, обусловленном культурно-ситуативными нормами, и конкретизируется в виде определенных речевых жанров — исторически сложившихся ситуативных форм речевого поведения. Классификация дискурса строится на различных основаниях, с позиций социолингвистики в качестве критериев классификации дискурса выступают его типовые участники, с позиций прагмалингвистики — типы коммуникативной тональности, с позиций лингвосемантики — темы общения, с позиций структурного моделирования дискурса — жанры. Жанровые формы весьма разнообразны. Существуют первичные и вторичные речевые жанры, первые усваиваются в естественном общении в семье, вторые требуют специального обучения, как первые, так и вторые могут отличаться как шаблонностью, так и оригинальностью [Бахтин 1996]. Важнейшим показателем высокого уровня коммуникативной компетенции является умение человека пользоваться различными речевыми жанрами в разных коммуникативных условиях.

9. Коммуникативное поведение характеризуется как регулярными моделями передачи смыслов, так и отклонениями от этих моделей. Наиболее частотные и коммуникативно важные единицы языка выходят за рамки парадигмы своего класса. В этом состоит существенное отличие естественного языка, включающего множество аномальностей, от искусственного языка, в идеале не знающего исключений. Наличие таких аномальностей отражает важное свой-

ство языкового существования — значимое нарушение парадигматической регулярности, обусловленное неравномерным распределением ресурсов памяти для языковых единиц. Эта идея развернуто доказана в книге Б. М. Гаспарова [1996]. Язык вырабатывает особый способ такого привилегированного закрепления ресурсов памяти для наиболее значимых единиц — супплетивизм, наличие разнокорневых слов для обозначения форм словоизменения (парадигма личных местоимений, глаголы «быть», «идти», степени сравнения наиболее важных прилагательных). Исторически все факты возникновения формальных и смысловых отклонений от регулярных моделей образования единиц по принципу аналогии объясняются разными причинами, но психологически здесь действует общий принцип нарушения парадигматической регулярности, суть которого состоит в выделении важной коммуникативной единицы из общего ряда.

10. Интерпретация реального общения строится на основе экзегетики, т. е. развернутого ситуативно-культурного толкования, а не декодирования текста. Элементы декодирования знаков, составляющих текст, присутствуют в любом общении как его материальная составляющая, но в целом интерпретация действительности носит более сложный характер, чем действие по модели «стимул — реакция», в которой знак представляется стимулом. Адаптивная теория сознания предполагает наличие установки, предшествующей непосредственному стимулу [Матурана, Варела 2001]. Соответственно, интерпретативная деятельность в процессе общения предполагает упреждающее моделирование коммуникативной ситуации, затем — получение сигнала и его соотнесение с опытом и, наконец, реакцию. Экзегетическая интерпретация основана на принципе целостного, гештального восприятия, декодирование есть поэлементное движение, которое имеет место лишь в ограниченном числе коммуникативных ситуаций, например, в тех случаях, когда требуется расшифровка текста.

11. Исследовательские модели коммуникации основаны на учете трех параметров общения — личности, концептов и дискурса. Учет характеристик личности отражает антропологическую фокусировку лингвистики и всех гуманитарных наук, изучение концептов представляет собой раскрытие языкового освоения фрагментируемой действительности, моделирование дискурса направлено на выявление значимых признаков общения в типизируемых ситуациях. Изучение языкового сознания и коммуникативного поведения в аспектах личности, концептов и дискурса пришло на смену важнейшему противопоставлению имманентной лингвистики — дихотомии языка и речи.

Приведенные постулаты коммуникативной лингвистики представляют собой обобщение концепций, разработанных в различных областях науки о языке. Список этих постулатов не является закрытым. Полемизируя с одним из

известных отечественных лингвистов, считающим, что язык устроен просто, а сложность моделей его описания есть свидетельство несовершенства этих моделей, мы полагаем, что язык отражает бесконечность человеческого опыта, и любая модель описания общения включает приемы схематизации объекта. Мир многопричинен и многовариантен, соответственно таковы и модели описания языка. Общенаучный принцип дополнительности Н.Бора объясняет многомерность любого объекта научного исследования. Формулирование постулатов коммуникативной лингвистики — это не констатация множественности подходов к языку, а приглашение продолжить дискуссию.

3.2. Определение дискурса

Размышляя о сущности языка, современные лингвисты пришли к выводу о том, что множество языковых характеристик можно свести к признакам языкового сознания и коммуникативного поведения. В первом случае нас интересует то, каким образом посредством языка человек интерпретирует действительность, как осуществляется категоризация мира, эти проблемы составляют суть когнитивной лингвистики. Во втором случае мы обращаем внимание на ситуацию общения, на то, каким образом происходит взаимовлияние людей в процессе коммуникации, эти проблемы рассматриваются в рамках коммуникативной лингвистики, прагмалингвистики и теории дискурса. Эти направления науки о языке, сориентированной на выявление характеристик коммуникативного поведения, во многом пересекаются. Их специфика состоит, главным образом, в тех теориях и концепциях, которые были разработаны для изучения коммуникативной практики. Например, специалисты в области коммуникативной лингвистики интересуются принципами общения, условиями успешности коммуникации, характеристиками участников общения, ученые, исследующие проблемы прагмалингвистики, обращают внимание на компоненты коммуникативной ситуации, на соотношение явного и скрытого смыслов, на коммуникативные интенции и стратегии общения, на структуру речевых актов, лингвисты, рассматривающие проблемы дискурса, обсуждают соотношение текста и дискурса, анализируют проявления интертекстуальности, изучают специфику дискурсивного поведения в обиходном общении и в рамках различных социальных институтов.

Понятие «дискурс» широко используется в современной лингвистике (обзоры различных подходов к изучению дискурса приводятся в следующих работах: [Демьянков 1982; 2005; Степанов 1995; Slembrouck 1998; Кубрякова 2000; Чернявская 2001; Макаров 2003; Карасик 2004; Trappes-Lomax 2004]).

В. З. Демьянков развивает интерпретативный подход к дискурсу и понимает дискурс как смысловое развертывание некоторого опорного концепта, в результате чего создается общий контекст. «Элементы дискурса — излагаемые события, их участники, перформативная информация и “не-события”, т. е. а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценка участников событий; г) информация, соотносящая дискурс с событиями» [Демьянков 1982: 7]. Такое понимание дискурса уточняется в одной из новейших работ цитируемого ученого следующим образом: «В лингвистической литературе дискурсом чаще всего называют речь (в частности, текст) в ее становлении перед мысленным взором интерпретатора. Интерпретатор помещает содержание очередной интерпретируемой порции дискурса в рамки уже полученной промежуточной или предварительной интерпретации. В результате устраняется, при необходимости, референтная неоднозначность, определяется коммуникативная цель каждого предложения и шаг за шагом выясняется драматургия всего дискурса. По ходу такой интерпретации воссоздается — “реконструируется” — мысленный мир (*universe of discourse*), в котором, по презумпции интерпретатора, автор конструировал дискурс и в котором описываются реальное и желаемое (пусть и не всегда достижимое), нереальное и т. п. положение дел. В этом мире мы находим характеристики действующих лиц, объектов, времени, обстоятельств событий (в частности, поступков действующих лиц) и т. п. Этот мысленный мир включает также домысливаемые интерпретатором (с его неповторимым жизненным опытом) детали и оценки» [Демьянков 2005: 49–50].

Ю. С. Степанов обосновывает идеологический подход к дискурсу и пишет, что дискурс — «это “язык в языке”, но представленный в виде особой социальной данности. ... Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, — в конечном счете — особый мир. В мире всякого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет. Это — «возможный (альтернативный) мир в полном смысле этого логико-философского термина» [Степанов 1995: 44–45]. При таком подходе акцентируется специфическое использование языка в рамках определенной идеологии. В качестве примера приводится советский новояз с его номинализациями и сочинительными цепочками, проанализированный П. Серию.

В. Е. Чернявская предлагает рассматривать дискурс в генеративно-тематическом аспекте как «конкретное коммуникативное событие, привязанное к определенным прагматическим, ментальным условиям порождения и восприятия сообщения и определенным моделям текстопорождения — типам текста», и

как «совокупность тематически соотнесенных текстов» [Чернявская 2001: 19]. Такое понимание дискурса как матричного образования позволяет выйти на изучение дискурсивных жанров и формул. А. И. Варшавская рассматривает взаимосвязанные понятия «дискурс» и «текст» и устанавливает между ними соотношение «процесс – структура» [Варшавская 1999: 26].

Г. Н. Манаенко суммирует различные понимания дискурса, определяя его как «общепринятый тип речевого поведения субъекта в какой-либо сфере человеческой деятельности, детерминированный социально-историческими условиями, а также утвердившимися стереотипами организации и интерпретации текстов» [Манаенко 2003: 37]. Автор строит детальную модель описания дискурса в виде конструкта, включающего четыре компонента: 1) среда (тип социального события, его цель, социально-идеологические условия, обстановка), 2) социальный субъект (социальный статус, ролевые отношения, социальная активность участников, их личные отношения), 3) содержание (интенции и цели, мировоззренческие позиции, общий фонд знаний, знания правил и норм коммуникации), 4) текст (тема речевого общения, отнесенность к какому-либо речевому жанру, композиционное построение высказываний, специфика отбираемых языковых средств для речевого взаимодействия) [там же: 38]. На мой взгляд, этот подход является интерпретативно-идеологическим.

Х. Трэппс-Ломэкс показывает наиболее существенные различия в понимании дискурса как языка в действии на примере короткого диалога:

A. You threw it so you get it. — Ты бросила, ты и доставай.

B. I'll call my mum. — Я маму позову.

Четыре лингвиста осмыслили и описали бы этот диалог по-разному.

Первый лингвист фиксирует текст — вербальную запись речевого события, нечто видимое и осязаемое, состоящее из различных языковых значений (слова, фразы, просодические элементы и т. д.). Этого исследователя интересует то, как части данного текста соотносятся друг с другом, формируя смысл высказывания.

Второй лингвист видит за этим текстом событие, знаком которого является этот текст. Этот исследователь делает примечание к диалогу: [летний воскресный полдень, Единбургский ботанический сад, две девочки 7 или 8 лет на тропинке, одна из них бросила в кусты мяч, которым они играли]. Этого ученого интересуют взаимоотношения между различными факторами данного события: участники, их социальное происхождение, их отношение друг к другу, обстановка, выбор языковых средств и т. д.

Третий лингвист принимает во внимание текст и коммуникативное событие, но его интересует исполнение (*performance*), драматургическое развитие этого диалога: что произошло, на ком лежит ответственность, как девочки оценивают эти факты (т.е. как они соотносят эти факты со своими знаниями и установками), чего они хотят достичь, каковы их стратегии. Этого ученого интересует интерактивная динамика происходящего процесса.

Четвертый лингвист воспринимает текст, стоящее за текстом событие и его драматургическую динамику как воплощение некоторой когнитивной структуры (*the framework of knowledge and power*), с помощью которой можно объяснить, почему эти двое детей ведут себя и воспринимают происходящее таким образом [Trappes-Lomax 2004: 135]. С помощью этого остроумного приема аргументации цитируемый автор сводит различные понимания языка в его функционировании к основным четырем позициям: 1) текст как использование языка, 2) коммуникативное событие, 3) сценарий, лежащий в основе такого события, 4) культурная схема, объясняющая такой сценарий. Эти позиции с некоторыми оговорками соответствуют исследовательским установкам имманентной лингвистики, прагмалингвистики, теории дискурса и когнитивно-культурологической лингвистики. Обратим внимание на то, что названные позиции не являются взаимоисключающими, а предполагают друг друга для построения целостной модели дискурса.

Драматургический подход к дискурсу, вытекающий из соответствующего понимания социального действия, был обоснован известным американским социологом, социальным психологом и социолингвистом Ирвингом Гофманом (*Erving Goffman*). В основе этого подхода лежит идея сходства повседневного поведения с театральным представлением. Понятийный аппарат драматургической теории социального взаимодействия включает благо (*the good*), притязание (*the claim*), роль претендующего на благо (*the claimant*), препятствие на пути к благу (*the impediment*), роль препятствующего получению блага (*the counter-claimant*), действующие лица, которые играют обозначенные роли (*the agents*) [Goffman 1972: 51]. Эти понятия соотносимы с известными функциями действующих лиц волшебной сказки, выделенными В. Я. Проппом: герой, помощник, даритель, отправитель, царевна, вредитель, ложный герой [Пропп 1928: 88–89]. К близким выводам пришел французский литературный критик Жорж Польти, разбивший в 1900 г. все драматические сюжеты на 36 типичных ситуаций (мольба, избавление, преступление и др.) (цит. по: [Nare, Blumberg 1988: 18]). И в том, и в другом случае перед нами — схема развития сюжета, в основе которого находится некоторый конфликт. Персонажи волшебной сказки разработаны более детально, их функции более трафаретны, чем функции участни-

ков естественной коммуникации. Разумеется, человеческое поведение нельзя сводить к ограниченному набору стереотипных функций, сущность человека метафункциональна, но выделение тех или иных функций позволяет понять природу социальной интеракции.

В другой книге основатель социальной драматургии выделяет три роли говорящего: 1) исполнитель (animator), произносящий текст, 2) автор (author), выбирающий слова и фразы, 3) хозяин (principal), отвечающий за выраженное мнение [Goffman 1981: 226]. Разграничиваются и роли слушающего: адресат (addressee), случайный участник общения (overhearer) и подслушивающий (eavesdropper). Эти персонажи выделяются на разных основаниях: применительно к субъекту речи важно противопоставить контроль и исполнение коммуникативного действия, применительно к адресату — легитимное либо нелегитимное участие в общении. В этой связи несомненный интерес представляют идеи, высказанные в исследованиях, посвященных феномену коммуникативной власти [Халипов 1997; Ким 2004; Осетрова 2004; Черватюк 2006] и молчанию в общении [Богданов 1986; Кибрик 1991; Крестинский 1993; Бабаян 1999; Меликян 2000].

К числу важнейших понятий в теории И. Гофмана относятся «ключ» и «переключение» (key and keying): «ключом» ученый называет набор конвенций, благодаря которым некоторое действие, имеющее смысл в определенной системе установок, трансформируется в иное действие, имеющее сходство с первым, но воспринимаемое иначе, например, обычное действие переносится на сцену и становится частью спектакля, или церемония повторяет некое событие, или действие разыгрывается с иными мотивами у его участников [Goffman 1974: 43–44]. Переключением является пародия на некоторый текст или коммуникативное действие, которое становится частью учебного процесса. И. Гофман рассматривает переключение как неотъемлемую характеристику естественного общения, справедливо полагая, что любой коммуникативный акт пронизан ассоциациями с другими подобными актами и отличается от них. С иных позиций эта идея получает развитие в исследованиях, посвященных интертекстуальности. Итак, драматургический подход к пониманию коммуникации, предложенный И. Гофманом, позволяет акцентировать в дискурсе меняющееся позиционирование ситуантов (я не случайно использую этот термин: в статье под характерным названием «The Neglected Situation» — «Ситуация, на которую не обращают внимания» — цитируемый ученый подчеркивает, что социальные ситуации имеют свойства, не сводимые к характеристикам действующих лиц) [Goffman 1979: 63].

Заслуживает внимания концепция дискурса, разработанная известным британским лингвистом Норманом Фезрклафом, который выделяет три функции

коммуникативного поведения — действие, репрезентацию и идентификацию, при этом коммуникативное действие проявляется в виде различных жанров, репрезентация — в виде отдельных социально и личностно обусловленных дискурсов, идентификация — в виде стилей поведения [Fairclough 2003: 28]. Коммуникативные жанры трактуются этим ученым как дискурсивные способы действия и взаимодействия в рамках социальных событий (*genres are the specifically discoursal aspect of acting and interaction in the course of social events*) [ibid.: 66]. Как известно, М. М. Бахтин выделил первичные и вторичные речевые жанры (первые существуют в естественной ситуации обиходного общения, вторые — в ситуациях, выходящих за границы бытовой коммуникации). Н. Фезрклаф освещает неоднородность жанров дискурса с иных позиций, противопоставляя коммуникативные образования четырех типов: 1) собственно жанры, 2) имеющие более абстрактный характер, чем жанры (преджанры — *pre-genres*), а именно: повествование, рассуждение, описание и диалог, 3) проявляющиеся в различных жанрах (*disembedded genres*), например, интервью как собеседование при приеме на работу и как беседа с журналистом, 4) являющиеся ситуативными уточнениями жанров (*situated genres*), например, этнографическое интервью [ibid.: 71]. Соглашаясь с цитируемым автором в том, что целесообразно противопоставлять жанры по вертикали (супержанры и субжанры) и по горизонтали (монодискурсивные и полидискурсивные жанры), я бы не стал считать композиционно-речевые формы (повествование, рассуждение, описание) разновидностями жанров. На мой взгляд, это особый аспект рассмотрения дискурса. Разговор (*conversation*), или диалог, также представляет собой особый модус дискурса.

Очень интересна идея Н. Фезрклафа о жанровом переносе как способе расширения типов общения, суть такого переноса состоит в реконтекстуализации, т. е. в проявлении жанра в новом коммуникативном пространстве, например, определенный жанр академического дискурса становится жанром делового общения [ibid.: 33]. Развивая продуктивную классификацию социальных действий, предложенную Ю. Хабермасом, который выделяет коммуникативные и стратегические действия, Н. Фезрклаф противопоставляет целесодержащие и нецелесодержащие жанры речи (например, интервью и дружескую беседу) [ibid.: 71]. Коммуникативные действия направлены на достижение понимания, стратегические — на совершение определенного действия в интересах инициатора общения. Автор прав, замечая, что исследователи дискурса часто основывают свои рассуждения на неявном признании тезиса о наличии цели в любом типе общения. Такая позиция, по мнению Н. Фезрклафа, объясняется резким расширением целесодержащих жанров речи в современной Западной культуре, доминан-

той которой является продвижение товара (promotion). Стратегическая коммуникация в рамках этой понятийной системы представляет собой понижение статуса адресата до объекта воздействия, который должен выполнить то или иное действие либо принять ту или иную позицию в интересах отправителя речи.

Дискурс в рассматриваемой концепции трактуется как позиционирование коммуникантов, которые могут по-разному освещать подачу информации в общении. Например, определенные характеристики событий могут быть названы или опущены в общении, выдвинуты на первый план либо нейтрализованы, обобщены либо конкретизированы, представлены в том или ином порядке, дополнены объяснениями, обоснованиями и оценкой [ibid.: 139]. Таким образом, участвуя в том или ином коммуникативном событии, которое дано нам как нечто внешнее и объективное по отношению к нам, мы принимаем определенную позицию и тем самым проявляем свою сущность. В этой триаде — действие, репрезентация и идентификация — разворачивается коммуникативное поведение человека. Интересно отметить, что как жанр, так и стиль в рамках данной системы понятий не зависят от коммуникативного субъекта, который должен принять правила игры, действуя по законам жанра, и проявить свою идентичность в том или ином стиле поведения. От человека зависит только репрезентация событий, т. е. дискурсивное позиционирование. Такая исследовательская модель представляется весьма продуктивной как для понимания сути коммуникативного поведения, так и для его описания.

Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть, что человек говорящий наделен большей свободой действий в общении, чем это показано в модели Н. Феэрклафа. Во-первых, участники общения вправе поменять коммуникативный жанр по своему усмотрению. Например, пациент может сделать врачу комплимент, не относящийся к профессиональной деятельности, и тогда общение может перейти из институционального жанра диагностической беседы в личностно ориентированный жанр флирта. Во-вторых, один из участников общения либо все коммуниканты могут карнавально перевернуть жанр общения, пародируя его характеристики либо изменив тональность речи. Например, получив почетную грамоту во время торжественного заседания, одна женщина шла в зал на свое место и вполголоса говорила: *«Приду домой, повешу грамоту на стену. Страна должна знать своих героев!»*. Это было в послевоенные годы в Советском Союзе, и тогда подобное коммуникативное действие не могло остаться незамеченным. Только славное фронтовое прошлое спасло нарушительницу жанра от серьезных последствий. Этот факт, однако, показателен в плане возможностей человека оставаться хозяином коммуникативной ситуации. В-третьих, человек может прекратить общение и тем самым выйти из игры, навязан-

ной ему канонами жанра. Это относится к жанровому аспекту дискурса. Применительно к стиливой характеристике общения следует заметить, что коммуникативное поведение включает как помимовольный, так и осознанно реализуемый стиль. Степень контролируемости человеком своего стиля поведения различна, это зависит и от личности, и от обстоятельств. Было бы упрощением, тем не менее, сводить все характеристики стиля к неподконтрольным проявлениям личности.

Приведенные выше различия в моделировании дискурса — дискурс как общение посредством текста и как позиционирование субъекта в таком общении — не являются взаимоисключающими и могут рассматриваться как ситуативно-ориентированное либо субъектно-ориентированное понимание дискурса. В этой связи представляет интерес концепция интенциональных типов общения, разработанная С. А. Сухих. Автор выделяет четыре типа общения, в основе которых лежат базовые макроинтенции: 1) экспрессивная макроинтенция направлена на поддержание эмоционального контакта с партнером и проявляется в аффилятивном диалоге, 2) эвристическая макроинтенция выражает познавательную потребность и проявляется в диалоге-интервью, 3) координативная макроинтенция обусловлена потребностью субъекта в идентификации и порождает интерпретационный тип диалога, 4) регулятивная макроинтенция определяет инструментальный диалог [Сухих 1998: 14]. Выделенные цитируемым исследователем типы общения отличаются от известных типов социального действия у Ю. Хабермаса, который противопоставляет 1) телеологическое (стратегическое) действие, направленное на достижение практического результата, 2) нормативное действие, обусловленное нормами и ожиданиями общества, сюда относятся в частности различные ритуалы, 3) драматургическое действие, состоящее в разыгрывании ролей, исполняемых коммуникантами друг перед другом, 4) коммуникативное действие, представляющее собой межличностное общение [Habermas 1984: 85–86]. Аффилиация и регулировка у С. А. Сухих в определенной мере соотносятся с коммуникативным и стратегическим действием у Ю. Хабермаса. Эвристическое и интерпретативное общение в понимании С. А. Сухих направлены соответственно на познание мира и определение своей точки зрения в коммуникации. Ю. Хабермас выделяет в качестве отдельных типов социального действия ритуал и перформанс (презентацию). Схема С. А. Сухих является субъектно-ориентированной моделью общения, схема Ю. Хабермаса соединяет в себе субъектные и ситуативные характеристики коммуникации.

В современной отечественной лингвистике выполнено много исследований, посвященных типам дискурса. Эти исследования можно свести к трем подхо-

дам — социолингвистическому (кто говорит), прагматическому (как говорят), тематическому (о чем идет речь). На основании социолингвистического критерия выделяется и анализируется политический дискурс [Шейгал 2000; Филинский 2002; Миронова 2003; Руженцева 2004; Анненкова 2005; Будаев Чудинов 2006; Гусева 2006; Изюров 2006; Стрелкова 2006; Фомина 2006; Каблуков 2007], деловой дискурс [Астафурова 1997; Шилова 1998; Мойсенко 2005; Ковалевская 2006; Колтунова 2006; Кутяева 2007], массово-информационный дискурс [Желтухина 2004; Чернышова 2005; Каменева 2006; Кузнецова 2006], рекламный дискурс [Лившиц 2001; Косицкая 2005; Максименко 2005; Панкова 2006; Урванцев 2006], религиозный дискурс [Пиевская 2006; Бобырева 2007], судебный дискурс [Овчинникова 2006; Васильянова 2007], научный дискурс [Аликаев 1999; Михайлова 1999; Варгина 2004; Варнавская 2005; Болдырева 2006; Болотрова 2006; Чалбышева 2006; Ракитина 2007], педагогический, или дидактический, или учебный дискурс [Коротеева 1999; Каратанова 2003; Ильичева 2005; Токарева 2005; Олешков 2006; Шашкова 2006], дипломатический дискурс [Вебер 2004], медицинский дискурс [Мульганова 1997; Бейлинсон 2001; Акаева 2007; Барсукова 2007], компьютерный, или электронный, или виртуальный дискурс [Галичкина 2001; Кондрашов 2004; Смирнов 2004; Школовая 2005; Лутовинова 2006]. Особое место занимают социолингвистические исследования дискурса применительно к коммуникативному сознанию подростков, младших школьников и дошкольников [Седов 1999; Гуц 2005; Лемяскина 2004; Чернышова 2001]. Прагматический подход к исследованию дискурса конкретизируется как изучение комического, или юмористического дискурса [Карасик А.В. 2001; Плотникова 2003; Проскурина 2004; Вербицкая 2005; Панченко 2005], ритуального дискурса [Извекова 2006], эзотерического дискурса [Хачатурова 2004]. В ряде работ рассматриваются дискурсивные характеристики жанровых образований — аргументативный дискурс [Бардина 2004; Калашникова 2007], повествовательный дискурс [Данилова 2005], дискурс опровержения [Пучкова 2006], побудительный дискурс [Никульшина 1998], на мой взгляд, эти исследования вписываются в прагматическую модель изучения дискурса. С некоторыми оговорками к прагматическому типу дискурса можно отнести эпистолярный дискурс [Крюков 2001; Полякова 2001; Бусоргина 2006] и слухи [Почепцов 1990; Прозоров 1997; Крейдлин, Самохин 2003; Осетрова 2003]. Тематический критерий положен в основу выделения экономического дискурса [Томашевская 2003; Степанова 2006], морального дискурса [Ошкина 2007], экологического дискурса [Рогожникова 2002], сказочного дискурса [Соборная 2004; Акименко 2005; Гришина 2006], прогностического дискурса [Савицкая 2006], автобиографического дискурса [Кованова 2005],

террористического, расистского и ксенофобического дискурса [Кунина 2001; Колосов 2004; Свирковская 2005; Бураковская 2006].

В данной работе дискурс понимается как текст, погруженный в ситуацию общения или наоборот — как общение посредством текста. Н. Д. Арутюнова [1990] дает более широкое определение: текст, погруженный в жизнь. Такое понимание сориентировано на анализ информации, выводимой из коммуникативной ситуации и соотношенной с информацией, выраженной в тексте. Коммуникативная ситуация есть элемент культуры, и поэтому анализ дискурса, выявление и объяснение скрытых смыслов неизбежно выходит на культурно маркированные обстоятельства и формульные модели поведения, имеющие социально-групповую либо этнокультурную значимость.

Ситуативно-ориентированная модель дискурса допускает различные измерения, в частности социалингвистическое и прагмалингвистическое [Карасик 2002]. В первом случае нас интересуют в первую очередь характеристики участников дискурса, во втором — характеристики его тональности. Несколько упрощая положение дел, в первом случае мы спрашиваем, кто участвует в общении, а во втором случае — как проходит общение. Вне нашего рассмотрения остается тематика дискурса, т.е. вопрос о том, что является предметом речи. Тематические характеристики дискурса изучены в научной литературе достаточно полно и поэтому в данной работе затрагиваются только попутно.

Социалингвистическое описание дискурса строится на основании выделения личностно-ориентированного и статусно-ориентированного типов общения. Личностно-ориентированное общение происходит в тех ситуациях, когда участники общения раскрывают друг другу все богатство своего внутреннего мира и воспринимают друг друга как личности, статусно-ориентированное общение имеет место между людьми, воспринимающими друг друга как представителей определенной группы общества в каком-то одном качестве (врач — пациент, адвокат — подзащитный, администратор — подчиненный сотрудник и т. д.). Выделяются две разновидности личностно-ориентированного дискурса — бытовое и бытийное общение (в последнем случае имеется в виду художественный и философский дискурс), с одной стороны, и институциональный и неинституциональный дискурс, с другой стороны. В рамках институционального дискурса противопоставляются сложившиеся в обществе типы общения (политический, педагогический, религиозный, медицинский, научный, юридический, рекламный, военный, дипломатический и другие разновидности дискурса, отражающие специфику соответствующего социального института). Список типов институционального дискурса исторически обусловлен и огра-

ничен. Неинституциональный дискурс представляет собой общение незнакомых людей между собой («*Простите, который час?*»).

Прагмалингвистическое описание дискурса базируется на основании типов коммуникативной тональности — культурно обусловленного эмоционально маркированного способа организации общения. Выделяются серьезный и юмористический, торжественно-ритуальный и обыденный, информативный и фасцинативный, содержательный и фатический и другие типы дискурса.

Изучение дискурса в аспекте его жанровых характеристик традиционно связано с исследованием художественного текста. Имеются в виду вторичные речевые жанры, по М. М. Бахтину. Лингвисты часто обращаются к анализу текстов малых форм — поэтический заголовок [Иванова 2006], лимерик [Павлова 2005], народная, авторская или бардовская песня [Кучукова 2004; Плотицкий 2005; Абросимова 2006; Дьякова 2007], альбом рок-группы [Мельникова 2004].

В научной литературе рассматривались жанры в рамках определенных типов институционального дискурса: в политическом дискурсе — политическое интервью [Попова 1995], листовка [Федотовских 2005], предвыборная полемика [Гайкова 2003; Иванова 2003; Литовченко 2003; Линнас 2006], парламентские дебаты [Китик 2004; Правикова 2005], политический скандал [Кочкин 2003], карикатура [Артемова 2002], политическая программа [Логина 2004], новогоднее обращение [Комисарова 2005], в массово-информационном дискурсе — частное объявление [Курченкова 2000; Гусар 2004], брачное объявление [Шибанова 2004; Рогалева 2005; Черкасова 2006; Царикевич 2007], интервью [Апалат 2003; Красноперова 2005; Стрельникова 2005; Шевченко 2006], открытое письмо [Гусева 2000], ток-шоу [Ларина 2004], искусствоведческая рецензия [Земцова 2006], плакат [Кругликова 2005], в дипломатическом дискурсе — дипломатический протокол [Метелица 2003], в рекламном дискурсе — слоган [Белоусова 2006], в научном дискурсе — статья [Михайлова 1999], научная рецензия [Гришечкина 2002], в деловом дискурсе — коммерческое письмо [Сыщиков 2000; Стеблецова 2001], деловое письмо [Ковшикова 1997; Чигридова 2000; Радченко 2005], деловые переговоры [Баландина 2004], в религиозном дискурсе — молитва [Мишланов 2003; Бобырева 2004; Тестоедова 2004], проповедь [Крысин 1996; Прохвятилова 1994; Плисов 2005], духовное послание [Ярмульская 2006], миссионерский текст [Саракаева 2000]. Существуют пограничные жанры, относящиеся к разным типам дискурса одновременно, например, рекламное интервью относится как к рекламному, так и к массово-информационному дискурсу [Вартанова 2006].

Иное освещение получают жанры институционального дискурса с позиций риторики. Т. В. Анисимова и Е. Г. Гимпельсон дают развернутое описание сис-

темы жанров делового общения — «речь в прениях», «речь-предложение», «возражение», «резюме», «устное распоряжение» (приводится описание 40 речевых жанров) по следующей схеме: определение жанра, коммуникативная задача, разновидности жанра, его структура, иллюстративные примеры, типичные ошибки в построении жанра [Анисимова, Гимпельсон 2007].

Резюмирую.

Множество подходов к пониманию дискурса можно свести к ситуативно-ориентированной и субъектно-ориентированной трактовкам дискурса. Понятие «дискурс» сопряжено с понятием «текст» по линии «процесс – результат». Дискурс проявляется в виде жанров, которые представляют собой исторически обусловленные форматы коммуникативного поведения. Дискурс предполагает сознательное и помимовольное позиционирование участников общения и строится как драматургическое образование. Участвуя в дискурсе, коммуниканты вырабатывают свой стиль, в котором раскрываются их социальные и личностные характеристики. Ситуативно-ориентированная модель дискурса уточняется в двух направлениях: социолингвистическое и прагматическое описание дискурса. В рамках социолингвистического описания дискурса выделяются личностно-ориентированный и статусно-ориентированный дискурс. В рамках прагматического описания дискурса выделяются типы общения, противопоставляемые по коммуникативной тональности. Субъектно-ориентированная модель уточняется как мотивационно-ориентированный и презентационно-ориентированный дискурс. Разновидностью мотивационно-ориентированного дискурса является стратегическое общение.

3.3. Лингвокультурные характеристики дискурса

Оригинальная модель языка как явления культуры предложена известным американским исследователем Алессандро Дуранти. Обосновывая статус лингвистической антропологии (или антропологической лингвистики), А. Дуранти рассматривает язык как культурный ресурс, а речь — как культурную практику и выделяет в качестве важнейших признаков коммуникативного поведения три его характеристики: перформативность (*performance*), индексальность (*indexicality*), коллективность (*participation*) [Duranti 2002: 15–21].

Термин «*performance*» трактуется в англоязычной лингвистике неоднозначно. В первом понимании имеется в виду введенное Н. Хомским противопоставление «*competence – performance*» (в русском переводе «языковая компетенция – использование языка»). Позднее создатель генеративной грамматики нашел

более точное обозначение для этих сущностей — внутренний и внешний язык (internal and external language). Внутренний язык представляет собой языковое сознание, а внешний — коммуникативное поведение. Перформативность в такой интерпретации есть действие в широком смысле слова, и диада Н. Хомского соотносима с противопоставлением не только языка и речи, по Ф. де Соссюру, но и эргона и энергеи, по В. фон Гумбольдту. В другом понимании перформативность рассматривается как действие посредством речи, по Дж. Остину (doing things with words), или действие в узком смысле слова. Имеются в виду коммуникативные поступки, противопоставляемые описаниям тех или иных действий или состояний. Были определены релевантные условия перформативности (право говорящего на совершение соответствующего действия, использование в качестве знака перформативности глагола в первом лице единственного числа настоящего времени индикатива). В третьем понимании акцентируется исполнение, презентация того или иного коммуникативного действия. Такая трактовка вытекает из драматургической теории социального действия, разработанной И. Гофманом. На мой взгляд, А. Дуранти прав, доказывая, что драматургическая интерпретация коммуникативного действия позволяет наиболее полно описать репертуар коммуникативных ролей, разыгрываемых участниками общения, и отражает суть прагмалингвистического моделирования дискурса — выявление того, как протекает общение.

Термин «индексальность» отражает важнейшие семиотические характеристики общения — наличие указательности, или дейксиса, как важнейшей привязки коммуникативного действия к его участникам (личные местоимения), месту и времени (здесь, там — сейчас, тогда), а также социальные индикаторы общения (выбор знаков восходящего либо нисходящего социального и ситуативного статуса, а также знаков групповой идентичности). Индексальные знаки пронизывают любое общение, являясь, по словам Дж. Гамперца, «ключами контекстуализации» (contextualization cues). Система способов обозначения и выражения социального и ситуативного неравенства в общении многообразно и вариативно представлена в языке [Карасик 1992].

Выделяя в качестве важнейшего конститутивного признака коммуникативного поведения коллективность, А. Дуранти обращает внимание на принципиально социальный, культурно обусловленный характер любого акта речи [Duranti 2002: 21]. Именно поэтому я счел возможным перевести термин «participation» — букв. «участие» — на русский язык в данном случае как «коллективность». Автор развивает в своей работе социологическую концепцию П. Бурдьё, который использует взятый из медицины термин «habitus — хабитус» (в медицине это — типичный внешний вид человека, страдающего определен-

ным заболеванием или предрасположенного к нему, опытный врач знает, как обычно выглядят такие люди). Хабитус, по П. Бурдьё, это — «*embodied history, internalized as a second nature and so forgotten as history, the active presence of the whole past of which it is the product*» [Bourdieu 1990: 56] — «персонифицированная история, интериоризованная как вторая натура человека и уже не осознаваемая в качестве истории, а являющаяся активным проявлением настоящего, суммирующего в себе все прошлое этого человека».

Таким образом, любой коммуникативный поступок, с точки зрения А. Дуранти, характеризуется самопрезентацией его участников, встроенностью в ситуацию общения и социально-культурной обусловленностью выбора способов общения. Самопрезентация участников общения включает контролируемую и неконтролируемую части. Человек стремится произвести определенное впечатление на партнеров по общению, в этом состоит суть важнейшей коммуникативной функции — функции взаимного воздействия участников коммуникации. Вместе с тем в любом моменте общения человек невольно сообщает о себе значимую информацию. Это касается важнейших статусных характеристик личности — принадлежность к данной либо иной лингвокультуре, гендер, возраст, образовательный ценз, групповая идентичность, а также ситуативных характеристик — степень взволнованности, серьезности, искренности и т. д. И. Гофман выделил два типа информации — намеренно и ненамеренно сообщаемые сведения (*information given and information given off*). Важно отметить, что степень самоконтроля коммуникантов в разных ситуациях общения обнаруживает существенную вариативность. Например, в разговоре с близкими людьми дома мы обычно ведем себя естественно и свободно, а в официальных ситуациях продумываем не только свои высказывания, но и вероятные реплики партнеров по общению. По свидетельству Светония, римский император Октавиан Август, готовясь к разговору о важных делах со своей женой Ливией, имел обыкновение заранее записывать вопросы, требующие обсуждения, и при разговоре держался этой записи, «чтобы случайно не сказать ей слишком мало или слишком много» [Федорова 2002: 75].

Демократизация общения в наши дни привела к тому, что спонтанная реакция, какой бы она ни была, часто получает одобрение окружающих. Во многих случаях имиджмейкеры советуют политикам изъясняться откровенно и иногда грубовато, чтобы произвести впечатление искренних людей. Аналогичным образом к журналистам попадают сведения, которые не должны были бы к ним попасть, но в результате специально организованной «утечки информации» становятся всеобщим достоянием. Следует отметить, что градус искренности различен не только у индивидуумов, но и разных лингвокультур. Известно, что

англичане не столь искренни, как французы, немцы или русские, однако в общении с японцами или китайцами британцы производят впечатление людей, говорящих то, что они чувствуют. Более значимым показателем искренности либо неискренности является принадлежность коммуникантов к определенному социальному кругу. Так, дипломаты должны демонстрировать взаимную симпатию к партнерам по общению, а артисты по определению должны быть откровенны и свободны в своих суждениях. Иначе говоря, любой коммуникативный поступок является культурно обусловленным. Разумеется, такая обусловленность касается не только искренности в общении.

Ситуативная встроенность общения вытекает из того, что коммуникативное поведение есть разновидность поведения как такового. Наше общение строится на основе знаковой достаточности. Нет смысла в обиходном разговоре использовать сложное дискурсивное образование, если вместо развернутого высказывания можно моментально выразить соответствующую реакцию с помощью мимики. Развернутый дискурс с выделением и детальным обозначением смысловых оттенков относится к сфере внутреннего мира человека и ненаблюдаемых сущностей. Эта идея в радикальном виде сформулирована К. Бюлером: «в языке есть лишь одно-единственное указательное поле, семантическое наполнение указательных слов привязано к воспринимаемым указательным средствам и не обходится без них или их эквивалентов» [Бюлер 1993: 75]. Ученый выделил наглядное указание, анафорическое указание (с отвлечением от ситуации) и указание как дейксис к воображаемому.

Естественное общение инкорпорировано в практику, и К. Бюлер удачно называет такое вербальное поведение эмпрактической речью. Этой речи противопоставлено креативное использование языка. Заслуживает внимания тезис К. Бюлера: «В принципе творец языкового произведения говорит иначе, чем практически действующий человек» [там же: 54]. Противопоставляются речевое действие, направленное на решение актуальной в данный момент жизненной задачи, и языковое произведение, которое стремится к освобождению от конкретных практических связей. Развивая эту мысль, подчеркну, что эмпрактический дискурс стандартен, человек в этом случае пользуется языком как вспомогательным материалом для решения практических задач, именно поэтому вербальные способы выражения мыслей и чувств являются в обиходном общении принципиально второстепенными. Креативный дискурс уникален, общение в креативном ключе сопряжено с напряженным поиском точных обозначений и описаний, это касается не только создания художественных или научных текстов, хотя процесс рождения таких текстов является прототипным для креативного дискурса в целом. Человек как социобиологическое существо

органически усваивает эмпрактический дискурс с детства для удовлетворения практических потребностей. Но было бы ошибочно считать, что креативный дискурс является неким дополнением к эмпрактическому. В основе креативного дискурса — переживаемое познание действительности. В детстве оно осуществляется в игровой форме. Социализация людей в семье и школе приводит к тому, что территория креативного дискурса в коммуникативной практике индивидуума последовательно сокращается: принято считать, что взрослые люди должны решать практические задачи, заботясь о хлебе насущном. Разновидностью креативного дискурса является юмор, карнавальное переверачивание обыденных представлений и норм. Эмпрактическое общение логично, креативный дискурс допускает отклонение от логики. Например: *«Аптека “Медуница”. Работает круглосуточно. Даже ночью»*. В этом объявлении сталкиваются два утверждения: «круглосуточно — значит днем и ночью» и «круглосуточно — это не всегда ночью». Второе утверждение алогично и вызывает улыбку.

Индексальность общения не сводится только к конкретизации коммуникативной ситуации в плане соответствия темы, участников и способов общения. Этот аспект прагматического описания языка соответствует референции языкового знака. Вернувшись к триаде А. Дуранти, можно констатировать, что перформативность, индексальность и коллективность соотносимы с аспектами личности, действительности и культуры в коммуникативном поведении. Вместе с тем индексальность общения представляет собой объективную характеристику всех компонентов коммуникативной ситуации. В этом плане можно построить типологию коммуникативных способов обозначения действительности в виде конкретных жестов, знаков личного и пространственно-временного дейксиса, эмпрактических стандартных сопроводительных фраз и креативных уникальных трансформаций языковых единиц.

Психологической основой индексальности общения является антиципация — «способность действовать и принимать те или иные решения с определенным временно-пространственным упреждением в отношении ожидаемых, будущих событий» [Азнабаева 1998: 104]. Этот термин был предложен Вильгельмом Вундтом и получил оригинальное развитие в теории установки Д. Н. Узнадзе [2004]. Л. А. Азнабаева разграничивает ситуативно обусловленную и тематически обусловленную антиципацию, в первом случае анализируются катарфорические связи в диалоге, во втором случае — типы тематического развертывания в тексте [Азнабаева 1998]. В любом акте общения есть элементы предсказуемого и непредсказуемого развития ситуации. В этом плане коммуникация может быть представлена в виде шкалы, на одном полюсе которой находится общение с высокой предсказуемостью эмоционального, тематического и фор-

мального развертывания, а на другом полюсе — общение с низкой предсказуемостью такого развертывания. Примером общения первого типа является ритуальный дискурс, примером общения второго типа — художественный дискурс. Повседневное общение занимает срединную позицию на этой шкале. Возможно построение типологии общения с учетом специфики той или иной лингвокультуры в плане предсказуемости коммуникативного поведения (с этим соотносится выделение высококонтекстных и низкоконтекстных культур) и типологии языковых личностей, склонных к преимущественно предсказуемому либо преимущественно непредсказуемому поведению. Предсказуемое поведение делает нашу жизнь стабильной, в ряде случаев непереносимо стабильной, непредсказуемое поведение вносит элемент свежести, игры в повседневную практику, но иногда граничит с аномальностью.

Индикаторами смыслов могут быть не только вербальные и невербальные языковые знаки. В различных видах искусства детально разработаны свойственные артистическому освоению действительности способы кодирования смыслов. Вербальный язык позволяет передать содержание такого осмысления мира. Приведу описание одной хореографической миниатюры.

На сцене стоит группа юношей и девушек, одетых в одинаковые спортивные костюмы, они образуют четкую прямоугольную структуру. Звучит громкая быстрая ритмичная музыка, все танцоры делают одинаковые запрограммированные движения, подобно роботам, на их лицах широкие улыбки. Вдруг на сцену поднимается юноша, который хочет присоединиться к этому танцу. Он пытается стать рядом то с одним, то с другим участником представления, но не попадает в такт, при этом танцоры наносят ему удары, не глядя на него. Юноша пытается уйти от этих ударов, но не выдерживает и падает. Некоторое время он лежит на полу неподвижно, но затем его тело начинает механически двигаться в ритме этой музыки, он поднимается, танцоры меняют структуру своих рядов, освобождая для него место. Он занимает свою позицию, легко делая те же движения, что и его соседи. На лице у него такая же улыбка.

Эта миниатюра представляет собой притчу об уничтожении человека бездушной социальной средой. Представленный текст дает приблизительное представление об этом художественно выраженном событии, однако тематика сообщения, его референтное содержание позволяют соотнести эту информацию с жизненным опытом читателя или слушателя и сделать соответствующие выводы. Детальная характеристика вербальных интерпретаций произведений изобразительного искусства приводится в монографии Е. А. Елиной [2002]. Автор анализирует интерпретационные тексты, написанные специалистами-искусствоведами, художниками, высказывающими отношение к своим картинам, автора-

ми литературно-художественных произведений и реципиентами-неспециалистами и делает выводы о существовании универсальных признаков соответствующих текстов (наличие «картинного образа», детализированное описание при акцентировании определенных центров изображения, толкование содержания и формы объекта, наличие идеологических установок в интерпретации) [Елина 2002: 188–189]. Эти признаки характеризуют произведение искусства с объективной и субъективной точек зрения. Индексальность в коммуникативном поведении представляет собой ориентацию на объективный мир.

Применительно к текстам индексальность проявляется как система взаимных отсылок, интертекстуальных связей, совокупность которых в значительной мере определяет специфику той или иной лингвокультуры. В этом плане показательны вторичные тексты. Представляет интерес классификация этих текстов в работе С. В. Ионовой [2006: 18], выделяющей четыре функциональных типа вторичных текстов: 1) тексты репродуктивного типа, их цель — воспроизведение семантической структуры текста-основы с разной степенью развернутости содержания (тексты подробного изложения, конспекты, рефераты, тексты краткого изложения, аннотации); 2) тексты интерпретативного типа, их цель — семантическое преобразование элементов текста в соответствии с позицией автора (толкование, комментарий, переложение); 3) тексты адаптирующего типа, их цель — приспособление речевого произведения к новым дискурсивным условиям его использования (научно-популярная статья, текстовая версия для детей); 4) тексты имитационного типа, их цель — воссоздание элементов флоры или содержания первичного текста при изменении его семантической структуры (подражания, пародии).

Коллективность как конститутивный признак коммуникативного поведения проявляется в том, что говорящий неизбежно встраивается в систему принятых в обществе способов картирования и оценки мира, т. е. в систему культуры. Это выражается в том, что для общения необходимо пользоваться конвенциональным языком, который известен другим членам общества, необходимо также знать о существующих в социуме взглядах на мир и правилах отношения между людьми. Эти знания в работах по прагмалингвистике называются семантическими и прагматическими пресуппозициями [Keenan 1971]. Для успешного ведения межкультурной коммуникации особенно значимы именно прагматические пресуппозиции. Вместе с тем нельзя не согласиться с Ю. Е. Прохоровым [2003: 14] в том, что «принадлежность к определенной культуре определяется именно наличием базового стереотипного ядра знаний, повторяющегося в процессе социализации индивидуума в данном обществе, и достаточно стереотипного (на уровне этнической культуры, а не личности) выбора элементов периферии».

Иначе говоря, система семантических пресуппозиций разного рода является важным признаком принадлежности говорящего к той или иной культуре. Подобно диагностическим ситуациям общения, позволяющим определить, является ли партнер по коммуникации своим или чужим, существуют аналогичные признаки в системе знания. Не случайно известный словарь культурной грамотности Эрика Хирша «The Dictionary of Cultural Literacy» имеет подзаголовок «What every American needs to know» — «Что должен знать каждый американец». По мнению составителя этого словаря, культурная грамотность не заменяет образования, составляя лишь один из его компонентов — «background knowledge», т. е. фоновые знания. Автор образно определяет это понятие: «Cultural literacy is the oxygen of social intercourse» [Hirsch 1988: 19] — «Культурная грамотность есть кислород социального взаимодействия». Идея наличия этнокультурного фонда знаний ни у кого возражений не вызывает, предметом дискуссий являются два вопроса: что входит в этот фонд и какова его структура.

Рассматривая коммуникативные помехи в общении, О. А. Леонтович выделяет класс культурологических факторов, препятствующих взаимопониманию: 1) различия менталитетов и национальных характеров, 2) расхождения в языковых картинах мира, включая восприятие времени и пространства, 3) коммуникативная асимметрия, 4) действие культурных стереотипов, 5) различие в ценностных ориентирах, 6) несовпадение культурно-языковых норм, 7) расхождение в пресуппозициях и фоновых знаниях, 8) культурно-языковые различия в приписываемых языковым единицам коннотациях, 9) неодинаковое восприятие юмора, 10) различия в коммуникативных стратегиях, 11) специфические формы и средства невербальной коммуникации, используемой в разных культурах [Леонтович 2005: 230–231]. Например, если американец говорит: «Let's have dinner together next week», то это не означает приглашения на обед, а выражает симпатию и желание дальнейшего взаимодействия. Аналогичным образом следует знать, что самые обыденные действия могут получать в определенной культуре дополнительный символический смысл: например, в Германии в первой половине XX века чай считался напитком высших слоев общества, а кофе пили простые люди, и поэтому фраза «Я выпью с тобой кофе» в одном из диалогов из романа Э. М. Ремарка «Три товарища» имеет смысл «Я готова отказаться от привычки людей моего социального круга» [Шамне 1999: 169].

Важной характеристикой общения является национальный коммуникативный стиль, который представляет собой «устойчивую совокупность коммуникативных представлений, правил и норм, опосредованных культурой как макроконтекстом коммуникации, проявляющихся в отборе языковых средств, организации смысла и национально маркированном коммуникативном поведении носи-

телей языка» [Куликова 2006: 5]. В качестве основных доминант немецкого национального коммуникативного стиля автор называет монокронность вербальных и невербальных действий, эксплицитность и прямоту речевого поведения, высокую долю вербальной составляющей в общении, личностную ориентированность («я»-центрированность) коммуникации, минимизацию неформального общения, заметный уровень речевой и тематической табуированности; стремление к пространственной и личностной приватности, эксплицитность невербальных сигналов, бытовую коммуникативную малоинициативность [там же: 7].

Дискурс как объект лингвистического изучения может рассматриваться с различных позиций и соответственно допускает выделение различных единиц. В структурной лингвистике сложилась традиция выделять абстрактные и конкретные единицы описания применительно к разным уровням языка, например, фонема и (алло)фон, морфема и (алло)морф. Можно было бы говорить о дискурсе, но, на мой взгляд, этот термин обладает в данном контексте малой объяснительной мощностью, иллюстрируя лишь то обстоятельство, что дискурс дискретен и допускает фрагментирование. Аналогичное критическое замечание можно высказать и по поводу терминов «бихевиорема» (Э. Оксаар) и «прагмема» (Дж. Мей), предложенных в качестве единиц поведения (англ. behaviour) и коммуникативного действия, рассматриваемого с позиций прагматики. Заслуживает внимания критический анализ концепций, посвященных структурированию дискурса [Макаров 2005]. Минимальной единицей дискурса многие ученые признают акт (речевой, интеракционный или коммуникативный), последовательность таких актов, продвигающих общение к достижению коммуникативных целей называется коммуникативным или интерактивным ходом, единицей более высокого порядка, выражающей коммуникативное взаимодействие, М. Л. Макаров предлагает считать обмен (exchange), который в ряде работ определяется как интерактивный блок, интеракция, элементарный цикл или диалогическое единство. Более сложное образование называется фазой речевого общения, или трансакцией (письменная трансакция соответствует абзацу), и, наконец, самым масштабным сегментом общения является речевое событие [Макаров 2005: 87–91].

Будучи явлением континуального порядка, дискурс, как и поведение в целом, допускает членение на условные дискретные единицы, подобные кадрам фильма. Для анализа дискурса в этом плане применимы понятия «дискурсивный акт» и «дискурсивная сцена», поскольку членение процесса на акты и сцены принято в драматургии, теория речевых актов детально разработана, и многие ее положения могут успешно применяться при моделировании дискурса. Различия между речевым и дискурсивным актами состоят в том, что в основу

выделения речевых актов положены интенции отправителя речи, в то время как дискурсивные акты выделяются на основании жанрового воплощения общения. Жанры строятся по правилам сюжетов. Иначе говоря, в основе жанра лежит цепочка событий (chain of events), по Н. Фезрклафу.

Выбор единицы дискурса в значительной мере зависит от аспекта изучения дискурса. Представляется весьма обоснованной многомерная модель коммуникации, предложенная И. Э. Клюкановым. Автор выделяет семь теоретических подходов к коммуникации: 1) риторический (акцентируется практическое искусство дискурса), 2) семиотический (на первый план выдвигается межсубъектное опосредование общения единым кодом), 3) феноменологический (подчеркивается столкновение субъекта с Другим, процесс непосредственного понимания, а не конструирования знаков), 4) кибернетический (моделируется механический обмен информацией), 5) социопсихологический (учитываются когнитивные, эмоциональные и поведенческие эффекты), 6) социокультурный (освещается процесс создания, поддержания и изменения норм и институтов общения, обусловленных обстоятельствами социума и культуры), 7) критический (выявляются манипулятивные стратегии и способы доминирования в общении) [Клюканов 2005: 58–61]. Мое понимание дискурса вписывается в социопсихологическую и социокультурную традиции его анализа, и в этом плане наиболее точным обозначением для единицы дискурса представляется термин «культурный скрипт», предложенный А. Вежбицкой: культурные скрипты — это «общеизвестные и обычно неоспариваемые мнения о том, что хорошо и что плохо и что можно и чего нельзя — мнения, которые отражаются в языке и поэтому представляют собой некоторые объективные факты, доступные научному изучению» [Вежбицка 2005: 467].

Сравнивая вербальные способы модификации поведения и эмоционально-психологического состояния собеседника в российской и американской коммуникативных культурах, К. М. Шилихина [1999: 19] обнаружила, что в американской культуре отсутствуют речевой акт призыва, поскольку для американцев не характерна ситуация модификации поведения большой группы людей, и речевой акт замечания в ситуации коррекции человека, поскольку в США это может расцениваться как нарушение суверенитета личности. Объяснение подобных расхождений является целью исследований этнокультурной специфики коммуникативного поведения, и культурные скрипты представляют собой своеобразную программу проявления национального своеобразия того или иного сообщества.

Понятие «скрипт» соотносится с понятием «концепт»: в первом случае нас интересует дискурсивная реализация ментального образования, его проявление в поведении, его алгоритм, во втором случае мы обращаем внимание на

фрагментированное переживаемое знание, ассоциативные связи этого ментального образования, его специфику в индивидуальном, групповом и этнокультурном сознании. В лингвистической литературе используется термин «сценарий», близкий по смыслу к термину «скрипт». Сценарий понимается как разновидность фрейма, фиксирующего события в виде смены кадров (например, свадьба). На мой взгляд, скрипт является более общим понятием по сравнению со сценарием, подобно тому, как концепт включает фреймовые характеристики, не сводясь к ним. Другим понятием, пересекающимся с понятием «скрипт», является «речеповеденческая тактика» [Верецагин, Костомаров 1999]. Такая тактика соотносится с социально значимой ситуацией: «Типичной речеповеденческой ситуацией можно назвать регулярно повторяющийся “фрагмент социальной жизни”: приветствие, просьбу, благодарность, призыв к откровенности, ритуал обсуждения цены при частной покупке, соболезнование, недовольство, плохое самочувствие, говорение комплиментов, демонстрацию дружелюбия (или враждебности), ухаживание, энтузиазм (или сдержанность) по поводу определенного предложения, приглашение, советование, запрещение (или разрешение) и т. д. Если придерживаться единого критерия при отграничении типичных ситуаций, то их список окажется исчислимым» [там же: 12].

Коммуникативная тактика представляет собой способ достижения коммуникативной цели в рамках коммуникативной стратегии: «если речевую стратегию понимать как совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего («глобального намерения», по ван Дейку), то речевой тактикой следует считать одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии» [Иссерс 1999: 109–110]. Е. В. Ключев [1998: 11] определяет коммуникативную тактику как «совокупность практических ходов в реальном процессе речевого взаимодействия». На мой взгляд, определения «практический» и «реальный» в этой дефиниции играют роль эмфазы, речь идет о противопоставлении коммуникативной стратегии и тактики как общего и частного действия. Иное понимание речевой тактики предлагают О. Я. Гойхман и Т. М. Надеина [2001: 208]: «Стратегия общения реализуется в речевых тактиках, под которыми понимаются речевые приемы, позволяющие достичь поставленных целей в конкретной ситуации». В этой дефиниции акцентируется идея выбора определенной линии поведения для достижения цели. Если речеповеденческую тактику трактовать как выбор одного из возможных вариантов поведения, то возникает вопрос: всегда есть ли у коммуникантов выбор в рамках данной лингвокультуры? Важнейшими характеристиками культурного скрипта являются действие по стандарту и обусловленность культурными нормами. В повседневном общении такое поведение автоматизировано.

Например, по правилам этикета (и здравого смысла), обращаясь к незнакомому человеку с просьбой сказать, где находится что-либо, следует поблагодарить этого человека и направиться в указанную сторону. Можно ли поступить иначе? Отклонение от стандартного поведения в этом случае может быть либо игрой, либо знаком асоциальности. Вариативность линий поведения в рамках речеповеденческой тактики вряд ли возможна для субъекта действия, но она вполне допустима для наблюдателя, т. е. для исследователя. Наблюдая за чьим-либо поведением в диагностирующей ситуации, например, в случае приглашения в гости, я могу сказать, что некто ведет себя в соответствии с нормами американской либо русской культуры. Известно, что в западноевропейских странах не принято снимать обувь, приходя в дом к кому-либо: такой жест может быть воспринят как знак неадекватного поведения либо как приверженность азиатскому стилю жизни. Нам обычно бывает неприятно, когда люди забывают, как нас зовут, но в русской лингвокультуре нет формульного речевого скрипта поведения в этой ситуации. На Кавказе же говорят: «Отдашь рубашку!» (перепутал имя — отдай рубашку, т. е. имя сравнивается с оболочкой человека). В наши дни эту формулу произносят с улыбкой. На мой взгляд, термин «культурный скрипт» предпочтительнее, чем термин «речеповеденческая тактика», поскольку тактика соотносится со стратегией, а скрипт соотносится с концептом.

Анализируя социальные нормы в дискурсивном выражении, С. А. Сухих [2004] использует понятие «коммуникативная схема» — система связанных в определенной последовательности интенциональных типов речевых действий, формирующих образцы языкового взаимодействия. Автор выделяет жесткие и мягкие коммуникативные схемы (ритуалы и речевые тактики). Отмечается, что ритуалы преобладают в инициальных и финальных фазах общения, в асимметричной институциональной коммуникации. В ином ключе эту проблему рассматривает О. А. Дмитриева [2007], выделяя жесткие, мягкие и нулевые прескриптивы как регуляторы коммуникативного поведения, первые проявляются как запреты на определенные поступки либо требования вести себя только определенным образом, вторые носят рекомендательный характер, а третьи касаются значимого отсутствия соответствующих социальных предписаний в одной из лингвокультур.

Этнокультурная специфика общения проявляется преимущественно в виде проявления речевых приоритетов, например, в виде усиления либо смягчения коммуникативного намерения говорящего [Поспелова 2001: 66].

Разработка лингвокультурной теории скриптов является перспективным направлением лингвокультурологии и теории дискурса. Можно выделить три стороны культурного скрипта: стереотипность, сценарность и прескриптивность.

Стереотипность скрипта проявляется как поведение по заданному образцу, сценарность — как алгоритмизация коммуникативного события, прескриптивность — как выбор определенных поведенческих ходов в соответствии с ценностями и нормами культуры.

Разновидностями скриптов являются формульные модели поведения в разных типах дискурса [Карасик 2004], например, ситуация экзамена в педагогическом дискурсе и свойственные ей речевые выражения («Можно взять другой билет?»), ситуация допроса в юридическом дискурсе («Ну что, будем дальше в молчанку играть?»), ситуация дискуссии в научном дискурсе («Допустим, что существует язык, в котором есть только один гласный звук»). Наиболее изучены скрипты этикетного поведения и демонстрации вежливости [Гольдин 1978; Ступин, Игнатьев 1980; Формановская 1982; Brown, Levinson 1987; Гурочкина, Давыдова 1990; Шамьенова 2000; Ларина 2003; Сюй Сяо Бо, Лысакова 2003; Тупикова 2003; Уманец 2004; Азнабаева 2005; Клименко 2005; Мосейко 2005; Карабань 2006].

Детально проанализированы характеристики повседневных речевых жанров: извинение [Ратмайр 2003], просьба [Егорова 1995; Зотеева 2001; Ярмаркина 2007], благодарность [Имас 2001], совет [Архипенкова 2006; Соловьева 2007], упрек [Давыдова 2003], осуждение и обвинение [Дубровская 2003; Соловьева 2005], жалоба [Емельянова 2004; Липко 2006], вербальная дуэль [Жельвис 2003], сочувствие [Казачкова 2006], клятва [Карабыков 2006], лесть и комплимент [Петелина 1986; Леонтьев 1999; Безменова 2001; Серебрякова 2002; Колегаева 2004], пожелание [Плешакова 1997; Коморова 2005], поздравление [Маринин 1996; Тарасенко 2007], угроза [Ерофеева 1997; Хохлова 2004; Мартынова 2006], высмеивание [Волкова 2005], проклятие [Глушак 2005], назидание [Авдосенко 2003], светская беседа [Фенина 2005], утешение [Ханский 2002], шутка [Щурина 1997], ссора [Седов 2007], разговор по душам [Дементьев 2007], флирт [Дементьев 2007]. Заслуживает внимания вышедшая под редакцией проф. К. Ф. Седова «Антология речевых жанров» [2007]. В этой книге обсуждаются теоретические вопросы генристики и приводятся материалы к энциклопедии речевых жанров. Интересны описания речевых жанров в словаре-справочнике «Эффективная коммуникация: история, теория, практика» [2005]. Л. Е. Тумина рассматривает речевые жанры «Автобиография», «Биография», «Литературная характеристика», «Басня», «Дневник», «Сказка», «Притча», «Притчи Соломона», «Евангельская притча», «Загадка», «Крылатые слова», «Поговорка», «Пословица», «Афоризм», «Изречение», «Каламбур», «Парадокс» [Тумина 2005: 619–674]. Несмотря на то что приведенные жанры разнородны, их описание полезно для построения моделей дискурса и его разновидностей.

Следует отметить, что система культурных норм в каждом социуме гармонична и логична. Сложности возникают только при наложении разных систем. Например, есть два полярных понимания норм гостеприимства: в первом случае гость воспринимается как человек, которому нужно оказывать уважение, которого нужно угощать, по возможности выполнять все его желания, которому нельзя задавать вопросы о его планах и т. д., во втором случае гостю показывают, что он является членом семьи со всеми вытекающими последствиями (встал утром — бери метлу и подметаай двор). Эти нормы в известной мере соответствуют негативной и позитивной вежливости в трактовке [Brown, Levinson 1987]. Аналогичным образом различается благодарность в разных лингвокультурах. В России с иронией относятся к этикетной фразе «Thank you», которая в англоязычной коммуникативной практике используется не только в качестве знака благодарности, но и в упреждающем плане при просьбе либо оповещении. Такое употребление, впрочем, все чаще встречается в современной официальной Интернет-переписке на русском языке: «*Прошу прислать мне отчет о научно-исследовательской работе в 2006 г. Спасибо*». Этот факт свидетельствует о проникновении стереотипов англоязычного общения в нашу культуру. В калмыцкой традиционной культуре благодарность вообще не принята в обиходном общении. Считается, что доброе дело является естественным и само собой разумеющимся поступком, и вербально выраженная благодарность расценивается как выражение предположения о том, что адресат мог бы вести себя иначе. Такое предположение оскорбительно. Аналогичным образом для нас оскорбительно напоминание об оказанном нам благодеянии: это значит, что доброе дело было совершено не от чистого сердца, а как инвестиция для получения выгоды в дальнейшем.

Рассматривая культурные скрипты, мы обращаем внимание на определенные ситуации, являющиеся диагностирующими для выявления этнокультурной специфики коммуникативного поведения. Одна из таких ситуаций — застолье. Л. В. Береснева [2005: 96] полагает, что «ситуация застолья — это своеобразный культурный стержень, который отражает самосознание нации». Возможно поэтому гастрономический (глуттонический), дискурс привлекает к себе внимание исследователей [Миронова 2003; Гулинов 2004; Олянич 2004; Ма Яньли 2005].

Наиболее ярко проявляются расхождения в культурных нормах, свойственных разным социальным группам, при общении представителей этих групп между собой. В языках, различающих единственное и множественное число в местоимениях второго лица при обращении к индивиду, нарушение норм («ты» вместо «Вы») может привести к культурному шоку. Значимой является и последовательность этикетных формул. Приведу пример из классического текста:

Вдруг шум в передней. Входят. Кто же?
 «Наташа, здравствуй». — «Ах, мой боже!
 Граф, вот мой муж. Душа моя,
 Граф Нулин». — «Рад сердечно я.
 Какая скверная погода!»

А. С. Пушкин. Граф Нулин

Приехавший с охоты барин здоровается с женой и приветствует гостя только после того, как этого гостя ему представили. Хозяйка представляет гостю мужа, а затем мужу гостя в соответствии с нормами этикета, согласно которому статус гостя выше, чем статус хозяина. Хозяин произносит этикетную формулу, соответствующую фразе «Рад познакомиться», и сразу же говорит о погоде — универсальный этикетный ход, когда говорить не о чем, а разговор поддержать нужно.

В некоторых этнокультурах в жанре просьбы принято акцентировать знаки солидарности: «Прошу тебя как друга (отца, брата, сестру)». Моя коллега рассказала мне, что в самом начале работы на кафедре ей довелось принимать зачет у студентки-заочницы, которая была старше по возрасту, чем преподаватель. Эта студентка не могла ответить на вопросы и обратилась к экзаменатору с просьбой: «*Прошу тебя как сестру, поставь мне зачет!*». Этот коммуникативный акт оказался неудачным. Причиной этой неудачи явилось резкое несовпадение коммуникативных норм, принятых в тех этнокультурах, к которым принадлежали студентка и преподаватель.

Таким образом, множество подходов к пониманию дискурса можно свести к его ситуативно-ориентированному осмыслению — общение посредством текста, при этом акцентируются параметры общения, и субъектно-ориентированному осмыслению — позиционирование в процессе общения. В первом случае мы обращаем внимание на прагматингвистические характеристики дискурса, из которой важнейшей является коммуникативная тональность (**как** осуществляется общение), во втором случае на первый план выходят социолингвистические характеристики дискурса (**кто** осуществляет общение). Участвуя в дискурсе, человек пользуется сложившейся в языке системой речевых жанров и тем самым проявляет себя как коммуникативную личность. Любое коммуникативное действие инкорпорировано в ситуацию и обусловлено культурой. Презентационное моделирование дискурса, основанное на драматургической теории социального действия, дает возможность охарактеризовать как коммуникативную личность, проявляющуюся в общении, так и систему концептов, определяющих коммуникативное поведение людей.

3.4. Перформативные характеристики дискурса

Известный тезис Дж. Остина о противопоставлении двух типов высказываний — перформативных и неперформативных [Остин 1986: 27] — породил мощное направление в прагмалингвистике — теорию речевых актов. Суть этого противопоставления сводится к тому, что нечто признается либо не признается фактом. Фактичность как атрибут бытия соответствует логическому и филологическому понятию «диктум». Диктум как констатация объективного положения дел всегда предполагает наличие человеческого отношения к этому положению дел, такое отношение — «модус» — может быть акцентированным либо неакцентированным, но нет диктума без модуса, как и нет модуса без диктума (можно сказать, впрочем, что «чистый диктум» есть внечеловеческое объективное состояние дел, потенциальная пропозиция, а «чистый модус» — это внепредметное эмоциональное самовыражение; эти экстремальные позиции могут выделяться лишь условно). Факт есть объективное состояние дел, но в меняющемся мире нечто может становиться фактом и переставать быть фактом. Перформативное высказывание фиксирует точку становления в нашем сознании нового факта. Например: *«На основании защиты диссертации диссертационный совет присуждает Кочкину Михаилу Юрьевичу ученую степень кандидата филологических наук по специальности “теория языка”»*.

Теория речевых актов привлекла к себе внимание многих исследователей. Показательно, что в фокусе исследовательского интереса всегда оказывались не диктумные, а модусные характеристики тех высказываний, которые можно было рассмотреть с учетом типичных речевых ситуаций: условия общения, интенции коммуникантов, эмоциональные состояния участников общения, правила интерпретации, вариативность способов, жанровая специфика. Наряду с горячими сторонниками и разработчиками этой теории появилось и немало ее противников. Аргументация против этой теории сводится к тезисам о ее схематичности и ригидности (в реальном общении «чистые» речевые акты составляют исключение, а не правило, живое общение лабильно, спонтанно и зависит от множества ежесекундно меняющихся и не всегда предсказуемых обстоятельств, не следует выдавать частные случаи за общие правила, например, вопросы на допросе вовсе не иллюстрируют богатства всех типов вопросов). Признавая определенную правоту противников теории речевых актов, следует отметить, что потенциал этой теории еще не исчерпан. Можно выделить несколько основных направлений развития теории речевых актов.

Первое и наиболее разработанное направление теории речевых актов является движением в сторону построения целостной коммуникативной теории успеш-

ного высказывания. Постулаты общения П. Грайса и других исследователей органически входят в модель успешного высказывания, в его иллокутивный компонент. Для ученых, разрабатывающих речевой акт (речевое действие) с общих прагмалингвистических позиций, наиболее важным является вопрос о коммуникативной ситуации, т. е. об обстоятельствах реального общения, включающих, прежде всего, характеристики коммуникантов. Здесь смыкаются интересы исследователей, которые позиционируют себя в прагмалингвистике и социалингвистике (точнее — микросоциалингвистике). В центре внимания этих специалистов находится минимальный контекст, дающий возможность вычленивать и охарактеризовать то или иное речевое действие. В качестве примеров обычно приводятся сравнительно простые коммуникативные поступки — просьбы, комплименты, извинения, поздравления, обещания и др. [Hymes 1977; Ballmer, Brennenstuhl 1981; Сёрль 1986; Романов 1988; Карасик 1992; Еремеев 2001; Антонова 2004; Миляева 2004]. Детально описывается пошаговая структура того или иного речевого акта.

Второе направление развития теории речевых актов представляет собой дрейф этой теории в сторону теории жанров речи. Опираясь на классические тезисы М. М. Бахтина о противопоставлении первичных и вторичных речевых жанров и развиваясь в направлении интеракционального понимания общения (от модели кодового обмена информацией — к модели инференционной, предполагающей наличие выводимого знания, и далее — к модели интеракционной, суть которой состоит во взаимосвязанном диалоге участников общения), сторонники такого понимания речевых действий фокусируют свое внимание на более сложных коммуникативных поступках, таких, как, например, разговор по душам или проработка провинившегося на общем собрании коллектива [Дементьев 2000; Макаров 2003].

Третье направление развития теории речевых актов можно определить как коммуникативистское или неориторическое в том смысле, что исследователи сосредоточивают свой научный интерес на выявлении способов оказания влияния на адресата в процессе общения применительно к типовым ситуациям и, следовательно, к типовым речевым актам [Мечковская 1996; Кашкин 2000; Бокмельдер 2000; Стернин 2001]. И. А. Стернин предлагает многоаспектную типологию видов общения, противопоставляя его по теме (политическое, научное, религиозное и др.), по цели (деловое и развлекательное), по степени официальности (официальное и неофициальное), по форме общения (закрытое, открытое, смешанное), по свободе выбора партнера (инициативное и принудительное), по степени проявления личности (обезличенное и личностное), по продолжительности (кратковременное и длительное, периодическое и постоян-

ное), по соотношению формы и содержания (прямое и косвенное) [Стернин 2001: 11–25]. С определенными оговорками сюда же можно отнести анализ аргументативных стратегий речи.

Четвертое направление развития теории речевых актов можно выделить на основе признака перформативности. Вспомнив персонажей романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», доказывающих свое право быть истинными детьми лейтенанта Шмидта с помощью знаменитой фразы «А ты кто такой?» (подразумевается продолжение «чтобы вести себя таким образом»), поставим во главу угла при определении перформативности право говорящего делать нечто свершившимся фактом. Наш тезис сводится к тому, что целесообразно выделять не только перформативные и неперформативные высказывания, но и аналогичные типы дискурса.

Для определения перформативности необходимо вернуться к лингвистически релевантному определению факта. В общепринятом понимании, по данным словарной дефиниции в современном толковом словаре русского языка, факт — *истинное событие, реальное происшествие или явление* [БТС]. В Оксфордском словаре выделяются более дробные характеристики этого феномена: 1) *a thing that is known to have occurred, to exist, or to be true*; 2) *a datum of experience (often foll. by an explanatory clause or phrase: the fact that fire burns; the fact of my having seen them)*; 3) *(usu. in pl.) an item of verified information; a piece of evidence*; 4) *truth, reality*; 5) *a thing assumed as the basis for argument or inference* [COD].

Выделяются следующие характеристики факта: нечто имевшее место, истинное; экспериментально полученные данные; достоверная информация; истина; основание для аргументации. Факт, таким образом, имеет следующие атрибуты: действительный, истинный, достоверный, самоочевидный, подтверждаемый либо фальсифицируемый. Разграничивая события и факты, Н. Д. Арутюнова пишет о том, что события представляют собой реалии, а факты — суждения о реалиях. Квалифицируя что-либо как факты, мы различаем вещи по признакам реальности/гипотетичности, верифицируемости/неверифицируемости, истинности/ложности, утвердительности/отрицательности [Арутюнова 1999: 405]. С. Х. Ляпин, рассматривая факт с позиций философской концептологии, дифференцирует следующие ипостаси факта: 1) фактуальность — родовое понятие для всего фактического, субстрат фактов любого вида; 2) фактум — состояние фактуальности, заполняемое фактами, нейтральными по отношению к принципиальным вопросам какой-либо сферы деятельности; 3) фактицитет (термин М. Хайдеггера) — состояние фактуальности, которое заполняется фактами, остающимися за порогом текущего восприятия человека, но <...> определяющими обобщенно-смысловую организацию бытия; 4) фактаурис — состояние фак-

туальности, которое заполняется фактами, входящими в актуальную детерминацию человеческой деятельности [Ляпин 1997: 7–10]. Если мы сопоставим эти дистинкции с принятыми в лингвистике характеристиками значения и смысла, то можно сказать, что фактум соответствует тому, что обычно понимается под пресуппозицией высказывания, т. е. это подразумеваемая базовая информация о мире, о человеке, о языке, разделяемая участниками общения; фактитет можно осмыслить как ценностные доминанты этой базовой информации, определяющие все поведение человека, причем, обычно неосознаваемые участниками общения (эти характеристики общения обычно более всего интересуют культурологов и специалистов по межкультурной коммуникации); фактаурис же — это актуальный осознаваемый смысл, контекстуально и ситуативно определенный и находящийся в фокусе внимания участников общения.

Итак, определяя факт, мы констатируем его противопоставленность реальности, с одной стороны, и его принципиальную двойственность (модусно-диктумное строение), с другой стороны. Диктальный компонент факта, в свою очередь, членится на фоновый и актуальный субкомпоненты (они соотносимы с темой и ремой высказывания). Наконец, фоновый субкомпонент диктума распадается на ценностно-нейтральный и ценностно-маркированный субкомпоненты. В этой дихотомической схеме факт раскрывается как результат осмысления реальности, как оценочно-кваликативное действие, как фокусировка на актуальных моментах действительности и как феномен культуры, обусловленный ее ценностями. Нельзя не отметить наличие несомненной связи между модусной составляющей факта и его глубинным ценностно-маркированным субкомпонентом диктума.

Перформативный дискурс противопоставляется неперформативному дискурсу по признаку «факт – фикция». Соответственно, общение, содержанием которого является заведомо неверифицируемая и не принимаемая на веру информация, следует признать фикциональным. В этом плане признак перформативности соотносится с признаком информативности, так же, как и признак описательности (перформативам противопоставляются дескриптивы) соотносится с признаком фасцинативности. Разумеется, перформативность может быть кажущейся. Наряду с фактами существуют фактоиды (как бы факты). В массово-информационном дискурсе сложился даже специфический жанр опровержения ранее изложенной информации: *«Редакция газеты приносит извинения в связи с публикацией недостаточно проверенной информации в статье такой-то от такого-то числа»*. Аналогичным образом дезавуируется высказывание должностного лица: *«Представитель правительства заявил, что высказанное в интервью радиостанции “Эхо Москвы” мнение заместителя министра NN о*

необходимости ужесточить контроль за выпускными экзаменами в негосударственных учебных заведениях в этом году является его личной точкой зрения и не отражает позиции правительства по этому вопросу». В приведенных примерах иллюстрируется двойной рассогласованный перформативный дискурс.

Действия в различных сферах общения весьма различны в плане осознания их фактуальности. Так, для религиозного дискурса молитва является перформативом и вряд ли может рассматриваться как действие в рамках научного дискурса. Исторический факт в его вербальном дискурсивном проявлении является перформативом, даже если текстуальное выражение того или иного поступка обнаруживает большую вариативность. Классическим примером здесь является фраза наполеоновского генерала *«Гвардия умирает, но не сдается!»*, хотя в ответ на предложение капитулировать этот герой ответил грубым солдатским ругательством. Граница между историческим фактом и легендой весьма размыта, и перформатив как тип текста заполняет этот разрыв. Примером может служить следующий текст.

Известно, что римский император Калигула приказал считать своего коня сенатором. Сенаторы смирились с этим позором, но один из них сказал следующее: «Ты правильно поступил, великий император! Но ты остановился на полпути. Теперь ты должен возложить свой венец на голову этого благородного животного, потому что оно во всех отношениях выше тебя!». После этих слов сенатор был немедленно убит.

Этот текст является перформативом, поскольку сообщает о факте или якобы факте, связанном с достоверно известным фактом введения коня в сенат, и устанавливает нормы поведения, которые должны служить образцом мужества и чести.

Одним из важнейших признаков перформативности является отнесенность речи к настоящему моменту. Этот показатель является системообразующим для выделения перформативных высказываний: *От имени Президента Российской Федерации награждаю Вас медалью «За отвагу на пожаре»*. Перформативность применительно к дискурсу предполагает более широкое понимание настоящего момента. Важно то, что некая информация релевантна. При этом содержание высказывания может относиться как к настоящему, так к прошлому и будущему. Например, *На основании археологических данных удалось установить, что врачи в древней Индии успешно делали трепанацию черепа*. Информация в газете либо в научном журнале на эту тему является перформативным дискурсом, поскольку затрагивает жизненно важные ориентиры поведения и ценностную картину мира людей. Мы считали, что столь сложные операции люди научились делать только недавно, а оказывается, что уровень медицины в древнем мире был очень высоким.

Информационные сообщения в газетах, журналах, электронных выпусках телевизионных программ и компьютерной сети являются одним из прототипных жанров перформативного дискурса. Актуальность информации связана с двумя ориентирами сообщаемого факта: новость должна быть релевантной для людей и должна соотноситься с их культурной доминантой поведения. Например, информация о том, что сын бывшего премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер признался в своей причастности к организации государственного переворота в одной из африканских стран, представляет собой перформативный текст, поскольку привлекает внимание многих адресатов и подразумевает выводные знания о нанесении ущерба имиджу известного политика. Газета не опубликует новость о том, что NN потерял паспорт и повесил объявление на столбах с просьбой вернуть его за определенное вознаграждение, если этот NN не будет известной личностью или обстоятельства этого происшествия не будут чрезвычайными (например, вознаграждение будет очень высоким).

В отличие от перформативного высказывания перформативный дискурс характеризуется признаком протокольности. Например, процедура сдачи экзамена является действием, в результате которого меняются статусные характеристики студента. Интересно, что в рамках перформативного дискурса (если мы будем рассматривать ситуацию экзамена) могут иметь место и принципиально неперформативные высказывания, но они не являются системообразующими для дискурса в целом. Например:

Студентка: Первый вопрос: Системные связи слов. В последнее время ученые уделяют большое внимание системным связям слов. Эти связи имеют большое значение. Их необходимо анализировать.

Преподаватель: Вы не волнуйтесь.

Студентка: Как я уже говорила, существуют системные связи слов. Слова связаны друг с другом. Очень важно понимать системные связи слов в языке.

Преподаватель: Может быть, Вы еще немного посидите и подготовитесь?

В этом диалоге разворачивается перформативный дискурс (неудачный для студентки), но только одна фраза преподавателя, предлагающего студентке еще раз обдумать свой ответ, может быть квалифицирована как действие.

В какой мере признак перформативности связан с признаком официальности общения? Можно сказать, что официальное общение почти всегда перформативно, но действием может быть и неофициальное общение. Например, объяснение в любви или сообщение о релевантном событии (*«Мама, ты не нервничай, я опять завалил этот экзамен, меня отчисляют»*).

Юридический дискурс в силу его предназначения является перформативным. Можно говорить о степени институциональности применительно к ситуа-

ции судебного заседания: речь адвоката в большей мере содержит личностно маркированные коммуникативные поступки, протокольные фразы судьи в максимальной мере дистанцированы от его личностного отношения к подсудимому и аудитории.

Особую значимость имеет анализ перформативов в юрислингвистике — новой области на стыке языкознания и юриспруденции в связи с необходимостью давать экспертное заключение в тех случаях, когда имеют место высказывания, допускающие интерпретацию, которая наносит ущерб личности либо группе лиц. Таковы, например, тексты, в которых содержатся этнические оскорбления (статья уголовного кодекса о разжигании национальной розни). Истец настаивает в таких случаях на признании текста оскорблением, а ответчик пытается доказать, что никакой интенции ущемить права кого-либо не было. Осенью 2004 г. в Волгограде один из кандидатов на должность губернатора выступил под девизом *«Волгоградская область — не Кавказ!»*. Представители нескольких землячеств обратились в суд с заявлением, в котором говорилось, что этот девиз подразумевает призыв к депортации граждан, являющихся представителями коренных народов Кавказа, из Волгоградской области. Политик, который баллотировался на официальную должность под упомянутым лозунгом, отвечал, что его высказывание поняли неверно, что он настаивает на проведении взвешенной миграционной политики, а фразу, из-за которой разгорелся конфликт, следует понимать сугубо в буквальном смысле, так же, например, как *«Земля — не Луна»*. В качестве перформативного текста высказывание *«Волгоградская область — не Кавказ!»* допускает только одну интерпретацию: Нельзя увеличивать количество мигрантов с Кавказа в нашей области. Если бы можно было сравнить эту фразу с условным высказыванием *«Волгоградская область — не Крым!»*, то пресуппозитивный фонд наших общих знаний позволил бы нам в нынешней ситуации проинтерпретировать этот текст, возможно, так: у нас более суровая погода, у нас — не курорт (такую же интерпретацию, кстати, могло получить и высказывание, вызвавшее протест национальных землячеств, лет тридцать тому назад). В этом плане тезис С. Х. Ляпина о том, что необходимой составной частью факта является его актуальность для участников общения, подтверждается в полной мере.

Весьма интересным примером перформативности являются девизы на монетах. На монетах республиканской Франции уже несколько веков выбит девиз революции: *Liberté, Égalité, Fraternité* — Свобода, Равенство, Братство. Когда немецкие фашисты оккупировали Францию и установили в этой стране марионеточный коллаборационистский режим, в 1942–1944 гг. были выпущены новые деньги, на которых появился новый девиз: *Travail, Famille, Patrie* — Работа,

Семья, Родина. Взятые вне контекста, слова нового девиза имеют положительный смысл, но в условиях оккупации они воспринимались в контрасте с прежним девизом и должны были интерпретироваться, по всей видимости, следующим образом: следует жить земными заботами, больше работать, чтобы содержать семью, а не разглагольствовать о своих правах и абстрактных ценностях. Этот факт заслуживает, вероятно, более подробной интерпретации. Мы видим, что символическая горизонталь концептов, сориентированных на высшие ценности, сменилась четкой вертикалью, где на первом месте находится работа (здесь не хватает только концепта «Порядок»), чтобы смена ориентиров была абсолютно очевидной, но можно предположить, что оккупанты понимали: немецкий концепт *Ordnung* совсем не соответствует французскому *Ordre*). Изменилось и название страны, вместо Французской республики страна официально называлась Государство Франция. Когда генерал де Голль возглавил восстание, поддержанное антигитлеровской коалицией, в 1944 г. была выпущена монета, на которой вновь появились слова «Свобода, Равенство, Братство», а на лицевой стороне монеты в обрамлении венка было отчеканено слово *France* без определения. Это название было противопоставлено чужому порядку в виде марионеточного государства. Девиз Французской революции красуется и на современных монетах Франции, хотя там циркулируют сегодня не франки и сантимы, а евро и евроценты.

Существуют градуальные ступени перформативности, которые можно проиллюстрировать речевым действием «совет». В течение ряда лет в газете «The Times» известный британский журналист Дж. Морган вел рубрику «The A and Z of Manners» — «Манеры от А до Я». Читатели посылали ему множество конкретных вопросов о том, как следует вести себя в ситуациях, связанных с возможной потерей лица. Этикет, как известно, предлагает людям оптимальный выход в таких ситуациях. В ряде случаев журналист переводил ответ в шутку, но достаточно часто давал однозначный категоричный совет. Например:

Wedding

Q: I have to give my first best man's speech. The groom is one of my closest friends and I do not want to muck it up. I am not sure how to go about it and am very nervous at the prospect. Could you give me some advice?

A: Winston Churchill said that «the head cannot take in more than the seat can endure», sensible advice that will guide you on the length of time that you speak. I would caution you against making it in any way smutty: such a technique normally embarrasses more than it entertains. However, do try to be as amusing as possible. I once attended a wedding at which the best man's speech was conducted entirely in rhyme, much to the delight of all present.

Buckingham Palace

Q: What is the dress code for women when attending a garden party at Buckingham Palace, apart from the obligatory hat? As the present weather is so cold, I would prefer to wear a trouser suit. Is this acceptable?

A: Despite the fact that the Queen wishes her guests to be comfortable and not to spend unnecessary money on their appearance, trouser suits are not encouraged. For this reason, leave your no doubt incredibly chic trouser look at home this time, and instead don a summer dress or suit, both of which are more appropriate to a formal daytime occasion.

В первом случае молодой человек интересуется, каким образом лучше построить свою речь в качестве шафера на свадьбе. Джон Морган советует быть лаконичным, приводя шутливое высказывание Черчилля «В голову взять можно не больше, чем удастся высидеть», и далее рекомендует избежать любой скабрёзности и постараться позабавить гостей.

Во втором случае читательница спрашивает, уместно ли ей явиться на летний прием к королеве в саду Букингэмского дворца в брючном костюме. Знатор этикета однозначно определяет приемлемый стиль одежды: только летнее платье либо дамский костюм.

Итак, перформативность представляет собой аспект коммуникации, она организует факты в сознании носителей языка в соответствии с культурными доминантами, определяющими ценностную картину мира определенного этнокультурного и социокультурного сообщества, с одной стороны, и в соответствии с актуальными смыслами реального общения, с другой стороны. Перформативность как смысловое образование имеет полевое строение, в центре такого поля находятся перформативные высказывания, но помимо таких высказываний можно выделить разновидности перформативных жанров применительно к разным типам дискурса.

3.5. Тональные характеристики дискурса

В научной литературе тональность определяется как психологическая окраска речи, которая может быть торжественной, нейтральной, нейтрально-обиходной и вульгарной [Тарасов 1974], как вид субъективной модальности, которая отражает отношение говорящего к тексту, к реципиенту и к самому себе и влияет на формирование смысла текста в следующих разновидностях: «официально», «серьезно», «шутливо», «восторженно», «дружелюбно», «враждебно», «саркастически», «недоверчиво», «безразлично», «пессимистически», «осторожно», «мечтательно», «с грустью», «пренебрежительно», «надменно», «агрессивно»,

«с отвращением», «настойчиво», «с завистью», «удивленно», «взволнованно», «хвастливо», «тревогой», «раздраженно», «с обидой», «отрешенно», «радостно», «притворно», «задумчиво», «решительно», «вызывающе», «таинственно», «грубо», «испуганно», «вежливо», «ласково» [Багдасарян 2000: 4, 16–17]; как выражение эмоционального настроя в тексте [Хабибрахманова 2004: 181]. Приведенные определения и характеристики тональности свидетельствуют о двояком понимании этого феномена: с одной стороны, это эмоциональное отношение к действительности, с другой стороны, это оформление речи в определенном стилевом регистре. Приведенные определения не противоречат друг другу и дают нам основания считать, что коммуникативная тональность — это эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения. Коммуникативная тональность является культурно-обусловленной и соотносится с принятыми в обществе типами дискурса. Тональность соотносима с тембром звучащего текста, в этом плане заслуживает внимания вывод М. В. Вербицкой [2000: 22] о пяти видах тембральной окраски произведений английской литературы XIX–XX веков: тембр нейтрального повествования, лирический, драматический, патетический, иронический.

Понимание представляет собой сложный процесс соотнесения имеющегося и нового знания. Этот процесс не строится на пустом месте. Для человека новое есть всегда относительно новое, в большей или меньшей степени соответствующее осознанному или подсознательному ожиданию. Такое ожидание, трактуемое как установка, достаточно детально изучено в психологии. Известный советский психолог Д. Н. Узнадзе в 1930–1940 годах сформулировал и обосновал тезис о том, «что поведению предшествует состояние субъекта, в котором заранее определен общий характер этого поведения, его соответствие объективным обстоятельствам. ... Иными словами, до того, как живое существо обратится к осуществлению определенного поведения, это поведение задано в нем в виде установки» [Узнадзе 2004: 73]. Простая двучленная схема «среда – поведение» либо «энтелехия (присущая организму целеполагающая сила) – поведение» заменяется трехчленной: «среда – установка – поведение». Отмечу, что эта идея опосредованности понимания и любой человеческой активности получила широкое распространение в современной биологической теории человеческого понимания: «Живая система на любом уровне организована так, чтобы порождать внутренние регулярности» [Матурана, Варела 2001: 205].

Готовность участников общения гибко перенастраиваться в процессе коммуникации не противоречит их упреждающей настроенности на получение той или иной информации. В этом плане процесс общения представляет собой дина-

мическое смысловое пространство, которое можно смоделировать с помощью шкалы интерпретативной свободы. Существуют ситуации, которые мы воспринимаем только однозначно (например, крик о помощи) и ситуации, которые принципиально не допускают однозначного толкования (мягкие структуры, по В. В. Налимову [1979]). Между этими крайними точками проявляется широкий спектр коммуникативных ситуаций, сужающих либо расширяющих интерпретативную свободу. Естественный язык построен на ассоциативной связи знака с полем смысловых значений, и это предполагает активную деятельность адресата по осмыслению полученной информации. Эта мысль четко сформулирована В. В. Дементьевым [2006: 13]: «Итоговый смысл высказывания выводится именно адресатом». Общение представляет собой свободно развивающийся процесс в ситуации ежесекундно меняющихся обстоятельств, эмоциональных реакций и мотивов. Признавая некоторую степень непредсказуемости в естественном общении, тем не менее, можно предположить, что существует определенная иерархия возможных реакций на то или иное коммуникативное действие. Более того, можно построить типологию общения на основании степени предсказуемости перлокутивного эффекта применительно к той или иной ситуации общения (или в снятом виде — применительно к тому или иному тексту).

В данной работе рассматривается одна из характеристик установки в общении — тональность восприятия, готовность понимать информацию в заранее заданном формате. Например, все, что мы воспринимаем в конкретной коммуникативной ситуации, мы трактуем как обычную информацию, либо как пустой разговор, либо как шутку, либо как произведение искусства, либо как идеологически нагруженные сведения, либо как эзотерическое послание и т. д. Тональность восприятия и понимания текста обеспечивает нам единство интерпретации: «целостная интерпретация выполнена в одной тональности» [Демьянков 1989: 140]. В устном общении готовность воспринимать сказанное в том или ином формате обусловлена обстоятельствами, нашими пресуппозициями о мире и эмпатической настроенностью на коммуникативного партнера.

Типология коммуникативной тональности может строиться на разных основаниях, из которых ведущими являются следующие: 1) одноплановость/многоплановость смыслов, 2) заданность/открытость смыслов, 3) серьезность/несерьезность общения, 4) кооперативность/конфликтность общения, 5) приоритет содержания/формы общения, 6) конкретность/отвлеченность тематики.

Можно выделить следующие типы коммуникативной тональности:

1) информативная тональность — серьезное нейтрально-эмоциональное общение, целью которого является взаимное либо одностороннее информирование и реакция на него;

2) фатическая тональность — вариативное динамичное общение, целью которого является обеспечение комфортного диалога;

3) статусная тональность — вариативное общение, целью которого является взаимное позиционирование коммуникантов;

4) шутливая тональность — несерьезное сниженное эмоциональное общение, целью которого является сокращение дистанции между коммуникантами;

5) торжественная тональность — ритуально-возвышенное общение, целью которого является подтверждение коллективной идентичности;

6) идеологическая тональность — серьезное общение с жестко заданными установками, целью которого является определение принадлежности партнера к своим либо чужим;

7) фасцинативная тональность — серьезное эстетическое общение, сориентированное на форму речевого поведения, целью которого является получение удовольствия;

8) гипотетическая тональность — серьезное общение, сориентированное на обсуждение отвлеченных тем, целью которого является поиск истины;

9) агрессивная тональность — сниженное эмоциональное общение, целью которого является подавление партнера;

10) эзотерическая тональность — экзальтированное общение, направленное на поиск тайных знаков, целью которого является получение сакрального знания;

11) манипулятивная тональность — общение, сориентированное на заблуждение партнера (во вред либо во благо), целью которого является выполнение либо значимое невыполнение партнером того или иного действия по воле адресанта;

12) менторская тональность — серьезное общение, направленное на жесткий контроль поведения партнера с опорой на авторитет знаний и традиций, его целью является демонстрация своего превосходства.

Список можно продолжить. Коммуникативная тональность в том или ином ее типе (ключе) специфически проявляется в личностно-ориентированном (бытовом и бытийном) и статусно-ориентированном дискурсе [Карасик 2004]. Приведем примеры некоторых типов коммуникативной тональности применительно к бытовому личностно-ориентированному дискурсу.

Если школьник говорит родителям: *«Мне сегодня по географии пару поставили»*, то родители в типичной ситуации общения понимают следующее:

1) произошло неприятное событие, 2) это событие носит частный характер, 3) сын доверяет родителям и рассчитывает на их понимание, 4) сын предполагает, что родители будут огорчены, 5) сын ожидает, что родители захотят знать,

как и почему это произошло, 6) сын знает, что родители считают его способным и ответственным человеком. Мальчик может сообщить об этом с сожалением либо с беспечностью. В первом случае это может быть действительное огорчение либо упреждающая манипулятивная стратегия, по Д. Карнеги. Во втором случае это либо ценностное понижение события, либо демонстрация внешнего безразличия как способ сохранить лицо. Соответственно, типичная реакция родителей выражается следующим образом: 1) простая эмоциональная реакция (вздых, междометие, дискурсивная формула отрицательного отношения к новостям), 2) эмпатическая реакция (*«Ты не заболел?»*, *«Она <учительница> тебя не любит?»*, *«Трудный материал?»*), 3) критическая реакция (*«Ты совсем учиться перестал!»*, *«Меньше по улице бегать надо!»*, *«Как тебе не стыдно!»*). Критическое замечание может быть выражено в виде иронии (*«Я горжусь тобой»*, *«Прекрасные новости!»*, *«Ура!»*). Разумеется, названные типы реакций могут вербализоваться иначе, но в принципе они сводятся к выделенным трем типам типичного отношения к подобной информации. Нетипичное отношение к соответствующему сообщению свидетельствует о сбое в адекватности восприятия информации.

Если перед нами сведение общения к другой теме или разговору ни о чем, то такое фатическое понижение информации свидетельствует о безразличии адресата к новостям: *«Ладно, иди обедай»*, *«Кажется, сегодня похолодало»*, *«Ну, как тебе моя кофточка?»*. В более широком смысле такое общение сводится к абсурду, обмену несвязанными друг с другом фразами.

Фасцинативное восприятие сообщения представляет собой эстетическое переживание содержания и формы текста либо способа его презентации. В общедоступном общении людям может нравиться звучание голоса собеседника, таков, например, разговор влюбленных. Применительно к приведенной выше фразе школьника его родители могут, поморщившись, произнести: *«Что ты там бубнишь себе под нос?»*, *«Ты хочешь сказать, что ты получил двойку?»* Фасцинативная реакция в случае положительного отношения к информации часто проявляется в желании еще раз услышать или прочитать текст, а в случае отрицательного к ней отношения — в критике стиля или манеры передачи информации.

Перевод сообщения в шутку применительно к приведенному ранее коммуникативному фрагменту о двойке по географии может свидетельствовать о широком спектре коммуникативных интенций: это и демонстрация симпатии и поддержки (*«Сейчас пойду и застрелюсь»*, *«Объявляется траур»*, *«Давай уничтожим злую училку»*), и понижение значимости события (*«Теперь весь мир об этом будет говорить»*, *«А в новостях пока об этом не сообщалось»*, *«А как же теперь мы перегоним Америку?»*), и перевод ситуации в нонсенс (*«Молись»*,

несчастный!», *«Кровью искупишь свою вину»*, *«Боги нам этого не простят!»*). Обратим внимание на гендерную маркированность подобных реакций: обычно так ведут себя мужчины.

Идеологическое осмысление любой информации типично для людей, остро переживающих свой социальный статус. Приведенная фраза о плохой отметке может получить следующую интерпретацию, выраженную в соответствующей вербальной реакции: апелляция к долгу (*«Ведь ты же пионер!»*, *«Ты позоришь нашу семью»*, *«Ты должен быть первым!»*), происки врагов (*«С бездельниками связался!»*, *«На кого ты смотришь!»*, *«Как ты легко сдался!»*), негативизация будущего (*«Сегодня — «двойка», а завтра — воровать пойдешь!»*, *«Из-за лентяев и двоечников страна погибнет»*, *«Ничего тебе хорошего не светит!»*). Часто идеологическая интерпретация выражается в виде контраста: *«У соседей — дети как дети!»*, *«Я в твои годы учился только на пятерки»*, *«А Витя Быков тоже двойку получил?»*).

Эзотерическая интерпретация предполагает поиск невыраженных смыслов, знаков для избранных. Разумеется, такой интерпретативный ключ применим к ограниченному числу ситуаций и характерен для людей, стремящихся к выходу за грани очевидного и обыденного. Приведенная фраза относится к сугубо обиходной сфере общения, но (как и любое высказывание) допускает эзотерическое толкование (*«Тебе сегодня на улице никто не встретился?»*, *«Что ж, будем готовиться»*, *«Что тебе сегодня снилось?»*).

В бытийном дискурсе представлено множество тональностей восприятия текста. Если бытовое общение протекает обычно в устной форме, и его участники имеют возможность опираться на невербальную информацию, которая непосредственно проявляется в естественном устном диалоге, то бытийное общение преимущественно выражено в письменной форме, и уже одно это обстоятельство требует от адресата активной интерпретативной деятельности. Отметим в этой связи очень важное наблюдение И. Н. Горелова [2006: 92]: «Реципиент часто отмечает, что знает, что именно ему собираются сказать, и — гораздо реже — как будет сказано». Именно поэтому, вероятно, интерпретативные девиации в интерпретации коммуникативного ключа столь распространены.

Бытийный текст может иметь разную протяженность, от афоризма до многотомного произведения. Его основной характеристикой является наличие смысла, связанного с фундаментальными ценностями жизни. Практика интерпретации бытийных текстов, обычно художественных, часто сводится к цели, сформулированной в школьном вопросе «Что автор хотел сказать?». Такая стратегия упрощения в значительной мере искажает коммуникативный процесс. Ин-

терпретатор в таком случае стремится к раскрытию некоторого единственного авторского смысла, который и признается объективным смыслом текста. Предполагается, что существует некая иллюзия, объективно наличествующая в тексте. Но принципиально важно подчеркнуть, что прочитанный мною текст становится моим достоянием, соотносится с моим жизненным опытом и моей системой ценностей. Это противопоставление удачно схвачено в терминах «понятность» и «понимание» текста. Когда мы говорим о понятности текста, то имеется в виду некий содержательный минимум, к которому должны прийти любые адресаты, это соотносимо со значением слова, которое понятно носителю культуры, благодаря чему становится возможной вербальная коммуникация. В этой связи понятность текста есть абстракция, поскольку как для автора, так и для читателя смысл текста богаче, чем содержательный минимум. С. Я. Маршак выразил эту мысль очень точно:

— О чем твои стихи? — Не знаю, брат.
Ты их прочти, коли придет охота.
Стихи живые сами говорят,
И не о чем-то говорят, а что-то.

Понимание текста есть ответ на вопрос, что этот текст значит для меня. Приведем интерпретацию одного из афоризмов: *«Ужасно, когда мудрость приходит раньше, чем счастье»*.

Содержательный минимум этой сентенции сводится к констатации того, что мудрость сопряжена с трезвым отношением к обстоятельствам и жизненным опытом, который включает и горькие переживания, счастье есть состояние высшей радости, обычно оно связано с молодостью и беспечностью, и поэтому человек, пришедший к мудрости и знакомый с превратностями судьбы, может потерять способность быть счастливым.

Интерпретация в информативной тональности есть формулирование личностного смысла. Прямое информативное понимание этой фразы выражено в строке А. С. Пушкина *«Блажен, кто смолоду был молод»*. Способность быть счастливым дана всем людям, но с годами некоторые ее утрачивают. Счастье считается предназначением человека: *«Человек создан для счастья, как птица для полета»* (Короленко). Счастье есть субъективное исиюминутное переживание жизни (*Он сейчас так счастлив*), мудрость же представляет собой объективное постоянное качество человека (**Он сейчас так мудр*). Нормальная последовательность жизненных переживаний человека сводится к трем этапам жизни с их важнейшими характеристиками: 1) молодость — беспечность, ошибки, счастье, 2) зрелость — воля, испытания, успех, 3) старость — здравый смысл,

утраты, мудрость. Разумеется, эти характеристики условны. Но людям всегда было свойственно задумываться над основными характеристиками возраста. Сравним: *Каждому возрасту свойственны свои пороки, молодости — вожделение, зрелости — ссоры, старости — скупость*. Эта сентенция коррелирует с анализируемой фразой и приведенными выше возрастными характеристиками мужчины. Вожделение в определенной мере связано с наслаждением, толкуемым как счастье, ссоры — с испытаниями и волей, а скупость — с утратами материальных ценностей и завистью, которую старики иногда испытывают к молодым. Мудрость приходит не ко всем. Приведу еще одну сентенцию, имеющую отношение к возрасту: *Отцам приходится всю жизнь переживать из-за своих дочерей, в юности — чтобы не связались с дурными людьми, в зрелости — чтобы не ссорились с мужьями, в старости — чтобы не стали колдуньями*. В этой фразе также прослеживается связь с вожделением, ссорами и специфически понимаемой мудростью. Автором последней фразы, несомненно, был мужчина. Тема искажения жизненных этапов волновала многих поэтов: *Я встретил осень, не прожив весны. Все закрома до осени полны. Год подарил мне тяжесть урожая и, обессилев, облетел, как сад, где не восход я видел, а закат. Я был бы рад не знать того, что знаю* (Р. Киплинг). Мудрость для человека часто связана с непомерной ношей. Такое понимание мудрости восходит к библейским текстам, где говорится о скорби, связанной с многознанием: *Сердце мудрого — в доме плача, сердце глупого — в доме веселья*. Глупость ассоциируется с молодостью, во всяком случае, молодой глупец имеет шанс поумнеть. Возникает вопрос: почему к некоторым людям мудрость приходит досрочно? Мудрость, в отличие от счастья, не приходит как дар, она связана с усилиями человека, который намеренно ускоряет свой жизненный путь, избегает ошибок, свойственных молодости, и конфликтов, свойственных зрелости, лишает себя права на естественное поведение. Такая преждевременная мудрость приводит к горечи. Подлинная мудрость, однако, основана не на ускоренном прохождении жизненного лабиринта, а на созревании в срок, она оптимистична: *У всякого глупца хватает глупости для скорби, и лишь мудрец разрывает смехом завесу бытия* (И. Бабель). Итак, существует подлинная и поспешная мудрость, первая связана с полным прохождением жизни, со всеми ее радостями и горестями, вторая — с ускоренным, конспективным приобретением мудрости, приносящей человеку только страдания.

Интерпретация в фатической тональности есть использование текста как инструмента для обеспечения правильного, красивого или уместного течения беседы. Целый ряд выражений подходит для успешной аргументации, выгодного самопредставления, или для учебных целей. Фатическая интерпретация

текста в данном случае — это его инструментальное освоение. На мой взгляд, здесь уместно сравнение с характеристикой слова, фиксируемой в пометах («твань» — диалектное, «бутить» — профессиональное, «чувырла» — просторечное). В газетной статье приводится интервью с популярным актером.

Журналист: «Что Вы хотели бы сказать о Вашей личной жизни? Наши читатели знают, что Ваша жена моложе Вас почти на 30 лет». Актер: «Моя жизнь — это моя жизнь, в ней были и радости, и беды... А Света — я даже и не думал, что у нас что-то получится. Знаете, ужасно, когда мудрость приходит раньше, чем счастье. Мне хочется возвращаться вечером домой».

Приведенная сентенция в контексте интервью используется, на мой взгляд, для самопрезентации. Говорящий конструирует себе имидж умудренного опытом человека, невольно или намеренно свидетельствуя о том, что он сам не совсем верит в свое счастье. С аналогичной целью в иной коммуникативной ситуации приводятся пословицы, популярные речения, отрывки из анекдотов. Например, ответственный работник выступает по местному телевидению и говорит: *«Звучат нарекания в адрес областной администрации, люди жалуются, что из-за перекупщиков цены на рынке слишком выросли. Но это — компетенция муниципалитета, мэр города обещал ситуацию исправить. Как говорится, взялся за гуж — не говори, что не дюж»*. Ведущий с пониманием улыбается. Местные жители хорошо знают о противостоянии губернатора и мэра города, выступающий не упустил возможности отрицательно охарактеризовать руководителя городской администрации. У некоторых публицистов подобное орнаментальное цитирование известных сентенций является способом создания своего индивидуального стиля. Приведу пример из статьи М. Соколова («Известия»).

Бывший советник президента РФ по экономике [А. Н. Илларионов], в течение девяти месяцев после своей отставки пытавшийся сопрягать борьбу за экономическую свободу и пребывание, как выразился президент РСПП А. Н. Шохин, «на российском рынке труда», понял, что эти вещи несопрягаемы, и отбывает продолжать борьбу за океан. Руководствуясь принципом «Мил победитель богам, побежденный любезен Катону», вашингтонский институт, носящий имя славного героя, предложил А. Н. Илларионову ставку старшего научного сотрудника Центра по глобальной свободе и процветанию. Оставляя в стороне название дочерней структуры института — Центр по процветанию звучит почти как Министерство плодородия, — нельзя не порадоваться тому, что советник будет служить в учреждении, посвященном мужу, имеющему так много с ним общих черт — «Уже в детстве А. Н. Илларионов обнаружил качества бескомпромиссного борца за справедливость. С ранней юности, получив сан жреца бога Аполлона, вел умеренный, почти аскетический образ жизни. На Форум часто приходил босой, одетый в тогу на голое тело, что контрастировало с неумерен-

ной роскошью в одежде магистратов». Главное теперь — блюсти умеренность в подражании герою и не бросаться на меч при появлении В. В. Путина в окрестностях Вашингтона. Впрочем, при нынешней остуде в отношениях между РФ и США он вряд ли там и появится.

Публицист иронически сравнивает бывшего советника российского президента с героем древнего Рима, украшая текст классическими цитатами, квазичитатами и аллюзиями, такая стилистика делает автора текста легко узнаваемым.

Фасцинативное осмысление афоризма выражается как оценка: красиво или некрасиво сказано. Например: *«Ужасно, когда мудрость приходит раньше, чем счастье»* — *«Как хорошо сказано! Кто автор?»*. В романе Юрия Полякова *«Замыслил я побег...»* один из персонажей, заведующий складом ремонтных материалов, любил блеснуть афоризмом в разговоре с деятелями искусства, и результат всегда был ошутим:

Вообразите: вы артист театра и кино, задумчиво разглядывающий чешскую керамическую плитку, за которую вам предстоит переплатить вдвое, а сидящий за конторским столом златозубый мужичок в телогрейке, поигрывая складным метром, вдруг невзначай бросает:

— Прав, прав был чертяка Анатолий Франс! У художника два смертельных врага — вдохновение без мастерства и мастерство без вдохновения...

И вы, потрясенный артист театра и кино, пришедший за дефицитами, тут же приглашаете странного мужичка на свою премьеру.

Со стороны персонажа это — желание самоутвердиться в недоступной для него сфере, со стороны артиста — фасцинативная реакция на мудрое глубокое изречение. Интерпретация в фасцинативном ключе может быть и отрицательно-оценочной. Например: *«Как сказал поэт, В напрасных поисках за ней я исходил земные тропы...»* — *«Не исходил, а исследил, и звали поэта Максимилиан Волошин»*. Говорящий поправляет собеседника, неверно процитировавшего стихотворение.

Интерпретация в шутилом ключе представляет собой создание комической ситуации на базе любого материала. Часто комический эффект возникает при состыковке разностилевого материала, высокого и низкого. Например, критически оценивая заявление одного из депутатов о том, что тот готов нагим выйти на площадь, если обстоятельства того потребуют, известный поэт Д. А. Пригов замечает: *«Это — крик души посредством обнаженного тела»*. Комический эффект строится на ряде пресуппозиций (депутат должен вести себя достойно и сдержанно; выйти нагим на площадь — экстравагантность; фигура депутата вряд ли соответствует канонам красоты и др.). В наши дни весьма распространены виртуальные романы, которые завязываются и порой долго существуют в

Интернет-переписке. Люди общаются с неизвестными им партнерами, часто детально раскрывают свою душу (подобным образом бывают очень откровенны случайные попутчики в купе поезда, знающие, что больше никогда не встретятся). Но иногда виртуальным коммуникантам хочется выйти за рамки своего условного общения и встретиться, как они говорят, «в реале», в действительности. В ряде случаев встреча в реальном мире подтверждает их ожидания, большей частью же они бывают разочарованы. Представим себе ситуацию, когда в кафе или на остановке троллейбуса должны встретиться двое, которые уже давно пришли заранее, замаскировались в тени и с огорчением отмечают, что человек, с которым хотелось познакомиться, неприятен внешне. Каждый из них допускает такую возможность, и старается прокомментировать ее в шутовском ключе. Здесь уместна приведенная выше сентенция: *Ужасно, когда мудрость приходит раньше, чем счастье*. Мудрость в данном контексте понимается как прозрение. В компьютерной переписке каждый имеет право использовать после письма некий девиз, служащий для создания имиджа. Иногда эти девизы служат своеобразными эмоциональными указателями, ключами для интерпретации любой, самой серьезной информации. Например: *«Все обломалось в доме Смешальских»*. Перед нами шутовская модификация известной, ключевой фразы из романа Л. Н. Толстого *«Все смешалось в доме Облонских»*. В обиходном диалоге муж, желая сделать комплимент своей жене, согласившейся с ним, говорит: *«Great people think alike»* (Великие люди мыслят сходно). Его жена отвечает: *«Fools seldom differ»* (Дураки редко отличаются друг от друга). Такая игра на понижение приводит к комическому эффекту. Типичным примером шутовской реакции на вполне серьезный текст является эпиграмма или пародия. Например:

Дополнительные правила русского языка

Слитное и раздельное написание слов «внагляк» и «в натуре»

Для правильного написания слов «внагляк» и «в натуре» следует руководствоваться следующим правилом: если к проверяемому слову подходит проверочный вопрос «как?» — писать следует слитно. Если к проверяемому слову применим проверочный вопрос «ты чё?» — раздельно (Р. Кривицкий).

Приведенный текст пародирует справочные пособия по русскому языку.

Интерпретация в идеологическом ключе есть позиционирование: свои и чужие, это поиск враждебных прямых и косвенных смыслов и активная, иногда почти маниакально выраженная интенция объяснять текст или коммуникативное поведение кого-либо, используя заранее заготовленные выводы. Так, с позиций революционного романтизма счастье заключается в борьбе за лучшее будущее человечества, а мудрость представляет собой идеал убогих приспособ-

собленцев, стремящихся к покою и благополучию. Отмечу, что в такое отношение к мудрости выражено в русской литературе достаточно ясно (Премудрый пескарь у М. Е. Салтыкова-Щедрина). Эта оппозиция сформулирована в известной поэме М. Горького «Песня о соколе»: *Рожденный ползать летать не может*. Сравним: *Не кляните, мудрые. Что вам до меня? Я ведь только облачко, полное огня. Я ведь только облачко. Видите: плыву. И зову мечтателей... Вас я не зову!* (К. Бальмонт). Соответственно, сентенцию «Ужасно, когда мудрость приходит раньше, чем счастье» в идеологическом ключе можно трактовать как осуждение мещанской мудрости.

Идеологический ключ может полярно изменять смысл высказывания. Так, известное изречение М. Горького «*Если враг не сдается, его уничтожают*» понималось во время Великой отечественной войны как призыв уничтожать врагов. Однако вдумаясь: прямое толкование этой фразы включает условие — врага следует уничтожать, если он не сдается. В Евангелии есть одно место, которое трудно согласуется с общепринятыми нормами поведения. К Иисусу пришел ученик с просьбой отпустить его, чтобы похоронить умершего родителя. Спаситель не разрешил ему уйти, сказав: «*Иди за мною и предоставь мертвым погребать своих мертвецов*» (Матф., 8: 22). Обычно цитируется речение «*Пусть мертвые хоронят своих мертвецов*». Эта парадоксальная фраза резко противоречит заповеди из Декалога «Чти отца своего и мать свою». Интерпретация этого ответа в информативной тональности характеризует Христа как бессердечного человека. Но в идеологическом ключе под мертвыми понимаются люди, придерживающиеся старых норм поведения, не принявшие нового вероучения. Дело уверовавших — нести свет нового откровения, все остальное не заслуживает внимания. Идеологическая интерпретация текста предполагает в определенной мере произвольное его толкование. Соответственно, возвращение к содержательному минимуму высказывания есть деидеологизация текста. В 70-е годы двадцатого века на улицах многих советских городов красовался большой плакат с изображением Л. И. Брежнева и надписью: «*Советские люди знают: там, где Партия, там успех, там победа!*». Этот лозунг выражал credo конформизма со скрытой угрозой: пойдешь против Партии — потерпишь поражение. Интересно отметить, что абсолютизация успеха характерна для англоязычной культуры, там резко отрицательно относятся к неудачникам, этикетка «loser» является знаком неприкасаемых. В России, как известно, неудачников жалеют. В русской культуре успех всегда соотносился с той ценой, которую пришлось за него заплатить. Характерен афоризм: *Победы — истины подлецов*. По сути дела, лозунг, призывавший людей идти за Партией потому, что это безопасно и выгодно, был аморален, с точки зрения критиков господствующей

щей идеологии. Идеологическая тональность в силу априорного оправдания определенной позиции прагматична. Во время войны во Вьетнаме многие американцы протестовали против этой грязной войны, но нашлись и защитники правительства, выступавшие под лозунгом: *«Right or wrong, it's my country»* — *«Права она или нет, это моя страна»*. Идеологическое позиционирование в данном случае означает поддержку своей администрации, что бы она ни делала. Замечу, что такая позиция подвергается критике в США, американский писатель Уильям Дин Гоуэлс иронически заметил: *«Как хорошо, что твоя страна всегда права, и даже когда не права, то все равно права!»*. В этой связи приведем афоризм: *«Победителей не судят. А зря!»*. В первой части содержится известная сентенция о том, что при успешном результате не принято обсуждать средства достижения успеха. Вторая часть афоризма показывает недвусмысленное отрицание этой позиции. Подобные двухчастные афоризмы представляют собой контраст позиций, обычно их первая часть хорошо всем известна и используется как поучение, как констатация правильности определенного положения дел, как подтверждение власти. Вторая часть критически отрицает первую. Критическая интерпретация, является, на мой взгляд, разновидностью идеологической.

Интерпретация в эзотерической тональности, подобно идеологической, направлена на поиск невыраженного смысла, но, в отличие от нее, не предполагает заранее заданного результата. Эзотерическое толкование — это поиск таких тайных смыслов, которые могут быть условно связаны с общеизвестным значением слов. В известной мере такие тексты парольны, они не поддаются рациональному толкованию с опорой на исходные значения и прямые ассоциативные переносы. Вместе с тем в том или ином высказывании не все слова допускают эзотерическое толкование. Применительно к сентенции *«Ужасно, когда мудрость приходит раньше, чем счастье»* открытые смыслы концентрируются в диаде «мудрость» — «счастье». Например, «мудрость» может означать земную жизнь, право на влияние на судьбы других людей, переход в иное состояние сознания и т. д., а «счастье» — единство с Творцом, полное растворение, рождение и т. д. Эзотерическая интерпретация представляет собой своеобразную смысловую магму в рамках той или иной школы. Смыслы всех слов переходят друг в друга. Эзотерические знаки предназначены для конкретного адресата в конкретной ситуации, они уникальны. В эзотерических школах ставится задача отучить человека от привычной жесткой ориентации в рамках обиходного или научного сознания, человек должен выйти на уровень континуального сознания. Смысл того или иного текста должен приходить к человеку как озарение, а дискурсивное логическое рассуждение отменяется.

Институциональный дискурс характеризуется высокой степенью предсказуемости. Например, беседа пациента с врачом обычно строится по жесткой схеме, включающей информацию о жалобах пациента, о ранее перенесенных заболеваниях, о факторах, которые могли вызвать недомогание, о наличии определенных симптомов, о лекарствах, которыми пользовался пациент и т. д. Это объясняется целью медицинского дискурса — восстановить здоровье. Запрос о состоянии пациента выражается ограниченным набором дискурсивных формульных клише (*«На что жалуетесь?»*, *«Что Вас беспокоит?»*, *«Слушаю Вас»*).

Интерпретация такого запроса в информативной тональности вытекает из сути медицинского дискурса. Некоторые пациенты детально описывают свое заболевание (*«Последнее время у меня участилось сердцебиение, я стал задыхаться, сильно утомляюсь»*), другие же констатируют свое отношение к своему состоянию (*«Что-то я заболел»*, *«Не пойму, что со мной происходит»*), есть и такие, кто обращается к врачу с самостоятельно поставленным диагнозом и описанием самолечения (*«Я думаю, у меня предынфарктное состояние, надо лечь в больницу и обследоваться, принимаю валидол, но не всегда помогает»*). Вопрос *«Как Вы себя чувствуете?»* избыточен при первом посещении врача (если бы пациент себя чувствовал хорошо, он бы к врачу не обратился), но вполне уместен при последующих встречах, поскольку построен на пресуппозиции о положительных или отрицательных изменениях самочувствия.

Интерпретация запроса о состоянии здоровья в фатической тональности выражается как возможность пообщаться и получить психологическую поддержку (*«Вы здесь недавно работаете?»*, *«Сейчас здоровых людей вообще нет, все чем-нибудь болеют»*, *«Как-то мне нехорошо, не знаю, что и делать»*). В ряде случаев пациент использует возможность показать свою эрудицию или ссылается на чье-то мнение (*«Я вот в медицинской энциклопедии прочитал...»*, *«А правда, что бисептол запретили?»*, *«Знакомые говорят, надо пойти к врачу»*).

Фасциативное восприятие текста в институциональном дискурсе обычно касается стиля коммуникативного поведения. Имеется в виду отрицательная оценка манеры общаться. Пациентов раздражает, например, фамильярность: *«Какие жалобы? Молодость прошла?»* — *«Что ж Вы так...»* Поскольку пациент зависим от врача или медсестры, отрицательная реакция обычно маскируется. Восхищение манерой общаться относится обычно к опытным специалистам, умеющим применительно к медицинскому дискурсу моментально поставить диагноз и определить симптоматику заболевания: *«Прошу, садитесь. Так, так... Стали задыхаться при ходьбе, нервы взвинчены, аппетит хороший, но сил нет, повышенная утомляемость»* — *«Совершенно верно!»*.

Шутливая тональность применительно к данному дискурсу присуща скорее медикам, чем пациентам, и обычно используется как способ поддержки больного («*Да у Вас пустяки, полечитесь пару месяцев и пойдете в космонавты*»). Пациенты иногда прибегают к черному юмору либо самоиронии («*Выпишите мне цианистый калий*», «*Поздно пить боржоми, когда печень отвалилась*», «*Видите, какой я герой!*»). Некоторым пациентам такое общение позволяет преодолеть тревогу («*Какой у нас доктор симпатичный! Вы не замужем?*»). Отметим, что медицинский юмор вряд ли уместен в медицинском дискурсе (диалоге врача и пациента), это либо разговоры врачей («*Больные выздоравливают, как мухи*», «*Лечить будем, или пусть живет?*»), либо анекдоты, которые рассказывают о врачах («*Стоматолог пациенту: Помнишь, Петька, как ты меня в детстве за косичку дергал?*»).

Интерпретация в идеологической тональности выражается как безапелляционная эмоциональная оценка. У пациентов это часто жалобы на других врачей или обстоятельства («*Лечили меня неизвестно от чего, диагноза нет до сих пор!*», «*Непонятно, чему вас там учат, раньше другие врачи были*», «*К вам тут в очереди не достоишься, скорее помрешь!*»). Подобные высказывания свидетельствуют, как о дурном воспитании, так и о нервном срыве пациентов. Идеологическая тональность в рассматриваемом дискурсе — это отрицательная оценка работы, знаний или поведения медиков. Резкие оценки в диалоге с пациентом можно услышать и от врачей («*Кто мог это Вам выписать!*», «*Какой идиот Вас лечил?!*»). Такие фразы, впрочем, фиксируются обычно в доверительном разговоре между знакомыми и свидетельствуют о нарушении профессиональной этики.

Эзотерическая тональность в медицинском дискурсе представляет собой поиск скрытой информации, которую, по мнению пациента, намеренно или случайно передает врач. Вопрос «*На что жалуетесь?*» дает мало возможностей для ассоциативных вариантов, решающую роль здесь играет интонация и мимика врача. Мнительные пациенты сразу же делают трагические выводы («*Все, похоже, мне конец*», «*Она для вида задает мне вопросы, все ясно*») либо выстраивают линию знаков («*12 кабинет, 12 ноября умерла мама*»). Такого рода ассоциации приходят внезапно, это точно показано в известном стихотворении Б. Л. Пастернака: «*Как вдруг из расспросов сиделки, покачивавшей головой, он понял, что из переделки едва ли он выйдет живой*».

Статусная тональность в институциональном дискурсе проявляется как подчеркнутая демонстрация неравенства коммуникантов (например, вышестоящий может позволить себе выносить оценки, менять тему разговора, задавать вопросы с целью осуществления контроля, а нижестоящий прибегает к роли

пассивного участника общения, его инициатива сведена к минимуму, его речь содержит большое количество знаков неуверенности и внимания).

Следует отметить, что демократизация общественных отношений приводит к тому, что некоторые носители современной русской лингвокультуры не понимают специфики статусной тональности в официальной сфере общения. Им неизвестны определенные коммуникативные формулы. Это касается, к сожалению, и студентов, и людей с высшим образованием. Приведу примеры из собственного коммуникативного опыта. Студентка-выпускница, завершая свою речь на защите дипломной работы, сказала: *«Я хочу объявить благодарность моему научному руководителю»*. Присутствующие улыбнулись, а научный руководитель встал и сказал: *«Служу делу подготовки специалистов!»*. Студентка не знала о различии в значении выражений «выразить благодарность» и «объявить благодарность». Эти оба выражения относятся к сфере официальной речи, при этом первое является нейтральным в статусном отношении, а второе — маркированным, поскольку объявлять благодарность имеет право только вышестоящий, например, ректор университета. Другой пример связан с аналогичной коммуникативной формулой. Обычно перед защитой диссертаций специалисты по той проблеме, по которой написано исследование, получают письма с авторефератом диссертации с выраженной или имплицитной просьбой написать отзыв о работе. В одном из таких писем мне была адресована следующая записка: *«Предлагаю Вам написать отзыв о моем автореферате и послать его ученому секретарю диссертационного совета»*. Выражение «Предлагаю Вам...» обычно используется в разных повестках, вызывающих человека в суд, военкомат и другие органы власти. Эти случаи можно объяснить волнением студентки или аспирантки, но отсутствие коммуникативной компетенции, незнание формул официальной речи свидетельствует о том, что соблюдение статусной дистанции становится в современном российском обществе малозначимым.

В центре внимания современной лингвистики находится языковая личность — человек, участвующий в коммуникации. Такой поворот в развитии науки о языке обусловлен, с одной стороны, интегративными процессами в области гуманитарного знания, антропоцентризмом современной науки в целом, и, с другой стороны, объективной логикой развития языкознания, предмет изучения в котором последовательно сдвигался от исследования формальных языковых структур к анализу их содержания, затем — к осмыслению функционирования содержательных языковых единиц в речи, затем — к определению их места, специфики и динамики в культурной среде и сознании человека. Термин «языковая личность» был введен в научный обиход Ю. Н. Карауловым [1987],

термин «лингвистическая персонология» (область лингвистики, предметом изучения которой является личность в общении) — В. П. Нерознаком [1996].

Существующие в современной лингвистике подходы к изучению языковой личности могут быть сведены к следующим типам [Карасик 2002]:

1) психологический анализ языковой личности (в психологии разработано множество классификаций характеров — от античной модели темпераментов до теории акцентуированных личностей; при этом подчеркнем, что каждый из типов характеров так или иначе проявляется в коммуникации, т. е. может быть исследован с лингвистических позиций);

2) социологический анализ языковой личности (имеются в виду выделенные и описанные в социологии и социолингвистике языковые индикаторы определенных общественных групп — от индикаторов социальной идентичности в малых группах (семья, школьный класс, производственный коллектив) до индикаторов коммуникативного поведения больших групп (язык молодежи, гендерные характеристики речи, языковые индикаторы людей с низким образовательным цензом);

3) культурологический анализ языковой личности (моделирование лингвокультурных типажей — обобщенных узнаваемых представителей определенных групп общества, поведение которых воплощает в себе нормы лингвокультуры в целом и оказывает влияние на поведение всех представителей общества, например, «русский интеллигент», «американский адвокат», «немецкий офицер», «английский джентльмен»);

4) лингвистический анализ языковой личности (описание коммуникативного поведения носителей элитарной либо массовой языковой культуры, характеристика людей с позиций их коммуникативной компетенции, анализ креативного и стандартного языкового сознания).

В дополнение к выделенным подходам и типам языковых личностей можно предложить анализ человека в языке с позиций того или иного дискурса, в котором человек участвует. Такой подход по своей сути является прагмалингвистическим, поскольку в его основе лежит выделение типов коммуникативной тональности, характерной для того или иного дискурса. Под коммуникативной тональностью мы понимаем эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения.

Понимая дискурс как общение посредством текста, мы противопоставляем две классификации дискурса — социолингвистическую (в ее основу положен признак участников общения) и прагмалингвистическую (она строится на основе признака коммуникативной тональности). В рамках социолингвистической

классификации дискурса выделяются личностно-ориентированный и статусно-ориентированный дискурс, каждый из которых в свою очередь разделяется на несколько подтипов (в первом случае — бытовой и бытийный, во втором — институциональный и неинституциональный). Типология дискурса, выделяемого на основе прагмалингвистического критерия, может строиться на разных основаниях, из которых ведущими являются следующие: 1) одноплановость/многоплановость смыслов, 2) заданность/открытость реакций, 3) серьезность/несерьезность общения, 4) кооперативность/конфликтность общения, 5) приоритет содержания/формы общения, 6) конкретность/отвлеченность тематики. Поясним предложенные критерии.

Одноплановость либо многоплановость смыслов в общении подразумевает установку участников коммуникации на поиск скрытой, подразумеваемой информации либо ориентирует их на восприятие сообщаемого в прямом смысле. Например, в обиходном общении мы, как правило, говорим не загадками, а изъясняемся прямо: *«Который час?» — «Без пяти семь»*.

Участники этого диалога (и многих подобных речевых образований) говорят то, что имеют в виду. Вместе с тем тональность общения может измениться, и тогда интерпретация информации требует мобилизации дополнительных ресурсов: *«Что Вы можете сказать по поводу разговоров о Вашем участии в выборах мэра города?» — «Я могу сказать, что поступаю в соответствии с конституционными правами, которыми наделен каждый гражданин нашей страны»*.

Адресат уходит от прямого ответа, риторически усложняя его и заставляя интервьюера интерпретировать сказанное по своему усмотрению. Возможно, имелось в виду право каждого гражданина участвовать в выборах, но может быть, подразумевалось, что интервьюируемый пользуется дополнительными возможностями, рекламируя свою кандидатуру в средствах массовой информации, чего лишены по ряду обстоятельств его конкуренты, и говорящий дает понять, что подобные разговоры необоснованны. Такая позиция позволяет политику заявить впоследствии, что его неправильно поняли. В качестве типичного примера неоднозначного ответа часто приводят ответ предсказательницы, который был дан древнему царю, пришедшему с вопросом, стоит ли начинать войну с соседом: *«Если начнешь войну, разрушишь могучее царство»*. Царь понял это как призыв к действию, начал войну и потерпел поражение — разрушил собственное царство. По этому принципу построены тексты гороскопов и подобных коммуникативных образований.

С позиций дискурсивной персонологии мы предлагаем выделять типы коммуникативных личностей, реализующих свои предпочтения в том или ином

стиле поведения с учетом их участия в определенном типе дискурса. Применительно к критерию одноплановости либо многоплановости смысла в общении можно сказать, что есть люди, которые чувствуют себя комфортно, общаясь в ситуации, не требующей постоянного анализа подлинных интенций партнера, и есть люди, которые склонны шифровать свои высказывания, пользоваться намеками, иронизировать, т. е. усложнять коммуникацию. Они не только сами часто используют непрямую коммуникацию, но и воспринимают речь своего партнера с аналогичных позиций. В античной риторике считалось, что такое общение является способом оказания уважения другому человеку: если мы говорим прямо, без подтекста, то мы невысокого мнения об интеллектуальных способностях собеседника. Условно мы предлагаем обозначить выделенные по первому критерию типы дискурсивных личностей как одномерный и многомерный субъекты общения. Подчеркнем, что речь идет о предпочтениях, о привычном стиле общения. Этот стиль формируется культурой в целом (например, русская лингвокультура прямолинейнее английской), принадлежностью личности к определенной социальной группе (чем ниже образовательный уровень, тем прямолинейнее общение), личными качествами характера человека (зависимые люди чаще прибегают к косвенному выражению смысла). Есть ситуации, в которых все должны вести себя предельно прямолинейно (крик о помощи), и ситуации, в которых все избегают прямолинейности (табуируемые темы общения). Заметим, что наши рассуждения не противоречат тезису В. В. Деметьева [2006] о том, что в противопоставлении прямой и не прямой коммуникации первая является сравнительно редкой и специфичной, а вторая — частотной и обычной как в повседневном, так и в художественном дискурсе.

Заданность либо открытость реакций в общении предполагает установку коммуникантов на заранее определенную либо свободную реакцию на то или иное коммуникативное действие. Речь идет о сценарной тональности общения. Например, военные приказы не обсуждаются: *«Наступление начинается в 5 утра»* — *«Есть!»*

Командир не поймет своего подчиненного, если тот скажет, что можно было бы начать наступление и попозже. Аналогичным образом ведут себя участники религиозного дискурса: поставить под сомнение истинность высказывания проповедника — значит радикально нарушить весь ритуал. В советское время в нашей стране регулярно проводились партийные и комсомольские собрания, на которых обсуждались все вопросы жизни общества. Старшеклассники-комсомольцы обсуждали успеваемость своих товарищей, говорили с пафосом, использовали в своей речи определенную лексику и фразеологию, их интонации были трафаретными:

Назарова: «Плужников, ты позоришь честь нашего класса! Ты пропускаешь занятия, не готовишься к урокам!»

Яковлев: «Я согласен с Мариной. Виктор, ты должен изменить свое отношение к учебе».

Яковенко: «Виктор, дело серьезное — ты что, хочешь, чтобы тебя из комсомола исключили?»

Назарова: «Кто за то, чтобы вынести выговор Плужникову Виктору за поведение, несовместимое с высоким званием комсомольца? Единогласно».

Плужников: «Ребята, я обещаю, я исправлюсь, больше этого не повторится».

Список подобных ситуаций, требующих сценарной однозначности коммуникативного поведения, достаточно широк и не сводится к определенной исторической эпохе. Соответственно, можно выделить коммуникативную личность, для которой подобная тональность общения является доминирующей, и личность, избегающую такой тональности. Обычно люди второго типа в названных ситуациях отмалчиваются. Условно эти два типа личностей можно обозначить как сценарный и несценарный субъекты общения. Первый тип активно ведет себя в соответствии со сценарием определенного коммуникативного действия, второй тип предпочитает оставаться в тени. Сценарная личность может иногда действовать и вопреки сценарию, реализуя альтернативную программу, которая, впрочем, тоже строится по жесткому алгоритму. Таким, например, было поведение диссидентов — сознательных борцов против политического режима в стране. Сценарный субъект ведет себя серьезно, его действия являются поступками, он часто претендует на лидерство.

Серьезность либо несерьезность общения является критерием для выделения юмористического и серьезного дискурса. В юмористическом дискурсе намеренно нарушаются привычные стереотипы, сокращается дистанция общения, карнавалом переверачиваются нормы общества. Между юмористическим и серьезным дискурсом есть промежуточное коммуникативное образование — полусерьезный дискурс, когда оба участника общения (либо один из них) ведут серьезный разговор, который в любой момент может перейти в шутку. Такое общение особенно ценится в англоязычном мире. Например, Дж. Б. Шоу сказал: *«В детстве мой брат чуть не утонул, я его успел спасти. До сих пор себе не могу этого простить»*.

Разновидностью несерьезного общения является общение ироническое, включающее самоиронию. Соответственно, можно выделить типичных дискурсивных субъектов, склонных к шутке, игре, иронии, и субъектов, не понимающих юмора и чувствующих себя дискомфортно в условиях карнавального переверачивания смыслов. Условно эти два типа дискурсивных личностей можно

обозначить как игровой и серьезный субъекты общения. Отметим, впрочем, что шутка и ирония могут быть злыми и едкими, переходящими в саркастическую насмешку. Шутник резко отличается от насмешника.

Следующий признак, по которому можно выделить определенные типы коммуникативной тональности, представляет собой кооперативность либо конфликтность общения. Этот признак лежит в основе этикетного либо агонального (состязательного) дискурса. В первом случае участники общения стремятся продемонстрировать друг другу свои добрые намерения и сделать коммуникацию легкой и приятной, во втором случае они намеренно обостряют обстановку, оскорбляя и высмеивая друг друга или присутствующих. Как этикетный, так и агональный дискурс могут быть симметричным либо асимметричным. Оба участника общения могут соблюдать этикет либо намеренно нарушать его. Вместе с тем один из них может выйти на асимметричную модель поведения — нарушить этикет либо ответить сигналом примирения на явное оскорбление. Приведем пример подобного асимметричного дискурса: *«Привет! Рад тебя видеть! Как у тебя дела?» — «Какая ж ты дрянь! Я все знаю».*

В приведенном примере второй участник общения идет на явный конфликт, не желая поддерживать видимость добрых отношений после того, что ему стало известно о действиях первого коммуниканта. К. Ф. Седов [1999] применительно к установке коммуникантов на кооперативность либо конфликт выделяет три типа личностей — куртуазную, инвективную и рационально-эвристическую. Соглашаясь с предложенной моделью, мы терминологически обозначаем типичных участников кооперативного либо агонального дискурса как этикетный либо агональный дискурсивный субъект. В разных сообществах установка на этикетное либо агональное поведение варьируется применительно к ситуациям и социальным характеристикам участников общения. Например, юноши-подростки склонны к агональности, агрессивности, задиристости и молодой человек, сознательно выбирающий этикетный стиль общения, неизбежно будет в их кругу мишенью насмешек. Учителя же обычно любят таких бесконфликтных учеников. Способность к агональному поведению часто является показателем силы характера, это отражено в пословицах: *«Тот, кто может рычать, может и защитит»* (англ.), *«Из непослушной дочери часто вырастает хорошая хозяйка»* (кит.).

Признак приоритета содержания либо формы общения позволяет выделить информативный и фасциативный дискурс, т. е. общение, целью которого является получение каких-либо сведений, и коммуникацию, которая ведется для получения удовольствия от общения. Информативный дискурс допускает сжатие и расширение, его ценность снижается при повторном предъявлении, он поддается

достаточно точному переводу на другой язык. Фасцинирующий дискурс теряет свои основные характеристики при аннотировании, пересказе и переводе, его ценность возрастает при повторном предъявлении. Строго говоря, здесь на первый план выходят не обстоятельства общения, которые приоритетны для любого другого дискурса, анализируемого с позиций прагматической лингвистики, а текст, используемый в этом дискурсе. Следует обратить внимание на то, что выделяемые в данной работе типы дискурса на основе типов коммуникативной тональности не являются взаимоисключающими, а представляют собой разные аспекты общения. Например, содержательно общение может быть агональным, но оба его участника могут получать удовольствие от взаимной пикировки. Вспомним блестящие диалоги, которые ведут персонажи Оскара Уайльда:

— Мужей очень красивых женщин я отношу к разряду преступников, — объявил лорд Генри, отхлебнув глоток вина.

Леди Нарборо ударила его веером.

— Лорд Генри, меня ничуть не удивляет, что свет считает вас в высшей степени безнравственным человеком.

— Неужели? — спросил лорд Генри, поднимая брови. — Вероятно, вы имеете в виду тот свет? С этим светом я в прекрасных отношениях.

— Нет, все, кого я только знаю, говорят, что вы опасный человек, настаивала леди Нарборо, качая головой.

Лорд Генри на минутку стал серьезен.

— Просто возмутительно, — сказал он, — что в наше время принято за спиной у человека говорить о нем вещи, которые... безусловно верны (Портрет Дориана Грея).

На примитивном уровне имеет место то же самое: дети с удовольствием обмениваются дразнилками, при этом ценится скорость реакции и спонтанная рифма. В негритянских кварталах больших городов США такой обмен цветистыми оскорблениями на пулеметной скорости превратился в особый род вербального искусства, который в известной мере повлиял на формирование стиля «рэп». Соответственно, можно условно выделить два типа личностей применительно к рассматриваемым разновидностям дискурса — артистический и неартистический дискурсивные субъекты.

Говоря о признаке конкретности либо отвлеченности тематики дискурса, мы имеем в виду обиходно-практическую либо дискуссионно-гипотетическую тональность. Последняя характерна в первую очередь для научного общения, но свойственна любому диалогу, участники которого говорят о вещах ненаблюдаемых и вероятных, взвешивая варианты:

— Ты не думаешь, что нам стоит купить дачу? Новиковы купили, и Семеновы тоже.

— Дело хорошее. Но они так подорожали сейчас. Вообще, свежий воздух, экологически чистые продукты...

— Правда, всякая шпана шныряет, бомжи ночуют... И налог, наверно, придется платить...

— Так я не понял: покупаем или не покупаем?

— Вот и не знаю, что делать: с одной стороны, было бы хорошо, но, с другой стороны...

Исходя из сути такого общения, можно противопоставить следующие типы языковых личностей — аргументативный и перформативный дискурсивные субъекты, т. е. люди, которые склонны к рассуждениям либо действиям.

Подведем основные итоги.

Прагмалингвистический анализ дает возможность с определенной степенью вероятности предсказать перлокутивный эффект высказывания в том или ином типе дискурса. Общение всегда разворачивается в определенной тональности — установке на отношение к партнеру по общению, обстоятельствам и тексту сообщения. Система тональностей общения весьма вариативна, вместе с тем можно выделить информативную, фатическую, фасциативную, шутливую, идеологическую, эзотерическую и другие типы тональности. В каждом типе лично-относительно-ориентированного и статусно-ориентированного дискурса типы тональности в определенной мере модифицируются. Изучение тональностей дискурса дает возможность построить более полную модель общения.

В дополнение к существующим в науке о языке подходам к изучению языковых личностей можно предложить подход, в основу которого положен признак коммуникативной тональности общения. Такой подход дает возможность выделить ряд языковых личностей, проявляющихся в определенных типах дискурса: одномерный и многомерный, сценарный и несценарный, игровой и серьезный, этикетный и агональный, артистический и неартистический, аргументативный и перформативный типы дискурсивных субъектов.

3.6. Разновидности дискурса

3.6.1. Поэтический дискурс

Дискурс как текст, погруженный в ситуацию общения, или как общение посредством текста является сегодня основным объектом лингвистического анализа, будучи ипостасью коммуникативно понимаемого языка. Соссюровская диада «язык – речь» раскрывается в современных исследованиях как «языко-

вое сознание — коммуникативное поведение». При этом мы понимаем, что языковое сознание включает не только языковой инструментарий в виде единиц и правил языка, но главным образом концепты, получающие языковое воплощение, а коммуникативное поведение не сводится к данному тексту, правилам порождения и восприятия речи, а вбирает в себя всю культурно-ситуативную реальность акта общения в его динамике.

В этой связи представляет интерес изучение поэтического дискурса, поскольку поэтический текст является классическим объектом филологического анализа, и применение дискурсивного подхода к поэзии может раскрыть новые характеристики как поэзии, так и данного подхода к языку. Изучению поэтического текста посвящено множество работ [Болотнова 1992; Лотман 1972; Пермяков 1999; Полищук 1992; Чернухина 1992]. Обратим внимание на исследования, посвященные индивидуально-авторским концептам в художественном тексте [Борисова 2001; Суродина 1999; Тарасова 2003; Черкасова 1992].

Поэтический текст есть прежде всего текст художественный, т. е. содержательно это фасциативное произведение. Фасцинация противопоставляется информации о факте. Содержанием художественного текста может быть и реальное событие, например, героический поступок или личная трагедия кого-либо, но фактура такого события преломляется через символизацию и авторскую подачу материала. Фасциативность — это совокупность характеристик текста, превращающих этот текст в объект притяжения для адресата: в отличие от информативного текста фасциативный текст становится более значимым при повторном обращении к нему, он не поддается сжатию либо расширению, т. е. обнаруживает зависимость от своей формы. Фасциативными могут быть не только художественные тексты, сюда относятся проповеди, политические речи, магические заклинания и др., но прототипный художественный текст должен обладать притягательностью для адресата.

Формально поэтический текст выражается как регулярное ритмическое построение по канонам соответствующей культуры, имеющее синтаксические и фонетические повторы, неожиданные семантические сближения и противопоставления. Принято считать, что в поэтическом тексте должен быть примат содержания над формой: не всякое событие или состояние внутреннего мира может стать объектом эстетического осмысления и переживания (известно высказывание Ф.Энгельса о том, что девушка может петь о потерянной любви, но скряга не будет петь о потерянном кошельке). В игровом поэтическом тексте, впрочем, этот тезис был неоднократно опровергнут, и в поэтике постмодерна достаточно часто авторы эстетически оформляют в виде поэтических текстов те объекты, которые традиционно относились к профанному миру.

С позиций дискурсивного осмысления поэзия представляет собой общение особого рода, насыщенное глубинными эмоциональными переживаниями и выражаемое в эстетически маркированных языковых знаках.

В этом смысле версификация как умение слагать стихи в альбом или по случаю юбилея сотрудников может рассматриваться как имитация поэтического дискурса. Вместе с тем известно, что и стихи в альбом могут быть подлинными произведениями искусства. Здесь мы сталкиваемся с весьма тонкой материей поэтического смысла, вдохновения и таланта.

С позиций дискурсивного анализа, т.е. анализа текста в его культурно-ситуативном контексте, поэтическое общение есть диалог особого типа. О. Розеншток-Хюсси [1994: 198] условно сводит все типы человеческого общения к четырем классам познавательных высказываний — песня, команда, история (рассказ) и вычисление. В первом случае имеет место субъектив, лирическое соотнесение говорящего с переживаемой и оцениваемой действительностью, во втором случае — проектив, императивный выход в новую ситуацию (сюда относятся пророчества, этика, программные учения), в третьем случае — траектив, связывающий настоящее с прошлым (это область права, традиции, обычаев), в четвертом случае — объектив, строгая констатация того (научно-аналитический аспект общения). Каждый из этих типов общения соотносится с четырьмя темпоральными векторами: объектив связан с настоящим, траектив — с прошлым, проектив — с будущим, субъектив — со вневременным параллельным потенциальным сослагательным бытием. В этом плане поэтический дискурс адресован не конкретному собеседнику (хотя в отдельных случаях у поэтических текстов и могут быть вполне реальные адресаты), а человечеству в целом, точнее говоря, Человеку. Его цель — сопереживание, которое может найти вербальную форму, но может и не найти ее.

Поэтический диалог в прямом смысле слова как диалог поэтов, обменивающихся ритмически организованными высказываниями, имеет место в опосредованном временном режиме, когда возникают ответные поэтические произведения на одну и ту же тему либо по одному и тому же поводу, например, серия стихотворений, являющихся откликом на оду Горация *Exegi monumentum*. Такого рода отклики достаточно часто встречаются в стихотворных текстах, поскольку существуют вечные темы, к которым обращаются поэты. По содержанию такой поэтический диалог, как и всякий диалог, может быть выражением согласия или несогласия с высказанной позицией предшественника, может быть построен в том же или в ином ключе (показательны пародийные тексты).

В наше время, которое характеризуется свойственной постмодерну тенденцией размыwania и потери авторства, возникли множественные римейки —

своеобразные обработки исходного поэтического текста в новой тональности с некоторыми модификациями. Приведем отрывок из произведения Б. Акунина «Гамлет. Версия»:

Есть многое на свете, что не снилось
Ученым умникам — Гораций так сказал.
Он сам из умников, ему виднее,
Но я-то, я-то здесь зачем?
Когда не явится полнощное виденье,
Я буду чувствовать себя болваном полным,
А если явится, то Гамлету конец,
Беспечному юнцу и сумасброду.
Нетрудно жить, когда не видишь смысла
В потоке суток, месяцев и лет,
Тебя влекущем к смертному пределу.
Родился, пожил, умер, позабыт.
И что с того? Был Гамлет — и не стало.
Быть иль не быть, сегодня иль вчера
Быть перестать — ей-богу, все едино.
Как жизнь скучна, когда боренья нет,
И так грустна, а ты все ждешь,
Что ты когда-нибудь умрешь.

Бьет полночь. Гамлет вздрагивает.

Плохим студентом был я в Витенберге,
Но все ж усвоил логики азы.
Коль существуют призраки на свете,
То, значит, существует мир иной,
Куда мы после смерти попадаем.
А если так, то, значит, есть и Бог,
И Дьявол есть, и Рай, и Преисподня.
Какое к черту «быть или не быть»!
Ну где же ты, возлюбленный родитель?
Явись, мои сомненья разреши.
А лучше не являйся, так покойней.

Этот монолог представляет собой римейк известного монолога Гамлета «Быть или не быть», отличаясь от своего оригинала не только сниженной тональностью, свойственной современной разговорной речи, но, в первую очередь, иной интенцией, иной жизненной позицией. Гамлет Б. Акунина вторичен, он играет шекспировского Гамлета, иронизируя над своим героем. Бросается в глаза множество интертекстуальных скреп в этом тексте — от аллюзий к оригинальному произведению Шекспира («*There are more things in heaven and earth,*

Horatio, than are dreamt of in your philosophy — Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам» до цитаты из Лермонтова «Как жизнь скучна, когда боренья нет»).

Иногда возникают тексты, представляющие собой своеобразное состязание поэтов в реальном, говоря сегодняшним языком, он-лайн-режиме. Показателен пример, приведенный А. А. Прокопчуком [1990: 25–26]: «В сборнике анекдотов “Grosse Leute in kleinen Anekdoten” рассказывается о случае, когда страстному коллекционеру автографов Чарльзу Гору И. Г. Гердер записал *Die Erde ist ein Jammertal*, Ф. Шиллер добавил *Voller Narren und Toren*, а И. В. Гёте завершил *Wo Sie der allergrösste sind, Mein lieber Herr von Goren!*». В этом четверостишии (букв. «Земля — долина скорби, наполненная дураками и глупцами, где Вы являетесь наибольшим, мой дорогой г-н Гор!») формально соблюдены ритм и рифма и семантически выражен неожиданный вывод. Аналогичные стихотворения можно получить при игре в буриме.

Поэтический дискурс есть неоднородное явление, в котором выделяются прототипные и непрототипные разновидности.

Содержательно это бытийное общение, темы которого касаются вечных проблем и переживаний человека — любовь, встреча, разлука, дружба и вражда, жизнь и смерть, родина, красота, правда и т. д. Вместе с тем это художественное не только по форме, но и по содержанию общение, насыщенное конкретными образами и поэтому богатое символами. Можно построить простую схему, иллюстрирующую разновидности поэтического дискурса на основании соотношения содержания и формы поэтического текста:

- 1) бытийное общение, оформленное по канонам поэтического текста (хрестоматийная лирика);
- 2) бытийное общение, выходящее за рамки соответствующего канона (например, стихотворения в прозе);
- 3) обиходное общение, оформленное по канонам поэтического текста (тексты песен масс-культуры, версификаторские опыты, псевдстихотворения, составленные машиной, и т. д.);
- 4) обиходное общение как таковое.

Отметим, что в художественной литературе есть опыты по осмыслению обиходных текстов как своеобразного художественного массива. Таковы, например, формально не связанные друг с другом, но приведенные в последовательности голоса из толпы — высказывания у Л. Рубинштейна в поэме «Появление героя»:

Три раза в день перед едой.
Ну, хватит дурака валять!
В галантерее на углу.

Порядка ста — ста двадцати.
 Спасибо, мне не тяжело.
 Нет, ты серьезно или так?
 Так тоже, знаете, нельзя.

По свидетельству поэтов стихотворение часто рождается в виде ритма, на который нанизываются слова. Стихотворный ритм в его разновидностях организует в каждой лингвокультуре своеобразный смысловой тип текстов. Детальный анализ между метром и смыслом поэтического текста в русской культуре проведен М. Л. Гаспаровым [1999]. Например, трехстопный амфибрахий («По синим волнам океана...») ассоциируется с заздравными песнями, балладами, песнями, торжественной и романтической интонацией.

Несмотря на то, что в современной культуре стихотворение большей частью существует как письменный текст, у него есть особый модус звучания. В устном — исходном — виде стихотворение обнаруживает непосредственную связь с песней как породившим его жанром речи. В этом смысле заслуживает внимания манера самих поэтов читать стихи (характерно чтение И. Бродского), принципиально отличающаяся от чтения актеров. Фонетическая ткань стихотворения имеет собственную семантическую значимость. В этом смысле интересны замены позиций в тексте стихотворения, авторские корректуры.

Сравним первый и финальный варианты начала стихотворения И. Анненского «Май» (первоначальное заглавие «Стекло»):

Полнеба мягко расцвело,	Так нежно небо зацвело,
Но майский день уж тихо тает,	А майский день уж тихо тает,
И только пыльное стекло	И только тусклое стекло
Пожаром полное пылает.	<i>Пожаром запада блистает.</i>

В первом варианте стихотворения четко прослеживается аллитеративный ряд *полнеба, пыльное, полное, пылает*. Вероятно, поэт посчитал, что два аллитеративных ряда избыточны, и оставил более важную фонетическую тему *тихо, тает, только, тусклое*, выделив консонантный повтор в словах *стекло, блистает*. Образ заката в первом варианте менее акцентирован, во втором варианте — более: вечер ассоциируется с западом. Мы видим, что текст становится фонетически проще и семантически яснее.

Сопоставим черновой и финальный варианты начала стихотворения Б. Пастернака «Чувство жизни»:

Жить на земле не тяжело,	Существовать не тяжело.
Лишь только бы душа хотела.	Жить — самое простое дело.
Восходит солнце, и тепло	Зарделось солнце и взошло
Живой струей бежит по телу.	<i>И теплотой пошло по телу.</i>

В первом варианте аллитеративный ряд *жить, тяжело, живой, бежит* фонетически усиливает ассоциации ключевого слова, занимающего в исходном и деривативном вариантах сильную первую позицию в первой и четвертой строках, а во втором варианте фонетические повторы сняты наполовину, но появилось три семантических повтора (существовать — жить, не тяжело — простое дело, возшло — пошло). Мы видим, что в первых вариантах поэтического текста интуитивно выбираются и фонетически подчеркиваются наиболее важные для поэта мотивы, а во вторых вариантах происходит редактирование текста, устраняется избыточная, с точки зрения авторов, аллитерация, но становится более явной семантическая доминанта стихотворения.

По мнению А. В. Пузырева [1995: 85], оптимальным является то положение дел, когда «интуитивно подобранные поэтом звуковые повторы не осознаются читателем, испытывающим, однако, глубокое удовлетворение от «музыки» стиха, его завораживающего звучания». В психологии такое воздействие называется сублиминальным, находящимся ниже порога восприятия и поэтому проникающим непосредственно в подсознание (например, темно-серая надпись на сером фоне).

Поэтический текст предназначен всем, но, прежде всего, тем, кто близок автору по мировосприятию. С точки зрения адресата можно предложить следующую классификацию поэтического дискурса.

1. Массовый адресат, усредненный представитель всего населения. Здесь требуется обращение к поэтическим темам, простая, ясная система образов, такие стихотворения должны читаться легко и напевно.

Это было у моря, где ажурная пена,
Где встречается редко городской экипаж...
Королева играла — в башне замка — Шопена,
И, внимая Шопену, полюбил ее паж.

И. Северянин, «Это было у моря...»

2. Избранный адресат, ценитель звуковой ткани стихотворения, с большой вероятностью, другой поэт. В таком случае возникает звукопись, возможно, заумь. Это творческая мастерская представителей искусства для искусства, полигон для испытания фоносемантических образов:

Любахари, блюдахари
Губайте вин сочивое соченье;
Вот крепкий шишидрон
И сладкий насладец!

А. Крученых, «Зудесник»

3. Избранный адресат, ценитель сложных образов, с большой вероятностью, филолог или литературный критик. Чтение стихотворения превращается в занимательное хождение по лабиринту и разгадывание криптограмм:

Человеческие губы,
 которым больше нечего сказать,
 Сохраняют форму последнего сказанного слова,
 И в руке остается ощущение тяжести,
 Хотя кувшин
 наполовину расплескался,
 пока его несли домой.
 То, что я сейчас говорю, говорю не я,
 А вырыто из земли, подобно зернам окаменелой
 пшеницы.

О. Мандельштам, «Нашедший подкову»

4. Избранный адресат, ценитель афористики, мудрых или парадоксальных суждений, оформленных в виде лапидарных поэтических текстов:

Мы принимаем, все, что получаем,
 За медную монету, а потом —
 Порою поздно — пробу различаем
 На ободке чеканно-золотом.

С. Маршак, «Лирические эпиграммы»

Разумеется, приведенные типы поэтического дискурса не исчерпывают его многообразия, но показывают возможные пути для его моделирования. Поэтический дискурс в значительной степени обусловлен литературно-художественной традицией. В этой связи представляется перспективным обращение к исследованию культурно-специфических разновидностей поэтического дискурса.

3.6.2. Пародийный дискурс

Пародийный дискурс представляет собой карикатурную имитацию определенного текста либо типа текстов с целью осмеяния нелепых или претенциозных характеристик объекта и характеризуется двумя отличительными признаками — вторичность и комичность.

Критерии, на основании которых можно построить типологию пародийной тональности, сводятся к характеристикам пародируемого объекта, к характеристикам жанра, к которому относится объект, к характеристикам способов пародирования.

На основании характеристик пародируемого объекта можно противопоставить пародии с ключевыми признаками пародируемого автора и акцентированными признаками темы текста.

Известная стихотворная лесенка В. Маяковского карикатурно имитируется в пародии А. Архангельского «Разговор с Пушкиным»:

Разрешите
по плечу
похлопать.
Вы да я,
мы оба,
значит,
гении.
Остальные —
так,
рифмованная
копоть,
Поэтическое
недоразумение.

Литературная пародия. Антология сатиры и юмора России XX века. Т. 9. М., 2000

Пародист отмечает фамильярность, с которой Маяковский обращается к Пушкину, и пренебрежение к товарищам по перу. Такого рода пародии создаются только по отношению к ярким поэтам и писателям с узнаваемым индивидуальным стилем.

В ряде случаев объектом пародии становится известный сюжет, который мог бы получить своеобразное развитие в произведениях определенных авторов. В таких пародиях соотносятся банальный сюжет и пародируемый стиль того или иного автора, вплоть до узнаваемых строк их известных стихотворений. Так, А. Финкель имитирует стиль А. Барто, которая следующим образом могла бы высказаться на тему «Жил-был у бабушки серенький козлик»:

Наша бабка горько плачет?
— Где мой козлик? Где он скачет?
Полно, бабка, плачь не плачь —
В лес умчался твой рогач.

*Э. С. Паперная, А. Г. Розенберг, А. М. Финкель.
Парнас дыбом. Литературные пародии. М., 1990*

Детские стихи о девочке, которая уронила в речку мячик, известны почти всем носителям русской культуры.

На основании характеристик пародируемого жанра можно выделить пародии, высмеивающие жанр в целом, и пародии, сориентированные на значимое нарушение жанровых признаков.

Заслуживает внимания пародийная имитация жанра информационных сообщений:

Ученые Гудбайской обсерватории имени Фазтона в результате многолетних наблюдений пришли к выводу, что отсутствие контактов с Землей из космоса окончательно подтверждает наличие в нем разумных цивилизаций («Литературная газета»).

Известно, что ученые стремятся установить наличие разумных цивилизаций в космосе. Пародист констатирует, что контактировать с людьми неразумно.

Известно, что для повседневной жизни очень важны полезные крупинки практического знания. В англоязычном мире очень популярен жанр подобных инструкций (как сделать тот-то и то-то). Приведу шутливое стихотворение на эту тему:

Shake and shake the ketch-up bottle.
First none'll come and then a lot'll.

R. W. Armour

Действительно, если бутылочку с кетчупом потрясти, то сначала оттуда ничего не появляется, а потом внезапно вылетает почти все содержимое. Не зная этого, можно испачкаться. Юмористический эффект поддерживается оригинальной рифмой.

Прекрасный материал для анализа пародийной тональности общения содержится в текстах Стенгазеты «Клуба 12 стульев» «Рога и копыта» (16 полоса «Литературной газеты»):

Народная примета: Как только спрячешь деньги под матрасом, сразу приходят революционные матросы.

Опечатка: Под иллюстрацией картины И. Е. Репина «Бурлаки на Волге» вместо «Питер Брейгель, “Слепые”» следует читать «В. М. Васнецов, “Богатыри”».

Приказ по ЦРУ: За систематическое пьянство на территории России присвоить агенту 007 новый кодовый номер — «Агент 0,7–0,8».

Опытная гадалка: Предсказываю будущее, угадываю прошлое, с большим сочувствием выслушиваю о настоящем.

Замечательная традиция: По инициативе сената и настоятельной просьбе помпейцев в ближайшее воскресенье решено провести праздник — последний день года.

(«Клуб 12 стульев». Антология Сатиры и Юмора России XX века. Т. 11. М., 2001).

Рубрики сообщений в этой стенгазете соответствуют типичным рубрикам газет. Содержание сообщений представляет собой иронический комментарий к различным ситуациям в российской и мировой истории. Мы видим, что революция сопровождается грабежами, что рабы изображаются богатырями, что крепким мужикам свойственно пить (не случайно известный шпион получает кодовый номер по объему бутылок), что люди хотят пожаловаться на жизнь, а жители обреченного города собрались устроить праздник. Сочетание традиционных рубрик и иронических сообщений превращает эту информацию в пародию жанра информационной заметки.

Нарушение жанрового признака превращает текст в смешное произведение. В таких случаях акцентируется несовпадение жанра и компонента текста. В качестве типичного проявления комического дискурса часто выступают трансформированные клише, лозунги или пословицы. В США был проведен эксперимент, суть которого состояла в проверке знания и понимания младшими школьниками пословиц. Детям были предложены незавершенные высказывания, которые нужно было дописать. Приведу некоторые из полученных результатов (правильный вариант указан в скобках):

Better to be safe than ... punch a 5th grader (...sorry). — Лучше быть в безопасности, чем... ущипнуть пятиклассника (...потом жалеть).

No news is ... impossible (good news). — Отсутствие новостей ... невозможно (...есть хорошая новость).

You can't teach an old dog new ... math (tricks). — Невозможно научить старую собаку новым ... правилам математики (...трюкам).

An idle mind is ... the best way to relax (the devil's workshop). — Праздный ум ... — лучший способ отдохнуть (... добыча дьявола).

Happy the bride who ... gets all the presents (marries today). — Счастлива та невеста, которая ... получает все подарки (выходит замуж сегодня).

A penny saved is ... not much (...a penny earned). — Сэкономленный пенни ... это немного (...это заработанный пенни).

Laugh and the whole world laughs with you, cry and ... you have to blow your nose (...and you cry alone). — Смейся, и весь мир будет смеяться с тобой, плачь и ... тебе придется сморкаться (... ты будешь плакать один).

If at first you don't succeed ... get new batteries (...try, try again) — Если сначала у тебя не получается, ... поставь новые батарейки (старайся и старайся опять).

Приведенные примеры показывают, что дети мыслят конкретными категориями, и в контрасте с известными речениями житейской мудрости детские высказывания порой выглядят как прямое выражение здравого смысла. Общее направление в изменении смысла трансформированных высказываний — это

понижение их патетичности. Это известный прием пародирования. Отметим, что детские фразы лишены назидательности.

В афористике трансформированные фразы приобретают обычно глубокий смысл, но имеют не комичное, а порой грустное значение:

Лозунг воспитателя: «Знания — силой!» (В. Снигирёв),
 Дайте мне точку опоры, иначе я переверну весь мир! (А. Рас),
 Человек — это звучит гордо, а обезьяна — перспективно (А. Готовский),
 Молчание, как и золото, может быть низкопробным (М. Кузьмин).

Афористы отмечают, что знания часто внедряются насильно, что человек готов перевернуть мир, чтобы добиться успеха, что перспективы развития человечества туманны, что отмалчиваясь, мы проявляем малодушие.

Пародийная тональность прослеживается в текстах разных типов. В компьютерном общении существует определенный канон в оформлении писем, автор имеет право взять тот или иной девиз (origin) в качестве своего опознавательного знака. Приведу некоторые девизы:

И приколется обломившийся и обломится приколовшийся...
 Слепой охотник стреляет наугад.
 Сам погибай, а товарища замочи!
 Уходя, гасите всех.

Эти парадоксальные девизы пародируют стилистику пророчеств, афоризмов, пословиц и бытовых правил. Отличительными признаками этих речений являются жаргонные слова (*прикол, облом, мочить, гасить*) и темы убийства. Это свидетельствует о распространении черного юмора в современном коммуникативном поведении [Флеонова 2003].

На основании характеристик способов пародирования предлагается различать пародии, использующие семиотику пародируемого объекта, и пародии, использующие семиотику других объектов (например, вербальный объект пародируется другим вербальным объектом либо интерпретируется невербально).

Примером распространенного пародирования формы слов является так называемый «албанский язык» или «язык падонков» (орфография изменена специально), которым пользуются большей частью посетители определенных сайтов в компьютерном общении [Жуленева 2007]. Форма слов искажается намеренно: *красафчег* (красавчик), *превед* (привет), *афтар жсжот* (автор жсжет — выражение похвалы) и т.д. Помимо подобных уродливых словоформ любители такого стиля общения активно используют грубую ненормативную лексику. Такое пародирование является протестным по своей природе: представители со-

циальных низов переворачивают нормы этики и эстетики, пытаясь самоутвердиться.

Использование иной семиотики широко распространено в пародии: например, пародийный жест в ответ на претенциозное высказывание.

Важнейшая характеристика шутливой коммуникативной тональности — интенция говорящего развеселить слушающего. Адресат должен быть готов к тому, что содержание сказанного обусловлено именно этой интенцией. Тематика сообщения в этом плане играет вторичную роль. Юмористический эффект возникает в результате значимого расхождения между типовым (ожидаемым) и данным (неожиданным) положением дел, при этом такое расхождение должно осознаваться как смешное, т. е. нелепое, но не трагическое. Шутливая тональность, как и другие виды коммуникативной тональности, может быть разной у отправителя и получателя речи. В случае совпадения тональностей — шутка достигает цели, если же такого совпадения нет, участники коммуникации осознают, что произошел коммуникативный сбой.

Коммуникативная ситуация допускает множество измерений. Можно противопоставить внутреннюю и внешнюю оценку такой ситуации применительно к шутливому общению. В первом случае шутка понятна непосредственным участникам коммуникации, во втором случае ситуация воспринимается как комичная со стороны, а ее участники ведут себя вполне серьезно. Иначе говоря, есть внутренний и внешний интерпретативные ключи шутливой тональности.

Говорящий может облегчить задачу слушающего и предварительно либо по ходу общения вербально обозначить свою интенцию (например, «Мне недавно рассказали анекдот» или «Шутка»). Подобного рода индикаторы тональности весьма распространены в компьютерном общении в виде особых знаков — смайликов (от англ. *smile* — улыбка). На мой взгляд, индикаторы тональности являются своего рода спасательными кругами, которые отправитель речи бросает адресату, сомневаясь в том, что будет понят правильно. Эти способы обозначения тональности свидетельствуют о дефиците готовности к пониманию в общении. Вероятно, такой дефицит вызван чрезмерной стандартизацией современного информационного общества. Мы воспринимаем все, что нам сообщают, как информацию, значительная часть которой оказывается избыточной и поэтому заранее отбраковывается. С известной долей условности можно сказать, что в общении мы сориентированы не столько на содержание текста, сколько на его заголовок.

Существенной характеристикой современного мира является размывание границы между реальным и фикциональным положением дел. Восприятие реальной и вымышленной действительности строится по-разному: в первом слу-

чае мы понимаем, что перед нами некий факт, который может быть опасен, полезен, интересен и т.д. Во втором случае мы осознаем, что имеем дело с фикцией, которая оценивается как интересная, скучная, красивая, отталкивающая и т.д. Фикция может претендовать на фактуальность, и тогда происходит существенное замещение в нашем сознании фактов на фактоиды, т.е. квазифакты.

В Интернете размещено огромное количество фактоидов. В качестве примера приведу фрагмент из учебника русского языка для американцев («A Russian Course» by Alexander Lipson in cooperation with Steven J. Molinsky):

В парке культуры и отдыха

В парке культуры и отдыха написано:

Товарищи, лежать на траве в парке культуры и отдыха некультурно.

Директор парка культуры и отдыха.

Владимир лежит на траве в парке культуры и отдыха. Почему он лежит на траве? Не знает ли он, что лежать на траве некультурно? Он знает, но ему всё равно. Он любит лежать на траве и думать о жизни.

Директор парка: Мальчик, почему ты лежишь на траве? Ты ведь знаешь, что тут есть скамьи. Товарищ Бородин сидит на скамье. Я сижу на скамье. Все, кроме тебя, сидят на скамьях.

[пауза, пока Владимир думает]

Владимир: Мне всё равно. Я не могу сидеть.

Директор: Почему ты не можешь?

Владимир: Я слаб, товарищ директор, слаб от недоедания.

Директор: Знает ли твой отец, что ты слаб от недоедания?

Владимир: Отец знает, но ему всё равно. Весь день он лежит на диване и пьет алкогольные напитки.

Директор: [с отвращением] Какой жестокий человек!

Владимир: [с грустью] Товарищ директор, никто не любит меня. Никто не понимает меня. Я один. Я один.

Директор плачет.

Приведенный фрагмент на первый взгляд производит впечатление обычного учебного текста для изучающих иностранный язык: четко просматривается активный вокабуляр, словосочетания многократно повторяются, текст является завершенным. Вместе с тем у всех моих коллег этот текст вызвал улыбку. Налицо пародийный характер этого фактоида. Пародируется морализаторство, якобы присущее русским (делать то-то и то-то некультурно), высмеиваются стереотипы о том, что в России все пьют, думают о жизни и всем всё равно, акцентируется сентиментальность людей (*директор плачет*). Наряду с тенденциозной смешной дидактичностью этот текст включает значимые отклонения от стили-

стических и лексических норм русского языка: люди *пьют* (водку, вино или пиво), но *распивают* алкогольные напитки (мальчик вряд ли может так выражаться), выражение «*слаб от недоедания*» является описательным оборотом высокого стиля, явно неуместным в речи мальчика, фраза «*Я один*» в этой ситуации выглядит странной (обычно говорят «*Я одинок*»). Вспомним попытки великого австрийского поэта Р. М. Рильке написать стихи на русском языке, там была фраза «*Я так один!*». М. И. Цветаева прокомментировала: «*Захотелось несовершенства*». В рассматриваемом тексте обыгрывается интересная культурная деталь: в нашей стране в определенное время в парках часто вывешивали предупреждение «*По газонам не ходить!*». Вместо этой фразы мы видим нравоучительное высказывание «*Лежать на траве в парке культуры и отдыха некультурно*». В англоязычном мире принято лежать на траве в парках, это никем не осуждается. Само по себе нравоучительное высказывание вряд ли может быть административным знаком (кстати, реальные предупреждения обычно содержали санкцию — предупреждение о штрафе).

Знаком пародийной тональности может быть расхождение между стремлением говорить красиво, используя высокий стиль, редкие слова, и недостаточным уровнем образования. Например: «*Она мне импонирует*». Говорящий слышал слово «импонировать» и понимает его значение, однако просторечное оформление аффикса делает это высказывание смешным. Если такая ошибка допускается намеренно, перед нами — языковая игра, если же подобная оговорка происходит случайно, то комизм ситуации понятен только окружающим. Имитируя стиль такого человека, мы общаемся в пародийной тональности.

Парадоксальное переворачивание поведения человека и животного показано в коротком рассказе Татьяны Новиковой «Знакомство»:

Пришли гости.

Собака дремала в углу.

— Иди ко мне, — сказал один из гостей, удобно расположившись в кресле.

Сенбернар подошел.

— Сидеть, — сказал гость.

Собака села.

— Лежать, — сказал гость.

Собака легла.

— Стоять, — сказал гость.

Сенбернар встал.

— Сидеть, сказал гость.

Он сел.

— Дай лапу, — сказал гость.

Собака дала лапу и с интересом посмотрела на визави.

Гость задумался.

— Лежать, — наконец сказал он.

Сенбернар вздохнул и снова лег.

— Сидеть, — еще сказал гость.

Собака села.

Гость еще поразмыслил, но не нашел, что добавить.

— А теперь ты встань и уйди, — сказала тогда собака.

Этот текст представляет собой в формальном плане иллюстрацию стилистического приема ретардации, когда развитие сюжета намеренно задерживается, а содержательно приведенный рассказ иронически оценивает попытку человека показать свое превосходство над собакой.

В следующей миниатюре Виктора Шендеровича «Орел и Прометей» пародия приобретает саркастическую окраску:

Орел: Привет!

Прометей: Здравствуй.

Орел: Ты, никак, не рад мне?

Прометей: Чего радоваться-то?

Орел: Это ты прав. Я тоже каждый раз с тяжелым сердцем прилетаю.

Прометей: Да я тебя и не виню.

Орел: Это все Зевс. Суровый, собака. (Плачет).

Прометей: Ну ничего, ничего...

Орел: Замучил совсем. Летай по три раза в день, печень людям клюй... Сволочь!

Прометей: Ну извини.

Орел: Ладно, чего там. У тебя своя работа, у меня своя. Начнем.

Занавес.

Приведенный текст представляет собой пьесу, в которой пародируется известный античный сюжет о муках Прометея, которого Зевс приковал к скале за то, что титан украл у богов олимпийский огонь и отдал его людям. Диалог между палачом и жертвой неоднократно был осмыслен в художественной литературе, и обычно поведение мученика показывается как образец нестигаемого героизма и терпения, а поведение палача — как действие бездушного механизма. В приведенном тексте этот диалог приобретает обиходный характер. Палач вынуждает Прометея оправдывать свою работу, титан даже извиняется перед орлом за то, что причиняет ему моральные неприятности. Палач винит во всем своего господина и плачет, но к выполнению своих обязанностей, тем не менее, приступает, как ему и положено. В этом тексте саркастически показано поведение мучителя, который хочет выглядеть благопристойно в глазах своей жертвы, и титана, готового простить своего палача.

Существуют веселые пародии, обыгрывающие стиль того или иного автора. Например, А. Левин в стихотворении «Наклонительное повеление» пародирует юного О. Мандельштама («Кружевом, камень будь, и паутиной стань: неба пустую грудь тонкой иглою рань»):

Рыбина, голоси!
Дерево, улетай!
Ижина, небеси!
Миклуха, маклай!

Спящерица, проснись!
Тьматьматьма, таракань!
Яблоко, падай ввысь!
Усадьба летом, рязань!

<...>

Ясного не мути.
Дохлого не оживляй.
Если ты нем — свисти,
Если лама — далай!

В этой языковой игре в качестве повелительного наклонения используются разные омоформы слов и частей слов: имена собственные (Н. Н. Миклухо-Маклай, Тьмутаракань, Рязань), титул (далай-лама), часть фразы (иже на небеси). Возникает ощущение карнавального переворачивания всей системы координат обычного мира.

Подведем основные итоги.

В ряду коммуникативных тональностей выделяется пародийная тональность, состоящая в карикатурной имитации нелепого или претенциозного вербального и невербального поведения. Разновидности пародийной тональности сводятся к лирической и саркастической пародии. Выделяются пародийные тексты, сориентированные на характерные признаки индивидуального стиля автора, тематику произведения, жанр в целом и жанровые несуразности, а также на способ пародирования.

3.6.3. Стратagemный дискурс

Среди подходов к изучению дискурса выделяется критический анализ дискурса [Водак 1997], целью которого является вскрытие манипуляций, доминирования, неискренности в общении. Тип дискурса, который является предметом анализа при таком подходе, можно определить как стратagemный дискурс. Стратегема исторически относилась к ведению военного искусства и понима-

лась как военная хитрость, способ одержать победу над врагом, имея для этого недостаточные ресурсы. Коммуникативная стратагемность представляет собой характеристику общения, направленного на получение символических или материальных преимуществ над коммуникативным партнером, который при этом обычно не догадывается о намерениях говорящего [Сидорков 1997]. Стратегический дискурс проявляется в виде коммуникативных манипуляций, провокационного общения, иронии, лжи. В плане соотношения формы и содержания общения стратегический дискурс является разновидностью не прямой коммуникации [Дементьев 2006], в плане характеристики поведения говорящего — разновидностью неискреннего дискурса [Плотникова 2000]. Интерес многих современных исследователей к изучению явлений, связанных с различного рода манипуляциями, объясняется виртуализацией нашей жизни, стиранием граней между фактами и как бы фактами, увеличением доли стратегического общения, по Ю. Хабермасу, сближением массово-информационного, политического и рекламного общения с обиходным дискурсом и ощущением утраты чувства подлинности. А. В. Олянич рассматривает стратегическое общение как отсылку к чужому опыту и его метафорическое переосмысление для достижения (обычно неблагоприятной) цели [Олянич 2004: 300].

В ряду исследований манипулятивного общения выделяются работы, посвященные общим характеристикам манипуляции [Доценко 1997], манипулятивному речевому воздействию [Денисюк 2004], манипулятивным стратегиям в политическом [Шейгал 2004; Михелёва 2004], рекламном [Олянич 2004; Попова 2005] и обиходном дискурсе [Седов 1999]. Манипуляция является одним из способов намеренного воздействия на адресата и противопоставляется воздействию посредством аргументации, посредством авторитета и посредством физической и психической силы [Kramarae et al. 1984: 110]. Манипулятивное коммуникативное событие характеризуется интенциональной и интерпретативной двуплановостью: говорящий преследует цель добиться нужного для себя поведения со стороны адресата и делает вид, что общается с адресатом дружелюбно и бескорыстно, адресат уверен в добром расположении к себе со стороны говорящего, а наблюдатель видит истинные мотивы манипулятора. Манипуляции в политическом дискурсе выражаются как скрытые способы внедрения в сознание электората образов, понижающих имидж политических оппонентов манипулятора и повышающих его собственный имидж, с одной стороны, и убеждающие аудиторию в том, что политические оппоненты манипулятора являются чужими для избирателей, а сам манипулятор выступает для них как свой, с другой стороны. Манипуляции в рекламном дискурсе состоят в трансформациях прототипического рекламного текста: «Я (продавец) прошу тебя (покупа-

теля) купить этот хороший товар, потому что это выгодно для тебя» [Попова 2005: 10]. Вместо позиции «покупатель» может быть позиция «потребитель» и соответственно вместо позиции «купить этот хороший товар» может быть позиция «воспользоваться этой хорошей услугой». Манипулятивная метаморфоза состоит в удвоении субъекта: фактически в качестве агентов рекламного дискурса фигурируют бенефициант и фациант (продавец и зазывала), у каждого из которых есть своя функция, например, цель продавца — реализовать товар, цель зазывалы — убедить покупателя в том, что это выгодно покупателю, а не продавцу [там же: 15]. Автор выделяет три универсальные рекламные манипулятивные тактики — подмена ролей (акцентирование позиции адресата), надевание маски (интимизация общения), игра с мотивом (подмена мотива) и ряд специфических рекламных манипулятивных тактик (укрупнение фигуры адресата, качества товара и выгоды адресата) [там же: 20–21].

Анализируя провокативный дискурс, В. Н. Степанов определяет его как разновидность манипуляции, опосредованно выражающей коммуникативное намерение говорящего, опирающейся на конкретную ситуацию общения и внешне безадресатной. Типичными проявлениями провокативного дискурса выступают комплексный жанр заботы, включающий элементарные жанры «совет», «упрек», «вопрос», «согласие», «предупреждение» и др., и элементарные провокативные жанры «вопрос» и «жалоба» [Степанов 2003]. Суть провокационного дискурса состоит в том, чтобы вызвать со стороны адресата реакцию, которая бы у этого адресата не возникла без скрытого давления со стороны говорящего. Эта реакция может быть весьма вариативной, обычно провокатор удовлетворяется чувством неловкости или вины у человека, который ничего предосудительного не совершил. Классическая фраза «Ходят тут всякие...» подразумевает вывод: «И потом случается что-то плохое». Этот вывод все присутствующие конкретизируют так: «И это из-за меня?». В прагмалингвистике используется понятие *«face threatening act»* — действие, наносящее ущерб самоуважению человека, например, речевое действие «совет» ставит получателя совета в позицию нижестоящего, поскольку совет дают тем, кто попадает или может попасть в затруднительную ситуацию и самостоятельно из этой ситуации может не выйти. Аналогичным образом речевое действие «комплимент» в известной мере лишает адресата свободы в действиях и проявлениях своих чувств. Сверхзадачей провокативного дискурса является повышение собственного «Я» в глазах провокатора за счет понижения самоуважения участников ситуации либо ограничения их символической свободы. Различного рода провокативные действия часто используются как упреждающий прием для того, что-

бы избежать критики. Например, в англоязычном дискурсе опоздавший может сказать: *«I'm such a pig, such a pig»*. Раздражение тех, кто ждал этого человека, тем самым получает выход.

Разумеется, существует простой и осложненный стратагемный дискурс, в последнем случае участники общения понимают двуплановость коммуникации, но до определенного момента ведут себя так, как будто бы общение является искренним. Приведу английскую эпиграмму в переводе С. Маршака:

Он целовал вас, кажется?
 — Боюсь, что это так!
 — Но как же вы позволили?
 — Ах, он такой чудак!
 Он думал, что уснула я
 И все во сне стерплю,
 Иль думал, что я думала,
 Что думал он: я сплю!

Осложненный стратагемный дискурс характерен для определенных речевых жанров, для определенных лингвокультур и типов личностей. Но такой дискурс не равен непрямому дискурсу, поскольку не прямое выражение смысла может и не содержать интенции обхитрить партнера по общению. В определенном обществе оптимальный путь к достижению стратегической цели общения состоит в том, чтобы сразу же обозначить свой личный интерес в обсуждаемых вопросах, в других лингвокультурах такая поведенческая линия табуируется.

Весьма интересен для анализа иронический дискурс. О. П. Ермакова определяет иронию как «один из видов языковой манипуляции, которая заключается в употреблении слова, выражения или целого высказывания (в том числе и текста большого объема) в смысле, противоположном буквальному (чаще всего в противоположном) с целью насмешки» [Ермакова 2005: 7]. Ирония не сводится только к насмешке под видом похвалы и не всегда является видом комического. Ирония может быть явной и скрытой, язвительной и добродушной, веселой и грустной. Ирония соотносится с ложью, но если ложь совершается для достижения цели, лежащей за пределами высказывания, то цель иронии в самом высказывании, в выражении насмешки. При этом существует ирония, которая не сопоставляется с ложью (например, люди, попавшие под ливень, говорят: «Кажется, дождь начинается») [там же: 16]. Ирония соотносится с шуткой, но шутка не является монополией языка, а ирония жить без языка не может, и, кроме того, цель шутки — вызвать смех, а цель иронии — насмешка.

Шутка не нуждается в маске, а ирония выступает под маской наивного, глупого, восторженного человека. Шутка диалогична, ирония может быть и монологичной. Ирония может быть скрытой, а шутка должна быть понятной. Объектом иронии может быть сам говорящий, к шутке это не относится. Словесное пространство шутки ограничено, в то время как ироничным может быть как слово, так и большое художественное произведение. Шутка может быть и ненамеренной, ирония всегда интенциональна. Шутка социальна, ирония индивидуальна. Главное же отличие между шуткой и иронией состоит в том, что в структуре иронии содержатся перевернутые причинно-следственные отношения, а в шутке их нет [там же: 17–27].

Лингвистический анализ иронии свидетельствует о том, что существует определенный иронический модус восприятия действительности, его признаками являются парадоксальность, двусмысленность, оценочность и эмоциональная окрашенность [Палкевич 2001: 10]. Ирония не является ни прямым, ни косвенным речевым актом, а относится к инсценированным речевым актам [Лимарева 1998: 12–13]. Базисными характеристиками иронического дискурса являются элемент агрессии, комический эффект и наличие диспропорции [Балашов 2006: 9]. Ирония является коммуникативным принципом и специфически соотносится с принципом вежливости [Охримович 2004].

В качестве критериев классификации иронического дискурса можно выделить векторы субъекта, адресата и темы. При анализе вектора субъекта противопоставляются интенциональная ирония агента и интерпретативная ирония наблюдателя: *«В городскую думу избраны самые благородные люди города» — Услышав грохот в квартире (что-то свалилось), некоторые люди говорят: «Наши наступают»*. Ирония агента — это насмешка над навязанным сюжетом, ирония наблюдателя — это насмешка над привычными схемами восприятия мира. При анализе вектора адресата противопоставляются собственно ирония и самоирония: *«Читателю со средним уровнем внимания трудно следить за логикой автора» (фраза из отзыва о диссертации) — «Я — опытный пользователь компьютера. Только что стер свою статью»*. При анализе вектора темы иронии можно противопоставить обиходные и обобщенные иронические высказывания: *«Я уколов не боюсь, если надо — уколюсь!» (известное стихотворение Сергея Михалкова, в разговоре о наркоманах) — «Чем позднее обезьяна превратилась бы в человека, тем больше сбереглось бы человеческой крови» (Ежи Лец)*. Обиходная ирония распространена на тематику сиюминутных наблюдений, обобщенная ирония касается несовершенства мироздания.

Феномен лжи всегда интересовал людей. Ложь является намеренным коммуникативным действием, направленным на введение людей в заблуждение. С позиций логики ложь — это антипод истины, с позиций этики — это получение пользы путем причинения вреда другому человеку, с позиций психологии — это коммуникативное действие, состоящее в замещении фикцией неблагоприятной действительности и осуществляемое для того, чтобы получить благо или избежать наказания, с позиций культурологии — это коммуникативная практика, существующая и порицаемая в любом обществе и проявляющаяся в стереотипных способах введения людей в заблуждение, с позиций лингвистики — это концепт, содержанием которого является коммуникативное действие сознательного введения в заблуждение, а выражением — система коммуникативных стратегий и тактик намеренного искажения информации [Болинджер 1998; Вайнрих 1998; Панченко 1999; Морозова 2005; Потапова, Потапов 2006].

В монографии «Ложь как дискурсивное образование: лингвокогнитивный аспект» Е. И. Морозова рассматривает онтологию лжи, моделирует когнитивные основания вербализованной категории лжи и характеризует дискурсивное пространство этого феномена. Автор предлагает схему, иллюстрирующую соотношение ложности и истинности, с одной стороны, и ясности и неясности, с другой. Правда — это ясные истинные сообщения, ложь — ясные ложные сообщения, непрямота — неясные истинные сообщения, уклончивость — неясные ложные сообщения [Морозова 2005: 125]. Автор солидарен с теми лингвистами, которые считают, что основными сферами лжи являются обыденная и политическая коммуникация, однако ложь характерна и для науки, искусства, религии и права. В цитируемой работе предложена классификация коммуникативных ситуаций лжи: 1) ложь в интимно-личностном общении (ложь детей родителям, ложь между супругами, ложь друзьям в ситуациях развлечений, самообман); 2) ложь в профессионально-деловом общении (ложь на рабочем месте, в академической сфере); 3) ложь в социально-ролевом общении (обман при финансовых операциях); 4) ложь в рекламе; 5) ложь в средствах массовой информации; 6) ложь в политико-пропагандистской сфере; 7) ложь в правовой сфере [там же: 194–199]. Н. Н. Панченко анализирует лингвокультурную специфику лжи английским и русским языковым сознанием и делает вывод о том, что доминирующими эмоциями, стимулирующими ложь в обеих лингвокультурах, являются страх, боязнь, малодушие, а наиболее частотными мотивами выступают любовь к близким, жалость, сострадание, желание защитить, и, во вторую очередь, жадность, тщеславие и зависть [Панченко 1999: 7]. Автор устанавливает семь разновидностей обмана: «активная ложь», «пассивная ложь (замалчивание)», «клевета», «преувеличение», «лесть», «притворство» и «акцио-

нальный обман (жульничество)» [там же: 15]. Х. Вайнрих выделяет также ложь, которая доставляет удовольствие — поэтический вымысел [Вайнрих 1999: 84].

Р. К. Потапова и В. В. Потапов приводят критерии реальности, позволяющие криминалистам отличить правдивые показания от ложных: 1) общие характеристики (логическая структура, неструктурированная продукция, количество деталей); 2) специфические детали (включение в контекст, описание взаимодействия, воспроизведение разговора, неожиданное осложнение в ходе инцидента); 3) необычные характеристики, связанные с содержанием (необычные детали, излишние детали, точно сообщенные детали, мало понятные свидетельствующему, сопутствующие внешние ассоциации, сообщения о своем психическом состоянии, приписывание психического состояния преступнику); 4) содержание, связанное с мотивацией (спонтанные поправки, допускаемая возможность «пробелов в памяти», сомнения в значимости своего свидетельства, самоосуждение, оправдание преступника); 5) элементы, отражающие специфику преступления (детали, характерные для преступлений данной категории) [Потапова, Потапов 2006: 353]. Криминалисты полагают, что в показаниях свидетелей должен быть баланс между рассказом о том, что предшествовало событию, описания этого события и описания того, что произошло после этого события, в том числе действия и эмоции интервьюируемого. Если какая-то часть показаний представлено неполно или отсутствует, есть вероятность, что показания являются ложными. Даже формы слов могут свидетельствовать о правдивости или ложности сообщения, например, если речь идет об исчезновении человека, то обычно свидетели говорят о нем в настоящем времени, и появление глагола в прошедшем времени является индикатором вероятной лжи [там же: 356]. В качестве знаков неискренности фигурируют дискурсивные формулы типа «я думаю», «я считаю», назначение которых — оставить говорящему возможность для маневра. На мой взгляд, эти и другие индикаторы неискренности нуждаются в серьезной лингвистической, психологической и социологической проверке: образованные люди, например, склонны к использованию разного рода модальных модификаторов речи, смягчающих категоричность высказывания. Степень эмоциональности речи так же вряд ли может быть индикатором правдивости сообщения, нам всем неоднократно встречались эмоциональные лжецы. Но некоторые признаки лжи действительно свидетельствуют о намерении ввести в заблуждение, например, неоднократное повторение одних и тех же утверждений (вспомним изречение: *Ты сказал один раз, и я поверил, ты сказал два раза, и я засомневался, ты сказал три раза, и я понял, что ты лжешь*). Другим индикатором лживой речи является отсутствие несоответствий, приглаженность и согласованность фактов. В правдивых сужде-

ниях встречаются противоречия, отражающие реальность, которая часто бывает противоречивой. Вместе с тем некоторым людям свойственно сумбурно мыслить и действовать как в ситуации искреннего общения, так и в случае обмана.

Многомерность феномена лжи позволяет построить его классификацию на основании следующих признаков: 1) релевантность (только значимое сообщение воспринимается как правда либо ложь, незначимая информация является нейтральной в этом плане); 2) мотивация (люди лгут с благими намерениями либо с целью причинения вреда); 3) сопряженность с правдой (вспомним старинную клятву: «Клянусь говорить правду, всю правду и только правду»); это значит, что умолчание является разновидностью лжи, как и добавление вымысла к правде); 4) последствия (есть ложь, наносящая существенный ущерб человеку или обществу, и относительно безвредная ложь); 5) манера (можно лгать тонко или грубо, деликатно или нахально, вдохновенно или скучно).

Таким образом, страгемный дискурс представляет собой особый тип общения, выделяемого на основании двуплановой интенции агента коммуникации, противопоставления адресата и наблюдателя, драматургической организации, причинения ущерба адресату и проявляется как манипуляция, провокация, ирония и ложь в их разновидностях.

3.7. Культурогенные тексты

Положение о том, что культура реализуется в определенных образцах и значимых смысловых последовательностях — текстах, вошло в аксиоматику культурологии. Из этого положения вытекает постановка весьма обширной исследовательской программы — поиск соответствий между типами культуры и типами текстов. Одна из таких корреляций предложена в работе американского исследователя Дж. Лемке [Lemke 2003], который устанавливает три принципиально различных типа текстов по их культурогенной значимости.

Первый тип текстов (и других семиотических артефактов) образуют уникальные сакральные тексты, назначение которых — неизменная передача одного и того же текста от поколения к поколению. Второй тип текстов возникает тогда, когда люди переходят к осознанию стандарта, жанра, текстового типа. Это связано, прежде всего, с развитием книгопечатания. Смысл конкретного текста сохраняет свою значимость, но все большую значимость приобретает соответствие этого текста стандартному типу. В условиях глобализации и возникновения единой компьютерной сети появляется текст третьего типа, отличительная особенность которого — наличие гипертекста, возможность моментального

переключения в любой другой текст, жанр, способ передачи и хранения информации. На первый план здесь выходит гибридизация типов дискурса и отдельных жанров, тотальное размывание границ в едином текстовом пространстве. Текст третьего типа поддержан новой культурой в целом, возможностью переключения предметной деятельности, места работы и жительства, даже собственной идентичности. Эти тексты в своей основе отражают важнейшие признаки эпохи пост-модернизма. Главная характеристика этих текстов — возможность постоянных переходов к другим семиотическим образованиям. Автор предлагает новый термин для обозначения таких переходов — «траверсалии» — *traversals* [Lemke 2003: 135]. Наличие этих траверсалий предполагает и новые виды контроля общества над своими членами, главным образом посредством масс-медиа. Тексты третьего типа — это в массе своей короткие тексты (их прототип — газетное или журнальное сообщение, которое можно прочитать за несколько минут), предназначенные для однократного использования и все чаще включающие визуальный компонент (картинку). Соответственно, выделяются три типа текстовой компетенции: 1) умение точно запомнить и многократно воспроизвести заданный текст, 2) умение осознать жанровый канон и воспроизводить тексты в рамках этого канона и 3) умение соединять любые тексты (и текстообразующие институты). В последнем случае высоко ценится стратегия соединения текстов, именно здесь, по мнению автора, следует ожидать новых способов осуществления социального контроля.

Эта концепция перекликается с теорией Ж. Бодрийяра [2000] о типах «неподлинностей» — симулякров. Понятие «симулякр» как видимость или подобие в философском отношении представляет собой соответствие некоторому оригиналу, в идеальном варианте — платоновскому эйдосу (первообразу, идее вещи). Соответственно возможны отклонения от оригинала по степени сходства с ним (репродукции и копии), по легитимности (копии и подделки), по процессуальности (копии и копирование). Репродукция технически воспроизводит неизменный вариант определенного оригинала, копия допускает незначительные отклонения от него, которые, накапливаясь, могут привести к образованию новой вещи. Копия легитимна в той мере, в какой общество санкционирует копирование определенных оригиналов, все остальные попытки воспроизвести тот или иной оригинал квалифицируются как подделки, и соответствующие артефакты подлежат уничтожению, а их авторы — наказанию. В процессуальном отношении применительно к оригиналу и копии на первый план выходит идея модели, образца, технологии, по которой воспроизводится некоторый материальный или идеальный объект. Ж. Бодрийяр говорит о трех стадиях (порядках) симулякров в истории общества: 1) подделка, связанная с

идеей уникальности оригинала, 2) производство, связанное с идеей тиражирования оригинала, 3) симуляция, связанная с идеей замещения оригинала [Бодрийяр 2000: 111].

Острое переживание нетождественности оригинала и копии, поиск подлинников и подлинности в философском отношении соответствуют главной идее экзистенциализма — нахождению и оправданию смысла жизни. Культурологическая (и лингвокультурологическая) проекция этого переживания находит отражение в типологии текстов как знаков определенной культуры.

Приведенная выше типология текстов построена на двух основаниях — уникальность/массовость и результативность/процессуальность. Эти же критерии являются основой для построения более общей концепции ценности артефактов в обществе. Нельзя не согласиться с цитируемыми авторами в том, что переход от уникальности к массовости неизбежно приводит к осмыслению процесса копирования и его дальнейшему гипостазированию — наделению качества сущностью. Качество, получающее статус сущности, как известно, стремится к отрыву от изначального носителя этого качества. В этом смысле Ж. Бодрийяр прав, раскрывая суть третьего порядка симулякров в обществе, — они фантомны. Вопрос в том, какой процент артефактов в обществе является фантомным и почему.

По-видимому, пропорция фантомных образований в обществе является некоторой константой. Язык как способ аккумуляции опыта с его последующей генерализацией способствует образованию таких фантомов. Фантомное противопоставляется реальному. По-видимому, на более ранних этапах человеческой истории фантомы относились к явлениям природного мира. Человек противопоставлял себя природе, и природные силы (стихия, животный мир, происходящие с человеком естественные процессы) наделялись сверхъестественными характеристиками и, в соответствии с человеческим свойством все приравнивать к человеку, одушевлялись. Мифы и закрепляющие их древнейшие сакральные тексты базируются на осознании и переживании величия природного мира.

Освоение и преобразование мира закономерно привели к осмыслению очеловеченного пространства и различных инструментов, с помощью которых это пространство создавалось. Ю. С. Степанов [1997] прав, говоря о том, что в развитии культурных феноменов всегда имеет место некоторое запаздывание, например, первые автомобили имели внешнее сходство с каретами. Сакральные тексты о возникновении города (очеловеченного пространства) строились на оппозиции «город – лес». Первоначальная практика освоения мира объективно строилась на уподоблении очеловеченного пространства природному. Инструменты были похожи на независимые от человека предметы: каменный нож был

внешне заостренным камнем, соха — изогнутой острой веткой. Согласно древним сказаниям, первые важнейшие инструменты были даны людям бессмертными богами. При этом сам акт передачи носил порой драматический характер: Прометей похитил огонь у богов. Идея получения права на производство артефактов сопряжена в архаичном сознании с понятиями магии. Неслучайно кузнец в древних фольклорных текстах обладает властью над нечистой силой.

Мир артефактов, объективно разрастаясь, стал занимать все большее место в обыденной жизни и соответственно в сознании человека. Изменилась модальность отношения человека к миру: если раньше было важно установить цикличность событий, предусмотреть возможный вред от непредсказуемых и неуправляемых природных сил, то теперь на первый план выходят правила использования, утилизации окружающего пространства. Обратим внимание на интересный этический парадокс: если мы не в силах извлечь пользу из чего-либо, мы начинаем осваивать это эстетически, а если же утилизация возможна, то на первый план выдвигаются нормы долженствования. Долженствование является способом упорядочения пользы. В этом смысле библейские тексты отражают (за исключением космогонического дебюта и отдельных пассажей наказания людей за их порочный образ жизни) более продвинутый этап в истории человечества — этап иерархического распределения артефактов в мироустройстве.

На высшем уровне находятся символические артефакты, связанные со служением Богу. Помимо описания священных предметов, правил жертвоприношения, одеяний священнослужителей мы сталкиваемся с текстами, выполняющими функцию фиксации абсолютных норм: это десять заповедей и аналогичные формулы в других вероучениях, своеобразные тексты в тексте. На следующем уровне находятся артефакты, связанные с властью земной — властью царя и закона. На третьем уровне находятся артефакты, связанные с ежедневным трудом и отношениями людей в процессе производства. Заметим, что в священных книгах мы не найдем описания предметов производства, правил рационального земледелия и т. д. Это и не удивительно: культурные тексты первого типа создавались жрецами. Итак, в обществе, которое в значительной мере зависело от неподконтрольных человеку природных сил, важнейшую роль в порождении текстов, определявших характер культуры, играли жрецы, маги.

Развитие производства закономерно привело к тому, что люди, занятые в производстве (организаторы производства), осознали свою значимость в обществе и на основании экономической реальности стали ведущей социальной силой. На первое место вышел социальный тип, условно обозначаемый в данной работе как ремесленник (мастер, *homo faber*).

Дальнейшее развитие производства привело к созданию высоких технологий, благодаря которым собственно в производстве стало занято гораздо меньше людей, чем раньше, а освободившиеся человеческие ресурсы перешли в сферы услуги и досуга. Эта сфера деятельности выдвинула на авансцену новый тип активного деятеля, который условно можно обозначить как фокусник.

Разумеется, названные социальные типы схематичны и условны, но представляет интерес то, какие тексты порождаются этими типами.

Каковы характеристики иератических (жреческих) текстов?

Это тексты бытийные (не бытовые) по своему основному предназначению, касающиеся важнейших смысложизненных вопросов, насыщенные символами, отшлифованные риторически для того, чтобы в максимальной степени оказывать воздействие на слушателя (прототипным текстом здесь является проповедь), сравнительно легко запоминающиеся (их передавали от поколения к поколению устно), не допускающие изменений ни в содержании, ни в форме (когда их стали записывать, неслучайно возникла норма: «Ошибка переписчика равна умышленному греху»). В этих текстах в концентрированном виде были отражены нормы поведения в обществе. Поскольку функция передачи знания была сопряжена с функцией служения Богу, то роль учителя в этих текстах является сакральной. Символика и метафорика таких текстов не допускают двусмысленных толкований: *Человек, сбившийся с пути разума, водворится в собрании мертвецов* (Притчи, 21: 16).

Иератические тексты организованы с соблюдением формальной и содержательной ритмики, они строятся на повторах, усиливающих главную мысль:

Тот, кого ты собираешься ударить, — не кто иной, как ты сам.

Тот, с кем ты собираешься управиться, — не кто иной, как ты сам.

Тот, кого ты собираешься мучить, — не кто иной, как ты сам.

Тот, кого ты собираешься обратить в рабство, — не кто иной, как ты сам.

Тот, кого ты собираешься убить, — не кто иной, как ты сам. Мудрец искусен и управляет своей жизнью после понимания равенства убиваемого и убийцы. Поэтому он никогда не причиняет другим страдание и не позволяет делать это другим (Джайнизм. Акарангасутра 5.101–102).

Обратим внимание на стилистическую фигуру восходящей градации — *ударить, управиться, мучить, поработить, убить*. Лишение свободы (порабощение) лишь на одну ступень отличается от убийства. Этот жреческий текст создан в рамках древнеиндийской культуры, сориентированной, как нам порой представляется, на смирение. Внимательное прочтение этого текста показывает общечеловеческую универсальную ценность концепта «свобода».

Иератические тексты определяют координаты миропорядка, четко разъяняя, что есть добро и зло применительно к своему племени. Они дают начало текстам философским, юридическим, научным и поэтическим. Эти тексты закрепились традицией и составляют стержень культуры. Именно такие тексты становятся в первую очередь прецедентными для той или иной лингвокультуры (и в дальнейшей для человечества в целом), постепенно переходя в концепты соответствующих текстов [Слышкин 2000].

С развитием книгопечатания обыденная жизнь человека проникает в текстовое пространство. Различного рода повествования о событиях из жизни людей примечательных и обычных, включающие вымысел, становятся достоянием читающей публики. Чтение перестает быть сакральным занятием. Образцом мирской литературы является газета, повествующая о заботах текущего дня и мгновенно теряющая свою информационную ценность завтра. Тексты этого типа ординарны и в отличие от иератических не анонимны. Они создаются конкретными авторами и не претендуют на божественное происхождение. Для их составления, кстати, не требуется вдохновения, достаточно умения. Огромный текстовый массив составляют производственная переписка (делопроизводство, инструкции, отчеты) и частная переписка. Сюда же относится множество учебных текстов, например, сочинения на заданную тему. По сравнению с текстами первого типа тексты второго типа характеризуются гигантской жанровой вариативностью, кратковременностью существования и повсеместностью распространения. Иератические тексты составляют ничтожно малую часть в огромном текстовом массиве, состоящем в основном из ординарных ремесленнических текстов, но по своей культурогенной значимости, повторяемости и прецедентности четко выделяются как знаковые константы.

Следует подчеркнуть неоднородность текстов второго типа (дать их классификацию значит попытаться разбить на классы все написанное). Некоторые из этих текстов по определенным параметрам приближаются к текстам иератическим (образцы художественной литературы, различные кодексы, классические научные труды), некоторые с трудом соответствуют литературному стандарту (неслучайно в обиход вошел термин «паралитература»).

Дж. Лемке [Lemke 2003] прав, говоря, что для текстов второго типа, текстов массовой культуры, важнейшим качеством является соответствие жанровому канону. В ином ключе эту идею развивает А. Г. Баранов [1993: 170], определяя текстотип как способ бытования жанра в языковом сознании. Приведем в качестве примера текст, относящийся к жанру disclaimer — официальное заявление о снятии с себя ответственности перед покупателем или клиентом за ущерб, возникший вследствие нарушения ими правил пользования продуктом: *The*

manufacturer disclaims any liability for damage which may result as a consequence of improper use or use contrary to the instruction contained herein.

Это — разновидность юридического дискурса, констатация прав и обязанностей, возникающих в результате совершения определенной сделки. Производитель товара или фирма, предоставляющая определенные услуги, официально уведомляют потенциальных истцов, которые могут подать в суд на соответствующих производителей или тех, кто предоставляет услуги, о том, что гарантии имеют ограничения. Такая практика характерна для общества, где четко определены права потребителей. Интересен фрагмент из текста данного жанра на сайте университета штата Юта:

Health-Related Content Disclaimer:

Health related topics found on any University page, should not be used for diagnosing purposes or be substituted for medical advice.

As with any new or ongoing treatment, always consult your professional healthcare providers before beginning any new treatment. It is your responsibility to research the accuracy, completeness, and usefulness of all opinions, services, and other information found on the site, and to consult with your professional health care provider as to whether the information can benefit you. The University of Utah assumes no responsibility or liability for any consequence resulting directly or indirectly for any action or inaction you take based on or made in reliance on the information, services, or material on or linked to this site.

Посетители сайта официально предупреждаются о том, что размещенная на сайте информация, имеющая отношение к здоровью, не должна использоваться в качестве диагностики или замены медицинского обслуживания.

Аналогичным образом мы можем построить подобный текст, касающийся типичной ситуации, участники которой могут оказаться в правовом пространстве договорных отношений, ограничиваемом здравым смыслом.

Различные речевые жанры могут в разной степени отходить от своего канона, есть ригидные и лабильные речевые жанры, например, официальные заявления, представляющие собой трафаретные формы, и частные письма, вариативность которых достаточно велика.

Тексты третьего типа принципиально отличаются от предыдущих своей игровой сущностью. Следует заметить, что создатель таких текстов — фокусник, шут, иллюзионист — не новое образование в списке коммуникативных типажей. Эти личности соседствовали со жрецами и мастерами, дополняя их. Но в новейшую эпоху дистрактивная функция (функция развлечения) приобрела статус одной из важнейших в связи с увеличением досуга у граждан современного пост-индустриального общества. То, что раньше подавалось в серьезной упаковке, теперь все чаще принимает характер игры. Это отчасти связано с

изменением социальных приоритетов в обществе — эстетическое становится более важным, чем этическое [Щеглова www].

Но не только игровой характер определяет сущность этих текстов. Их интертекстуальные связи становятся самодовлеющими. Прямое и модифицированное цитирование становится важнейшей характеристикой текстов эпохи постмодерна. При этом сознательно нарушаются стилевые нормы, смешиваются регистры, возникает коллаж (наклеивание на холст различных предметов) как способ художественного отражения действительности. Пародийное имитирование как специфический вид критики переходит в пастиш (pastiche) — литературную имитацию, экстремальным вариантом которой является текст, целиком состоящий из фрагментов произведений одного или нескольких авторов (a literary patchwork — литературное лоскутное одеяло). Пастиш в максимальной степени соответствует симулякру третьего уровня, будучи копией несуществующего оригинала, вернее, его оригиналом является некий свертхтекст как совокупность множества текстов. Примеры такого текста мы находим у Льва Рубинштейна:

- ...5. Мокрая ветка в окно стучит —
- 6. Не понять ничего;
- 7. Муха на стекле раздавлена —
- 8. Спать в одиночестве;
- 9. Дитя в люльку напрудило —
- 10. Левое с правым спутать;
- <.....>
- 35. Об камень споткнулся —
- 36. Скажешь:
- «Сегодня мне не до искусства.
- Прости, прости, уж спать пора.
- чувство.
- игра.
- Но не игра на понижение —
- без преград,
- движение
- наугад».

Л. Рубинштейн. Меланхолический альбом

Произвольные комбинации строк, написанных на карточках, имитируют гадательные тексты, но в отличие от таких текстов они сочетаются в любом порядке и поэтому показывают бессмысленность подобных гаданий. В качестве одной из карточек приводится незавершенная строфа, сильные позиции в ней уже заняты, интертекстуальные ассоциации очевидны (Б. Пастернак: *Когда строку диктует чувство, оно на сцену идет раба, и тут кончается искусство,*

и дышат почва и судьба). Перед нами текстовый поток, выражающий настроение автора, страницы этого меланхолического альбома перелистываются как бы сами.

Тексты третьего типа на первый взгляд асистемны, их структура принципиально произвольна, они тяготеют к жанру «Алфавитный словарь», размывая специфику этого жанра. На самом деле попытка автора спрятаться за алфавитной последовательностью текстовых фрагментов заставляет читателя искать смысл в якобы случайном ряду явлений.

Интересной особенностью текстов третьего типа является их игровая загадочность, они часто содержат явные или скрытые загадки, разгадывать которые становится эстетической сверхзадачей читателя. Такие загадки свойственны не только художественным, но и научным текстам (впрочем, если это текст третьего типа, то его жанровая специфика неизбежно размывается). Так, В. П. Руднев [1997] в «Словаре культуры XX века» предлагает читателю поиграть с автором в «Китайскую рулетку» (угадать, кого из известных поэтов он имеет в виду, приводя произвольные вопросы и ответы) (статья «Парасемантика»). Всем, кто догадается и сообщит об этом по указанному в статье телефону, автор обещает подарить ксерокс своей статьи.

Обсуждая специфику текстов третьего типа, мы, разумеется, обращаемся к известному тезису М. М. Бахтина о карнавальной культуре, противостоящей официальному порядку вещей и дополняющей его. В этом смысле жрец и фокусник заполняют позиции выразителей официоза и карнавала, но это лишь кажущееся заполнение. Иератические тексты, действительно, сакральны, но фокуснические тексты не всегда профанны. Интересное развитие идея карнавальности получает в антитезе «карнавал – маскарад» [Гринштейн www с. 9]: «В противоположность карнавалу, маскарад отчетливо — и постоянно — осознает себя как нечто временное, преходящее и уже потому не вполне “настоящее”; более того, это ощущение эфемерности и неподлинности (квазиподлинности) оказывается источником и предметом непрекращающейся рефлексии, меняющей сам характер праздничности (и, в конечном итоге, трансформирующей карнавальность в маскарадность)». Маскарадность, как видим, соотносится с виртуализацией и симуляцией действительности.

Основным пространством функционирования текстов третьего типа является в настоящее время массово-информационный дискурс, поскольку массовая информация общедоступна, в максимальной степени открыта для манипулятивного использования, выполняет рекламные функции (параллельно с информированием). Весьма экспрессивны заголовки газетных текстов: *Кричат хозяева «ура!» и кошкам шляпки надевают. Известный екатеринбургский модельер Светлана Фетисова шьет головные уборы для хвостатых мурлык* (Комс. правда).

Заголовок в шутливой форме отсылает читателя к хрестоматийной фразе из «Горя от ума» А. С. Грибоедова «Кричали женщины “ура!” и в воздух чепчики бросали». Подзаголовок раскрывает содержание статьи.

Если признать, что обозначенные три типа текстов в своих жанровых разновидностях могут развиваться параллельно, то показательным может быть сравнение одного из жанров. Например, универсальные высказывания могут выражаться как непреложные истины или нормы поведения в виде пословиц и афоризмов (иератическая разновидность), как тривиальные общеизвестные вещи или частные полезные советы (ремесленническая разновидность), как парадоксальные умозаключения либо ернические пустоговорки (фокусническая разновидность). Проиллюстрируем эти текстовые типы:

1. Худших всегда большинство (Биант); Что ты спрятал, то пропало, что ты отдал, то твое (Ш. Руставели).
2. Нельзя касаться языком металлических предметов в сильный мороз; Неприятный запах скунса нейтрализуется томатным соком.
3. It's hard to make a comeback when you haven't been anywhere — Трудно вернуться назад, если нигде не уходил; Лучше забитый шуруп, чем завинченный гвоздь.

Сентенции первого типа составляют золотой фонд знаний человечества, однако часто используются старшими и вышестоящими по отношению к младшим и подчиненным с целью закрепления статусного неравенства. Высказывания второго типа очень важны для обыденной жизни, но приемлемы только в определенных конкретных ситуациях. Высказывания третьего типа представляют собой критическую реакцию как на морально-этические, так и на утилитарные поучения, их назначение — восстановление коммуникативного равенства между участниками общения путем высмеивания поучения как такового. По форме эти высказывания соответствуют поучениям (*Если Вас укусила злая собака, пожалуйста доброй; Не стоит пробовать монету на фальшивый зуб; Испортить можно все*). Фокусник зависит от жреца и ремесленника, поскольку порождаемые им тексты принципиально вторичны. Увеличение удельного веса текстов третьего типа в культуре свидетельствует о возникновении новой ментальности, требующей изучения.

Подведем некоторые итоги.

Жрец, ремесленник и фокусник как условные культурогенные личности представляют собой воплощение определенных текстовых функций и в этом качестве панхроничны. Но в различные периоды человеческой истории на первый план выходит одна из названных личностей, в концентрированном виде выражающая приоритеты общества. Приведенный список типажей вряд ли можно считать закрытым.

Выводы

Коммуникативное поведение проявляется в дискурсе — общении посредством текста. Различные подходы к определению феномена «дискурс» позволяют сделать вывод о широком и узком понимании этого явления. В первом случае дискурс сближается с общением как таковым, с общением, обусловленным культурными, ситуативными и личностными характеристиками его участников, во втором случае подчеркивается позиционирование коммуникантов, переживаемое и осознанное выделение ими своей идентичности, презентация своего «Я» перед партнером или партнерами. Соответственно, при широком понимании дискурса исследователи стремятся раскрыть социокультурные, ситуативные и личностные параметры общения, а при узком его понимании фокусируют внимание на драматургических признаках коммуникативного поведения.

Участвуя в общении, люди оформляют свои интенции в виде коммуникативных поступков, которые соответствуют принятым в обществе форматам общения — коммуникативным жанрам. Человек вправе выбрать тот или иной коммуникативный жанр, внести в него личностную окраску, но не может произвольно менять каноны жанры и в этом смысле является пленником языка. Ломка жанровых канонов приводит к пересмотру всех параметров коммуникации. Жанровые каноны относительно стабильны, но подвержены модификации. В ситуации общения жанры могут перетекать друг в друга, но существует комбинаторика жанров и жанровых переходов, и поэтому естественное общение представляет собой свободное коммуникативное взаимодействие людей, ограниченное жанровыми переключениями.

В любом акте коммуникативного поведения можно установить элементы намеренного и помимовольного содержания, которое говорящий сообщает адресату и наблюдателю. Намеренное и помимовольное в коммуникативном поведении человека могут совпадать и не совпадать, подчиняясь требованиям ситуации и нормам культуры. В различных лингвокультурах существуют специфические требования к степени искренности говорящего применительно к разным коммуникативным жанрам. В этом плане можно противопоставить подлинную и имитируемую искренность в общении.

Содержание дискурса соответствует характеристикам ситуации, участников и текста, используемого в общении. В данной работе предложены ситуативно-ориентированная и субъектно-ориентированная модели дискурса. Первая модель уточняется как социолингвистическое либо прагмалингвистическое описание дискурса. С позиций социолингвистического моделирования дискурса противопоставляются личностно-ориентированный и статусно-ориентирован-

ный типы дискурса. С позиций прагмалингвистического моделирования дискурса выделяются типы общения, противопоставляемые по признаку коммуникативной тональности. Вторая модель дискурса уточняется как мотивационно-ориентированный и презентационно-ориентированный типы дискурса. Мотивационно-ориентированный дискурс проявляется как кооперативное либо стратегическое общение, презентационно-ориентированный дискурс предполагает выделение типов перформативности, характеризующей коммуникативное поведение его участников. Предложенные модели изучения дискурса являются взаимодополнительными.

В зависимости от подхода к изучению дискурса можно установить его единицы. С позиций лингвокультурологии единицей культурно маркированного дискурса является культурный скрипт — интерактивное событие, характеризующееся признаками стереотипности, сценарности и прескриптивности. Стереотипность представляет собой поведение по заданному образцу. Скрипт в таком понимании является структурной конкретизацией коммуникативного действия в рамках того или иного жанра. В качестве формальной схемы скрипта выступает речевое действие (речевой акт), содержательными характеристиками скрипта являются нормы социума, которым коммуниканты следуют автоматически. Сценарность скрипта предполагает наличие определенного алгоритма развертывания культурно маркированного коммуникативного действия. В этом смысле каждый культурный скрипт представляет собой сюжет определенного поступка. Прескриптивность культурного скрипта понимается как обусловленность коммуникативного действия нормами культуры. Такая обусловленность может не осознаваться самими носителями языка и культуры, но она вытекает из культурных доминант общества и может быть объективно установлена с помощью специальных исследовательских процедур.

Перформативность в широком смысле слова есть совершение поступка посредством общения. Поступок предполагает выбор той или иной линии поведения и совершения (или значимого отсутствия совершения) определенных действий, в результате чего происходит изменение в обстоятельствах общения и характеристиках коммуникантов. Совершение поступка есть намеренное позиционирование.

Коммуникативные действия совешаются в той или иной тональности — эмоционально-стилевом формате общения, возникающем в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющем их меняющиеся установки и выбор всех средств общения. В качестве критериев классификации коммуникативной тональности предлагаются признаки одноплановости либо многоплановости смыслов, заданности либо открытости смыслов, серьезности либо несерьезно-

сти общения, его кооперативности либо конфликтности, приоритета содержания либо формы общения, конкретности либо отвлеченности тематики. С помощью этих критериев выделяются типы коммуникативной тональности — информативная, фатическая, статусная, шутливая, торжественная, идеологическая, фасцинативная, гипотетическая, агрессивная, эзотерическая, манипулятивная, менторская тональность.

Этим типам тональности соответствуют типы дискурсивных личностей, выделяемых на основе склонности этих личностей к общению в определенной тональности: одномерный и многомерный, сценарный и несценарный, игровой и серьезный, этикетный и агональный, артистический и неартистический, аргументативный и перформативный типы дискурсивных субъектов.

В качестве иллюстрации к приведенным аргументам в работе были рассмотрены три типа дискурса — поэтический, пародийный и стратагемный. Системообразующим признаком поэтического дискурса является особый поэтический смысл, способный очаровать адресата сверхактуальностью авторской идеи, свежестью образов, их необычной ассоциативной комбинаторикой и выражением в виде ритмизированного текста. Специфика пародийного дискурса состоит в карикатурной имитации нелепого или претенциозного вербального и невербального поведения. Пародируются особенности стиля автора, тематика произведения, жанр в целом и способ воплощения этого жанра. Стратагемный дискурс состоит в намеренной интенциональной двуплановости общения и проявляется как манипуляция, провокация, ирония и ложь.

Коммуникативное поведение специфически выражается в культурогенных текстах — речевых произведениях, соответствующих цивилизационным доминантам в истории культуры. Переход от сакральных текстов к текстам массовой культуры и затем — к текстам в виртуальном пространстве привел к существенным изменениям в понимании феномена авторства и позиции людей по отношению к тексту. Первый тип текстов выдвинул на авансцену культуры жрецов, назначением которых была передача последующим поколениям священного знания, второй тип текстов привел к возникновению авторов-ремесленников, производящих одноразовые тексты для разных целей, третий тип текстов вызвал к жизни фокусников, порождающих вторичные тексты с целью карнавализации бытия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Антропологическая лингвистика переживает сейчас период своего расцвета. Исследования, направленные на изучение различных характеристик человека в языке, составляют значительную часть работ в области гуманитарного знания. Категориальный аппарат антропологической лингвистики находится в стадии становления, многие проблемы, связанные с классическим для лингвистики соотношением языка, мышления, культуры и общества, рассматриваются по-новому.

Получены существенные результаты в осмыслении фрагментируемого опыта, зафиксированного в содержании языковых единиц, типов знания, отраженного в языке, разновидностей коммуникативных поступков и ценностей, определяющих человеческое сознание и поведение. Систематизация этих знаний привела к тому, что знания о специфике лингвокультурных концептов, коммуникативных актов и речевых жанров вышли на уровень энциклопедических компендиумов. Закономерно стали появляться издания нового типа — словари культуры, антологии концептов, энциклопедия речевых жанров. Мне хотелось показать широкую панораму современных лингвистических исследований в области антропологической лингвистики, и этим обусловлена функция библиографии в данной книге, это не список цитируемой литературы, а выраженная в алфавитном порядке по фамилиям авторов тематика работ, посвященных изучению концептов, речевых жанров, типов дискурса и смежных проблем.

Антропологическая лингвистика представляет собой очень широкое поле исследования, и мой подход к изучению проблем этой области знания состоит в приоритетном освещении ценностей как важнейших ориентиров поведения, заложенных в концептосфере языка и проявляющихся в дискурсивной практике, т. е. в разработке проблем а к с и о л о г и ч е с к о й л и н г в и с т и к и. В рамках этого подхода вышла в свет серия монографий и сборников научных трудов в Волгоградском государственном педагогическом университете, были защищены кандидатские и докторские диссертации. Основные новые положения, изложенные в этой книге, сводятся к следующим тезисам.

В концептосфере лингвокультуры выделяется класс ментальных образований, основным содержанием которых является выражение норм поведения — класс регулятивных концептов. Сопоставительное изучение регулятивных концептов позволяет установить культурные доминанты поведения, свойственные тому или иному коммуникативному сообществу. В наиболее общем плане такие доминанты поведения сводятся к установкам Деятеля либо Созерцателя, конкретизируемым применительно к различным тематическим сферам интерпретируемой действительности.

Дальнейшее развитие лингвокультурной концептологии заключается в моделировании типов концептов, выделяемых в рамках того или иного типа дискурса, например, институциональные, профессиональные, идеологические концепты, в изучении концептов в индивидуальном сознании, в анализе концептуальных диад и концептуальных полей, в освещении архетипических концептов, в выявлении динамики развития концептов.

Одним из путей развития лингвокультурологии является установление и описание лингвокультурных типажей — обобщенных узнаваемых представителей этнокультуры. Теория лингвокультурных типажей синтезирует достижения лингвокультурологии и лингвоперсонологии, характеризуя образ жизни, речевой портрет и ценностные приоритеты реальных либо фикциональных типажей, их влияние на ту или иную лингвокультуру, их эволюционные трансформации, их проявления в новом качестве.

Развитие теории дискурса может быть представлено в виде схемы, отражающей ситуативные и субъектные характеристики дискурса — общения посредством текста. Ситуативные характеристики дискурса освещаются в социолингвистической и прагмалингвистической моделях дискурса, в рамках первой анализируются личностно-ориентированный и статусно-ориентированный дискурс, в рамках второй рассматриваются типы коммуникативной тональности. Субъектные характеристики дискурса анализируются в драматургической и стратегической моделях дискурса, в первом случае устанавливаются типы перформативности в различных коммуникативных ситуациях, во втором случае раскрывается страгемное содержание коммуникативного поведения. Названные подходы к изучению дискурса взаимодополнительны.

Единицей дискурса, рассматриваемого в лингвокультурологическом аспекте, является культурный скрипт — интерактивное событие, характеризующееся признаками стереотипности, сценарности и прескриптивности. Культурный скрипт, будучи единицей культурно маркированного коммуникативного поведения, соотносится с концептом — квантом переживаемого знания, единицей

сознания, соединяющей индивидуальный опыт человека и концентрированные культурные смыслы общества.

Существуют типы дискурса, определяющие цивилизационные характеристики культуры. В качестве возможного подхода к выделению соответствующих культурогенных текстов может быть рассмотрено изменение отношения к феномену авторства, к предназначению текста в культуре, к базовой функции текста.

ЛИТЕРАТУРА

- Абросимова Е.А.* Семиотика бардовской песни: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2006. 23 с.
- Аверинцев С.С.* Архетипы // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 110–111.
- Авдосенко Е.В.* Коммуникативно-прагматическая категория назидания в поучающем дискурсе в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2003. 17 с.
- Адамова М.В.* Семантически сопряженные категории Freude и Trauer и их актуализация в немецком языковом сознании: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2007. 18 с.
- Агаркова Н.Э.* Концепт «ДЕНЬГИ» как фрагмент английской языковой картины мира (на материале американского варианта английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2001. 20 с.
- Агиенко М.И.* Структуры концептов *правда, истина, truth* в сопоставительном аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 23 с.
- Азнабаева Л.А.* Принципы речевого поведения адресата в конвенциональном общении. Уфа: Изд-во Башк. ун-та, 1998. 182 с.
- Азнабаева Л.А.* Принцип вежливости в английском диалоге: Монография. Уфа: Изд-во Башк. ун-та, 2005. 198 с.
- Акаева Э.В.* Коммуникативные стратегии профессионального медицинского дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2007. 22 с.
- Акименко Н.А.* Лингвокультурные характеристики англоязычного сказочного дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 20 с.
- Алефиренко Н.Ф.* Проблемы вербализации концепта. Волгоград: Перемена, 2003. 96 с.
- Алефиренко Н.Ф.* Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синэргетика слова: Монография. Волгоград: Перемена, 2006. 228 с.
- Алещанова И.В.* Цитация в газетном тексте (на материале современной английской и российской прессы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 18 с.
- Аликаев Р.С.* Язык науки в парадигме современной лингвистики. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 318 с.
- Анашкина Н.Ю.* Языковая картина мира в текстах английских стихов Nursery Rhymes и в их переводах на русский язык: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 20 с.
- Андреева И.В.* О конститутивных признаках речевого акта «опровержение» // Проблемы лингвокультурологии и теории дискурса: Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика, Н.А. Красавского. Волгоград: Перемена, 2003. С. 128–133.
- Анисимова Е.Е.* Русский человек в зеркале рекламы // Социокультурные проблемы перевода: Сб. науч. тр. Вып. 4. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. С. 4–9.
- Анисимова Т.В., Гимпельсон Е.Г.* Речевая компетенция менеджера: Учеб. пособие. М.: Моск. психол.-соц. ин-т, 2007. 480 с.

- Аничков И.Е. Идиоматика и семантика (Заметки, представленные А.Мейе) // *Вопр. языкознания*. 1992. № 5. С. 140–150.
- Анненкова О.В. Лингвокультурные характеристики англосаксонского властного дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 23 с.
- Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005–2006. Т. 1, 2, 3, 4.
- Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. 320 с.
- Антонова А.В. Интенция обещания и средства ее выражения в английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2004. 24 с.
- Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания // *Вопр. языкознания*. 1995. № 1. С. 37–66.
- Арнольд И.В. Герменевтика эпиграфа // *Слово – высказывание – дискурс: Междунар. сб. науч. ст.* / Под ред. А.А. Харьковской. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. С. 8–15.
- Арская М.А. Семантическая категория эстетической оценки (прекрасное / безобразное) и ее онтология в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2002. 24 с.
- Артёмова А.В. Эмотивно-оценочная объективация концепта «женщина» в семантике фразеологических единиц (на материале английской и русской фразеологии): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2000. 16 с.
- Артёмова Е.А. Карикатура как жанр политического дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002. 19 с.
- Арутюнова Н.Д. Дискурс // *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 896 с.
- Арутюнова Н.Д. О стыде и совести // *Логический анализ языка: Языки этики* / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 54–78.
- Арутюнова Н.Д. Воля и свобода // *Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка.* / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2003. С. 73–99.
- Арутюнова Н.Д. Истина. Добро. Красота: Взаимодействие концептов // *Логический анализ языка. Языки эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного* / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2004. С. 5–29.
- Арутюнян Н. Сопоставительный этимологический анализ трансцендентного сверхконцепта «Бог» в трех лингвокультурах // *Язык, коммуникация и этнический менталитет: Материалы междунар. науч. конф.* (Ереван, 5–8 мая 2006 г.). Ереван, 2006. С. 86–105.
- Арутюнян Э.Б. Концепт «Храм» // *Studia Linguistica – XI. Проблемы когнитивной семантики: Сб. статей*. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. С. 193–206.
- Архипенкова А.Ю. Выражение совета в английской и русской коммуникативной культурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 17 с.
- Аскольдов С.А. Концепт и слово // *Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология*. М.: Academia, 1997. С. 267–279.
- Астафурова Т.Н. Лингвистические аспекты межкультурной деловой коммуникации. Волгоград, 1997. 108 с.
- Аттардо С. Миф о непреднамеренном юморе // *Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении*. Волгоград: Перемена, 2003. С. 4–14.
- Бабаева Е.В. Культурно-языковые характеристики отношения к собственности (на материале немецкого и русского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1997. 21 с.

- Бабаева Е.В.* Концептологические характеристики социальных норм в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. Волгоград: Перемена, 2003. 171 с.
- Бабаева Е.В.* Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук, 2004. 40 с.
- Бабаева Е.Э.* Формирование семантической структуры слова *простой* в русском языке // Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 761–844.
- Бабаян В.Н.* Особенности диалога при молчащем наблюдателе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 1998. 15 с.
- Бабушкин А.П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1996. 104 с.
- Бавин П.* Слух — между словом и делом // Социальная реальность. 2006. № 6. С. 7–22.
- Бадмаева Т.И.* Концепт «вода» в английской лингвокультуре: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 18 с.
- Багдасарян Т.М.* Речевое поведение врачей-психотерапевтов (на материале английского и русского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 17 с.
- Багрянская Н.В.* Особенности коммуникативного поведения военнослужащих // Язык и национальное сознание. Вып. 5. Воронеж: Истоки, 2004. С. 173–180.
- Баженова Л.С.* Эстетические концепты «прекрасное» / «безобразное» в англоязычном сознании: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2006. 18 с.
- Базылев В.Н.* К изучению политического дискурса в России и российского политического дискурса // Политический дискурс в России — 2: Материалы раб. совещ. М.: Диалог–МГУ, 1998. С. 6–8.
- Базылев В.Н.* Мифологема скуки в русской культуре (И.А.Гончаров «Обыкновенная история») // Res linguistica: Сб. статей: К 60-летию профессора В.П. Нерознака. М.: Academia, 1999. С. 130–147.
- Байкулова А.Н.* Речевое общение в семье: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 20 с.
- Бакумова Е.В.* Ролевая структура политического дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002. 20 с.
- Балакина З.Ю.* Национально-культурная специфика лексикографического описания эмоциональных концептов (на материале английского и русского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 19 с.
- Балалыкина Э.А.* Представление о красоте в русском языковом сознании // Язык и этнос: Материалы Первой выездной академической школы для молодых лингвистов-преподавателей вузов РФ 30 ноября – 2 декабря 2001 г. Казань: Школа, 2002. С. 24–35.
- Баландина Н.А.* Этнокультурная специфика деловых переговоров // Лингвистика и межкультурная коммуникация: Материалы регион. науч. конф. Поволжья и Северо-Кавказского региона, г. Волгоград, 19–21 апреля 2004 г. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2004. С. 58–62.
- Балашов С. Н.* Когнитивная природа иронии: парадигма моделей в сопоставительном описании (на материале английских художественных произведений XX в. и их русских переводов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 25 с.
- Балашова Е.Ю.* Концепты *любовь* и *ненависть* в русском и мериканском языковых сознаниях: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004. 23 с.

- Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1993. 182 с.
- Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики // Известия АН. Сер. лит. и яз. 1997. Т. 56. № 1. С. 11–21.
- Бардина Н.Е. Аксиологические стратегии аргументативного дискурса современного английского языка (на материалах политической риторики и социально-бытового общения): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2004. 16 с.
- Барсукова М.И. Медицинский дискурс: стратегии и тактики речевого поведения врача: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006. 21 с.
- Басангова Т.Г. Концепт «счастье» в обрядовом фольклоре калмыков // Этнокультурная концептология: Сб. науч. тр. Вып. 1. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2006. С. 42–44.
- Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 5. М., 1996. С. 159–206.
- Безменова Л.Э. Функционально-семантические и прагматические особенности речевых актов (на материале комплиментов в современном английском языке): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2001. 18 с.
- Бейлинсон Л.С. Характеристики медико-педагогического дискурса (на материале логопедических рекомендаций): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 20 с.
- Бейлинсон Л.С. Конститутивные признаки профессионального дискурса // Антропологическая лингвистика: Сб. науч. тр. / Под ред. Н.А. Красавского. Вып. 7. Волгоград: Колледж, 2007. С. 18–25.
- Белова А.Д. Дискурс тэтчеризма (на материале речей Маргарет Тэтчер 1968–1996) // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. № 471. 2000. С. 22–29.
- Белозерова Е.В. Реклама как жанровый метаконцепт (на материале современной русской лингвокультуры): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 22 с.
- Белюсова Н.П. Основные характеристики слогана как субжанра современного российского рекламного дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006. 16 с.
- Белых А.В. Реализация прагматических установок монографического предисловия (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1991. 16 с.
- Беляков А.А. Актуализация концептов *Verstand* и *Vernunft* на материале художественной литературы и публицистики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006. 21 с.
- Белянин В.П., Бутенко И.А. Антология черного юмора. М.: ПАИМС, 1996. 192 с.
- Берсенева Л.В. К вопросу о когнитивно-прагматических характеристиках коммуникативной ситуации «застолье» // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: Сб. науч. тр. Вып. VII. Владикавказ: Сев.-Осет. гос. ун-т, 2005. С. 88–97.
- Беспамятнова Г.Н. Языковая личность телевизионного ведущего: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1994. 19 с.
- Блок А. Интеллигенция и революция // Блок А.А. Собр. соч. в 8 т. М.; Л.: Гос. изд. худ. лит., 1962. Т. 6. С. 9–20.
- Боброва Е.А. Опыт лингвистического исследования эволюции концепта ПУТЕШЕСТВИЕ в англоязычной культуре: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2006. 18 с.
- Бобырева Е.В. Молитва как образец религиозного дискурса // Лингвистика и межкультурная коммуникация: материалы регион. науч. конф. Поволжья и Северо-Кавказского региона, г. Волгоград, 19–21 апреля 2004 г. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2004. С. 158–162.
- Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): Монография. Волгоград: Перемена, 2007. 375 с.

- Богданов В.В.* Молчание как нулевой речевой знак и его роль в вербальной коммуникации // Языковое обобщение и его единицы. Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1986. С. 12–18.
- Богданова В.А.* Письменная и устная формы научного стиля (на материале лексики) // Вопросы стилистики. Вып. 23. Устная и письменная формы речи. Саратов, 1989. С. 33–39.
- Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
- Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 1. — 384 с.; Т. 2 — 391 с.
- Бокмельдер Д.А.* Стратегии убеждения в политике: анализ дискурса на материале современного английского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2000. 23 с.
- Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во Тамбов. ун-та, 2001. 123 с.
- Болдырева А.А.* Категория авторитетности в научном дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 19 с.
- Болинджер Д.* Истина — проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. С. 23–43.
- Болотнова Н.С.* К вопросу о декодировании поэтического текста // Вопросы стилистики. Вып. 24. Текст и его компоненты. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1992. С. 38–47.
- Болотова Е.Н.* Лексикон гуманитарного дискурса: специфика функционирования общенаучных терминов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 16 с.
- Бондарева Е.П.* Актуализация концепта *мысль* в русской языковой картине мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 18 с.
- Бондаренко Т.В.* Коммуникативный типаж «английский слуга»: лингвосомиотические и дискурсивные характеристики // Язык. Культура. Коммуникация: Материалы Междунар. науч. конф. (г. Волгоград, 18–20 апреля 2006 г.): В 3 ч. Ч. 1. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. С. 244–249.
- Бондаренко Я.А.* Дискурс акцентуированных языковых личностей: коммуникативно-когнитивный аспект (на материале персонажной речи в современной американской художественной прозе): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 2002. 20 с.
- Борботько В.Г.* Общая теория дискурса (принципы формирования и смыслопорождения): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1998. 48 с.
- Борботько В.Г.* Принципы формирования дискурса. Сочи, 1999. 92 с.
- Борисова Е.Г.* Особенности антиглобалистского дискурса в России // Известия УрГПУ. Лингвистика. Вып. 17. Екатеринбург, 2006. С. 26–35.
- Борисова М.Б.* Концепт «чужак» в художественном мире М. Горького // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения: Материалы международной научно-практической конференции. СПб.: Союз, 2001. С. 362–370.
- Ботерашвили Г.В.* Грузинское и русское коммуникативное поведение // Коммуникативные исследования 2003. Воронеж; Ярославль: Истоки, 2003. С. 165–180.
- Брудный А.А.* Психологическая герменевтика. М.: Лабиринт, 1998. 336 с.
- Бубнова И.А.* Психолингвистический анализ индивидуальной специфики концепта абстрактного понятия *власть* // Вестник Минского гос. лингв. ун-та. Сер. 1. Филология. № 1 (17). 2005. С. 7–18.
- Будаев Э.В., Чудинов А.П.* Современная политическая лингвистика: Учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос.пед. ун-та, 2006. 267 с.
- Булатникова Е.Н.* Концепты *лошадь* и *автомобиль* в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 22 с.

- Буряковская В.А. Стратегии расистского дискурса // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Парадигма, 2006. С. 200–207.
- Бусоргина Н.Ю. Эпистолярный текст как составляющая ритуального и этикетного дискурса (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006. 20 с.
- Бусурина Е.В. Лингвокультурема «дурак» в русской языковой картине мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. 22 с.
- Быкова Г.В. Лакунарность как категория лексической системологии: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1999. 33 с.
- Бычкова Т.А. Концепт «жизнь – смерть» в идиолекте Михаила Зощенко: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004. 18 с.
- Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка: пер. с нем. М.: Прогресс, 1993. 528 с.
- Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. С. 44–88.
- Вайс Д. Абсурд как преддверие смеха // Абсурд и вокруг: сб. статей / Отв. ред О.Буренина. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 259–272.
- Валуйская О.Р. Глубина текста как лингвистическая категория (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002. 21 с.
- Варгина Е.И. Научный текст: функция воздействия: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004. 31 с.
- Варнавская О.О. Особенности языка философского научного текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2005. 22 с.
- Варнавских Н.В. Типологические черты речевого поведения русско- и англоговорящих адвокатов (прагмалингвистический подход): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 16 с.
- Вартанова Н.Г. Структурно-семантические и функциональные особенности жанра рекламного интервью в русских и французских СМИ: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону. 2006. 23 с.
- Варшавская А.И. Процессный подход к анализу дискурса-текста // Диалектика текста: В 2 т. Т. 1. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 22–40.
- Васильев Л.Г. Понимание гуманитарного научного текста: основы аргументативного подхода // Семантика слова и текста: психолингвистические исследования. Тверь, 1998. С. 146–149.
- Васильянова И.М. Особенности аргументации в судебном дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2007. 17 с.
- Вахтель Н.М. Модели чисто русских речевых актов // Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 1. Воронеж: Истоки, 2000. С. 45–46.
- Вебер Е.А. Опыт лингвистического исследования когнитивного диссонанса в английском дипломатическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2004. 19 с.
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
- Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 780 с.
- Вежбицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 467–499.
- Вежбицкая А., Годдард К. Дискурс и культура // Жанры речи: Сб. науч. ст. Вып. 3. Саратов: Колледж, 2002. С. 118–156.

- Вендлер З. О слове *good* // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. Лингвистическая семантика. М.: Прогресс, 1981. С. 531–554.
- Вербицкая М.В. Теория вторичных текстов (на материале современного английского языка): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 47 с.
- Вербицкая О.Ю. Опыт лингвистического исследования парадоксального речевого акта в комическом дискурсе (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2005. 17 с.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. М.: Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1999. 84 с.
- Вильмс Л.Е. Лингвокультурологическая специфика понятия «любовь» (на материале немецкого и русского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1997. 24 с.
- Вишаренко С. В. Принципы структурирования концепта «*hopout*» и текстовая реализация его ядерных компонентов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1999. 23 с.
- Вишневский А.В. Семантические особенности наименований битвы в древнеанглийской поэзии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 1998. 16 с.
- Власова С. А. Концепт «*life*» в современной англоязычной культуре: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2003. 17 с.
- Водак Р. Язык, дискурс, политика. Волгоград: Перемена, 1997. 139 с.
- Волкова Н.А. Высмеивание и аргументирование: проблема взаимодействия речевых жанров: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2005. 18 с.
- Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
- Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. технол. ун-та, 2002. 142 с.
- Воркачев С. Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели). Волгоград: Перемена, 2003. 164 с.
- Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 236 с.
- Воркачев С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2007а. 284 с.
- Воркачев С. Г. Наполнение концептосферы // Лингвокультурный концепт: типология и области бытования: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007б. С. 8–93.
- Воронина К.В. Понятие нонсенса в лингвистике // Матеріали Всеукраїнської наук. конф. «Каразінські читання: Людина. Мова. Комунікація». Харків: ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2005. С. 36–37.
- Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
- Гаврилова М.В. Концепт «справедливость» в новейшем русском политическом дискурсе // Известия УрГПУ. Лингвистика. Вып. 17. Екатеринбург, 2006. С. 77–87.
- Гаврилова Н.В. Лингвокультурный концепт «критика» и его функционирование в педагогическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 20 с.
- Гак В.Г. Судьба и мудрость // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. С. 198–206.
- Гак В.Г. Истина и люди // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995. С. 24–31.
- Гак В.Г. Актантная структура грехов и добродетелей // Логический анализ языка: Языки этики / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 90–96.

- Галичкина Е.Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 18 с.
- Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
- Гаспаров М.Л. Метр и смысл. Об одном из механизмов культурной памяти. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. 289 с.
- Гафарова А.С. Речевой портрет: социолингвистические характеристики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006. 19 с.
- Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Прогресс-Культура, 1995. 480 с.
- Гашимов Э.А. Структурно-семантические и прагматические характеристики английского лингвокультурного кода (на материале лексико-фразеологического поля «Продукты питания»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2005. 20 с.
- Глушак В.М. Речеповеденческий аспект проклятий в немецкой лингвокультурной общности // Известия УрГПУ. Лингвистика. Вып. 16. Екатеринбург, 2005. С. 139–144.
- Гойман А.А. Некоторые аспекты картины мира человека Древней Руси: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2001. 25 с.
- Гойхман О.Я., Надеина Т.М. Речевая коммуникация: учебник. М.: ИНФРА-М, 2001. 272 с.
- Голев Н.Д. Лингвотеоретические основания типологии языковой личности // Лингвоперсоналогия: типы языковых личностей и лично-ориентированное обучение: Монография. Барнаул; Кемерово: БГПУ, 2006. С. 7–28.
- Гольденберг А.Х. Архетипы в поэтике Н.В. Гоголя: монография. Волгоград: Перемена, 2007. 336 с.
- Гольдин В.Е. Этикет и речь. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1978. 112 с.
- Гоннова Т.В. Социокультурные характеристики концепта «труд» в русском языковом сознании: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 19 с.
- Горбачева Е.Н. Спор как лингвокультурный концепт: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 20 с.
- Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М.: КомКнига, 2006. 112 с.
- Грабарова Э.В. Концепт «savoir-vivre» во французской лингвокультуре и его русские соответствия: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 20 с.
- Грабарова Э.В. Концепт «savoir vivre» — «умение жить» // Иная ментальность. М.: Гнозис, 2005. С. 257–333.
- Гринштейн А.Л. Карнавал и маскарад: два типа культуры // Режим доступа: www.ssu.samara.ru/~scriptum/carnaval.doc
- Гришечкина Г.Ю. Соотношение факторов жанровой специфики и предметной области текста научной рецензии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2002. 23 с.
- Гришина И.И. Функционирование имени собственного в кроссвордной логике английской авторской волшебной сказки: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2006. 21 с.
- Гришина Н.В. Концепт *вода* в языковой картине мира (на основе номинативного и метафорического полей русского языка XI–XX вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2002. 22 с.
- Гришина О.А. Актуализация концепта *Америка* в современном русском языке (на материале публицистических текстов): Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2004. 23 с.

- Грищук Е.И. Абстрактная лексика в языковом сознании (экспериментальное исследование языкового сознания старшеклассников): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2002. 22 с.
- Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.
- Гулинов Д.Ю. Национальная специфика французской лингвокультурной сферы «гастрономия» (переводческий аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 20 с.
- Гурочкина А.Г., Давыдова Л.З. Функционирование формул речевого этикета в акте вербальной коммуникации // Логико-семантические и прагматические проблемы текста: Сб. науч. тр. / Краснояр. гос. пед. ин-т. Красноярск, 1990. С. 47–53.
- Гусар Е.Г. От Авосья до Халявы: к проблеме смены концептуальных констант // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: Сб. ст. / Под общ. ред. В.А. Пищальниковой. Вып. 6. М.; Барнаул, 2003. С. 67–76.
- Гусар М.В. Лингвокогнитивный и коммуникативно-прагматический аспекты частных газетных объявлений: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 2004. 21 с.
- Гусева О.А. Риторико-аргументативные характеристики политического дискурса (на материале президентских обращений к нации): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006. 17 с.
- Гуц Е.Н. Психолингвистическое исследование языкового сознания подростка: Монография. Омск: Вариант-Омск, 2005. 260 с.
- Давыдова Т.А. Речевой акт упрека в английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2003. 16 с.
- Данилов К.В. Репрезентация концептов CRIME и PUNISHMENT в британской и американской юридической терминологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004. 22 с.
- Данилова Н.К. Референционная динамика повествовательного дискурса: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2005. 38 с.
- Даньшина Е.В. Театральность американского электорального дискурса // Матеріали Всеукраїнської наук. конф. «Каразінські читання: Людина. Мова. Комунікація». Харків: ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2005. С. 57–58.
- Дебрени М. Теоретические и прикладные аспекты межкультурной девиатологии: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2006. 33 с.
- Дедова С.А. Содержание понятийного компонента концепта «зло» в политическом дискурсе // Известия УрГПУ. Лингвистика. Вып. 16. Екатеринбург, 2005. С. 52–61.
- Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Пер. с англ. Благовещенск: Благовещ. гуманитар. колледж, 2000. 310 с.
- Дементьев В.В. Жанровая структура фатической коммуникации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1995. 19 с.
- Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. 248 с.
- Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 376 с.
- Дементьев В.В. Разговор по душам // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 231–245.
- Дементьев В.В. Флирт // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 269–283.
- Дементьев В.В., Фенина В.В. Когнитивная генеристика: внутрикультурные речевые ценности // Жанры речи: Сб. науч. ст. Вып. 4. Жанр и концепт. Саратов: Колледж, 2005.
- Демурова Н.М. Эдвард Лир и английская поэзия нонсенса // Мир вверх тормашками (английский юмор в стихах). М.: Прогресс, 1974. С. 5–22.

- Демьянков В.З. *Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста*. Вып. 2. Методы анализа текста. М.: Всесоюзный центр переводов, 1982. 288 с.
- Демьянков В.З. *Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ*. М.: Изд-во МГУ, 1989. 172 с.
- Демьянков В.З. *Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке* // Вопросы филологии. 2001. № 1. С. 35–47.
- Демьянков В.З. *Лингвистическая интерпретация текста: универсальные и национальные (идио-этнические) стратегии* // Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / Отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 309–323.
- Демьянков В.З. *Значение и употребление лексем класса красота* // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 601–609.
- Демьянков В.З. *Пленительная красота* // Логический анализ языка. Языки эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2004. С. 169–208.
- Демьянков В.З. *Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка* // Язык. Личность. Текст: Сборник к 70-летию Т.М. Николаевой. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 34–55.
- Демьянков В.З. «Концепт» в философии языка и в когнитивной лингвистике // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: Сб. науч. тр. М.; Калуга: Эйдос, 2007. С. 26–33.
- Денисов П.Н. *О лексической специфике произведений В.И. Ленина* // Лингвистические исследования ленинского наследия (к 120-летию со дня рождения В.И. Ленина): Сб. науч.-аналит. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 1990. С. 88–104.
- Денисова Т.А. *Репрезентация концептов мужчины и женщины в языковом сознании русского народа*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2006. 22 с.
- Денисюк Е.В. *Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 23 с.
- Деревянская В.В. *Коммуникативный типаж «английский колониальный служащий»* // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 202–211.
- Джэенкова Е.А. *Концепты «стыд» и «вина» в русской и немецкой лингвокультурах*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 22 с.
- Дзюба Е.В. *Концепт инобытие в поэзии М.И.Цветаевой* // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т. 8. Екатеринбург: УрГПУ, 2002. С. 104–111.
- Димитрова Е.В. *Трансляция эмотивных смыслов русского концепта «тоска» во французскую лингвокультуру*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 16 с.
- Дмитриева О.А. *Лингвокультурный типаж «французский буржуа»* // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 74–88.
- Дмитриева О.А. *Лингвокультурные типажы России и Франции XIX века*: Монография. Волгоград: Перемена, 2007. 307 с.
- Дмитриева О.А. *Лингвокультурные типажы России и Франции XIX века*: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007. 40 с.
- Долгова И.А. *Концептуальное поле «терпение» в английской и русской лингвокультурах*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 26 с.

- Донец П.Н. Основы общей теории межкультурной коммуникации: научный статус, понятийный аппарат, языковой и неязыковой аспекты, вопросы этики и дидактики. Харьков: Штрих, 2001. 386 с.
- Дорофеева Н.В. Удивление как эмоциональный концепт (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002. 19 с.
- Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномен, механизмы и защита. М.: ЧеРо, 1997. 344 с.
- Дубровская Т.В. Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русском и английском речевом общении: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2003. 25 с.
- Душенко К.В. «Право на анекдот». Современный анекдот как социокультурный феномен // Человек: образ и сущность: Ежегодник. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 132–160.
- Дьякова Л.Н. Русская авторская песня в лингвистическом и коммуникативном аспектах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2007. 22 с.
- Дьякова М.Ю. Речевая реализация стратегии компромисса // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика / Науч. ред. И.П. Лысакова. Вып. IX. СПб.: Изд-во РГПУ им.А.И. Герцена, 2007. С. 299–304.
- Евсюкова Т.В. Словарь культуры как проблема лингвокультурологии. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. гос. экон. ун-та, 2001. 256 с.
- Евтушенко Е.Н. Концепт «пространственная ориентация» в английской и русской лингвокультурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 24 с.
- Евтушенко О.А. Институциональный концепт «порицание» в английской и русской лингвокультурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 19 с.
- Евтушок Ю.Г. Языковая репрезентация концепта CRIME (на материале американского варианта английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2004. 15 с.
- Егорова М.А. Контрастивно-прагматический анализ способов реализации просьбы: сопоставление британской, американской и русской традиций: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1995. 18 с.
- Елина Е.А. Социолингвистический аспект речи персонажей-военных (на материале русской прозы XIX – начала XX веков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1997. 17 с.
- Елина Е.А. Старая русская армия и ее типажи // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 106–128.
- Елина Е.А. Вербальные интерпретации произведений изобразительного искусства. Номинативно-коммуникативный аспект. Саратов: Саратов. гос. соц.-экон. ун-т, 2002. 256 с.
- Елохова Г.В. Семантика эгоцентрических категорий: Pflicht и ее актуализация в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2006. 22 с.
- Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. С. 264–389.
- Емельянова Н.А. Речевой жанр «жалоба» в различных типах дискурса в английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 18 с.
- Еремеев Я.Н. Директивные высказывания как компонент коммуникативного процесса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2001. 23 с.
- Ермакова А.В. Способы и средства реализации концептов «жизнь» и «смерть» в художественном тексте (на материале романов «Чевенгур» А. Платонова и «Казус Кукоцкого» Л. Улицкой): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 22 с.
- Ермакова О.П. Концепт «безумие» с точки зрения языка // Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка. / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индик, 2003. С. 108–116.

- Ермакова О.П.* Ирония и ее роль в жизни языка. Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2005. 204 с.
- Ермолаева Е.Н.* Концепт CONFLICT и его объективация в лексико-семантическом пространстве современного английского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2005. 21 с.
- Ерофеева Е.В.* Речевые акты со значением предупреждения нежелательного действия в современном французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 16 с.
- Ерофеева Т.И.* Речевой портрет говорящего // Языковой облик уральского города. Свердловск, 1990.
- Ерус Е.С.* Концептосфера «страхование» и средства ее реализации в английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 20 с.
- Ефимова Н.Н.* Онтологизация концепта «риск» в английской фразеологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2000. 19 с.
- Жданова В.* Русская культурно-языковая модель пространства и особенности индивидуальной ориентации в ней // Русские и «русскость»: Лингвокультурологические этюды / Сост. В.В.Красных. М.: Гнозис, 2006. С. 5–178.
- Жданова Л.А., Ревзина О.Г.* «Культурное слово» милосердие // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 56–61.
- Желтухина М.Р.* Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 44 с.
- Жельвис В.И.* Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М.: Ладомир, 2001. 349 с.
- Жельвис В.И.* Вербальная дуэль: история и игровой компонент // Человек в информационном пространстве: Межвузовский сб. науч. тр. Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2003. С. 14–19.
- Жуленева Е.С.* Феномен «албанского языка» в блогговом пространстве русского Интернета // Язык и национальное сознание. Вып. 9. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2007. С. 186–189.
- Загурская Н.В.* Образ-концепт сверхчеловека в контексте нового реализма // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / Отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 247–256.
- Зайкина С. В.* Эмоциональный концепт «страх» в английской и русской лингвокультурах (сопоставительный аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 24 с.
- Залевская А.А.* Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. С. 36–44.
- Залевская А.А.* Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
- Зализняк Анна А.* О семантике шепетильности (обидно, совестно и неудобно на фоне русской языковой картины мира) // Логический анализ языка: Языки этики / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 101–118.
- Зализняк Анна А., Шмелев А.Д.* Эстетическое измерение в русской языковой картине мира: быт, пошлость, вранье // Логический анализ языка. Языки эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2004. С. 209–230.
- Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.

- Зацепина М.В. Семантическая структура ключевых слов концептов Отчуждение и Entfremdung в сопоставительном аспекте // Известия УрГПУ. Лингвистика. Вып. 16. Екатеринбург, 2005. С. 149–155.
- Заяц И.Г. Языковая репрезентация эмоциональных концептов «радость» и «горе» в средневерхненемецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. 23 с.
- Звада О.В. Фрейм «morality» и его объективация в языке (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2003. 16 с.
- Земскова И.П. Концептуальное поле ПОРЯДКА // Логический анализ языка. Языки динамического мира / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Шатуновский. Дубна: Междунар. ун-т природы, общества и человека «Дубна», 1999. С. 321–329.
- Земцова Л.А. Искусствоведческая рецензия как жанр массово-информационного дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 15 с.
- Зильберт Б.А. Тексты массовой информации. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991. 80 с.
- Змиева И.В. Лингвокогнитивные характеристики средств вербализации концепта ДОБРО в английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Харьков, 2006. 20 с.
- Зобнина О.А. Особенности ценностной составляющей концепта «Oxbridge» // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Серия «Филологические науки». 2007. № 2 (20). С. 30–33.
- Зотеева Т.С. Диалогическое единство в жанре просьбы и его эволюция в английской драме XVI–XX вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2001. 22 с.
- Зубец М.В. Коммуникативно-прагматический аспект лирического дискурса (на материале современного английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2006. 19 с.
- Зубкова Я.В. Концепт «пунктуальность» в немецкой и русской лингвокультурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 19 с.
- Зубкова Я.В. Концепт «пунктуальность» // Иная ментальность. М.: Гнозис, 2005. С. 203–256.
- Зубцова А.С. Дискурсивное пространство Сочинского региона как объект лингвориторического исследования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006. 23 с.
- Зусман В.Г. Концепт в культурологическом аспекте // Межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. Нижний Новгород: Деком, 2001. С. 38–53.
- Зубина И.А. Прагмалингвистический аспект речевого поведения русскоговорящего и англоговорящего государственного обвинителя: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 18 с.
- Иванова Е.Б. Интертекстуальные связи в художественных фильмах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 16 с.
- Иванова М.М. Когнитивные признаки концепта *предприниматель* // Язык и национальное сознание. Вып. 9. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2007. С. 100–106.
- Иванова С. В. Языковые особенности поэтического заголовка (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2006. 22 с.
- Иванова Ю.М. Стратегии речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 19 с.
- Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 312 с.
- Ивушкина Т.А. Язык английской аристократии: социально-исторический аспект. Волгоград: Перемена, 1997. 157 с.
- Игнатова М.В. Оценивание действительности военнослужащими и писателями в аспекте точности/неточности (на материале английского и русского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 20 с.

- Идеи в России. Idee w Rosji. Ideas in Russia. Leksykon rosyjsko-polsko-angielski. Red. A. de Lazari. T. 1. Warszawa: Semper, 1999; T. 2. Lodz: Ibidem, 1999; T. 3. Lodz: Ibidem, 2000; T. 4. Lodz: Ibidem, 2001; T. 5. Lodz: Ibidem, 2003.
- Извекова М.Г.* Прагмалингвистические характеристики ритуального дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 20 с.
- Изюров А.М.* Актуализация речевого субъекта в политическом дискурсе (на материале современного немецкого языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. 24 с.
- Ильичева Н.В.* Коммуникативные стратегии в англоязычном учебном деловом видеокурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2005. 24 с.
- Имас А.В.* Выражение благодарности в немецком языке (на материале литературных и лексико-графических источников с XVII по XX вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 26 с.
- Инфантова Г.Г.* Современный речевой портрет лексии как бы // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. Посв. 80-летию Ольги Борисовны Сиротининой / Под ред. проф. М.А. Кормилицыной. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. С. 46–55.
- Ипполитов О.О.* Объективация концепта «дорога» в лексико-фразеологической системе языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003. 19 с.
- Ионова С.В.* Аппроксимация содержания вторичных текстов: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2006. 37 с.
- Исаева Л.А.* Художественный текст: скрытые смыслы и способы их представления. Краснодар: Краснодар. кн. изд-во, 1996. 251 с.
- Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография. Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. 285 с.
- Йокояма О.* Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М.: Языки славянской культуры, 2005. 424 с.
- Кабаченко Е.Г.* Метафорическое моделирование базисных концептов педагогического дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 21 с.
- Каблуков Е.В.* «Пленарное заседание Государственной Думы»: дискурсивно-текстовой и прагматический аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 23 с.
- Казачкова Ю.В.* Выражение сочувствия в русском и английском речевом общении (жанровый аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 21 с.
- Калашикова С.В.* Лингвистические аспекты стилей мышления в аргументативном дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2007. 16 с.
- Калугина В.А.* Национальная специфика языковой репрезентации концепта (на материале объективации концепта «температура» в русском и английском языках): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 24 с.
- Калужная И.А.* Концепт «детство» в немецкой и русской лингвокультурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 20 с.
- Каменева В.А.* Лингвокогнитивные средства выражения идеологической природы публицистического дискурса (на материале американской прессы). Новокузнецк: КузГПА, 2006. 236 с.
- Канчер М.А.* Языковая личность телеведущего в рамках русского риторического этоса (на материале итоговых программ): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 20 с.
- Карабань Н.А.* Коммуникативно-прагматические аспекты реализации категории вежливости в официально-деловом стиле русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 23 с.

- Карабыков А.В.* Речевой жанр клятвы в истории культуры // Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике: Материалы 1 Междунар. науч. конф. (Кемерово, 29–31 августа 2006 г.): В 4 ч. / Отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. Кемерово: Юнити, 2006. Ч. 3. С. 226–231.
- Карасик А.В.* Лингвокультурные характеристики английского юмора: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 23 с.
- Карасик А.В.* Фанат как типаж современной массовой культуры // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 269–282.
- Карасик В.И.* Язык социального статуса. М.: Ин-т языкознания РАН, 1992. 330 с.
- Карасик В.И.* Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. С. 3–16.
- Карасик В.И.* Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности: Сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 37–63.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- Карасик В.И.* Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. 333 с.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
- Карасик В.И.* Коммуникативный типаж: аспекты изучения // Аксиологическая лингвистика: проблемы и перспективы. Волгоград, 2004. с.48–50.
- Карасик В.И., Дмитриева О.А.* Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: Сб. науч. тр. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 5–25.
- Карасик В.И., Слышкин Г.Г.* Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов. Т. 1. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 13–15.
- Карасик В.И., Ярмахова Е.А.* Лингвокультурный типаж «английский чужак». М.: Гнозис, 2006. 240 с.
- Каратанова О.А.* Лингвистически релевантные нарушения педагогического дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук Волгоград, 2003. 20 с.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
- Караулов Ю.Н.* Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира: Сб. статей. / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: Ин-т языкознания, 2000. С. 191–206.
- Касьянова К.* О русском национальном характере. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. 560 с.
- Катаева Н.М.* Русский концепт *воля*: от словаря — к тексту: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 21 с.
- Катермина В.В.* Номинации человека: национально-культурный аспект (на материале русского и английского языков): Монография. Краснодар: КубГУ, 2004. 250 с.
- Катермина В.В.* Русское чиновничество XIX века в зеркале фразеологии и художественной литературы // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 104–116.
- Кацунова Н.Н.* Опыт лингвокогнитивного анализа метафор и идиом концепта FOOD (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2007. 18 с.
- Кашкин В.Б.* Введение в теорию коммуникации. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. тех. ун-та, 2000. 175 с.

- Кашкин В.Б. Маркеры «своего» и «чужого» в межкультурном диалоге // Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности: В 2 ч. Ч. 2. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2004. С. 49–62.
- Кашкин В.Б. Сопоставительные исследования дискурса // Концептуальное пространство языка: Сб. науч. тр. Посв. юбилею проф. Николая Николаевича Болдырева / Под ред. проф. Е.С. Кубряковой. Тамбов: Изд-во Тамбов. ун-та им.Г.Р. Державина, 2005. С. 337–353.
- Кашианова Е.Е. Лингвокультурологические основания русского концепта *любовь* (аспектный анализ): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1997. 23 с.
- Кибрик А.А. Молчание как коммуникативный акт // Действие: лингвистические и логические модели: Тез. докл. М.: Институт языкознания, 1991. С. 49–50.
- Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126–139.
- Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). М.: КомКнига, 2005. 336 с.
- Ким И.Е. Социальная сфера в языковой картине мира // Власть в русской языковой и этнической картине мира. М.: Знак, 2004. С. 89–154.
- Кириллова И.А. Сфера науки // Хорошая речь. Саратов, 2001. С. 69–84.
- Киселева Г.В. Культурный концепт *Урюпинск* по экспериментальным данным // Язык и национальное сознание. Вып. 9. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2007. С. 106–111.
- Киселева К.Л., Пайар Д. Дискурсивные слова как объект лингвистического описания // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. — М.: Метатекст, 1998. 447 с.
- Кислякова П.С. Русские и финские речеповеденческие тактики одобрения и порицания // Коммуникативное поведение. Вып. 23. Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж: Истоки, 2006. С. 5–11.
- Китик М.В. Снижение интенсивности высказывания в политическом дискурсе (на материале стенограмм заседаний Британского парламента): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 18 с.
- Китова Е.Б. Иерархия концептов DATA, INFORMATION, KNOWLEDGE в английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2006. 18 с.
- Клебанова Н.Г. Формирование и способы репрезентации индивидуально-авторских концептов в англоязычных прозаических текстах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2005. 23 с.
- Клименко Е.О. Концепт «менеджмент» в американской и русской лингвокультурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 23 с.
- Клименко О.К. Категория вежливости и речевой этикет в русском языке // Русский язык в современном обществе: функциональные и статусные характеристики: Сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН. 2005. С. 86–103.
- Климова С. Обыденные смыслы базовых понятий социально-политического лексикона: «Чиновники» // Социальная реальность. 2007. № 1. С. 49–77.
- Клоков В.Т. Символика и язык в пространстве культуры // Филология. Вып. 2. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1998. С. 5–19.
- Клюев Е.В. Речевая коммуникация: учебное пособие. М.: ПРИОР, 1998. 224 с.
- Клюканов И.Э. Динамика межкультурного общения: к построению нового концептуального аппарата: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1999. 42 с.

- Клюканов И.Э. Теория коммуникации как область исследования // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2005. № 1 (7). С. 56–66.
- Ковалевская И.И. Официально-деловой дискурс в аспекте интересубъективности (на материале английской коммерческой корреспонденции): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2006. 20 с.
- Кованова Е.А. Риторика автобиографического дискурса (на материале автобиографий американских деятелей политики и искусства): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 19 с.
- Ковшикова Е.В. Категория коммуникативной точности (на материале текстов деловых писем): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1997. 20 с.
- Кожанов Д.А. Концепт «Homeland» в американской картине мира и способы его языковой презентации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006. 21 с.
- Кожина М.Н. Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1999. С. 52–61.
- Козельская Н.А., Попова Н.Н. Экспериментальное исследование концепта «порядочность» (возрастной аспект) // Язык и национальное сознание. Вып. 4. Воронеж: Истоки, 2003. С. 192–195.
- Козина Н.О. Лингвокультурологический анализ русского концепта «грех» (на материале лексических, фразеологических и паремических единиц): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2003. 20 с.
- Колгаева А.В. Специфика интерактивного единства «комплимент-реакция» в английском языке (на материале художественных произведений и кинофильмов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2004. 16 с.
- Колесник А.С. Языковые средства отражения мифологической картины мира: лингвокогнитивный аспект (на материале древнеанглийского эпоса и современных британских художественных произведений жанра фэнтези): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 2003. 19 с.
- Колесов В.В. Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра. СПб.: Юна, 1998. 248 с.
- Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 240 с.
- Колосов С. А. Конструирование социальной ненависти в дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004. 19 с.
- Колоян Д.Л. Коммуникативные стратегии языковой личности в сфере ухаживания // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Серия «Филологические науки». 2006. № 5 (18). С. 38–42.
- Колтунова М.В. Конвенциональность как основа делового общения: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 45 с.
- Комбарова О.В. Лингвокультурные типы «Hausfrau — домохозяйка» в обыденном сознании // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типы. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 174–185.
- Комиссаров В.Н. Переводческие аспекты межкультурной коммуникации // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации: Сб. науч. тр. Вып. 444. М.: МГЛУ, 1999. С. 75–87.
- Комиссарова Т.С. «Новогоднее обращение» как жанр политического дискурса (сравнительный анализ новогодних обращений В.В. Путина и Г. Шредера) // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. / Отв. ред. А.Г. Пастухов. Орел: Орлов. гос. ин-т искусств и культуры, 2005. С. 143–150.
- Коморова Д.Ф. Прагматингвистические особенности пожелания в немецком и русском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. 19 с.

- Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1976. 720 с.
- Кондратьева О.Н. Концепты внутреннего мира человека в русских летописях (на примере концептов *душа, сердце, ум*): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 24 с.
- Кондрашов П.Е. Компьютерный дискурс: социолингвистический аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2004. 19 с.
- Коновалова Т.В. Концепт *Vertrauen* в немецком языковом сознании: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 23 с.
- Контримович А.А. Концепт «punishment» в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2004. 19 с.
- Кормилицына М.А. Языковая личность В.В.Виноградова в его письмах к жене // Вопросы стилистики. Вып. 26. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1996. С. 63–71.
- Коровина А.Ю. Лингвокультурный типаж «сноб» в английской художественной литературе // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 223–233.
- Корогодина И.В. Концепт *Abneigung* и способы его репрезентации в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2007. 18 с.
- Коротеева О.В. Дефиниция в педагогическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 24 с.
- Косицкая Ф.Л. Письменно-речевые жанры рекламного дискурса моды в аспекте межъязыковой контрастивности (на материале французских и русских каталогов моды): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. 22 с.
- Костецкая А.Г. Социолингвистические характеристики речи образованной молодежи Великобритании и США: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 19 с.
- Костин А.В. Способы концептуализации обиходно-бытовых понятий в разножанровых произведениях В.И. Даля (на материале концепта «вода»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2002. 20 с.
- Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Современный русский язык и культурная память // Этнокультурная специфика речевой деятельности: Сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 23–36.
- Кочеткова Т.В. Языковая личность в лекционном тексте. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1998. 216 с.
- Кочетова Л.А. Лингвокультурные характеристики английского рекламного дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 19 с.
- Кочкин М.Ю. Политический скандал как лингвокультурный феномен: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 17 с.
- Кошелев А.Д. К эксплицитному описанию концепта «свобода» // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 61–64.
- Кошманова О.В. Концепт «скромность» в русской, американской и иранской лингвокультурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 20 с.
- Кравченко А.В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. Иркутск: Иркутск: Областная типография №1, 2001. 261 с.
- Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. Волгоград: Перемена, 2001. 495 с.
- Красавский Н.А. Этномаркированный концепт «тоска» // Антропологическая лингвистика: Сб. науч. тр. / Под ред. Н.А. Красавского, В.П. Москвина. Вып. 5. Волгоград: Колледж, 2006. С. 97–107.

- Красильникова А.В.* Жанр научной рецензии: семантика и прагматика. М.: Диалог-МГУ, 1999. 139 с.
- Красноперова Ю.В.* Дискурсивные стратегии участников интервью: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2005. 19 с.
- Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
- Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
- Крейдлин Г.Е., Самохин М.В.* Слухи, сплетни, молва — гармония и беспорядок // Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2003. С. 117–157.
- Крестинский с.В.* Коммуникативно-прагматическая структура акта молчания // Коммуникативно-функциональные аспекты языковых единиц. Тверь: Изд-во Твер. ун-та, 1993. С. 59–66.
- Кругликова Н.П.* Языковые средства плаката: семантический и прагматический аспекты (на материале британских и американских плакатов первой и второй мировых войн): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 26 с.
- Крылова Т.В.* Наивно-языковые представления о вежливости и обслуживающая их лексика // Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 241–402.
- Крысин Л.П.* Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Сб. памяти Т.Г. Винокур. М.: 1996. С. 135–138.
- Крысин Л.П.* Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. № 1. 2001. С. 90–106.
- Крысин Л.П.* Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
- Крюков А.В.* Концептуализация интеллектуальных характеристик человека (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 24 с.
- Крюков Д.В.* Социолингвистические характеристики писем английской аристократии Викторианской эпохи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 20 с.
- Крючкова Н.В.* Концепты возраста (на материале русского и французского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2003. 23 с.
- Крючкова Ю.Е.* Семантическое поле этнонимической оценки и его коннотативная структура (на материале французского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2007. 22 с.
- Крячко В.Б.* Концептосфера «война» в английской и русской лингвокультурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 24 с.
- Кубрякова Е.С.* Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. С. 90–93.
- Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
- Кузнецова В.В.* Реализация принципа корпоративности в английском групповом профессиональном дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2005. 22 с.
- Кузнецова И.А.* Красноречивое умалчивание в массово-информационном дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 19 с.
- Кузнецова Л.Э.* Любовь как лингвокультурный эмоциональный концепт: ассоциативный и гендерный аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 22 с.

- Кузнецова О.В.* Семантический и прагматический потенциал прилагательных со значением «полезный» / «вредный» в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2007. 19 с.
- Куликова Л.В.* Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме: монография. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2006. 392 с.
- Куликова Л.В.* Коммуникативный стиль как проблема теории межкультурного общения: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2006. 39 с.
- Кулинич М.А.* Лингвокультурология юмора (на материале английского языка): Монография. Самара: Издво Самарск. гос. пед. ун-та, 2004. 264 с.
- Кунина М.Н.* Когнитивно-прагматические характеристики террористического дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2001. 23 с.
- Курченкова Е.А.* Культурно-языковые характеристики текстов газетных объявлений (на материале английской и русской прессы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 26 с.
- Кусов Г.В.* Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 26 с.
- Кутяева О.М.* Опыт лингвистического исследования контекстов деонтической модальности в английском деловом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2007. 21 с.
- Кучукова Л.П.* Грамматическая характеристика народно-песенного лирического дискурса (на материале немецких и русских внеобрядовых голосовых песен): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004. 18 с.
- Лаврентьева Л.Р.* Концепт «верность» в языке англосаксонской поэзии VII–XI веков (лингвоэтнический аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2006. 26 с.
- Лазарева Э.А.* Рекламный дискурс: стратегии и тактики // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т. 9. Екатеринбург: УрГПУ, 2003. С. 82–121.
- Лазуренко Е.Ю.* Профессиональное коммуникативное поведение: экспериментальное исследование: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 18 с.
- Ларина Е.Г.* Лингвопрагматические особенности ток-шоу как жанра телевизионного дискурса (на материале американских телевизионных программ): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 21 с.
- Ларина Т.В.* Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах: Монография. М.: Изд-во РУДН, 2003. 315 с.
- Лассан Э.О.* вертикальной составляющей некоторых русских концептов // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика / Науч. ред. И. П. Лысакова. Вып. IX. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. С. 45–50.
- Латова Н.* Интеллигенция // Режим доступа: www.krugosvet.ru
- Лебедева Н.Н.* К вопросу об онтологии черного юмора // Образ другого: этнолингвистическая интерпретация национально-специфических различий. Ярославль: Изд-во Яросл. гос. пед. ун-та, 1999. С. 52–58.
- Левонтина И.Б.* «Считать нецелесообразным» // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии: Тез. конф. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 65–67.
- Левонтина И.Б.* Лень 2 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый вып. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 166–169..
- Левонтина И.Б.* Homo piger // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Индрик, 1999. С. 105–113.

- Левонтина И.Б. Осторожно, пошлость! // Логический анализ языка. Языки эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2004. С. 231–250.
- Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. За справедливостью пустой // Логический анализ языка: Языки этики / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 281–292.
- Лемякина Н.А. Развитие языковой личности и ее коммуникативного сознания (на материале речевого поведения младшего школьника): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2004. 38 с.
- Ленец А.В. Прагмалингвистическая диагностика особенностей речевого поведения немецкого учителя: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 1999. 16 с.
- Леонтович О.А. Компьютерный дискурс: языковая личность в виртуальном мире // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000. С. 191–200.
- Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: Монография. М.: Гнозис, 2005. 352 с.
- Леонтьев В.В. «Похвала», «лесть» и «комплимент» в структуре английской языковой личности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 26 с.
- Лившиц Т.Н. К вопросу о жанровых разновидностях рекламных текстов // Восточноукраинский лингвистический сборник: Сб. науч. тр. Вып. 7. Донецк: Донеччина, 2001. С. 389–400.
- Лимарева Т.Ф. Прагматический аспект иронии // Современные проблемы школьной и вузовской педагогики. М.; Краснодар, 1998. С. 212–219.
- Линнас Э.А. Критический анализ дискурса политической полемики (на материале электронных СМИ): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006. 18 с.
- Липко Ю.Г. Коммуникативно-прагматические аспекты дискурса жалобы в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2006. 19 с.
- Литовченко М.А. Прагматические особенности вербальной атаки в политическом дискурсе (на материале немецкого языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2003. 26 с.
- Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. М.: Academia, 1997. С. 280–287.
- Логинова И.Ю. Лингвопрагматические особенности текста программы политической партии (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. 23 с.
- Ломова О.Е. Речевое поведение актеров в автобиографических текстах (на материале русского и немецкого языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 19 с.
- Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л.: Просвещение, 1972. 272 с.
- Лотман Ю.М. Бытовое поведение и типология культуры в России XVIII в. // Самосознание России: Антология. Вып. 2. Философские рефлексии. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 220–225.
- Лукашкова О.Ю. Концепт «враг» в современных российских и американских СМИ // Язык и национальное сознание. Вып. 4. Воронеж: Истоки, 2003. С. 156–161.
- Лунёва Т.В. Лексикализованный концепт гармония в современном английском языке: структура и комбинаторика: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 2006. 23 с.
- Луотсинен Л., Селезнева Г.Я. Национальная специфика выражения приветствия в русской и финской коммуникативных культурах // Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 3. Воронеж: Истоки, 2002. С. 116–120.
- Лутовинова О.В. К проблеме категорий виртуального дискурса // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Серия «Филологические науки». 2006. № 3 (16). С. 20–25.

- Лутовинова О.В. Лингвокультурный типаж «хакер» // Политическая лингвистика. Вып. 20 / Гл. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2006. С. 215–229.
- Лютикова В.Д. Словарь диалектной личности. Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 2000. 188 с.
- Лю Цзюань. Концепт «путешествие» в китайской и русской лингвокультурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 20 с.
- Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центроконцепта. Вып. 1. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 1997. С. 11–35.
- Ляпин С.Х. Концептологическая формула факта // Концепты. Научные труды Центроконцепта. Вып. 2. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 1997. С. 5–71.
- Ма Яньли. Застольный ритуал и концепт «застолье» в китайской и русской лингвокультурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 19 с.
- Майоренко И.А. Концептуализация понятия «деньги» в лексической системе и фонде устойчивых единиц русского, английского и французского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005. 25 с.
- Макаров В.В. О соотношении национального характера и языка // Язык и социум: Материалы VII междунар. науч. конф., г. Минск, 1–2 дек. 2006 г.: В 2-х ч. Ч. 1. Минск: РИВШ, 2007. С. 30–33.
- Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
- Макаров М.Л. Проблема структуры дискурса // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2005. № 1 (7). С. 80–96.
- Макарова Л.И. Англоязычный лингвокультурный типаж «денди» // Антропологическая лингвистика: Сб. науч. тр. / Под ред. Н.А. Красавского, В.П. Москвина. Вып. 5. Волгоград: Колледж, 2006. С. 135–141.
- Макарова О.С. Метафора как средство языковой реализации индивидуальной концептосферы Ф. Ницше: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 19 с.
- Максименко Е.В. Прагматилистические аспекты рекламного дискурса (на материале текстов русской и английской коммерческой и научно-технической рекламы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 18 с.
- Малин К.В. Отражение архетипического аспекта языковой картины мира автора в текстовой категории пространственно-временного и социально-этического континуума (на материале романов Д. Остен): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2007. 18 с.
- Малышева В.А. Языковая личность как воплощение национального характера // Национальный менталитет и языковая личность: Межвуз. сб. науч. тр. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. С. 31–37.
- Манаенко Г.Н. Дискурс в его отношении к речи, тексту и языку // Язык. Текст. Дискурс: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1. Ставрополь: Пятигорск. гос. лингв. ун-т, 2003. С. 26–40.
- Манякин А.В. Концепты «дух», «душа», «сердце» и «мысль», «разум», «рассудок» в лирике Е.А. Боратынского: лингвистический аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 22 с.
- Маринин Ю.Н. Речекомплекс «поздравления» (на материале текста поздравительной открытки): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1996. 24 с.
- Марков Б.В. Интеллигенция и истина // *Miscellanea humanitaria philosophiae*. Очерки по философии и культуре: К 60-летию профессора Ю.Н. Солонина. Серия «Мыслители», выпуск 5. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 135–144.
- Маркова Л.Ф. Когнитивная идентификация речевого жанра: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 16 с.

- Мартынова И.А.* Функционально-прагматическое поле менасивных речевых актов (на материале современной англоязычной художественной литературы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006. 17 с.
- Маслова В.А.* Когнитивная лингвистика: Учебное пособие. Мн.: ТетраСистемс, 2004. 256 с.
- Матурана У.Р., Варела Ф.Х.* Древо познания. Пер. с англ. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
- Межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. Нижний Новгород: НГЛУ, 2001. 320 с.
- Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М.: Восточная литература, 2000. 407 с.
- Меликян С. В.* Речевой акт молчания в структуре общения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2000. 23 с.
- Мельникова О.А.* Интердискурсивность как коммуникативный феномен (на материале поздних альбомов Pink Floyd): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004. 15 с.
- Метелица Е.В.* Дискурс дипломатического протокола в англоязычной ритуальной коммуникации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 20 с.
- Мечковская Н.Б.* Социальная лингвистика. М.: Аспект Пресс, 1996. 207 с.
- Мещерякова Ю.В.* Концепт «красота» в английской и русской лингвокультурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 24 с.
- Милехина Т.А.* Российские предприниматели и их речь (образ, концепты, типы речевых культур) / Под ред. О.Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2006. 312 с.
- Миляева И.В.* Отрицательный директив в коммуникативно-целевом аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2004. 21 с.
- Мироненко М.В.* Шутник как коммуникативная личность: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 19 с.
- Миронова И.К.* Структура концептосферы «Еда» в русском языке // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т. 9. Екатеринбург: УрГПУ, 2003. С. 33–40.
- Миронова П.О.* Стратегия редукционизма в современном политическом дискурсе: когнитивно-прагматический аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 23 с.
- Митрофанова О.И.* Базовые концепты русской ментальности в поэтическом языке П.А. Вяземского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2006. 22 с.
- Митягина В.А.* «Правила речеповедения» как аспект культуры // Научные чтения, посвященные памяти профессора В. Г. Гака, г. Волгоград, 27 января 2005 г.: Сб. статей. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2005. С. 244–248.
- Михайлова А.Г.* Лингвокультурный типаж «английский бизнесмен» // Аксиологическая лингвистика: коммуникативные типажи. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 136–155.
- Михайлова Е.В.* Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 22 с.
- Михелёва О.Л.* Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2004. 21 с.
- Мишланов В.А.* Молитва как речевой жанр // Прямая и непрямая коммуникация: Сб. науч. ст. Саратов: Колледж, 2003. С. 290–302.
- Мишуткина И.И.* Семантически сопряженные категории *Leben* и *Tod* и их актуализация в немецком языковом сознании: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2004. 19 с.
- Мищенко М.В.* Лингвокультурный типаж «американский ковбой» // Аксиологическая лингвистика: Лингвокультурные типажи: Сб. науч. тр. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 166–173.
- Мкртчян Т.Ю.* Речевое поведение журналистов в политическом теле- и радиоинтервью (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 24 с.

- Моисеева С. А. Французское и русское коммуникативное поведение: контактность и дистантность // Русское и французское коммуникативное поведение. Вып. 1. Воронеж: Истоки, 2002. С. 24–27.
- Моисеенко Е. Ю. Исповедь в средствах массовой информации как объект концептуального анализа // Матеріали Всеукраїнської наук. конф. «Каразінські читання: Людина. Мова. Комунікація». Харків: ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2005. С. 132–133.
- Моисеенко Л. А. Речевое поведение авторов военных мемуаров и диагностирование их индивидуальных свойств (на материале немецкого языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2000. 18 с.
- Мойсеенко А. А. Функционально-прагматические параметры институционального дискурса в производственной ситуации (на материале англоязычной документации): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2005. 16 с.
- Молоткова А. И. Концепт *цветок* в языке и поэтической речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 20 с.
- Мордовин А. Ю. Аргументативные стратегии языковой личности североамериканского политика (на материале дискурса Г. Киссинджера): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2004. 19 с.
- Морозова Е. И. Ложь как дискурсивное образование: лингвокогнитивный аспект: Монография. Харьков: Экограф, 2005. 300 с.
- Мосейко А. А. Этикетные модели поведения в британской и русской лингвокультурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 18 с.
- Москвин В. П. Семантическая структура и парадигматические связи полисеманта (на примере слова *судьба*). Лексикографический аспект. Волгоград: Перемена, 1997. 32 с.
- Москвин В. П. К соотношению понятий «речевой жанр», «текст» и «речевой акт» // Жанры речи: Сб. науч. ст. Вып. 4. Жанр и концепт. Саратов: Колледж, 2005. С. 63–76.
- Москвин В. П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2007. 264 с.
- Мошина Е. А. Сопоставительный анализ способов объективации концептов *надежда* и *hope* в русской и английской языковых картинах мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 24 с.
- Мульганова Т. Б. Структурные и прагматические особенности текстов медицинских документов (на материале судебно-медицинских экспертиз): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1997. 27 с.
- Мхитарян М. С. Лингвокультурологические особенности выражения комического в рекламе (на примере английского, армянского и русского языков) // Язык, коммуникация и этнический менталитет: материалы междунар. науч. конф. (Ереван, 5–8 мая 2006 г.). Ереван, 2006. С. 213–218.
- Налимов В. В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. М.: Наука, 1979. 303 с.
- Нгуен Тхи Хыонг. Мир в образах сознания вьетнамцев // Языковое сознание и образ мира: Сб. ст. / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: Ин-т языкознания, 2000. С. 220–236.
- Невинская М. Д. Концептуальная оппозиция «народ – власть» в политическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 20 с.
- Нерознак В. П. Лингвистическая персоналогия: к определению статуса дисциплины // Сб. науч. тр. Моск. гос. лингв. ун-та. Вып. № 426. Язык. Поэтика. Перевод. М., 1996. С. 112–116.

- Нерознак В.П.* От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 1998. С. 80–85.
- Никитин М.В.* Основы лингвистической теории значения. М.: Высш. шк., 1988. 168 с.
- Никитченко Т.Г.* Субъективный фактор в художественном тексте: лингвистический и психологический аспекты (на материале перевода): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2000. 18 с.
- Никишин Я.К.* Функциональные аспекты языковой игры: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2002. 22 с.
- Николаева Т.М.* «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики: Доклады Всесоюзн. науч. конф. Ч. 2. М., 1991.
- Никольшина Т.Н.* Информационная стратегия в побудительном дискурсе (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1998. 17 с.
- Ницше Ф.* Антихристианин. Опыт критики христианства // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 17–93.
- Новикова В.Ю.* Языковой абсурд, его семантика и таксономические характеристики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2001. 17 с.
- Новикова Т.Б.* Заимствование лингвокультурных концептов (на материале английского и русского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 21 с.
- Новоселова Т.Н.* Концепт MATERIAL WEALTH и его языковая онтологизация в англо-американской культуре: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2006. 17 с.
- Ножкина Э.М.* Речевое поведение актера на страницах СМИ // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. Посв. 80-летию Ольги Борисовны Сиротининой / Под ред. проф. М. А. Кормилицыной. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. С. 5–12.
- Норман Б.Ю.* К анализу анекдота как жанра непрямой коммуникации // Прямая и непрямая коммуникация: Сб. науч. ст. Саратов: Колледж, 2003. С. 283–290.
- Нужнова Е.Е.* Прагмалингвистический аспект речевого поведения специалистов в области компьютерной техники: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 19 с.
- Овчинникова Н.В.* Коммуникативно-прагматическая специфика судебного дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006. 18 с.
- Одарюк И.В.* Особенности стереотипного речевого поведения журналистов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 23 с.
- Олешков М.Ю.* Моделирование коммуникативного процесса: Монография. Нижний Тагил: Нижнетагильская гос. соц.-пед. академия, 2006. 336 с.
- Олянич А.В.* Презентационная теория дискурса: Монография. Волгоград: Парадигма, 2004. 507 с.
- Олянич А.В.* Потребности – дискурс – коммуникация: Монография. Волгоград: Нива, 2006. 224 с.
- Орлова О.Г.* Актуализация концепта «RUSSIA» («РОССИЯ») в американской публицистике (на примере дискурса еженедельника «Newsweek»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 22 с.
- Орлянская Е.Г.* Категория отчуждения и ее языковая онтология в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2002. 17 с.
- Осетрова Е.В.* Слухи в речевой и языковой действительности // Русский язык сегодня: Сб. статей. Вып. 2. / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Азбуковник, 2003. С. 493–501.

- Осетрова Е.В.* Властная коммуникация и ее роль в формировании образа власти // // Власть в русской языковой и этнической картине мира. М.: Знак, 2004. С. 22–88.
- Осипова А.А.* Концепт «смерть» в русской языковой картине мира и его вербализация в творчестве В. П. Астафьева 1980–1990-х гг.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 26 с.
- Остин Дж.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. М., 1986. С. 22–129.
- Охримович К.В.* Ирония и принцип вежливости в английском диалоге: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004. 24 с.
- Ошкина К.В.* Способы языковой актуализации морального дискурса (на примере немецкоязычных СМИ): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2007. 16 с.
- Павлова Н.В.* Межкультурное движение жанра *лимерик* как текстовая реализация смысла *комическое*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2005. 17 с.
- Павловская И.Г.* Образы пространства и времени в поэзии Арсения Тарковского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 22 с.
- Палашевская И.В.* Концепт «закон» в английской и русской лингвокультурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 23 с.
- Палашевская И.В.* Концепт «суд» в русской лингвокультуре // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и методики преподавания иностранных языков: Материалы межрегион. науч. конф, г. Волгоград, 8 февраля 2007 г. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2007. С. 245–250.
- Палий О.Л.* Когнитивно-семантические параметры концепта «трагическое» в исторических хрониках В. Шекспира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2004. 19 с.
- Палкевич О.Я.* Языковой портрет феномена иронии (на материале современного немецкого языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2001. 17 с.
- Панасова Е.П.* Концепт СОЛНЦЕ в русском языке и речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 22 с.
- Панкова И.М.* Сравнение как смыслообразующая доминанта рекламного текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2006. 23 с.
- Панкратова О.А.* Лингвосемиотические характеристики спортивного дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 23 с.
- Панченко Н.Н.* Средства объективации концепта «обман» (на материале английского и русского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 23 с.
- Панченко Н.Н.* Лингвистическая реализация комического в английском новостном дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2005. 21 с.
- Панченко Н.Н.* Донос как речевой жанр // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Парадигма, 2006. С. 171–178.
- Парсамова В.Я.* Языковая личность ученого в эпистолярных текстах (на материале писем Ю. М. Лотмана): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004. 23 с.
- Паскова Н.А.* Концепт «женщина» в текстах среднеанглийского периода (опыт семантической реконструкции на основе произведений Дж. Чосера): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2004. 18 с.
- Пашаева И.В.* Семантически сопряженные категории: *das Gute/das Böse* в немецком языковом сознании: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2004. 17 с.
- Пеньковский А.Б.* Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 464 с.

- Пеньковский А.Б.* Загадки пушкинского текста и словаря: Опыт филологической герменевтики. М.: Языки славянских культур, 2005. 315 с.
- Передриенко Т.Ю.* Концепты «Бог» и «Дьявол» в русской и английской лингвокультурах (на материале паремий и афоризмов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2006. 22 с.
- Пермяков И.В.* Смысл поэтического текста // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1999. С. 95–99.
- Персинина А.С.* Концепт «время» и образные средства его выражения в сонетах У. Шекспира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. 23 с.
- Петелина Е.С.* Прагматические особенности высказываний положительной оценки (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 1986. 16 с.
- Петелина Ю.Н.* Концепт «торг» в английской и русской лингвокультурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 16 с.
- Петрова А.С.* Как россияне понимают слова «интеллигенция» // Режим доступа: www.fom.ru 09.08.2001.
- Печенкина О.Ю.* Содержание концептов *Бог* и *Судьба* в текстах пословиц и поговорок, собранных В.И. Далем: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2001. 16 с.
- Пиевская И.М.* Системные отношения религиозного дискурса (на материале английского и русского переводов «Книги псалмов»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 23 с.
- Пикулева Ю.Б.* Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: лингвокультурологический анализ: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 22 с.
- Пименов Е.А.* Концепт *Gemüt* в немецком языке // Язык. Культура. Человек. Этнос. Серия «Филологический сборник». Вып. 3. Кемерово: Графика, 2002. С. 79–82.
- Пименова М.В.* Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. 262 с.
- Пименова М.В.* Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово: Графика, 2004. 386 с.
- Пинкер С.* Язык как инстинкт. Пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2004. 456 с.
- Плавинская В.С.* Понятийный компонент концепта «fun» // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и методики преподавания иностранных языков: Материалы межрегион. науч. конф., г. Волгоград, 8 февраля 2007 г. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2007. С. 211–216.
- Плешакова В.В.* Русские благопожелания (опыт типологии и истории): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 19 с.
- Плисов Е.В.* Проповедь как тип текста: коммуникативно-функциональный аспект (на материале немецкого языка) // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. / Отв. ред. А.Г. Пастухов. Орел: Орлов. гос. ин-т искусств и культуры, 2005. С. 157–167.
- Плотникова С.Н.* Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах). Иркутск: ИГЛУ, 2000. 244 с.
- Плотникова С.Н.* Комический дискурс // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении: Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2003. С. 162–172.
- Плотницкий Ю.Е.* Лингвостилистические и лингвокультурные характеристики англоязычного песенного дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2005. 21 с.

- Погораева Е.А.* Концепт JUGEND и его языковая онтология в лексико-семантической системе современного немецкого языка: лингвокультурологический и социолингвистический аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2002. 16 с.
- Погребняк Ю.В.* Концепт «я» в интериоризованном дискурсе // *Язык. Культура. Коммуникация: Материалы Междунар. конф. (г. Волгоград, 18–20 апреля 2006 г.): В 3 ч. Ч. 2.* Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. С. 291–295.
- Подзолкова Н.В.* Концепт «одиночество» в немецкой и русской лингвокультурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 19 с.
- Позолотин А.Ю.* Инвективные обозначения человека как лингвокультурный феномен: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 19 с.
- Полемика и дискуссии: № 673: В защиту интеллигенции // Режим доступа: www.polemics.ru. 15.01.2004.
- Поливанов Е.Д.* Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968. 376 с.
- Полина А.В.* Языковая объективация концепта БОГ в английском дискурсе XIV–XX вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Харьков, 2004. 20 с.
- Полиниченко Д.Ю.* Естественный язык как лингвокультурный семиотический концепт (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 20 с.
- Полищук Г.Г.* Семантико-стилистический анализ поэтических текстов // *Вопросы стилистики.* Вып. 24. Текст и его компоненты. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1992. С. 3–17.
- Полякова Е.В.* Отрицательная оценка в русских письмах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2001. 19 с.
- Попова Е.А.* Культурно-языковые характеристики политического дискурса (на материале газетных интервью): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1995. 21 с.
- Попова Е.С.* Рекламный текст и проблемы манипуляции: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 27 с.
- Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. 192 с.
- Попова З.Д., Стернин И.А.* Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку // *Антология концептов.* Т. 1. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 7–10.
- Попова З.Д., Стернин И.А.* Семантико-когнитивный анализ языка: монография. Воронеж: Истоки, 2006. 226 с.
- Попович Л.* Дискурс публичных надписей в коммуникативном поведении русских и сербов // *Коммуникативное поведение.* Вып. 22. Коммуникативное поведение славянских народов. Воронеж: Истоки, 2006. С. 61–84.
- Поспелов Д.А.* Послесловие // *Горелов И.Н.* Разговор с компьютером: Психолингвистический аспект проблемы. М.: Наука, 1987. С. 230–250.
- Поспелова А.Г.* Речевые приоритеты в английском диалоге: Дис. в виде науч. докл. ... д-ра филол. наук. СПб., 2001. 72 с.
- Потапуй В.В.* Национальная специфика лексико-фразеологических полей «наименования руководителей» в русском и английском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 16 с.
- Потапова Р.К., Потапов В.В.* Язык, речь, личность. М.: Языки славянской культуры, 2006. 496 с.
- Почепцов Г.Г. (мл.)* Слухи как семиотический феномен // *Логика, психология и семиотика: Аспекты взаимодействия.* Киев, 1990. С. 131–139.

- Почепцов Г.Г. Имиджелогия. М.: Рефл-бук, Ваклер, 2000. 768 с.
- Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопр. языкознания. 1990. № 6. С. 110–122.
- Правикова Л.В. Язык парламентских дебатов (опыт системного описания дискурса по терроризму в Конгрессе США и Парламенте Великобритании): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Пятигорск, 2005. 48 с.
- Прибыткова С. А. Семантико-прагматические особенности электронной рецензии как вторичного текста (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2004. 24 с.
- Приходько А.Н. Концепт ORDNUNG как мерная единица немецкого этнического менталитета лингвокультурный аспект // Vita in lingua: К юбилею проф. С. Г. Воркачева: Сб. статей. Краснодар: Атриум, 2007. С. 158–171.
- Прищепенко М.В. Метапрофессиональный концепт «услуга» в обиходном и институциональном дискурсе (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 24 с.
- Прозоров В.В. Молва как филологическая проблема // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. С. 162–167.
- Прокопчук А.А. Сложноподчиненное предложение и текст. Харьков: Основа, 1990. 192 с.
- Пропи В.Я. Морфология сказки. Л.: Academia, 1928. 152 с.
- Проскурина А.А. Прецедентные тексты в англоязычном юмористическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2004. 18 с.
- Прохватилова О.А. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1994. 364 с.
- Прохвачева О.Г. Лингвокультурный концепт «приватность» (на материале американского варианта английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 24 с.
- Прохвачева О.Г. Концепт «приватность» // Иная ментальность. М.: Гнозис, 2005. С. 102–202.
- Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М.: Едиториал УРСС, 2003. 224 с.
- Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс: Учеб. пособие. М.: Флинта : Наука, 2006. 224 с.
- Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта: Наука, 2006. 328 с.
- Пузырев А.В. Анаграммы как явление языка: опыт системного осмысления. М.; Пенза: Ин-т языкознания РАН, 1995. 378 с.
- Пучкова Е.В. Аргументативно-лингвистический анализ дискурса опровержения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006. 20 с.
- Пшенина Т.Е. Дискурсное описание языковой личности Катулла: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 2000. 31 с.
- Пшенкин А.А. Метафорический образ СССР / России в американском политическом дискурсе второй половины XX – начала XXI веков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006. 23 с.
- Радван В.М. Концепт «cool» как регулятор поведения в американской лингвокультуре // Аксиологическая лингвистика: проблемы и перспективы. Волгоград: Колледж, 2004. С. 91–92.
- Радван В.М. Лингвокультурный типаж «американский супермен» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 155–166.

- Радзиевская Т.В.* Слово «судьба» в современных контекстах // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 64–72.
- Радченко В.В.* Архитектоника делового письма (сопоставительный анализ английской, немецкой и русской деловой корреспонденции): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2005. 16 с.
- Радченко О.А.* Язык как мирозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства: В 2-х т. М.: Метатекст, 1997. Т. 1 — 308 с.; Т. 2. — 232 с.
- Ракитина С.В.* Научный текст: когнитивно-дискурсивные аспекты: Монография. Волгоград: Перемена, 2006. 278 с.
- Ратмайр Р.* Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2003. 272 с.
- Рогалева О.С.* Брачное объявление как речевой жанр рекламного дискурса (коммуникативно-прагматический и когнитивный аспекты): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2005. 22 с.
- Рогожникова И.Н.* Экологический дискурс: к проблеме определения лингвокультурных параметров и типов текстов (на материале немецкого языка) // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования: Сб. науч. тр. / Под ред. Л.А. Матерко. Рязань: Ряз. гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина, 2002. С. 140–144.
- Розенток-Хюсси О.* Речь и действительность. М.: Лабиринт, 1994. 213 с.
- Романов А.А.* Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. 183 с.
- Рудакова А.В.* Интерпретационное поле концепта «быт» // Культура общения и ее формирование. Вып. 9. Воронеж: Истоки, 2002. С. 54–56.
- Руднев В.П.* Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997. 384 с.
- Руженцева Н.Б.* Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе: Монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2004. 294 с.
- Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Выпуск первый / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. М.: Гнозис, 2004. 318 с.
- Руткевич А.М.* Архетип // Культурология. XX век. Словарь. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 51–53.
- Рыбакова Л.В.* Категория информативности в прагмалингвистическом аспекте (на материале англоязычных информационно-рекламных текстов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1998. 23 с.
- Рылов Ю.А.* Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2003. 272 с.
- Рябцева Н.К.* Любопытство как организующая и дезорганизующая сила // Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2003. С. 158–190.
- Рябцева Н.К.* Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005. 640 с.
- Савельева У.А.* Оппозиция концептов «предательство» и «верность» в художественном тексте (на материале трагедии У. Шекспира «Король Лир») // Этнокультурная концептология: Сб. науч. тр. Вып. 1. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2006. С. 123–129.
- Савицкая Е.Р.* Дискурсивные характеристики прогностических текстов (на материале немецких гороскопов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 24 с.

- Савицкий В.М.* Бог Аполлон и серая обезьяна (концепт 'пошлость' в пространстве культуры) // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении: Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2003. С. 173–190.
- Савицкий В.М.* Основы общей теории идиоматики. М.: Гнозис, 2006. 208 с.
- Савицкий В.М.* Интеллигенция и интеллигентность // Vita in lingua: К юбилею проф. С.Г. Воркачева: Сб. статей. Краснодар: Атриум, 2007. С. 191–202.
- Савицкий В.М., Гашимов Э.А.* Лингвокультурный код (состав и функционирование): Монография. М.: МГПУ, 2005. 173 с.
- Савицкий В.М., Кулаева О.А.* Концепция лингвистического континуума. Самара: Изд-во «НТЦ», 2004. 178 с.
- Салалыкина Ж.В.* Понятие «смерть» в русском языке (опыт концептуального анализа семантического поля): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 22 с.
- Саломатов С.И.* Ключевые слова в журналистском портрете политика и предпринимателя: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 22 с.
- Санников А.В.* Понятия достоинства и смирения // Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 405–468.
- Саракаева Э.А.* Психолингвистический анализ миссионерских текстов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2000. 18 с.
- Сафаров Ш.* Система речевого общения: универсальное и этноспецифическое. Самарканд: Самарканд. отд. изд-ва им. Г. Гуляма, 1991. 172 с.
- Сафронов А.А.* Смыслообразование в драматургическом тексте и его вторичных интерпретациях: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2003. 15 с.
- Светоносова Т.А.* Сопоставительное исследование ценностей в российском и американском политическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 22 с.
- Свириковская С.В.* Ксенофобический дискурс (лингвопрагматический аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005. 23 с.
- Свиштунова Н.И.* Спортивные игры в семиосфере культуры и языка: концепт «футбол» в английском языковом сознании: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2005. 21 с.
- Седов К.Ф.* Становление дискурсивного мышления языковой личности: психо- и социолнгвистический аспекты. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. 180 с.
- Седов К.Ф.* Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 7–38.
- Седов К.Ф.* Ссора // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 259–268.
- Селиверстова Л.Н.* Речевое поведение политических деятелей Германии XX века (на материале их публичных выступлений и мемуаров): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2004. 16 с.
- Селиверстова Л.П.* Лингвокультурный типаж «звезда Голливуда» и его понятийная составляющая // Язык. Культура. Коммуникация: Мат-лы Междунар. конф. (г. Волгоград, 18–20 апреля 2006 г.): В 3-х ч. Ч. 2. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. С. 308–312.
- Семёхина А.А.* Репрезентация концепта «KNOWLEDGE» и его роль в формировании смыслового пространства текста (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2005. 23 с.
- Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. Пер. с англ. М.: Прогресс, Универс, 1993. 656 с.

- Сергеев С.А.* Особенности объективации концепта *мечта* в русской языковой картине мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005. 20 с.
- Сергеева А.В.* Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М.: Флинта: Наука, 2006. 320 с.
- Сергеева Н.М.* Концепты *ум, разум* в русской языковой картине мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 23 с.
- Серебрякова Р.В.* Национальная специфика речевых актов комплимента и похвалы в русской и английской коммуникативных культурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2002. 23 с.
- Серль Дж.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. М., 1986. С. 122–129.
- Сидорков С.В.* Функционально-семантические аспекты языковой стратегичности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1997. 29 с.
- Силецкий В.И.* Терминология смертных грехов в культуре позднего средневековья и Возрождения // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 130–137.
- Синкина Е.Д.* Концепт «дар» в одноименном романе В. В. Набокова // Текст – дискурс – картина мира: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1. Воронеж: Истоки, 2005. С. 101–108.
- Сиротинина О.Б.* Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1999. С. 26–31.
- Сиротинина О.Б.* Речь отдельных журналистов в газете «Известия» // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 2. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. С. 51–56.
- Скачко Е.Ю.* Лингвокультурный типаж «английский рыцарь» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 88–104.
- Скиба М.Е.* Концепт «идеология» в американском языковом сознании: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2003. 16 с.
- Скляревская Г.Н.* Еще раз о русском слове *интеллигенция* // Русистика и современность: Материалы VII междунар. науч.-практ. конф. Т. 1. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация / Науч. ред. И.П. Лысакова. СПб.: Изд-во РГПУ им.А.И. Герцена, 2005. С. 39–47.
- Слышкин Г.Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.
- Слышкин Г.Г.* Мир Шерлока Холмса в русской лингвокультуре // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. Серия «Филологические науки». № 4 (05). 2003. С. 89–98.
- Слышкин Г.Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Монография. Волгоград: Перемена, 2004. 340 с.
- Слышкин Г.Г.* Речевой жанр: перспективы концептологического анализа // Жанры речи: Сб. науч. ст. Вып. 4. Жанр и концепт. Саратов: Колледж, 2005. С. 34–50.
- Слышкин Г.Г., Ефремова М.А.* Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004. 153 с.
- Смирнов Ф.О.* Национально-культурные особенности электронной коммуникации на английском и русском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2004. 22 с.
- Смотрицкий Е.* Эссе об интеллигенции // Режим доступа: www.n-t.ru 13.06.2001.
- Снитко Т.Н.* Предельные понятия в Западной и Восточной лингвокультурах. Пятигорск: Изд-во Пятигорск. гос. лингв. ун-та, 1999. 156 с.
- Соборная И.С.* Этнокультурные особенности сказочного дискурса: лингвориторический аспект (на материале русских, польских и немецких сказок): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Сочи, 2004. 19 с.

- Солнцев В.М.* Язык как системно-структурное образование. М.: Наука, 1971. 294 с.
- Солнышкина М.И.* Асимметрия структуры языковой личности в русском и английском вариантах морского профессионального языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2005. 53 с.
- Соловьева А.А.* Речевой жанр «совет» в разных типах дискурса (на материале современного английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 16 с.
- Соловьева Е.А.* Концепты MIND, HEART, SOUL в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2005. 24 с.
- Соловьева Ю.Г.* Когнитивная семантика лексических средств репрезентации обвинения в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2005. 22 с.
- Соломатов С.И.* Ключевые слова в журналистском портрете политика и предпринимателя: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 22 с.
- Соломоник А.* Семиотика и лингвистика. М.: Молодая гвардия, 1995. 352 с.
- Солохина А.С.* Концепт «свобода» в английской и русской лингвокультурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 24 с.
- Сорокин Ю.А.* Психолингвистические аспекты изучения текста: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1988. 52 с.
- Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 696 с.
- Ставцева А.А.* Концепт HUMAN INTELLECTUAL ABILITIES и его объективация во фразеологии современного английского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2006. 16 с.
- Старостина Е.В.* Фреймовый анализ русских глаголов поведения (на материале ассоциативных реакций): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004. 23 с.
- Стеблецова А.О.* Национально-культурная специфика делового текста (на материале английского и русского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2001. 24 с.
- Степаненко В.А.* Слово / Logos / Имя — имена — концепт — слова: сравнительно-типологический анализ концепта «Душа. Seele. Soul» (на материале русского, немецкого и английского языков): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Иркутск, 2006. 38 с.
- Степанов В.Н.* Провокативный дискурс социально-культурной коммуникации. СПб.: Роза мира, 2003. 263 с.
- Степанов Ю.С.* Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца 20 века: Сб. статей. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. С. 35–73.
- Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
- Степанов Ю.С.* Характеры народов в зеркале их собственных языков (Юбилейные заметки к 70-летию факультета иностранных языков Харьковского национального университета) // Вісник Харківського нац. університету ім. В.Н. Каразіна. № 471. 2000. С. 250–254.
- Степанов Ю.С.* «Понятие», «Концепт», «Антиконцепт». Векторные явления в семантике // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: Сб. науч. тр. М.; Калуга: Эйдос, 2007. С. 19–26.
- Степанова Е.Д.* Прагматические особенности коммуникативного акта «кредитный договор» в экономическом дискурсе (на материале английского и русского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2006. 24 с.
- Стернин И.А.* Русский речевой этикет. Воронеж: Воронеж. обл. ин-т повышения квалификации и переподготовки работников образования, 1996. 128 с.

- Стернин И.А.* Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001а. С. 58–65.
- Стернин И.А.* Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001б. 252 с.
- Стернин И.А.* Коммуникативное поведение и национальное коммуникативное сознание // Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2002. С. 262–302.
- Стрелкова О.А.* Особенности современного женского политического дискурса (на примере речевых портретов женщин-политиков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2006. 22 с.
- Стрельникова М.А.* Национальные особенности речевого жанра телеинтервью в российской и американской коммуникативных культурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 18 с.
- Строев А.* Философ и щеголь: ролевые маски во французской культуре Просвещения // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии: Тез. конф. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 120–124.
- Ступин Л.П., Игнатъев К.С.* Современный английский речевой этикет. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. 142 с.
- Сукаленко Н.И.* Пошлость как концепт русской культуры // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. № 471. 2000. С. 255–260.
- Сунь Хуэйцзе.* Принципы номинативного структурирования семантического поля (на примере средств обозначения запаха в русском и китайском языках): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 24 с.
- Суродина Н.Р.* Лингвокультурологическое поле концепта «пустота» (на материале поэтического языка московских концептуалистов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 20 с.
- Сухих С.А.* Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1998. 30 с.
- Сухих С.А.* Личность в коммуникативном процессе. Краснодар: Изд-во Юж. ин-та менеджмента, 2004. 155 с.
- Щищikov О.С.* Имплицитность в деловом дискурсе (на материале текстов коммерческих писем): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 22 с.
- Сюй Сяо Бо, Лысакова И.П.* Национальная специфика языковой объективации категории «вежливость» в русской и китайской коммуникативных культурах // Коммуникативное поведение. Вып. 17. Вежливость как коммуникативная категория. Воронеж: Истоки, 2003. С. 149–158.
- Тавдгиридзе Л.А.* Концепт «Русский язык» в русском языковом сознании: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 23 с.
- Тамерьян Т.Ю.* Языковая модель поликультурного мира: интерлингвокультурный аспект: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Нальчик, 2004. 43 с.
- Тамерьян Т.Ю.* Модель мира в языке: проблемы двуязычного пространства: Монография / Под ред. Ю.Д. Каражаева. Владикавказ: Сев.-Осет. гос. ун-т, 2004. 217 с.
- Тарасенко Т.В.* Поздравление // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 195–201.
- Тарасов Е.Ф.* Социолингвистические проблемы теории речевой коммуникации // Основы теории речевой деятельности. М.: Наука, 1974. С. 255–273.

- Тарасов Е.Ф. К построению теории речевой коммуникации // *Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М.* Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М.: Наука, 1979. С. 5–147.
- Тарасова А.В. Вербализация концепта «враг» в русском и английском языках: понятийный аспект // *Межрегиональные научные чтения, посвященные памяти профессора Р.К. Миньяр-Белоручева*, г. Волгоград, 16 января 2006 г.: Сб. статей. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. С. 349–353.
- Тарасова И.А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2003. 280 с.
- Тарасова И.П. Концептуальные основы исследования общения. М.: Ин-т языкознания СССР, 1990. 117 с.
- Тезисы Пражского лингвистического кружка // *Звегинцев В.А.* История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М.: Просвещение, 1965. С. 123–140.
- Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
- Тернопол Т.В. Домашние духи в этнографическом и ментальном аспектах (компаративное исследование русского и английского фольклора): Автореф. дис. ... канд. культурологии. Ярославль, 2007. 22 с.
- Терпелец А.В. Концепт «Erfolg» в современной молодежной субкультуре // *Аксиологическая лингвистика: проблемы лингвоконцептологии, семантики и стилистики*: Сб. науч. тр. / Под ред. Н.А. Красавского. Волгоград: Колледж, 2006. С. 59–62.
- Терских М.В. Реклама как интертекстуальный феномен: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2003. 26 с.
- Тестоедова Т.В. Молитва как речевой жанр и ее разновидности // *Лингвистика и межкультурная коммуникация: Материалы регион. науч. конф. Поволжья и Северо-Кавказского региона*, г. Волгоград, 19–21 апреля 2004 г. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2004. С. 231–235.
- Тильман Ю.Д. «Душа» как базовый культурный концепт в поэзии Ф. И. Тютчева // *Фразеология в контексте культуры*. М.: «Языки русской культуры», 1999. С. 203–212.
- Тимофеев В.П. Диалектный словарь личности. Шадринск, 1971. 141 с.
- Тимохина Л.Р. Необычайные чудеса в Древней Англии (языковая репрезентация концепта «чудо» в древнеанглийской картине мира) // *Концепт и культура: Материалы 2 междунар. науч. конф.* (Кемерово, 30–31 марта 2006 г.). Прокопьевск: Полиграф-Центр, 2006. С. 268–275.
- Тихонова С.А. Концепты *зло* и *evil* в российской и американской политической картине мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 22 с.
- Токарев Г.А. Концепт как объект лингвокультурологии (На материале репрезентаций концепта «труд» в русском языке): Монография. Волгоград: Перемена, 2003. 233 с.
- Токарева П.В. Коммуникативные стратегии и тактики в современном учебном дискурсе (на материале школьных учебников): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2005. 22 с.
- Томашевская К.В. Антропоцентрические аспекты экономического текста // *Текст – Дискурс – Стиль. Коммуникации в экономике*: Сб. науч. статей. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2003. С. 178–190.
- Топоров В.Н. Судьба и случай // *Понятие судьбы в контексте разных культур*. М.: Наука, 1994. С. 38–75.
- Точилина Ю.Н. Концепт *Zeit* в немецкой языковой картине мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2005. 19 с.

- Точилкина Т.Г. Концепт «знакомство» как элемент картины мира в русскоязычном и англоязычном лингвокультурологическом пространстве: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007. 24 с.
- Трифонов А.Г. Абсурд // Культурология. XX век. Словарь. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 9–11.
- Трошина Н.Н. Этносемантические и стилистические проблемы межкультурной коммуникации в деловой сфере // Проблемы этносемантики: Сб. науч.-аналит. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 1998. С. 66–85.
- Трошина Н.Н. Тема национально-культурной идентичности в дискурсе массмедиа // Этнокультурная специфика речевой деятельности: Сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 64–89.
- Тряпицына Е.В. Категория точности художественного текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 22 с.
- Тумина Л.Е. Речевые жанры // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь-справочник / Отв. ред. М.И. Панов. М.: Агентство «КРПА Олимп», 2005. С. 619–674.
- Тупикова С.Е. Развитие бытового речевого этикета как функционально-семантической универсалии (на материале художественных текстов XIX–XX вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 17 с.
- Тупицына И.Н. Лексико-семантические особенности речевого образа предпринимателя в устном деловом диалоге: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2000. 21 с.
- Узнадзе Д.Н. Общая психология. М.: Смысл; СПб.: Питер, 2004. 413 с.
- Уманец Л.В. Вербальная репрезентация вежливости в сфере делового общения (на материале современного немецкого языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2004. 18 с.
- Урванцев К.Г. Жанры современной теле- и радиорекламы (риторический аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 19 с.
- Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003. 224 с.
- Усачева А.Н. Лингвистические параметры концепта «состояние здоровья» в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002. 17 с.
- Утин К.С. Лингвокультурный концепт «компромисс»: подходы к классификации // Проблемы лингвокультурологии и теории дискурса: Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика, Н.А. Краевского. Волгоград: Перемена, 2003. С. 34–38.
- Уфимцева Н.В. Русский национальный характер: XX век — миф и реальность // Проблемы этносемантики: Сб. науч.-аналит. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 1998. С. 86–121.
- Фарино Е. Введение в литературоведение. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. 639 с.
- Федорова Е.В. Императорский Рим в лицах. М.: Слово / Slovo, 2002. 232 с.
- Федотова Н.С. Концепт «гарантия» в англоязычном деловом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 19 с.
- Федотовских Т.Г. Листовка как жанр политического дискурса: когнитивно-прагматический анализ: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 21 с.
- Фенина В.В. Речевые жанры *small talk* и *светская беседа* в англо-американской и русской культурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005. 22 с.
- Филинский А.А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999–2000 гг.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2002. 15 с.
- Филипова М.А. Идеологический концепт «демократия» (на материале лингвокультуры США): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 22 с.

- Фисенко О.С. Концепт *гроза* в русском языковом сознании: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 23 с.
- Флеонова О.Л. Лингвостилистические и семиотические особенности американской литературы черного юмора: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 24 с.
- Фомина Т.Д. Динамика концепта в политическом дискурсе (на материале выступлений Д. Буша и Т. Блэра, посвященных второй военной кампании в Ираке): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 24 с.
- Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М.: Рус. язык, 1982. 126 с.
- Франк В. Воля к смыслу / Пер. с англ. М.: Апрель-Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2000. 368 с.
- Фрейденоберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.
- Фридман Ж.И. Психологически реальное значение слова как феномен языкового сознания: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 23 с.
- Фролова Ю.Б. Этнокультурная специфика объявлений о знакомстве // Межрегиональные научные чтения, посвященные памяти профессора Р.К. Миньяр-Белоручева, г. Волгоград, 16 января 2006 г.: Сб. статей. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. С. 361–364.
- Хабибрахманова Ю.Р. Категория тональности в жанре очерка // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т. 14. Екатеринбург: УрГПУ, 2004. С. 179–185.
- Халипов В.Ф. Власть: Кратологический словарь. М.: Республика, 1997. 431 с.
- Ханский А.О. Коммуникативные стратегии вербального утешения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2002. 18 с.
- Харламова Л.А. Матричный принцип формулы 'faith, hope, charity — 'вера, надежда, любовь' и составляющих ее концептов (на материале английского языка и культуры): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006. 21 с.
- Хачатурова Н.Ю. Лингвориторические параметры российского эзотерического дискурса рубежа XX–XXI вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Сочи, 2004. 19 с.
- Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. 464 с.
- Хизова М.А. Концепт «дружба» в русской и английской лингвокультурах (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 20 с.
- Хорошко Е.Ю. Репрезентация концепта «память» в жанре русского романа // Культура общения и ее формирование. Вып. 13. Воронеж: Истоки, 2004. С. 10–17.
- Хохлова Н.В. Способы и средства реализации коммуникативной категории угрозы в русском и английском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 20 с.
- Хромова Т.А. Актуализация концепта TRUTH в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2002. 21 с.
- Царикевич Н.В. Социопрагматика текста брачного рекламного объявления (сравнительно-сопоставительный анализ русских и немецких текстов брачных рекламных объявлений): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2007. 17 с.
- Цегельник И.Е. Цветовая картина мира Иосифа Бродского: когнитивно-функциональный подход: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 22 с.
- Церенова Ж.Н. Концепт «кочевье» в калмыцкой, русской и американской лингвокультурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 23 с.
- Цзоу Сюецян. Особенности концепта «чай» в русской и китайской культурах // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика / Науч. ред. И.П. Лысакова. Вып. VIII. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2006. С. 133–136.

- Цивьян Т.В.* Человек и его судьба — приговор в модели мира // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. С. 122–129.
- Цицерон.* Оратор // *Цицерон.* Три трактата об ораторском искусстве. М.: Наука, 1972. С. 253–384.
- Чайковская Н.Ю.* Концепт «волеизъявление»: образные характеристики // Аксиологическая лингвистика: проблемы лингвоконцептологии, семантики и стилистики: Сб. науч. тр. / Под ред. Н.А. Красавского. Волгоград: Колледж, 2006. С. 56–59.
- Чалбышева А.В.* Прагмалингвистический аспект речевых жанров научного стиля (на материале немецких и русских текстов подязыка физики): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2006. 15 с.
- Чаплыгина Ю.С.* Юмористические креолизованные тексты: структура, семантика, прагматика (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2002. 24 с.
- Червотюк И.С.* Власть как коммуникативная категория: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 24 с.
- Черкасова И.С.* Специфика реализации коммуникативной стратегии самопрезентации личности в электронных объявлениях о знакомстве // Аксиологическая лингвистика: проблемы лингвоконцептологии, семантики и стилистики: Сб. науч. тр. / Под ред. Н.А. Красавского. Волгоград: Колледж, 2006. С. 59–66.
- Черкасова Л.П.* Слово *трава* в поэтической речи А. Тарковского // Вопросы стилистики. Вып. 24. Текст и его компоненты. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1992. С. 58–63.
- Чернова О.Е.* Концепт «труд» как объект идеологизации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 20 с.
- Чернухина И.Я.* Восприятие поэтического текста на примере восприятия тропа // Вопросы стилистики. Вып. 24. Текст и его компоненты. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1992. С. 26–38.
- Чернышова Е.Б.* Коммуникативное поведение дошкольника (психолингвистическое исследование): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2001. 18 с.
- Чернышова Т.В.* Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2005. 36 с.
- Чернявская В.Е.* Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: Сб. науч. ст. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. С. 11–22.
- Черняк В.Д.* Наброски к портрету маргинальной языковой личности. Русский текст. Российско-американский журнал по русской филологии. № 2. СПб., 1994. С. 115–130.
- Чесноков И.И.* Концепт «месть» в лингвокультурном аспекте // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Серия «Филологические науки». 2006. № 3 (16). С. 7–14.
- Четыркина И.В.* Перформативность как конститутивный признак культуры: этническая и историческая перспектива: Монография / Под ред. С.А. Мегентесова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2005. 223 с.
- Чечина О.А.* Образ двери в художественном дискурсе Серебряного века // Текст – дискурс – картина мира: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1. Воронеж: Истоки, 2005. С. 47–51.
- Чигридова Н.Ю.* Речевое поведение коммуниканта в жанре деловых эпистолярных (на материале немецкого языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 24 с.
- Чиркова О.А.* Поэтика современного народного анекдота: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 20 с.
- Чубур Т.А.* Объективация концепта ОТДЫХ в русском языке // Язык и национальное сознание: Вып. 6. Воронеж: Истоки, 2004. С. 20–22.

- Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.
- Чудинов А.П. Политический нарратив и политический дискурс // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т. 8. Екатеринбург: УрГПУ, 2002. С. 69–77.
- Чунахова Л.В. Особенности речевого поведения художников второй половины XIX века (на материале английского и русского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2006. 17 с.
- Шамне Н.Л. Актуальные проблемы межкультурной коммуникации: Учеб. пособие. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1999. 208 с.
- Шамьенова Г.Р. Принцип вежливости как особая коммуникативно-прагматическая категория в русском речевом общении: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2000. 22 с.
- Шаова О.А. Россия и Франция: национальные стереотипы и их метафорическая репрезентация (на материале французских и российских газет): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 22 с.
- Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. 192 с.
- Шаховский В.И. Эмоции во лживой коммуникации // Язык. Сознание. Коммуникация: Сб. статей. Вып. 30. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 133–145.
- Шаховский В.И., Сорокин Ю.А., Томашева И.В. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвозкология). Волгоград: Перемена, 1998. 149 с.
- Шайкова В.Н. Коммуникативно-целевая специфика и особенности модального плана текстов учебно-дидактического характера: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2006. 24 с.
- Шевченко И.С., Морозова Е.И. Дискурс как мыслекоммуникативное образование // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. 2003. № 586. С. 33–38.
- Шевченко О.Н. Языковая личность переводчика (на материале дискурса Б.В. Заходера): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 22 с.
- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 31 с.
- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с.
- Шейгал Е.И. Параметры доверительного общения // Человек в коммуникации: аспекты исследования: Сб. науч. ст. Волгоград: Перемена, 2005. С. 204–220.
- Шемакина А.В. Стратегии персонализации в институциональном дискурсе (на материале английских и русских перформативных высказываний): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 23 с.
- Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. М.: Наука, 1991. Режим доступа: <http://sovnet.geraldika.ru>
- Шибанова Е.А. Концептуальное пространство брачных объявлений (на материале русского и французского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 24 с.
- Шилихина К.М. Вербальные способы модификации поведения и эмоционально-психологического состояния собеседника в российской и американской коммуникативных культурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1999. 24 с.
- Шилова С.В. Соблюдение и нарушение принципов речевого общения в деловой коммуникации (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1998. 20 с.
- Шиповская А.А. Репрезентация категории «человек» в сетевом жаргоне (на материале английского и русского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2006. 24 с.

- Ширишков В.В.* Лексикографическая и текстовая репрезентация концептов ограниченной ментальной способности человека в русском и английском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005. 25 с.
- Школовая М.С.* Лингвистические и семиотические аспекты конструирования идентичности в электронной коммуникации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2005. 18 с.
- Шмелев А.Д.* Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
- Шмелев А.Д.* Дружба в русской языковой картине мира // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 704–715.
- Шмелева Е.Я.* «Новый русский» как фольклорный персонаж // Русский язык сегодня: Сб. статей. Вып. 2. / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Азбуковник, 2003. С. 565–575.
- Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д.* Русский анекдот: Текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2002. 144 с.
- Шмелева Т.В.* Кодекс речевого поведения // Русский язык за рубежом. 1983. № 1. С. 72–77.
- Шмелева Т.В.* Модель речевого жанра // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 81–89.
- Шмерлина И.* Дружба как духовная и социальная реальность // Социальная реальность. 2006. № 5. С. 29–50.
- Штейнгарт Л.М.* Особенности репрезентации языковой картины мира российских немцев (на материале пословиц и поговорок): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2006. 21 с.
- Щелова Л.В.* Значение этики в эпоху эстетизма // Режим доступа: www.vspu.ru
- Щелова Л.В., Щеглов В.В.* Философский дискурс и проблема русского метафизического языка // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000. С. 177–184.
- Щеголева Ю.А.* Стереотип положительного героя в традиционной культуре и современном массовом сознании // Русские и «русскость»: Лингвокультурологические этюды / сост. В.В. Красных. М.: Гнозис, 2006. С. 179–262.
- Щекотихина И.Н.* Воспроизводимость текста (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 1996. 19 с.
- Щепаньский Я.* Элементарные понятия социологии / Пер. с польск. М.: Прогресс, 1969. 237 с.
- Щепотина Е.В.* Вербализация мифологем CRIME, PUNISHMENT, FREEDOM, JUSTICE, LAW в американской лингвокультуре: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 25 с.
- Щурина Ю.В.* Шутка как речевой жанр: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новгород, 1997. 24 с.
- Юнг К.* Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс, Универс, 1994. 336 с.
- Юшкова Н.А.* Концепт *ревность* в художественной прозе Ф. М. Достоевского: лингвокультурологический анализ: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 18 с.
- Яковенко Е.Б.* *Сердце, душа, дух* в английской и немецкой языковых картинах мира (опыт реконструкции концептов) // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М.: Индрик, 1999. С. 39–51.
- Яковенко Н.Э.* Когнитивно-прагматический подход к пониманию текста (когниотип внешности): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1998. 18 с.
- Яковлева Ф.Н.* Концепт «печаль» в марийской песне // Национальные концептосферы с свете лингвистики и общегуманитарных дисциплин: Материалы III регион. конф. (с междуна-

- родным участием) по проблемам межкультурной коммуникации (Йошкар-Ола, 15 марта 2004 года). Йошкар-Ола: МГПИ, МарГТУ, 2004. С. 111–114.
- Янова О.В. Концепт BELIEF / TRUST / FAITH: структура и репрезентация в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. 21 с.
- Ярмахова Е.А. Коммуникативный типаж «чужака» в английской лингвокультуре // Интенсивное обучение иностранным языкам: проблемы методики и лингвистики. Вып. 2. Волгоград: Перемена, 2004. С. 105–113.
- Ярмаркина Г.М. Просьба // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 214–219.
- Ярмурская И.Ю. Духовное послание в документоведческом и стилистическом освещении: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 24 с.
- Яцко В.А. Рассуждение как тип научной речи. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та, 1998. 182 с.
- Яшина Е.А. Риторико-герменевтические аспекты языка литературной пародии (на материале русских и английских пародийных текстов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2002. 16 с.
- Ballmer T., Brennenstuhl W. Speech Act Classification: A Study in the Lexical Analysis of English Speech Activity Verbs. Berlin: Springer, 1981. 274 p.
- Bernstein B. Social Class, Language and Socialization // Language and Social Context: Selected Readings. P.P. Giglioli (Ed.). Harmondsworth: Penguin, 1979. P. 157–178.
- Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987. 345 p.
- Bucholtz M. Reflexivity and Critique in Discourse Analysis // Critique of Anthropology. 2001. Vol. 21 (2). P. 165–183.
- Dawkins R. Viruses of the mind (1991) // Режим доступа: www.memecentral.com
- Duranti A. Linguistic Anthropology. Peking: Peking Univ. Press, Cambridge Univ. Press, 2002. 398 p.
- Fairclough N. Analysing Discourse. Textual Analysis for Social Research. L.: Routledge, 2003. 270 p.
- Goffman E. Relations in Public: Microstudies of the Public Order. Harmondsworth: Penguin Books, 1972. 460 p.
- Goffman E. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1974. 586 p.
- Goffman E. The Neglected Situation // Language and Social Context: Selected readings. Ed. by P.P. Giglioli. Harmondsworth: Penguin, 1979. P. 61–66.
- Goffman E. Forms of Talk. Oxford: Blackwell, 1981. 335 p.
- Gogolitsyna N. The Russian intelligentsia // Rusistika. Spring 2002. N 25. P. 14–22.
- Grice H. Logic and Conversation // Syntax and Semantics 3. Speech Acts. N. Y.: Academic Press, 1975. P. 41–58.
- Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 1. Reason and the Rationalization of Society. L.: Heinemann, 1984. 465 p.
- Hare A.P. Social Interaction as Drama: Applications from Conflict Resolution. Beverly Hills: Sage, 1985. 183 p.
- Hare A.P., Blumberg H.H. Dramaturgical Analysis of Social Interaction. New York: Praeger, 1988. 177 p.
- Hirsch ED., Jr. Cultural Literacy. What Every American Needs to Know. New York: Vintage Books, 1988. 252 p.
- Hymes D. Foundations in Sociolinguistics. An Ethnographic Approach. London: Tavistock, 1977. 248 p.

- Hymes D. Discourse: Scope Without Depth // *International Journal of the Sociology of Language* 57. 1986. P. 49–89.
- Keenan E.L. Two Kinds of Presupposition in Natural Language // *Studies in Linguistic Semantics*. C.J. Fillmore, T. Langendoen (Eds.). New York: Holt, Rinehart and Winston, 1971. P. 44–52.
- Klapp O.E. The Fool as a Social Type // *American Journal of Sociology* 55. 1949. P. 157–162.
- Kochman T. The Politics of Politeness: Social Warrants in Mainstream American Public Etiquette // *Meaning, Form, and Use in Context: Linguistic Applications*. Ed. by D. Schiffrin. Washington, DC: Georgetown Univ. Press, 1984. P. 200–209.
- Kramarae C., Schulz M., O'Barr W.M. Introduction: Toward an Understanding of Language and Power // *Language and Power*. C. Kramarae et al. (Eds.). Beverly Hills: Sage, 1984. P. 9–22.
- Lakoff R.T. Psychoanalytic Discourse and Ordinary Conversation // *Variation in the Form and Use of Language: a Sociolinguistic Reader*. Washington: Georgetown Univ. Press, 1983. P. 305–323.
- Leech G.N. *Principles of Pragmatics*. London: Longman, 1983. 250 p.
- Lemke J.L. *Texts and Discourses in the Technologies of Social Organization // Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity*. L., 2003.
- Slembrouck S. What is meant by discourse analysis? (2002) // Режим доступа: <http://banc.rug.ac.be/da>
- Trappes-Lomax H. Discourse Analysis // *The Handbook of Applied Linguistics*. A. Davies, C. Elder (Eds.). Malden, Oxford: Blackwell, 2004. P. 133–164.
- Triandis H.C. *Culture and social behavior*. New York, 1994.

Словари и справочники

- Большой толковый словарь русского языка. — СПб.: Норинт, 1998. [БТС].
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М.: Терра, 1994. [СД].
- Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь [Collins]. Т. 2. М., 1999.
- Русский ассоциативный словарь: В 2-х т. М.: АСТ; Астрель, 2002. [PAC].
- Ребер А. Большой толковый психологический словарь [Penguin]. Т. 2. М., 2000.
- Словарь синонимов русского языка: В 2-х т. / ИЛИ РАН; Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Астрель; АСТ, 2001. [ССРЯ].
- Словарь структурных слов русского языка. М.: Лазурь, 1997.
- Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.В. Дмитриева. М.: Астрель; АСТ, 2003 [ТСРЯ].
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. М.: Прогресс, 1986.
- Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1983.
- Философский энциклопедический словарь. М.: Инфра-М, 1998.
- Химик В.В. Большой словарь русской разговорной речи. СПб.: Норинт, 2004. 768 с.
- Apperson G.L. *The Wordsworth Dictionary of Proverbs*. Ware: Wordsworth, 1993. 721 p.
- Cambridge International Dictionary of English. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995. 1775 p. [CIDE].
- Collins COBUILD English Language Dictionary. London: Collins, 1990. 1703 p. [COBUILD].
- The Concise Oxford Dictionary of Current English. 6th Ed. Oxford: Oxford Univ. Press, 1976. 1368 p. [COD].
- The Concise Oxford Dictionary of Current English. 9th Edition. 1995. On CD-ROM. [COD - CDROM]
- Cohen J.M., Cohen M.J. *A Dictionary of Modern Quotations*. Harmondsworth: Penguin, 1975. 366 p.

Encyclopedia Britannica. Electronic Version. 1997.

Fergusson R. The Penguin Dictionary of Proverbs. London: Penguin, 1988. 331 p.

Hendrickson R. The Wordsworth Book of Literary Anecdotes. London: Wordsworth, 1997. 328 p.

Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow and London, 1978. 1303 p. [LDCE].

Longman Dictionary of English Language and Culture. Harlow: Longman, 1993. 1528 p. [LDELCL].

Oxford Advanced Learner's English Encyclopedic Dictionary. [OALD].

Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. A.S. Hornby with A.P. Cowie, A.C. Gimson. Oxford Univ. Press, 1980. 1037 p. [OALD].

The Oxford Dictionary of Modern Quotations. Ed. by Tony Augarde. Oxford Univ. Press, 1992. 530 p.

Rees N. The Bloomsbury Dictionary of Phrase and Allusion. London: Bloomsbury, 1993. 358 p.

Ridout R., Witting C. English Proverbs Explained. London: Pan Books, 1969. 223 p.

Roget's Thesaurus of English Words and Phrases. Ed. by R.A. Dutch. Harmondsworth: Penguin, 1979. 712 p.

Sherrin N. Dictionary of Humorous Quotations. Oxford, 1996.

Shorter Oxford English Dictionary. 5th Ed. (CD-ROM Version 2.0). 2002. [SOED].

Simpson J. The Concise Oxford Dictionary of Proverbs. Oxford: Oxford Univ. Press, 1985. 256 p.

Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. New York: Portland House, 1989. 2078 p. [WEUD].

Webster's New Dictionary of Synonyms. Springfield, Mass.: Merriam, 1978. 909 p. [WNDS].

Webster's New World Thesaurus. Prepared by C.G. Laird. N. Y.: Meridian, 1971. 678 p. [WNWThes].

The Wordsworth Dictionary of Phrase and Fable. London: Wordsworth, 1993. 1175 p.

Научное издание

Владимир Ильич Карасик

ЯЗЫКОВЫЕ КЛЮЧИ

ООО «ИТДГК “Гнозис”»

Бумага офсетная № 1. Формат 70 x 90/16.
Гарнитура «Times». Печать офсетная. Усл. печ. л. 29,835.
Тираж 2000 экз. Заказ № 2124.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Марийский полиграфическо-издательский комбинат»
424002, г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112
Тел.: (8362) 45-11-93